This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

lav 176 2

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

Digitized by Google

ВѢСТНИКЪ

ВСЕМІРНОЙ ИСТОРІИ

Ежемѣсячный журналъ

НОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ и ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

ФЕВРАЛЬ

№ 2.

Третій годъ изданія

Тип. Исидора Гольдберга, Спб.

С.-Петербургъ.
1902

Digitized by Google

P Slav 176.23 [1902, no. 2]

HARVARD
UNIVERSITY
LIBRARY
AUG 1 1962
MRHP

Digitized by Google

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

I. Историко-этическое направленіе въ политической экономіи. *П. Берлина.* 1

II. Великій юмористъ и подвижникъ (по случаю 50-лѣтія со дня кончины Н. В. Гоголя). *Н. М. Нова* 20

III. Злая роса. Повѣсть *А. Вербицкой* (продолженіе) . . . 39

IV. Оригинальный курортъ.—Очеркъ провинціальныхъ нравовъ *В. Никитина* 56

V. Борьба партій во Франціи за президентство Греви.—Очеркъ *Инсарова* 66

VI. Воспоминанія украинскаго писателя объ И. С. Тургеневѣ. Сообщ. *С. Сухонинъ* 85

VII. Викторъ Гюго (къ столѣтней годовщинѣ его рожденія) Очеркъ *В. Слѣпча* 101

VIII. Маленькіе разсказы. I. Поѣздка. II. Сочувствіе. *В. Дарина* 122

IX. Женское образованіе въ Россіи. Очеркъ *В. Матвѣева* . 129

X. Каторжникъ. (Изъ зап. рус богемы). Очеркъ *Н. Попова.* 164

XI. Письма изъ-за границы. Письмо второе. — III. Парижъ. IV. Пушкинскій музей въ Парижѣ. V. Парижскіе наброски. VI. Начало карнавала. VII. Дорога въ Ниццу. Письмо третье. VIII. Театры. IX. Кафе-концерты. X. Cabarets: 1. Латинскій кварталъ. 2. Монмартръ. XI Ночь на Рождество. XII. Трущобы Парижа. *С. Сухонина.* . 174

XII. Бѣлый терроръ. Раз. изъ врем. реставраціи. *А. Смирновой.* 209

XIII. Странички прошлаго.—Нѣсколько словъ о государственныхъ крестьянахъ. *В. Н.*—Изъ жизни византійскаго императора Михаила III. 236

XIV. Литературная лѣтопись: — I. Русскіе журналы.—Французскій критикъ, наряжающій символизмъ въ мундиръ реализма.—Около одного вопроса 237

II. Изъ иностранней жизни и литературы.—Холлъ Кэнъ.—Новая трагедія Габріеля д'Аннунціо.—Новый германскій журналъ.—Китайская періодическая печать.—Современная турецкая литература.—Колыбель человѣчества.—Архивы Ватикана.—Находка древней рукописи о халдейской магіи.—Психологія страха.—Турокъ о французской политикѣ на Востокѣ 255

III. Новыя книги:—*А. Вербицкая.* Преступленіе Марьи Ивановны и другіе разсказы.—*А. Вербицкая.* Освободилась. Романъ. — Сборникъ консульскихъ донесеній.—*Olivier Seylor.* Les Maritimes. — *С. Князьковъ.* Царь Іоаннъ Грозный и его время.—*С. Князьковъ.* Какъ сложилось и какъ пало крѣпостное право. — *Тардъ.* Соціальная логика.—*А. Лященко.* Пасторъ Муральтъ и первые годы реформатскаго училища. — *И. Бунинъ.* Листопадъ. Стихотворенія 274

Приложенія.

Библіотека избранныхъ сочиненій по исторіи народовъ:

1) Исторія Китая. Проф. *Роберта К. Дугласа.*

Сборникъ иностранныхъ истор. романовъ:

Анджела Борджіа. *Конрада Ф. Мейера.*

Дозв. цензуры. Спб. 26 Февраля 1902 г.

Digitized by Google

Историко-этическое направленіе въ политической экономіи.

„Какъ маякъ, который изъ нѣсколькихъ, а не изъ одной неподвижной точки испускаетъ лучи хорошо извѣстнаго свѣта, причинилъ бы кораблю, вмѣсто спасенія, погибель, такъ и политику грозитъ серьезная опасность отъ идеала, который на подобіе блуждающаго огонька лишенъ спокойствія и постоянства свѣтильника, указывающаго путь. А именно такими кажутся мнѣ идеалы историко-этической и соціально-христіанской школы, какъ руководящія нити соціальной политики".

В. Зомбартъ.

Классъ крупной буржуазіи, выдвинутый въ концѣ восемнадцатаго вѣка на аванъ-сцену исторической жизни всѣмъ ходомъ общественнаго развитія, призванный уничтожить всѣ обломки прошлаго, тормазившіе развитіе живаго, склоненъ былъ видѣть въ своемъ классовомъ идеалѣ общечеловѣческій идеалъ правды и справедливости. Свои желанія онъ выставлялъ не какъ требованіе опредѣленнаго класса, а какъ декларацію правъ человѣка, свои классовые интересы онъ считалъ вытекающими отъ сущности человѣческой природы. За нимъ стояли растущія силы общественнаго развитія, еще не успѣвшія добиться соотвѣтствующихъ юридическихъ и политическихъ формъ, его со всѣхъ сторонъ тѣснили идеологическія формы, утратившія свое былое реальное содержаніе. Считая свой идеалъ стремленіемъ человѣческой „натуры", а препятствія къ его реализаціи—людскими заблужденіями, этотъ классъ въ лицѣ его экономистовъ идеологовъ обнаружилъ склонность къ *натурализму*—черта, присущая всякому новому общественному классу, которому принадлежитъ ближайшая будущность и который принужденъ бороться съ идеологическими формами настоящаго—и былъ глубоко убѣжденъ, что все зло проистекаетъ отъ вмѣшательства людей въ „естественный ходъ вещей", что стоитъ только все предоставить этому

Digitized by Google

естественному ходу и все пойдетъ къ лучшему въ этомъ лучшемъ изъ міровъ. Этотъ психологическій самообманъ переживала англійская буржуазія и ея теоретическое выраженіе—англійская политическая экономія конца XVIII и начала XIX вѣка. Могучее развитіе производительныхъ силъ, „естественный ходъ вещей", на каждомъ шагу тормазилось формами вмѣшательства людей—юридическими и политическими нормами. За эти нормы крѣпко держались тѣ слои населенія, которые видѣли въ нихъ суррогаты своего былого и теперь падающаго экономическаго могущества.

Отсюда казалось, что все зло заключается въ людскомъ вмѣшательствѣ въ „естественный ходъ вещей", въ попыткахъ людей нарушить законы „природы".

Этимъ обусловился объективизмъ классической политической экономіи—наивно, но вполнѣ искренно считая буржуазную организацію производительныхъ силъ непреоборимымъ закономъ человѣческой природы, классики-экономисты не нуждались въ подкрашиваніи и искаженіи капиталистической дѣйствительности. Классики-экономисты называли вещи ихъ настоящими именами, они открыто признавали и показывали, что въ капиталистическомъ хозяйствѣ рабочая сила является товаромъ, Рикардо прямо указывалъ на неизбѣжный антагонизмъ между интересами труда и капитала. Полное отсутствіе эволюціонной точки зрѣнія, наивный общественный натурализмъ и, главное, отсутствіе организованной борьбы четвертаго сословія съ капиталистическою эксплоатаціей производительныхъ силъ настраивали классиковъ-экономистовъ на оптимистическій тонъ, возбуждали у нихъ увѣренность, что капиталистическое хозяйство будетъ существовать нынѣ, присно и во вѣки вѣковъ.

Буржуазія добилась нужныхъ ей формъ политической и юридической жизни, она съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ стерла съ лица земли капиталистической всѣ формы, тормазившія живое развитіе производительныхъ силъ и служившія идеологическимъ переживаніемъ отжившаго экономическаго содержанія.

Историческая миссія классическихъ экономистовъ, миссія акушеровъ мукъ родовъ развитаго капиталистическаго хозяйства, была сыграна. Послѣ Давида Рикардо—великаго писателя земли капиталистической—уже не появлялось крупныхъ представителей классической, „англійской", политической экономіи. Во всѣхъ странахъ поднимается и крѣпнетъ реакція противъ классической школы, противъ ея абстрактности, противъ ея „жестокости", противъ ея „лавочническаго" идеала.

Уничтоженіе юридическихъ препятствій капиталистическому развитію далеко не поселило въ человѣцахъ благоволеніе и миръ. Напротивъ, выяснилось, что до сихъ поръ дѣло шло о декларацiи правъ капиталиста, а не человѣка вообще, что та или иная организація производительныхъ

Digitized by Google

силъ есть дѣло рукъ человѣческихъ и, какъ нѣкогда капитализмъ смѣнило натуральное и ремесленное производство, также точно уступитъ онъ въ будущемъ свое мѣсто иному общественному строю.

Распространеніе сознанія послѣдней истины и организованная борьба за ея осуществленіе внесли тревогу и сомнѣніе въ душу буржуазіи. Уже нечего было и думать твердить о капиталистическомъ строѣ, какъ объ „ordre naturel et essentiel des sociétés policées" и цинично раскрывать секреты капиталистическаго хозяйства, необходимо было перейти отъ изображенія буржуазнаго строя къ его восхваленію, необходимо было сплести цѣлые ковры изъ фиговыхъ листковъ, необходимо было отъ научныхъ задачъ перейти къ апологетическимъ и доказать, что капиталистическое хозяйство, не то чтобы необходимо, но оно наисовершеннѣйшее. Начались безконечныя попытки доказать, что вѣдь въ сущности капиталистъ тоже работникъ, а работникъ вѣдь тоже капиталистъ, что антагонизма между ними никакого нѣтъ. И капиталистъ участвуетъ въ созданіи цѣнностей тѣмъ, что онъ „воздерживается отъ потребленія" или оказываетъ рабочимъ „услугу", покупая его трудъ.

Ходъ соціальнаго развитія и прогрессъ научнаго понимания неуклонно вели къ распространенію эволюціоннаго міросозерцанія и устраненію такимъ образомъ коренной ошибки классиковъ-экономистовъ, ошибки, заставлявшей ихъ изображать голыхъ дикарей заправскими лондонскими капиталистами и не видѣть въ будущемъ возможности новой формы общественнаго производства.

На этой исторической почвѣ и зародилась въ Германіи въ сороковыхъ годахъ девятнадцатаго столѣтія „историческая школа нѣмецкихъ экономистовъ" [1]).

Основоположниками исторической школы явились въ Германіи Рошеръ, Гильдебрандтъ и Книсъ.

Въ 1843 году выходитъ сочиненіе Рошера „Grundriss zu Vorlesungen über die Staatswissenschaft nach geschichtlicher Methode", въ которомъ авторъ объявляетъ себя сторонникомъ „историческаго метода", который призванъ сдѣлать „для государственныхъ наукъ то же самое, что сдѣлалъ методъ Савиньи-Эйхгорна для юриспруденціи". У Рошера историческій методъ еще не требуетъ набрасыванія этической вуали на капиталистическое хозяйство, почувствовавшее стыдъ являться міру во всей своей наготѣ. Рошеръ ставитъ экономисту за-

---

[1]) Объ исторической школѣ см. на русскомъ языкѣ: *К. Менгеръ*. Изслѣдованіе о методахъ соціальныхъ наукъ и политической экономіи въ особенности. Спб. 1894; *Иванюковъ*. Основныя положенія теоріи экономической политики съ Ад. Смита до настоящаго времени. Спб. 1880; Анненскій Н. Очерки новыхъ направленій въ экономической наукѣ „Дѣло" 1882, №№ 4, 8, 10, 12; Свитловскій 2-ой, Луи Брентано. М. 1896; С. Булгаковъ. Классическая школа и историко-этическое направленіе. „Новое Слово" 1897, кн. I-ая; *В. Зомбартъ*. Идеалы соціальной политики. Спб. 1900.

Digitized by Google

дачу просто описывать, „спокойно зря на правыхъ и виновныхъ". По его опредѣленію, задача экономиста заключается въ томъ, чтобы „дать, во-первыхъ, простое описаніе экономической природы и экономическихъ потребностей людей, описать затѣмъ законы и учрежденія, существующія для удовлетворенія этихъ потребностей, и, наконецъ, выяснить большій или меньшій успѣхъ этихъ законовъ и учрежденій. Историческая школа отказывается отъ научнаго изслѣдованія вопроса: „что должно быть?" [1]).

Гильдебрандтъ въ своемъ вышедшемъ въ 1848 г. сочиненіи „Die Nationalökonomie der Gegenwart und Zukunft" преслѣдуетъ цѣль „проложить въ области политической экономіи дорогу основательному историческому направленію и методу и превратить эту науку въ ученіе о законахъ экономическаго развитія народовъ".

Наконецъ, самый замѣчательный изъ родоначальниковъ исторической школы въ политической экономіи, Карлъ Книсъ, такъ опредѣляетъ задачи историческаго метода въ своей книгѣ „Die politische Oekonomie von Standpanate der geschichtlichen Methode" (1853):

„Историческій методъ занимаетъ совершенно особую позицію къ догмѣ неизмѣннаго эгоизма... Воля человѣка на самомъ дѣлѣ управляется безчисленными зачастую другъ другу противорѣчащими мотивами; въ силу этого, уже заранѣе исключается возможность строгой закономѣрности въ человѣческихъ поступкахъ. И лишь тогда, когда мы станемъ разсматривать хозяйствующаго субъекта, какъ всегда руководимаго однимъ и тѣмъ же мотивомъ, напр., эгоизмомъ, будетъ исключенъ моментъ произвола и всякій поступокъ выступитъ строго детермированнымъ. И только при вышеназванныхъ условіяхъ возможно говорить о законахъ народнаго хозяйства и политической экономіи въ смыслѣ строгой науки".

Книсъ не выдерживаетъ опредѣленной точки зрѣнія, для него историческій методъ въ политической экономіи сводится то къ изложенію политико-экономическихъ условій въ связи съ хозяйственными явленіями, то къ философскому обобщенію экономической исторіи, провозглашающему относительность всѣхъ теорій.

„Въ противоположность абсолютизму теоріи, историческое воззрѣніе въ области политической экономіи исходитъ изъ положенія, что хозяйственное положеніе данной эпохи, а также и теорія политической экономіи есть результатъ историческаго развитія, что они находятся въ живой связи со всѣмъ организмомъ человѣческаго общежитія, что они выростаютъ изъ условій времени, пространства, національности и въ своемъ развитіи этими условіями опредѣляются... Общіе законы теоретической части политической экономіи мы разсматри-

[1]) Roscher. Grundlagen der Nationalökonomie. 2 изд. Stuttgart, 1892, Ss. 52, 59.

Digitized by Google

ваемъ какъ лишь историческое истолкованіе не постепенно проявленіе истины, мы видимъ въ нихъ только обобщеніе тѣхъ истинъ, до которыхъ дошли на данной ступени историческаго развитія, и не по своей общей суммѣ, ни по своему содержанію эти законы не являются абсолютно законченными" [1]).

Какъ мы видимъ, родоначальники современной исторической школы сначала ставили себѣ задачей только борьбу съ абсолютизмомъ „англійской" политической экономіи, которая, дѣйствительно, страдала отсутствіемъ исторической точки зрѣнія и игнорированіемъ обстоятельствъ времени и мѣста.

Родоначальники исторической школы считали, что не дѣло науки вмѣшиваться въ базаръ житейской суеты, что наука должна держаться „вдали отъ суетнаго свѣта" и безстрастно описывать. „Историзмъ, говоритъ Бюхеръ, по всему своему характеру относится пассивно къ экономической политикѣ. Отношеніе государства къ экономической жизни для него лишь предметъ наблюденія" [2]).

Въ сороковыхъ годахъ девятнадцатаго вѣка въ Германіи еще не было на-лицо реальныхъ экономическихъ условій, которыя бы заставили буржуазныхъ экономистовъ проповѣдывать, подъ вліяніемъ „западно-европейскихъ" событій и теорій, историческій методъ не только для теоріи политической экономіи, но и для экономической политики и прибѣгать къ проповѣди этическаго начала, какъ средства успокоенія совѣсти буржуазныхъ классовъ и требованій четвертаго сословія.

Если не считать недолговѣчныхъ попытокъ 1848 г. въ Германіи, вплоть до начала шестидесятыхъ годовъ не было организованнаго рабочаго движенія. Въ 1862 г. подъ предводительствомъ Лассаля основывается самостоятельная рабочая партія, въ 1864 году начинается дѣятельность интернаціональной маркентской партіи, которая быстро перерастаетъ по своему вліянію и числу приверженцевъ Лассальевскую партію и въ 1875 г. на конгрессѣ въ Гаттѣ обѣ партіи сливаются въ одну.

Развитіе капитализма въ Германіи, быстро убивавшее формы натуральнаго и ремесленнаго хозяйства, все усложняющійся темпъ этого развитія, влекущій за собой быстрое паденіе патріархальныхъ нравовъ, обычаевъ, взглядовъ и отношеній въ связи съ шагъ за шагомъ слѣдовавшимъ за нимъ ростомъ рабочаго движенія, радикально перемѣнилъ настроеніе правительственныхъ и правящихъ круговъ Германіи. Понемногу исчезала надежда покончить съ этимъ вопросомъ механической силой, оставалась, для всѣхъ не ослѣпленныхъ, единственная надежда—путь соціальныхъ реформъ и этизированія „ненормальныхъ" экономическихъ отношеній.

Настроеніе командующихъ классовъ какъ нельзя болѣе было подготовлено для воспріятія проповѣди этической политической экономіи и необходимости постепенныхъ соціальныхъ

[1]) Knies. Politische Oekonomie nach geschichtlicher Methode. 1853, S. 19.
[2]) Bücher. Enstehung der Volkswirtschaft, Tübingen. 1893, S. 6.

Digitized by Google

реформъ. И понятенъ поэтому быстрый и широкій успѣхъ молодого тогда ученаго Густава Шмоллера, сумѣвшаго въ 1872 г. въ своемъ извѣстномъ памфлетѣ ясно и членораздѣльно выразить то, что смутно чувствовалось очень многими и давно уже искало словеснаго выраженія.

По иниціативѣ Шмоллера и другихъ молодыхъ ученыхъ, проникнутыхъ рѣзкою враждою съ старой манчестерской доктринѣ laissez faire, laissez passer былъ созванъ въ 1872 году въ Эйзенахѣ конгрессъ и положено начало „Обществу соціальной политики" („Verein für Socialpolitik").

Новые представители исторической школы не внесли ничего новаго въ теорію политической экономіи, они скромно ограничились задачей лишь собирать матеріалъ и писать многотомныя фактическія изслѣдованія. Они заранѣе отказывались установить абстрактные законы политической экономіи, отрицая самое ихъ существованіе, и продолжали рѣзкія и несправедливыя нападки на „старую", „англійскую" политическую экономію.

„Въ то время, какъ старая доктрина, говоритъ Шмоллеръ, считала что одинъ и тотъ же родъ товара на одномъ и томъ же рынкѣ можетъ имѣть только одну опредѣленную цѣну, мы находимъ въ дѣйствительности, что одна половина покупателей сознательно покупаетъ въ лавкахъ, гдѣ товары продаются по болѣе дорогой цѣнѣ, чѣмъ въ другихъ. Но эти послѣднія находятся въ рукахъ евреевъ, а наши покупатели слѣдуютъ извѣстному антисемитическому завѣту. На этомъ примѣрѣ мы видимъ, что на сцену хозяйственной жизни въ качествѣ факторовъ выступаетъ „національный" человѣкъ и нравы, „естественные законы" космополитическихъ теорій, „рыночный человѣкъ" съ его „эгоизмомъ" исчезаютъ. Такимъ образомъ, эгоизмъ не представляетъ неизмѣнной величины, неизмѣнной силы".

Эти теоріи нѣмецкихъ экономистовъ были отголоскомъ давно начавшаго протеста противъ „космополитизма" „жестокости" и „абстрактности" старой доктрины. Какъ только въ Германіи создались вышеназванныя реальныя экономическія условія для воспріятія этого протеста, такъ начали быстро распространяться идеи историко-этическаго направленія, достигшаго къ концу девяностыхъ годовъ почти безраздѣльнаго господства въ оффиціальной наукѣ и лишь въ самые послѣдніе годы встрѣтившаго протестъ изъ среды оффиціальныхъ экономистовъ.

Мы видѣли, что этико-историческая политическая экономія зародилась какъ реакція противъ быстраго хода соціальнаго развитія, что она старалась затормазить это развитіе. Ея эволюціонизмъ выродился въ пошлое „постепенство" безъ руководящаго идеала въ будущемъ, ея соціальныя реформы носили сначала характеръ тришкинскаго штопанія, они непрочь были реставрировать многіе институты „добраго" стараго времени. Этическая политическая экономія въ значительной долѣ

Digitized by Google

была и реакціонной политической экономіей. Это съ присущимъ ему блескомъ и глубиною доказалъ представитель оффиціальной политической экономіи—Вернеръ Зомбартъ.

Онъ справедливо замѣчаетъ, что „капитализмъ создаетъ почти одновременно рабочее движеніе и „этическую" политическую экономію... Но въ то время, какъ рабочее движеніе выступаетъ прогрессивной силой, т. е. не стремится къ уничтоженію ни одного современнаго завоеванія высшихъ формъ экономической жизни историческая миссія „этической" политической экономіи состоитъ въ „задерживаніи" [1]).

Почти всѣ этическіе экономисты являются по своимъ философскимъ воззрѣніямъ, поскольку у нихъ таковыя вообще имѣются, позитивистами; они поэтому отрицаютъ существованіе какихъ бы то ни было абсолютныхъ этическихъ началъ. Но въ такомъ случаѣ *какой* этическій идеалъ долженъ господствовать въ экономической жизни, почему этическій идеалъ, выросшій при патріархальныхъ экономическихъ условіяхъ, лучше экономическаго идеала, выросшаго на условіяхъ капиталистическаго хозяйства, гдѣ та высшая инстанція, которая даетъ оцѣнку различнымъ этическимъ идеаламъ въ области политической экономіи? Этими вопросами историко-этическая и не задается и, цѣликомъ стоя на этическомъ идеалѣ, соотвѣтствующемъ неразвитому капиталическому хозяйству, она наивно объявляетъ свой идеалъ идеаломъ всякаго способа производства. Она обращается къ государству съ требованіемъ во имя этики обуздать безпокойную экономику, она фиговымъ листкомъ этики прикрываетъ свои реальныя экономическія нужды.

Эта связь этики съ реакціей, безчисленные образцы своеобразной „этики" этическихъ экономистовъ бросаются въ глаза на каждой страницѣ исторіи этой нѣмецкой школы экономистовъ.

Экономисты исторической школы во время борьбы правительства съ привиллегіями крупныхъ землевладѣльцевъ всегда открыто становились на сторону послѣднихъ и настаивали на необходимости бережно и любовно относиться къ завѣщаннымъ исторіей правамъ и учрежденіямъ. Историческій „методъ" сдѣлался въ ихъ рукахъ орудіемъ для оправданія всякихъ мерзостей текущей минуты ссылкою на историческую необходимость и историческіе прецеденты.

Часть историческихъ экономистовъ высказалась всецѣло за сохраненіе цеховъ, другая же часть соглашалась на отмѣну цеховой организаціи, но лишь при томъ условіи, чтобы отмѣнялась только по мѣрѣ того, какъ она оказывалась „препятствіемъ", причемъ правительству рекомендовалась крайняя постепенность и осторожность.

Охраняя „завѣщанныя исторіей" учрежденія, экономисты исторической школы защищали всѣ формы ремесленнаго быта,

---

[1]) В. Зомбартъ. Идеалы соціальной политики. Спб. 1900, стр. 49.

Digitized by Google

требовали организаціи союзовъ ремесленниковъ, но зато враждебно относились къ разрѣшенію свободы союзовъ для рабочихъ, ссылаясь на то, что „составъ ихъ не гарантируетъ руководящей роли интеллигентнаго элемента".

Еще въ 1890 г. на собраніи „Общества соціальной политики" Густавъ Шмоллеръ, котораго покойный король Штуммъ считалъ вреднѣйшимъ соціалистомъ, высказался противъ предложенія Брентано добиваться разрѣшенія свободы профессіональныхъ союзовъ. По обыкновенію экономистовъ этой школы, онъ не отвергалъ этого предложенія цѣликомъ, а лишь указывалъ на необходимость поступить осторожно и главное постепенно. Онъ былъ противъ законодательнаго разрѣшенія свободы профессіональныхъ союзовъ вообще, совѣтуя разрѣшать ихъ лишь отъ „случая къ случаю" („von Fall zu Fall"), ставя при этомъ имъ опредѣленныя условія. Соціалдемократическіе профессіональные союзы не должны быть совсѣмъ разрѣшаемы.

Когда Бисмаркъ подготовлялъ знаменитое страхованіе рабочихъ, Шмоллеръ высказался за то, чтобы проведеніе этого страхованія въ жизнь было отсрочено, зато, когда Бисмаркъ потребовалъ сильное расширеніе косвенныхъ налоговъ и введенія исключительныхъ законовъ противъ соціалъ-демократіи, Шмоллеръ сталъ на его сторону, даже безъ обычныхъ фразъ и оговорокъ [1]).

Блестящая критика Зомбарта вызвала негодованіе со стороны „этическихъ" экономистовъ, и вопросъ объ этической политической экономіи поставленъ на очередь для экономической науки.

Извѣстный мюнхенскій проф. Георгъ Майръ выпустилъ чрезвычайно любопытную для этической школы книжку „Обязанность въ экономической жизни" [2]). Авторъ слѣдующимъ образомъ доказываетъ необходимость этической точки зрѣнія:

Богатое развитіе экономическихъ отношеній и силъ сосредоточиваетъ на себѣ всѣ помыслы и все желаніе, въ результатѣ „поверхностному наблюдателю кажется, что вся дѣятельность человѣка сводится къ экономическимъ интересамъ. Это одностороннее воззрѣніе было приведено въ систему въ т. наз. „матеріалистическомъ воззрѣніи на исторію"—печальномъ воззрѣніи, противъ котораго должны рѣшительно возстать всѣ, думающіе, что хотя и многое изъ ихъ помысловъ имѣетъ экономическій характеръ или экономическую основу, но, благодареніе Богу, еще и очень многое носитъ иной характеръ и преслѣдуетъ иныя цѣли. Если бы дѣйствительно все сводилось къ экономическимъ стремленіямъ, то не стоило бы жить". Авторъ затѣмъ перечисляетъ различныя благородныя дѣла, ради которыхъ стоитъ жить и заканчиваетъ свою историко-философскую экскурсію словами: „Протестъ противъ матеріа-

---

[1]) Многочисленные факты подобнаго рода можно найти въ книгѣ R. Schüller'a „Die Wirtschaftspolitik der histor. Schule" Berlin 1899.

[2]) „Die Pflicht im Wirtschaftsleben" von Georg von Mayr. Tübingen. 1900.

Digitized by Google

листическаго пониманія исторіи является въ наши дни соціальною обязанностію всякаго, у кого бьется не одинъ только экономическій пульсъ".

Авторъ любитъ выражаться высокимъ штилемъ и впадать въ благородное негодованіе, но познакомимся съ этикой самого проф. Майра, какъ типичнаго представителя „этическихъ" экономистовъ.

„Экономическая жизнь, говоритъ онъ, должна быть подчинена болѣе высокимъ культурнымъ интересамъ. Богъ, князь, отечество, семья, *собственность, наслѣдственное право* (курсивъ нашъ)—вотъ, чтобы привести наиболѣе важные, идеальные и реальные факторы нашей культурной жизни, которые мы должны сохранить ради ихъ самоцѣнности отъ разлагающаго дѣйствія экономическаго развитія".

Для рабочаго же класса „нравственною обязанностью является необходимость дѣлать сбереженіе и жить въ обрѣзъ" (стр. 14). Оказывается, что даже при примѣненіи капитала къ той или иной отрасли производства слѣдуетъ руководствоваться этическими принципами и не вкладывать, напр., капитала въ иностранныя предпріятія, если они конкуррируютъ съ нѣмцами. Зато развитіе отечественной промышленности оказывается не просто выгоднымъ дѣломъ, а патріотическимъ предпріятіемъ.

Мы уже замѣтили выше, что симпатичнѣйшею стороною классической экономіи служитъ ея объективизмъ, она называла вещи ихъ настоящими именами и нисколько не скрывала, напр., того, что рабочая сила является товаромъ. Занимаясь не столько выясненіемъ капиталистическаго хозяйства, сколько его оправданіемъ, историко-этическая школа и въ этомъ случаѣ осталась вѣрной себѣ и посредствомъ этическихъ словъ постаралась скрыть неэтическое состояніе дѣла.

Майръ прямо заявляетъ, что трудъ не есть товаръ. Какъ же онъ опровергаетъ этотъ очевидный фактъ, конечно, научными соображеніями? О, нѣтъ, читатель, „этическіе" экономисты прибѣгаютъ къ аргументамъ ad hominem и доказываютъ, что на положеніи: „рабочая сила есть товаръ и новая цѣнность творится трудомъ" построена „манія величія" соціализма". Когда рабочему развиваютъ эту теорію, жалуется Майръ, то онъ понемногу самъ начинаетъ вѣрить, что онъ творецъ матерьяльнаго богатства капиталистическаго общества. О, что ужъ хорошаго въ этой вѣрѣ! Очевидно поэтому, что надо *говорить*, что рабочая сила не товаръ, и цѣнность создается не трудомъ. И гг. этическіе экономисты усердно говорятъ это.

Георгъ Майръ не присоединяется „безусловно" къ „модной враждѣ къ исключительнымъ законамъ", онъ сочувствуетъ знаменитому „каторжному законопроекту", внесенному два года тому назадъ въ рейхстагъ и провалившемуся. Аргументація у него здѣсь по обыкновенію „этическая": трудъ рабочаго не только его профессіональное занятіе для поддержанія суще-

Digitized by Google

ствованія, но и соціальная обязанность, это общественная высоко-нравственная повинность, поэтому на нее нельзя смотрѣть съ „эгоистической“ точки зрѣнія только интересовъ рабочаго, интересы „общества“ важнѣе и первые должны подчиняться послѣднимъ.

Поэтому, когда рабочіе отказываются на какой-либо фабрикѣ работать, то поступаютъ они, по мнѣнію Майра, безнравственно и полиція должна обучать ихъ нравственному поведенію.

Мы убѣдились такимъ образомъ, что если не логически, то психологически и фактически между этикой и реакціей въ политической экономіи существовала неразрывная тѣсная связь.

Классическая политическая экономія сложилась въ періодъ хозяйственнаго развитія, когда существовавшій правовой и политическій строй, нѣкогда вызванный экономическимъ развитіемъ, сдѣлался затѣмъ оковами для дальнѣйшаго развитія производительныхъ силъ. Мелочное вмѣшательство государства въ сферу экономической жизни служило лишь поддержкой устарѣлымъ формамъ хозяйства и классамъ, въ немъ заинтересованнымъ, и на каждомъ шагу тормазило развитіе капитализма. Насущною задачею англійскихъ капиталистовъ было поэтому добиться невмѣшательства государства и предоставленія всего „естественному ходу вещей“.

Въ тогдашней общественно-экономической жизни не было на-лицо элементовъ для построенія положительной соціальной политики, которая не шла бы въ разрѣзъ съ неуклоннымъ развитіемъ производительныхъ силъ. Если мы прибавимъ сюда натурализмъ классической школы, заставлявшій ее смотрѣть на экономическія отношенія какъ на отношеніе не людей, а вещей, развивающихся по естественнымъ законамъ, то станетъ понятнымъ, что классическая школа и не могла создать положительной соціальной политики.

Историческая школа безпрестанно указываетъ на этотъ недостатокъ классической экономіи, близоруко при этомъ утверждая, что къ этому отрицательному отношенію къ „соціальной политикѣ“ сводится вся сущность классической школы, тогда какъ на самомъ дѣлѣ на теоретическихъ экономическихъ взглядахъ классиковъ это отсутствіе соціально-политическихъ соображеній отозвалось самымъ благопріятнымъ образомъ, сохранивъ ей характеръ строгой научности и объективности. Цѣльная экономическая система должна, конечно, *наряду* съ теоріей политической экономіи создать и теорію экономической политики, но тогда какъ экономическая политика должна всецѣло опираться на теорію политической экономіи и руководствоваться ея указаніями, теорія политической экономіи должна разрабатываться совершенно независимо отъ экономической политики.

Историко-этическая школа не сознаетъ этого и поэтому постоянно смѣшиваетъ изслѣдованіе вопроса „что есть?“ съ изслѣдованіемъ вопроса „что должно быть?“

Digitized by Google

Если на основаніи объективнаго изслѣдованія я говорю, что въ капиталистическомъ обществѣ рабочая сила служитъ товаромъ, что трудъ, создавая весь продуктъ, получаетъ въ видѣ заработной платы лишь одну часть цѣнности этого продукта, то это не значитъ, конечно, что я такому порядку вещей сочувствую, я въ данномъ случаѣ вращаюсь исключительно въ сферѣ пониманія, а не оцѣнки. Хорошъ этотъ фактъ или дуренъ, заслуживаетъ ли онъ поддержки или нѣтъ, всѣ эти вопросы не касаются экономиста какъ теоретика. Но всякій экономистъ не только ученый, но и живой человѣкъ, членъ общежитія и онъ, конечно, долженъ сдѣлать изъ своей теоріи практическіе выводы. При этомъ, однако, онъ уже покидаетъ почву отвлеченнаго теоретическаго изслѣдованія и переходитъ въ область экономической политики.

Этико-историческая же школа сплошь и рядомъ поступаетъ наоборотъ: она исходитъ изъ своихъ желаній и идеаловъ и по нимъ ужъ кроитъ свою теорію, въ результатѣ чего ей приходится отворачиваться отъ неудобныхъ фактовъ, какъ несуществующихъ. Когда къ классикамъ-экономистамъ обращались съ упреками по адресу капиталистическаго хозяйства, говоритъ французскій экономистъ Шарль Жидъ, то они отвѣчали: „Быть можетъ, для васъ и можно что-нибудь сдѣлать, но во всякомъ случаѣ вы ошиблись дверью, обращаясь къ намъ, постучитесь рядомъ“[1]).

Шарль Жидъ, вслѣдъ за Карлейлемъ, находитъ, что подобная политическая экономія — „унылая наука“, и противопоставляетъ ей „новую“ политическую экономію, для которой „политика такъ же неотдѣлима отъ науки, какъ будущее отъ прошедшаго“. Послѣдняя фраза, конечно, совершенно вѣрна, но вѣдь „будущее“ обусловлено прошедшимъ и характеръ будущаго никакого вліянія на характеръ прошедшаго не имѣетъ, а стало быть и экономическая наука независима отъ экономической политики.

Нѣкоторые представители этическаго направленія свели роль экономиста къ морализированію по поводу экономическихъ явленій, къ произнесенію этической оцѣнки экономическимъ фактамъ, они устанавливаютъ, какія экономическія блага являются съ этической точки зрѣнія „истинными благами“, какой процентъ на капиталъ, прибыль и цѣна представляются „нравственными“.

По этому поводу Карлъ Менгеръ очень мѣтко замѣчаетъ: „Виды“ и „неистинное“ „безнравственное“ экономическое благо тоже подлежитъ экономическимъ законамъ цѣны и т. п. и тѣмъ самымъ съ экономической точки зрѣнія есть благо, цѣну и цѣнность котораго точно также надо теоретически объяснить какъ и цѣну, цѣнность блага, служащаго величайшимъ цѣлямъ... Какая же наука должна намъ объяснить

[1]) Charles Gide. L'école nouvelle. Въ сборникѣ публичныхъ лекцій: „Quatre écoles d'économie sociale. Genève et Paris. 1890, p. 132.

Digitized by Google

законы „не истинныхъ“ благъ „не этическихъ“ явленій экономической жизни и дать ихъ теоретическое истолкованіе?“

Этико-историческая школа ставитъ себѣ въ заслугу ниспроверженіе догмата классической школы, учившей, что эгоизмъ является единственнымъ мотивомъ дѣйствительности и оперировавшей съ абстрактнымъ „экономическимъ человѣкомъ“.

Историко-этическая школа въ полную противоположность классической оперируетъ съ конкретною личностью, влекомой тысячью разнообразныхъ мотивовъ, изъ которыхъ многіе очень добродѣтельны. Человѣкъ—цѣльное существо и никакая наука не должна его разсматривать только какъ „экономическаго человѣка“. Въ полемикѣ съ Лассономъ, замѣтившимъ, что объ этической политической экономіи можно говорить съ небольшимъ правомъ чѣмъ объ этическомъ поваренномъ искусствѣ, Шмоллеръ доказывалъ, что во всякой своей дѣятельности человѣкъ весь проявляется и даже при вбиваніи гвоздя въ стѣнку проявляется и этическая сторона человѣческой натуры.

Сами по себѣ, съ точки зрѣнія здраваго человѣческаго смысла, всѣ эти замѣчанія въ основѣ своей вѣрны, но всѣ они игнорируютъ методологическія основы возведенія особой самостоятельной науки.

Гипотеза объ эгоизмѣ какъ объ основномъ, даже единственномъ двигателѣ *всякой* человѣческой дѣятельности проповѣдовавшаяся напр. Бентамомъ есть сухая раціоналистическая теорія, упускающаго изъ виду ирраціонализмъ и безсознательность общественнаго процесса. Но классики-экономисты своей теоріи эгоизма никогда и не придавали значенія общей философской теоріи. Стоитъ только вспомнить, что тотъ же самый Адамъ Смитъ, который придерживался „догмата эгоизма“ въ политической экономіи написалъ вмѣстѣ съ этимъ замѣчательное сочиненіе „Теорія нравственныхъ чувствъ“, гдѣ подчеркивалъ роль и значеніе альтрукстическихъ чувствъ.

„Догматомъ эгоизма“ и „экономическимъ человѣкомъ“ классическая политическая экономія пользовалась лишь какъ вполнѣ законой научной абстракціей безъ которой мы шагу не можемъ ступить въ научной области.

Передъ нами растилается шумная и пестрая дѣйствительность, стоятъ конкретные люди, съ крайне различною психикою и физикою, волнуемые самыми различными чувствами, стремящіеся къ діаметрально противоположнымъ цѣлямъ. Нашъ умъ получая цѣлый хаосъ воспріятій старается установить въ нихъ извѣстный „нарядъ“, для этого онъ поступаетъ также какъ такъ называемая „типическая“ фотографія:—для того, чтобы получить напр. типъ русскаго солдата, снимаютъ на одну и ту же фотографическую пластинку нѣсколько различныхъ солдатъ, индивидуальныя черты каждаго солдата отразясь на пластинкѣ всего одинъ разъ не проявляются, а общія всѣмъ солдатамъ черты ложась другъ на друга обозна-

Digitized by Google

чаются рѣзко и ясно, такимъ путемъ погашенія индивидуальныхъ чертъ и суммированія общихъ получается „типическая" фотографія. Такимъ же путемъ идетъ и всякая наука. Переходъ отъ воспріятія къ представленію, отъ представленія къ понятію есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, все большій переходъ отъ конкретнаго къ абстрактному, отъ индивидуальнаго къ общему. Можно, пожалуй, эту неспособность нашего ума воспринять дѣйствительность во всей ея конкретности и индивидуальности считать признакомъ его ограниченности, но нашъ бѣдный, человѣческій умъ иначе поступить не можетъ. Собственно говоря, въ видѣ интеллектуальной утопіи можно выдвинуть пожеланіе, чтобы существовала всего лишь единая нераздѣльная наука объ единой, нераздѣльной дѣйствительности.

Но, повторяемъ, все это лишь „чародѣйство красныхъ вымысловъ", къ которому ясный и трезвенный умъ классическихъ экономистовъ не чувствовалъ никакой склонности. Классики-экономисты какъ и представители другихъ наукъ стояли передъ необходимостью *выдѣлить* особые стороны и элементы дѣйствительности о человѣческой дѣятельности въ особый объектъ изученія. Для этого, конечно, они должны были абстрагировать отъ пестрой дѣйствительности однородные элементы, создать изъ нихъ особое царство науки, и путемъ такой абстракціи возвести зданіе самостоятельной экономической науки. Какъ не можетъ войти въ науку вся дѣйствительность въ ея пестрой и грубой конкретности, такъ не можетъ войти ни въ какую отдѣльную науку и весь человѣкъ въ его грубой и пестрой конкретности. Отсюда очевидна полная научная законность пріема классиковъ, оперировавшихъ не съ человѣкомъ вообще, а только съ „экономическимъ" человѣкомъ. Это не значитъ, конечно, что классики-экономисты думали, что человѣкъ *въ дѣйствительности* является только экономическимъ существомъ, напр., лишь *для ихъ науки* человѣкъ представляетъ интересъ лишь съ его экономической стороны. Развѣ же другія науки не поступаютъ точно также, развѣ физіологъ не оперируетъ съ „физіологическимъ человѣкомъ", а психологъ съ „психическимъ"? Развѣ химикъ не изслѣдуетъ явленій исключительно съ химической стороны, отлично при этомъ зная, что химическая сторона въ дѣйствительности неразрывно связана съ физическою?

Мы видимъ такимъ образомъ, что упрекъ, дѣлаемый исторической школой классикамъ за ихъ абстрактнаго „экономическаго человѣка" всецѣло опирается на игнорированіи законовъ образованія всякой самостоятельной науки.

То же самое приходится замѣтить и объ эгоизмѣ, какъ руководящемъ мотивѣ „экономическаго человѣка". И здѣсь опять-таки это необходимая абстракція для того, чтобы мы могли разобраться въ хаосѣ экономическихъ явленій. Въ чисто-экономической области человѣкъ преслѣдуетъ лишь одну цѣль—съ возможно меньшею затратою труда достигнуть возможно большаго экономическаго результата. А это и есть

Digitized by Google

тотъ „догматъ эгоизма“ противъ котораго возстаетъ историко-этическая школа.

Неудивительно, что при подобной путаницѣ методологическихъ пріемовъ при подобномъ отсутствіи всякаго присутствія критицизма, историческая школа рѣшительно ничего не сдѣлала для развитія теоретической политической экономіи и надолго убила всякій интересъ къ ней. Ея господствомъ объясняется страшный застой въ оффиціальной политической экономіи Германіи, прекратившійся лишь въ послѣдніе годы, благодаря трудамъ марксистской и австрійской школы.

Этико-историческая школа растворила теорію политической экономіи въ исторію экономической науки. Въ этой послѣдней области заслуги ея громадны, ею отчасти накопленъ, отчасти уже разработанъ богатѣйшій фактическій матерьялъ, въ большей своей части еще ждущій могучаго синтеза. Съ поистинѣ пчелинымъ усердіемъ разрабатывается ими экономическая исторія, но Sic vos non vobis, mellificatis, apes! Вина или бѣда исторической школы заключается въ неспособности различать построеніе науки отъ накопленія матерьяла, исторію экономическаго строя отъ теоріи политической экономіи, тогда какъ между первой и послѣдней существуетъ такое же отношеніе, какъ между этнографіей и теоретической соціологіей.

Историческій анализъ, кажущійся этико-исторической школѣ единственнымъ средствомъ покончить съ раціонализмомъ и абсолютизмомъ классической школы, не далъ имъ, однако, никакой опоры для возведенія своей положительной теоріи. Слѣдствіемъ явилось то, что историко-этическая школа de facto отказалась выяснить какіе бы то ни было экономическіе законы.

Историческая школа заранѣе объявила невозможность познанія причинъ и законовъ экономической дѣятельности, ограничивъ область экономической науки простымъ описаніемъ внѣшняго проявленія хозяйства въ различныя времена и у различныхъ народовъ.

Историческое направленіе въ политической экономіи есть проповѣдь экономическаго позитивизма, отвѣчающаго на всѣ вопросы, идущіе вглубь предмета, скромнымъ „ignoranus“.

Характерно, что позитивизмъ въ философіи и позитивизмъ въ экономической наукѣ возникли почти одновременно. Въ 1839 г. выходитъ сочиненіе Огюста Конта: „Cours de philosophie positive“, гдѣ всякое изслѣдованіе основныхъ началъ отвергается какъ вредная метафизика и для соціальныхъ наукъ рекомендуется методъ внѣшняго наблюденія и историко-сравнительнаго описанія: — „observation pure“, „methode comparative“, „methode historique“, а четыре года спустя появляется сочиненіе Рошера, гдѣ тѣ же самыя правила философскаго воздержанія проповѣдываются и для политической экономіи.

Настаиваніе на неразрывной связи всѣхъ сторонъ дѣйствительности и незаконности выдѣленія „экономическаго“ въ особый предметъ изученія опять-таки есть чистый позитивизмъ

Digitized by Google

съ его ученіемъ о consensus'ѣ между всѣми сторонами общественной дѣятельности.

Философскія идеи исторической школы явились такимъ образомъ законной реакціей противъ раціонализма восемнадцатаго вѣка и въ качествѣ таковой несомнѣнно сыграли свою роль, но одного отрицательнаго отношенія къ раціонализму было еще мало для построенія положительной теоріи, а большаго историческая школа не дала, да и своимъ одностороннимъ методомъ дать не могла.

Всѣмъ сказаннымъ ни малѣйше не умаляется значеніе историческаго метода. Какъ справедливо замѣтилъ Зиммель, „можно признать, что приложимость всякаго экономическаго закона" можетъ быть выведена изъ особыхъ историческихъ условій даннаго экономическаго состоянія, а познаніе этого закона — изъ особыхъ условій экономическаго строя.

Однако, этотъ историческій процессъ можетъ стать доступнымъ нашему пониманію лишь при предпосылкѣ и оцѣнкѣ извѣстныхъ *объективно* — обязательныхъ нормъ и понятій, которыя представляютъ a priori даннаго историческаго выведенія; эти понятія, въ свою очередь, опираются на предшествующее, болѣе далеко отстоящее историческое развитіе, которое, въ свою очередь, нуждается для своего возникновенія (какъ самого по себѣ, такъ и въ познаніи) въ извѣстныхъ, болѣе простыхъ, обязательныхъ нормахъ и т. д." [1]).

Какъ вполнѣ справедливо замѣчаетъ далѣе Зиммель, этотъ progressus in infinitum является законнымъ выраженіемъ незаконченности всякаго нашего познанія, выходящаго за предѣлы даннаго состоянія.

Подъ именемъ историческаго „метода" и борьбы съ абстракціями историческая школа проповѣдуетъ въ сущности полное отсутствіе всякихъ методологическихъ пріемовъ и превращеніе политической экономіи въ простое описаніе пестраго калейдоскопа событій.

Для выведенія основныхъ положеній политической экономіи необходимо точное знаніе исторіи хозяйственныхъ явленій, но сами по себѣ эти положенія суть не историческія, а абстрактныя положенія, полученныя помощью абстрагированія отъ всѣхъ особенностей историческихъ формъ, тогда какъ историческая школа, повидимому, находитъ возможнымъ рекомендовать для политической экономіи, такъ сказать, фотографическій методъ сниманія всѣхъ историческихъ формъ хозяйственнаго развитія и собираніе ихъ въ коллекцію подъ именемъ „политическая экономія".

Этотъ близорукій историзмъ возводитъ въ особое методологическое достоинство отсутствіе всякаго истинно-научнаго метода!

И проповѣдь „этической оцѣнки" велась и ведется экономистами исторической школы на почвѣ полнаго игнорированія

[1]) Г. Зиммель. Къ методологіи соціальной науки. Перев. съ нѣм. П. Берлина. „Научное Обозр." 1900, № 2, стр. 260.

Digitized by Google

методологическихъ основъ и пріемовъ возведенія отдѣльной, самостоятельной науки.

Попытки внесенія этическаго элемента въ политическую экономію не съ исторической школы начались. И древній міръ и въ особенности средніе вѣка постоянно отъ экономическихъ разсужденій переходили къ этическимъ. толковали о „справедливой" цѣнѣ, справедливомъ процентѣ.

Въ новѣйшее время этическая политическая экономія возникла, какъ мы выше видѣли, какъ реакція мелко буржуазныхъ классовъ противъ быстраго роста капиталистическаго хозяйства и рабочаго движенія.

Впрочемъ, слѣдуетъ замѣтить, что попытки приложенія морали къ экономикѣ дѣлались еще и англійскими соціалистами двадцатыхъ годовъ — Томпсономъ, Греемъ, Бреемъ и мн. др.

Когда Рикардо выставилъ теорію трудовой цѣнности и продолжалъ стоять на точкѣ зрѣнія просвѣщенной буржуазіи, англійскіе экономисты возражали ему: „Если мѣновая цѣнность продукта равна содержащемуся въ немъ рабочему времени, то мѣновая цѣнность рабочаго дня равна его продукту. Иначе сказать, заработная плата должна быть равна продукту труда, а это противорѣчитъ дѣйствительности". Марксъ сдѣлалъ слѣдующее замѣчаніе относительно этихъ разсужденій: „Это, сдѣланное со стороны экономистовъ, возраженіе противъ Рикардо было подхвачено потомъ соціалистами. Признавая теоретическую правильность формулы, они уличали практику въ противорѣчіи съ теоріей и предлагали буржуазному обществу вывести воображаемыя практическія слѣдствія изъ его теоретическихъ принциповъ. Такимъ образомъ, по крайней мѣрѣ, англійскіе соціалисты обратили формулу мѣновой цѣнности Рикардо противъ политической экономіи".

Фридрихъ Энгельсъ въ предисловіи къ „Нищетѣ философіи" слѣдующимъ образомъ комментируетъ эти слова Маркса:

„Тотъ выводъ изъ теоріи Рикардо, что рабочимъ, какъ единственнымъ производителямъ, принадлежитъ весь общественный продуктъ, продуктъ *ихъ* труда, ведетъ прямо къ коммунизму. Но, какъ намекаетъ и Марксъ въ вышеприведенныхъ строкахъ, экономически этотъ выводъ формально ложенъ, такъ какъ является простымъ приложеніемъ морали къ экономіи. По законамъ буржуазной экономіи большая часть продукта *не принадлежитъ* произведшимъ его рабочимъ. Когда мы говоримъ: „это несправедливо, этого не должно быть"— то такіе приговоры не касаются до экономіи. Мы выражаемъ ими простое противорѣчіе нашего нравственнаго чувства съ даннымъ экономическимъ фактомъ. Поэтому Марксъ никогда не бралъ ничего подобнаго за основу своихъ коммунистическихъ требованій, а опирался на неизбѣжное крушеніе капиталистическаго способа производства; говоря, что прибавочная цѣнность состоитъ изъ неоплаченнаго труда. онъ просто констатируетъ фактъ".

Digitized by Google

Такъ смотрѣли на вопросъ о значеніи этики для экономики Марксъ и Энгельсъ.

Въ послѣднее время нерѣдко хотятъ истолковать воззрѣнія Маркса на данный вопросъ въ противоположномъ смыслѣ. Подобное толкованіе находится въ связи съ проповѣдью новой марксистской точки зрѣнія; хотя, поскольку къ нѣкоторымъ изъ этихъ новыхъ точекъ зрѣнія приложимо прилагательное марксистскія, слѣдовало бы выбрать знакъ препинанія менѣе категорическій, чѣмъ точка, и говорить о новой марксистской точкѣ, по крайней мѣрѣ, съ запятой или многоточіи... Авторъ новѣйшей работы о Марксѣ, молодая экономистка Маріанна Веберъ, тоже стремится истолковать экономическія воззрѣнія Маркса. Она пишетъ: „Итакъ, общественно-необходимое рабочее время опредѣляетъ объективную, „справедливую" (?) цѣнность товара — слѣдовательно, пока блага производятся для обмѣна, т. е. при современномъ капиталистическомъ обществѣ, это затраченное время должно служить масштабомъ распредѣленія благъ, т. е. трудъ всякаго рабочаго долженъ измѣряться въ произведенной имъ массѣ продукта затраченнымъ имъ количествомъ рабочаго времени" [3]) и соотвѣтственно этому вознаграждаться. Ученіемъ о прибавочной цѣнности, говоритъ въ другомъ мѣстѣ Маріанна Веберъ, Марксъ хотѣлъ указать не только на экономическій, но и этическій диссонансъ въ современной жизни [4]).

Такимъ образомъ, и марксизмъ, если не въ томъ видѣ, какъ его излагалъ Марксъ, то, по крайней мѣрѣ, въ томъ, какъ его теперь нѣкоторые понимаютъ, представлялъ то же этическое направленіе въ политической экономіи.

Но на самомъ дѣлѣ нѣтъ ничего ошибочнѣе подобнаго заключенія. Здѣсь опять-таки происходитъ роковое смѣшеніе цѣльности человѣческой натуры съ крайней дробностью объектовъ науки.

Возьмемъ примѣръ врача. Изслѣдуя больного, врачъ можетъ на основаніи медицины прійти къ заключенію, что у больного подагра, явившаяся слѣдствіемъ неумѣреннаго образа жизни, неумѣреннаго употребленія шампанскаго, трюфелей, паштетовъ, соотвѣтственно своему діагнозу врачъ припишетъ соотвѣтствующую терапію. Каковы бы ни были нравственныя убѣжденія врача, какъ бы онъ ни относился къ подобному образу времяпрепровожденія, все это для него, *какъ врача*, не имѣетъ рѣшительно никакого интереса.

Лѣча богатыхъ людей отъ ожирѣнія и бѣдныхъ отъ истощенія, лѣча отъ „аристократической" подагры и пролетарскихъ профессіональныхъ болѣзней врачъ, *какъ врачъ*, относится къ этимъ всѣмъ болѣзнямъ нравственно безразлично.

Но всякій спеціалистъ не только спеціалистъ, но и живой человѣкъ. Какъ врачъ, человѣкъ совершенно одинаково отно-

[3]) Marianne Weber. Fichte's Socialismus und sein Verhältniss zu Marx'sche Doctrin. Tübingen. 1900, стр. 119.

[4]) Ibid., 35 стр.

Digitized by Google

сится къ болѣзнямъ, явившимся слѣдствіемъ отдачи своихъ силъ на общее благо, и болѣзнямъ, вызваннымъ безпутствомъ, но, какъ живой человѣкъ, онъ относится къ этимъ двумъ явленіямъ совершенно различнымъ образомъ. Первое вызываетъ у него высокое нравственное чувство одобренія, второе—высокое нравственное чувство осужденія. Но медицинѣ, какъ наукѣ, нѣтъ никакого дѣла ни до этого одобренія, ни до этого осужденія.

Все сказанное примѣнимо и къ экономической наукѣ. Сама по себѣ экономическая дѣятельность, развитіе производительности труда не представляетъ, конечно, для человѣчества и развитаго человѣка конечной цѣли, самоцѣли. Нѣтъ, все громадное культурное значеніе развитія производительности труда заключается въ томъ, что оно постепенно освобождаетъ человѣка отъ власти матеріальныхъ интересовъ; такимъ образомъ съ общей точки зрѣнія развитіе производительныхъ силъ встрѣчаетъ сочувствіе не само по себѣ, а лишь какъ средство для достиженія высшихъ не матеріальныхъ цѣлей.

Вслѣдствіе этого, когда человѣкъ вырабатываетъ себѣ міросозерцаніе или разсуждаетъ какъ историкъ культуры, то этимъ онъ неизбѣжно оцѣниваетъ экономическія явленія съ не экономической точки зрѣнія и сочувствуетъ неуклонному развитію матеріальныхъ силъ только потому, что лишь на почвѣ этого развитія появляется теоретическая возможность реализаціи соціальнаго идеала, а развитіе субъективныхъ факторовъ, вызываемое этимъ же развитіемъ матеріальныхъ силъ, превращаетъ эту теоретическую возможность въ практическую дѣйствительность.

Такъ же, въ общемъ, смотрѣли на дѣло Марксъ и Энгельсъ. Въ самомъ дѣлѣ уже въ приведенной нами выше цитатѣ изъ „Нищеты философіи" Энгельсъ все время указываетъ, что нравственная оцѣнка „не касается до *экономіи*", что моральныя истолкованія экономическихъ законовъ „*экономически*" ложны, но онъ при этомъ нисколько не устраняетъ умѣстность подобныхъ оцѣнокъ для неэкономиста-теоретика. Онъ прямо говоритъ: „Но формально ложное въ области экономіи можетъ зато оказаться истиннымъ съ точки зрѣнія всемірной исторіи".

Мы, такимъ образомъ, видимъ, что устраненіе этики изъ экономики нисколько не обязуетъ экономиста, *какъ человѣка*, къ нравственному индифферентизму, оно только выражаетъ собою частный случай общаго методологическаго требованія, чтобы въ сферу изученія данной науки не врывались точки зрѣнія постороннихъ научныхъ вѣдомствъ. Эти этическія точки зрѣнія начинаютъ врываться въ экономическую науку всегда со стороны общественныхъ группъ, боящихся будущаго и не увѣренныхъ въ завтрашнемъ историческомъ днѣ. Къ нимъ въ особенности питаютъ „влеченіе, родъ недуга" идеологи мелкой буржуазіи, идеалы которыхъ стоятъ въ противорѣчіи съ ходомъ экономическаго развитія. Когда развитіе

Digitized by Google

крупнаго производства обезцѣнило трудъ мелкихъ производителей, то эти послѣдніе, устами своихъ идеологовъ-экономистовъ, стали говорить о несправедливости экономическаго развитія и требовать „справедливой" цѣны за свой трудъ, т. е.. въ переводѣ на экономическій языкъ, требовать, чтобы ихъ товаръ оцѣнивался по затратѣ не общественно-необходимаго, а индивидуально затраченнаго труда.

Напротивъ, общественный классъ, реализація идеаловъ котораго зависитъ отъ дальнѣйшаго неуклоннаго развитія производительныхъ силъ, никогда не прибѣгаетъ къ этикѣ для санкціонированія своей общественной программы.

Насколько важна или не нужна этическая оцѣнка для общественныхъ теорій, насъ здѣсь совершенно не интересуетъ, у насъ идетъ рѣчь исключительно о значеніи этики для экономической науки и цѣль наша была показать ненаучность введенія этическаго направленія въ область экономическаго познанія.

Менгеръ вполнѣ справедливо замѣтилъ, что „стремленіе къ этическому направленію въ политической экономіи есть отчасти пережитокъ античнаго и, въ извѣстномъ смыслѣ, средневѣкового—аскетическаго міросозерцанія, въ значительной же части жалкій костыль для научной безпомощности... Характерно, что почти всегда, когда обнаруживается недостатокъ силъ для разрѣшенія проблемы своей науки, прибѣгаютъ къ помощи результатовъ другихъ наукъ и механическимъ примѣненіемъ ихъ пытаются достигнуть желаемаго разрѣшенія проблемы своей науки" [1]).

Для тѣхъ же экономическихъ школъ, которыя не отчаялись въ возможности „собственными средствами" справиться съ экономическими проблемами, не нуженъ этотъ „жалкій костыль" морализированія.

„Не будемъ задерживать нашего развитія, загромождать путь къ лучшему будущему балластомъ отжившихъ фразъ и сомнѣній; будемъ всѣми силами содѣйствовать экономическому прогрессу въ твердой увѣренности, что на широкой основѣ матеріальнаго благосостоянія мы сможемъ развить и высшія формы человѣчности. Исторія подтверждаетъ этотъ жизнерадостный взглядъ" [2]).

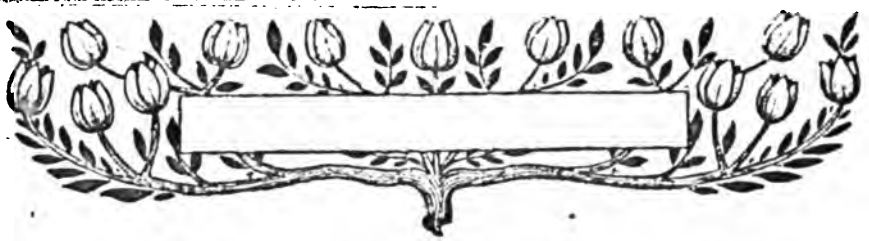
П. Берлинъ.

---

[1]) Carl Menger. Untersuchungen über die Methode der Politischen Oekonomie. Leipzig. 1883, стр. 289.

[2]) Зомбартъ. Идеалы соціальной политики. Спб. 1900, стр. 74.

Digitized by Google



Великій юмористъ и подвижникъ.

По случаю пятидесятилѣтія со дня кончины

Н. В. Гоголя-Яновскаго.

О, юность, юность! Божій міръ
Ты убрала цвѣтами;
Не знаешь ты, какъ нагъ и сиръ
И залитъ міръ слезами.

А. Плещеевъ.

И горькимъ словомъ посмѣюся!

Іеремія.

Недавно вышедшее въ свѣтъ новое изданіе „Писемъ Н. В. Гоголя", въ четырехъ объемистыхъ томахъ, подъ редакціей В. И. Шенрока, содержитъ всѣ ранѣе опубликованныя и до сихъ поръ нигдѣ не напечатанныя письма русскаго юмориста; не мало труда было потрачено на внимательную провѣрку огромнаго большинства писемъ по подлинникамъ.

Достаточно полный фактическій матеріалъ даетъ возможность, художественно или научно, какъ хотите, воспроизвести личную эволюцію автора, выдѣлить субъективные элементы, вошедшіе въ созданные имъ художественные образы и литературныя понятія, а тѣ и другія объяснить непосредственными живыми впечатлѣніями и условіями общественной дѣйствительности.

Наша задача гораздо скромнѣе: напомнить кое-какіе внушительные факты и высказать соображенія, на которыя наводитъ чтеніе писемъ въ новомъ дополненномъ изданіи.

Въ индивидуальномъ развитіи Гоголя намѣчаются три основныхъ періода: подражательный, инстинктивно-творческій и аналитическій, вполнѣ не закончившійся синтетическимъ или сознательнымъ творчествомъ. Направляющая его личной эволюціи можетъ быть представлена слѣдующей формулой.

Въ раннюю пору восторженной юности смѣлый вольница съ возвышенными, хотя и неопредѣленными, гуманными стремленіями, съ безотчетно-веселымъ, искрящимся малороссійскимъ

Digitized by Google

юморомъ, вскрывающимъ бѣдноту и несовершенства русской жизни, осмѣивающій недостатки и безобразія обывателей, безпощадно отрицающій пошлыя русскія будни; когда же въ борьбѣ за индивидуальность у смѣлаго вольницы поубавилась энергія воли, разстроилось здоровье, почувствовалось переутомленіе жизнью, когда пришлось для сохраненія нравственной самостоятельности отказаться отъ всякихъ разсчетовъ на личное счастье,—въ его произведеніяхъ и письмахъ все настойчивѣе и сознательнѣе звучитъ проникновенный голосъ аскета, выступающаго передъ публикой съ проповѣдью покаяннаго очищенія и сентенціями соотечественникамъ.

Кто не страдаетъ мыслебоязнью,—скажетъ, не лукавя: все минетъ, останется одна правда, идеально чистая и полезная человѣчеству. Личная жизнь и творчество великаго юмориста для многихъ до сихъ поръ являются психологической и нравственной загадкой, — и нельзя удивляться этому явленію: слишкомъ много накопилось о немъ разнорѣчивыхъ показаній и свидѣтельствъ, и слишкомъ мало прилагался къ нимъ психологическій анализъ.

Особенно нуждается въ объясненіи глубокій душевный кризисъ, пережитый Гоголемъ и, повидимому, совершенно нарушившій нравственную цѣлостность и органическую непрерывность его субъективнаго развитія и литературнаго вліянія.

Послушаемъ, что говорятъ по этому поводу авторитетнѣйшіе русскіе критики. Такой проницательный художникъ—психологъ, какъ Л. Н. Толстой, сохранившій въ идеологіи своего духа логику здраваго смысла, открываетъ въ мистикѣ насмѣшливаго малоросса глубоко-жизненные элементы и неотразимо-ясное, живое сознаніе объективныхъ условій. Вотъ что говоритъ Левъ Николаевичъ: „Перечелъ я книгу—переписку Гоголя съ друзьями—въ третій разъ. Всякій разъ, когда ее читалъ, она производила на меня сильное впечатлѣніе. Гоголь много сказалъ въ своихъ письмахъ, но пошлость, имъ обличаемая закричала: „онъ сумасшедшій!“ и Гоголь, нашъ Паскаль, лежитъ подъ спудомъ. Пошлость господствуетъ, и всѣми силами я стараюсь сказать то же, что сказалъ Гоголь“ [1]). По справедливому замѣчанію г. Веселовскаго [2]): что̀ подлежитъ за-границей общему обсужденію, у насъ вызываетъ обыкновенно озлобленный крикъ: „Ruf nach Polizei!“. При современныхъ Гоголю соціальныхъ условіяхъ и свойствахъ его индивидуальности пережитый въ зрѣломъ возрастѣ душевный кризисъ былъ необходимъ и лишь случайно, и то далеко не въ чрезмѣрной степени, при его аскетической жизни, осложнялся нѣкоторыми болѣзненными симптомами, не постигшими, напр., Чаадаева, который создалъ, какъ извѣстно, оригинальнѣйшую мистическую доктрину, болѣе отрѣшенную отъ жизни, чѣмъ какія бы то ни было сентенціи юмо-

---

[1]) Въ январьской книжкѣ „Сѣв. Вѣстн.“ 1893 г. приводится эта цитата изъ письма гр. Л. Н. Толстого.

[2]) А. Н. Веселовскій. „Изъ этюдя о Гоголѣ“. „Вѣстн. Евр.“ 1891 г., III.

Digitized by Google

риста, глубоко задумавшагося надъ разрѣшеніемъ нравственныхъ проблемъ крѣпостного строя.

Первый критикъ послѣ-гоголевскаго поколѣнія, человѣкъ искренній и талантливый, Н. Г. Чернышевскій, котораго едва ли возможно заподозрѣть въ суевѣрныхъ предразсудкахъ, объясняетъ пережитый Гоголемъ душевный кризисъ вполнѣ естественной потребностью выработать стойкія нравственныя убѣжденія. „При развитіи, подобномъ тому, какое получилъ Гоголь (исключительно подъ вліяніемъ религіозной и общественной традиціи), только для очень немногихъ, самыхъ сильныхъ умомъ людей настаетъ пора умственной возмужалости, та пора, когда человѣкъ чувствуетъ, что ему недостаточно основываться въ своей дѣятельности только на отрывочныхъ сужденіяхъ, вызываемыхъ отдѣльными фактами, и необходимо имѣть систему убѣжденій“ [1]). Подобное объясненіе въ свое время не обратило на себя достаточнаго вниманія потому, что у насъ вообще мало цѣнятъ искреннія убѣжденія и преклоняются, унижая свое человѣческое достоинство, передъ фактомъ и успѣхомъ.

Позднѣйшіе, такіе наблюдательные критики, какъ гг. Пыпинъ, Веселовскій и Скабичевскій, вовсе не видятъ въ аскетической проповѣди нашего юмориста рѣшительнаго разрыва съ юношескими порывами и гуманными идеалами или какой-либо сознательной измѣны поэтическому творчеству. Но, къ сожалѣнію, до сихъ поръ психологически не обслѣдованъ „казусъ“ Гоголя, какъ „кризисъ обыденнаго мышленія“, за которымъ слѣдуетъ переходъ къ методамъ „чистаго опыта“. Обратимся къ г. Скабичевскому: „въ немъ, т. е. въ Гоголѣ, а не въ г. Скабичевскомъ, была слишкомъ сильна жилка пропаганды, что ясно видно изъ всей переписки его съ самыхъ юныхъ лѣтъ. Кого только онъ ни назидалъ, начиная съ матери и сестеръ и кончая Погодинымъ и Шевыревымъ. Что же мудренаго, если ему показалось недостаточнымъ осмѣивать пошлыхъ людей, а захотѣлось вмѣстѣ съ тѣмъ и внушить имъ тѣ самые идеалы и принципы, на основаніи которыхъ онъ ихъ осмѣивалъ? Это побужденіе усиливалось въ немъ по мѣрѣ того, какъ и самъ онъ все глубже и глубже проникался этими принципами по мѣрѣ своей зрѣлости и, наконецъ, дошелъ до того изступленнаго экстаза, въ которомъ ему начали грезиться видѣнія, дѣйствительный и фактическій міръ перемѣшались въ его глазахъ и онъ вообразилъ себя чѣмъ то въ родѣ пророка. Это было сумасшествіе, если хотите, но то самое, съ какимъ въ средніе вѣка совершались религіозные перевороты, вродѣ Магомета, Гусса, Лютера и прочихъ реформаторовъ. Гоголя обвиняли при этомъ въ страшномъ высокомѣріи, скрывающемся подъ напускнымъ смиреніемъ. Но, спрашивается, какой же фанатикъ, увлекшійся до энтузіазма своей идеей, не воображаетъ, что онъ пришелъ

[1]) Чернышевскій. Критич. статьи. СПБ. 1895.

Digitized by Google

обновить міръ, и что міръ долженъ внимать ему и идти за нимъ, иначе всѣ погибнутъ? Да и возможно ли увлеченіе пропагандой безъ того качества, которое обыкновенно, когда пропаганда намъ нравится, называютъ величіемъ, возвышеннымъ энтузіазмомъ и пр., а когда не нравится, то высокомѣріемъ?— а также хлестаковщиной, не правда ли? — Было бы совершенно ложно думать, что міръ Собакевичей, Сквозникъ-Дмухановскихъ, Коробочекъ можетъ казаться пошлымъ и лишеннымъ всякаго образа и подобія человѣческаго только съ высоты чайльдъ-гарольдовскихъ или бельтовскихъ идеаловъ. Отъ него съ ужасомъ отшатнулся бы и любой средневѣковый аскетъ вродѣ Савонароллы. Гоголь же обладалъ именно той сильной, нетерпимой натурой, которую обыкновенно глубоко возмущаетъ разладъ дѣйствительности съ идеаломъ, къ какому бы вѣку ни принадлежалъ этотъ идеалъ, и, обладая геніальнымъ юморомъ, Гоголь принялся осмѣивать окружающую его жизнь изъ чистой потребности своего духа, внѣ всякихъ вліяній какихъ-либо, философскихъ или политическихъ, внѣ всякихъ художественныхъ традицій" [1]). Съ послѣднимъ нельзя согласиться: на творчество Гоголя наложена рука Пушкина, да были еще кой-какія художественныя традиціи.

Съ особенной осмотрительностью надо относиться къ письмамъ Гоголя къ его матери, содержащимъ скрытый субъективный смыслъ и лишь отчасти характеризующимъ его психическія отношенія къ объективному міру. Обстоятельно зная жизнь и произведенія русскаго юмориста, съ чувствомъ умиротворенія прочитываете его полтавскія и нѣжинскія письма до рокового момента, совпавшаго какъ разъ съ періодомъ полового созрѣванія организма и перехода отроческаго самочувствія въ юношеское самосознаніе. Совершенная случайность, т. е. независимое отъ индивидуальной воли обстоятельство выбило юнаго Гоголя изъ колеи нормальнаго психофизіологическаго развитія: то была кончина его отца. Шестнадцатилѣтній юноша остается единственнымъ представителемъ мужского элемента въ семьѣ, состоящей изъ молодой непрактичной матери и малолѣтнихъ сестеръ: „я предался всей силѣ безумнаго отчаянія",—отвѣчаетъ юноша на увѣдомленіе матери: „къ вечеру примѣтилъ я въ себѣ только печаль, но уже не порывную, которая, наконецъ, превратилась въ легкую, едва примѣтную меланхолію, смѣшанную съ чувствомъ благоговѣнія ко Всевышнему",—глубже анализируетъ юноша свое настроеніе передъ матерью: „развѣ не оставалось ничего, что̀ бы меня привязывало къ жизни? Развѣ я не имѣю еще чувствительной, нѣжной, добродѣтельной матери, которая можетъ мнѣ замѣнить и отца, и друга, и всего, что̀ есть милѣе, что̀ есть драгоцѣннѣе?... " [2]) Это обстоятельство вызываетъ въ немъ чрезмѣрный подъемъ религіознаго чувства, несовмѣ-

---

[1]) А. М. Скабичевскій. Сочиненія, т. I, стр. 501 и др.
[2]) Письма Н. В. Гоголя. Т. I, стр. 26.

Digitized by Google

стный со свѣтскимъ воспитаніемъ, и побуждаетъ къ иниціативѣ вольницы въ семейныхъ отношеніяхъ. Ничего, повидимому, особеннаго нѣтъ въ его письмахъ къ нѣжнолюбимой матери, кромѣ безсознательно-страстнаго восторга и блестящаго слога... Прочитывая юношескія признанія одно за другимъ, невольно чувствуется въ нихъ непрерывно возрастающій трепетъ глубокой воспріимчивости, повышенной женской чувствительности, молитвенное настроеніе восторженной институтки или какой-нибудь монастырки!.. Вольница приспособляетъ къ себѣ условія, подвижникъ самъ приспособляется къ средѣ... Юный Гоголь входитъ въ положеніе, большей частью субъективно, нежели дѣйствительно, главы семейства, съ освобожденіемъ его вакантнаго мѣста. Въ повышенныхъ его правахъ и относительно меньшихъ обязанностей сказывается Sturm und Drang,—то стремительный натискъ смѣлой вольницы...

Когда юношѣ шелъ семнадцатый годъ, онъ пишетъ матери: „Ваши слова: что вы уже больше для себя и для міра сего не живете, что, можетъ быть, я скоро долженъ занять мѣсто отца малолѣтнихъ моихъ сестеръ — слова сіи поселили печальныя предчувствія въ моемъ сердцѣ. Зачѣмъ предаваться горестнымъ мечтаніямъ? Зачѣмъ раскрывать грозную завѣсу будущности? Можетъ, быть она готовитъ вамъ спокойствіе и тихую радость, ясный вечеръ и мирную семейную жизнь. Будемъ надѣяться на Всевышняго, въ рукѣ котораго находится судьба наша. Что касается до меня, то я совершу свой путь въ семъ мірѣ, и ежели не такъ, какъ предназначено всякому человѣку, то, по крайней мѣрѣ, буду стараться, сколько возможно, быть таковымъ“ [1]). Вдумчивый юноша чрезвычайно озабоченъ каждымъ шорохомъ въ душѣ матери, напряженно слѣдитъ за мельчайшими подробностями въ домашнемъ обиходѣ, заочно даетъ дѣльные совѣты въ хозяйствѣ и наставленія о воспитаніи сестеръ. Послѣ петербургскихъ неудачъ, внезапно уѣхавъ, неожиданно даже для самого себя, за границу, юный Гоголь пишетъ изъ Любека: „Простите, милая, великодушная маменька, простите своему несчастному сыну, который одного только желалъ бы нынѣ — повергнуться въ объятія ваши и излить предъ вами изрытую и опустошенную бурями душу свою“ [2]). Страстныя душевныя изліянія въ письмахъ къ матери даютъ Кулишу поводъ сказать, что „мать была его единственной страстью“,—это, конечно, надо понимать въ переносномъ смыслѣ. Поступивъ въ департаментъ удѣловъ, онъ пишетъ матери: „Безумецъ! какъ я могъ въ часы, когда неудача и несчастія подавляли меня, какъ я могъ въ эти часы отчаиваться и изливать желчь на весь міръ, когда есть одно существо, ангелъ со всѣми ангельскими совершенствами, который любитъ меня со всѣми моими слабостями, которому одному

[1]) Т. I, стр. 33.
[2]) Т. I, стр. 130.

Digitized by Google

только моя жизнь дороже всего на свѣтѣ,—и я могъ, въ полномъ избыткѣ счастья, почитать себя несчастливѣйшимъ!" [1]). Эту мечту души своей, этотъ беззавѣтно любящій его прелестный образъ, возвышенный и неуловимый, какъ первыя грезы юности, распространяетъ онъ на свою почтенную матушку, „выпроводившую" его на службу въ сѣверную столицу. Относя нѣкоторыя восторженныя выраженія къ реторичности слога, нельзя не видѣть, что эмоціально-рефлекторные порывы, потрясающіе весь организмъ юноши, что паѳосъ и лирика сыновней любви выходятъ иногда изъ нормальныхъ предѣловъ.

Въ отвѣтѣ на письмо, въ которомъ мать бросила подозрѣніе на нравственность сына, по возвращеніи изъ Любека Гоголь говоритъ: „Какъ вы могли, маменька, подумать даже, что я—добыча разврата, что нахожусь на послѣдней степени униженія человѣчества! Наконецъ, рѣшились приписать мнѣ болѣзнь, при мысли о которой всегда трепетали отъ ужаса даже самыя мысли мои! Въ первый разъ въ жизни, и дай Богъ, чтобы въ послѣдній, получилъ я такое страшное письмо. Мнѣ казалось все равно, какъ будто я слышу проклятіе. Какъ вы могли подумать, чтобы сынъ такихъ ангеловъ родителей могъ быть чудовищемъ, въ которомъ не осталось ни одной черты добродѣтели! Нѣтъ, этого не можетъ быть въ природѣ. Вотъ вамъ мое признаніе: одни только гордые помыслы юности, проистекшіе, однакожъ, изъ чистаго источника, изъ одного только пламеннаго желанія быть полезнымъ, не будучи умѣряемы благоразуміемъ, завлекли меня слишкомъ далеко. Но я готовъ дать отвѣтъ предъ лицомъ Бога, если я учинилъ хоть одинъ развратный подвигъ" [2]). Влюблялся ли Гоголь когда-нибудь не въ мечту, а въ конкретную, живую женщину? По этому интересному вопросу Гоголь даетъ не возбуждающій сомнѣнія отвѣтъ въ письмѣ къ другу земляку А. С. Данилевскому на его сообщеніе о любовныхъ похожденіяхъ: „Очень понимаю и чувствую состояніе души твоей, хотя самому, благодаря судьбу, не удалось испытать. Я потому говорю благодаря, что это пламя меня бы превратило въ прахъ въ одно мгновеніе. Я бы не нашелъ себѣ въ прошедшемъ наслажденія, я силился бы превратить это въ настоящее и былъ бы самъ жертвою этого усилія. И потому-то, къ спасенію моему, у меня есть твердая воля, два раза отводившая меня отъ желанія заглянуть въ пропасть. Ты счастливецъ, тебѣ удѣлъ вкусить первое благо въ свѣтѣ — любовь; а я... Но мы, кажется, своротили на байронизмъ" [3]). Имя Гоголя тогда уже пользовалось громкой литературной извѣстностью: ему приближался 24-й годъ. Сносясь позднѣе со многими женщинами различныхъ возрастовъ, характеровъ и сословій, Гоголь ограничивалъ съ ними интимныя отношенія тѣсной дружбой и живымъ общеніемъ на почвѣ нравственнаго самоусовершенствованія и почилъ анахоретомъ.

[1]) Стр. 155.
[2]) Стр. 186.
[3]) Т. I, стр. 232.

Digitized by Google

По окончаніи нѣжинской гимназіи высшихъ наукъ девятнадцатилѣтній юноша отправляется въ Петербургъ съ небольшимъ запасомъ денегъ и съ пламеннымъ желаніемъ служить родинѣ и „человѣчеству". Пріѣхавъ въ сѣверную столицу съ цѣлой кучей рекомендательныхъ писемъ родственниковъ и провинціальныхъ знакомыхъ, онъ медлитъ околачивать пороги „благодѣтелей" и петербургскихъ канцелярій. Получивъ отъ матери первое письмо съ деньгами, юный Гоголь отвѣчаетъ на него: „Вы не ошиблись, почтеннѣйшая маменька: я точно сильно нуждался въ это время, но, впрочемъ, это все пустое. Что за бѣда — посидѣть какую-нибудь недѣлю безъ обѣда? того ли еще будетъ на жизненномъ пути? Всего наберешься" [1]). Съ того времени онъ наживаетъ мало-по-малу хроническое желудочно-кишечное разстройство, установившее позднѣе режимъ его повседневной жизни...

Опредѣлившись на службу съ крайне ничтожнымъ содержаніемъ, Гоголь не можетъ обойтись безъ вспомоществованія родственниковъ. Вотъ что онъ пишетъ матери по этому поводу: „Доказательствомъ моей бережливости служитъ то, что я еще до сихъ поръ хожу въ томъ самомъ платьѣ, которое я сдѣлалъ по пріѣздѣ въ Петербургъ изъ дому, и потому вы можете судить, что фракъ мой, въ которомъ я хожу повседневно, долженъ быть довольно ветхій и потерся также не мало, между тѣмъ какъ до сихъ поръ я не въ состояніи былъ сдѣлать новаго, не только фрака, но даже теплаго плаща необходимаго для зимы. Хорошо еще, что я немного привыкъ къ морозу и отхваталъ зиму въ лѣтней шинели" (и во фракѣ) [2]). Все это, однако же, не помѣшало юному мечтателю пріобрѣсть геморроиды отъ сидячей жизни въ холодной квартирѣ, нестерпимую зубную боль и, при зябкости южанина и слабомъ нервномъ тѣлосложеніи, довольно таки часто заболѣвать отъ петербургской слякоти и стужи.

Въ первое время по пріѣздѣ въ Петербургъ восторженнаго юношу питали, согрѣвали и услаждали возвышенныя мечты о назначеніи человѣка, оживленныя веселыя бесѣды съ земляками о милой поэтической Украйнѣ и упованія на Бога. Но своимъ интеллектуальнымъ запросамъ юноша долго не находилъ удовлетворенія. Въ концѣ двадцатыхъ годовъ никакихъ широкихъ умственныхъ и общественныхъ движеній не существовало въ Петербургѣ: все было придавлено, „сбито съ прямого пути, неотразимо обижено", все замолкло, затихло послѣ декабрьскаго погрома. Идеалистически настроенный юноша мало, правда, интересовался политическими вѣяніями; слишкомъ былъ онъ воспитанъ въ страхѣ Божіемъ, почтеніи къ старшимъ и „благодѣтелямъ". Но даже и такого „маменькина сынка" смутила и озадачила мертвенная общественная тишина и канцелярская дѣловитость столичной жизни: „Тишина въ

[1]) Стр. 117.
[2]) Т. 1, стр. 148.

Digitized by Google

немъ—пишетъ онъ матери о Петербургѣ—необыкновенная, никакой духъ не блеститъ въ народѣ, все служащіе да должностные, всѣ толкуютъ о своихъ департаментахъ да коллегіяхъ, все подавлено, все погрязло въ бездѣльныхъ, ничтожныхъ трудахъ, въ которыхъ безплодно издерживается жизнь ихъ". Но время идетъ, деньги тратятся, поддерживая полуголодное существованіе, дальше, кажется, нечего ждать: пора толкнуться въ эдемъ двадцатаго числа.

Но предпріимчивый вольница все еще гордо борется съ „мелочами" жизни: внезапно дѣлаетъ попытку поступить въ актеры, печатаетъ свою нѣжинскую идиллію „Ганцъ Кюхельгартенъ", пробуетъ поставить на сцену комедіи отца, собираетъ чрезъ посредство матери, родственниковъ и знакомыхъ матеріалы для задуманныхъ малороссійскихъ повѣстей, работаетъ надъ ними и, на первыхъ порахъ, во всемъ испытываетъ неудачи и разочарованія.

Дѣйствительно нуждаясь въ самомъ необходимомъ, юный Гоголь со злобной ироніей отзывается въ письмахъ къ матери о чиновничьей службѣ: „Мнѣ предлагаютъ мѣсто съ 1000 рублей жалованья въ годъ. Но за цѣну ли, едва могущую выкупить годовой наемъ квартиры и стола, мнѣ должно продать свое здоровье и драгоцѣнное время? и на совершенные пустяки—на что это похоже? въ день имѣть свободнаго времени не болѣе, какъ два часа, а прочее все время не отходить отъ стола и переписывать старыя бредни и глупости господъ столоначальниковъ и проч., въ которыхъ мнѣ столько пользы, сколько Елисею Васильевичу Надержинскому—сосѣду матери по имѣнью—въ сухомъ деревѣ, на которомъ нѣтъ ни хорошаго листу, ни рясныхъ вѣтвей?" [1]). Отдать свое время чиновничьей службѣ,—это значило для него размѣняться на мелочи. Поэтъ „пошлости", какъ назвалъ Гоголя Градовскій, волей-неволей самъ находился въ тискахъ житейскихъ мелочей съ первыхъ самостоятельныхъ шаговъ на жизненномъ поприщѣ до самой кончины. Нельзя было негодовать на ничтожныя „мелочи" жизни, обидно было бы на нихъ плакаться, оставалось только смѣяться, а искрящимъ веселымъ юморомъ щедро одарила его сама природа. Сперва онъ лукавою насмѣшкой бьетъ мелочи жизни порознь, какъ метались въ глаза и преслѣдовали его, затѣмъ воображеніемъ пытается ихъ суммировать и обобщить въ художественныхъ призракахъ и, наконецъ, обезсиленный, укрывается отъ нихъ въ аскетической морали. Экономическое положеніе Гоголя, по воспитанію и природѣ, эстетика-реалиста, немногимъ развѣ отличалось отъ положенія мыслящаго пролетарія изъ неслужащихъ или безземельныхъ дворянъ, разночинцевъ и выходцевъ изъ простого народа...

Таковы первыя вполнѣ сознательныя вылазки Гоголя про-

---

[1]) Т. I, стр. 148.
[2]) Т. I. стр. 122.

Digitized by Google

тивъ „пустяковъ и глупостей“ рутиннаго канцелярскаго дѣла. Подобное отношеніе объясняется отчасти низкимъ уровнемъ нравственности и образованія дореформенныхъ чиновниковъ, отчасти неприспособленностью самого административнаго механизма къ цѣлесообразному удовлетворенію потребностей народа и государства.

Насколько можно судить по его многимъ письмамъ и художественнымъ произведеніямъ, особенно по сбереженнымъ главамъ второго тома „Мертвыхъ Душъ“, гдѣ такъ ярко и убѣдительно представлена канцелярщина, русскій юмористъ понимаетъ и „глупости господъ столоначальниковъ“ причемъ личность столоначальниковъ, иногда милыхъ и любезныхъ людей, играетъ совершенно страдательную роль. Позднѣе Гоголь такъ сильно отзывается о канцелярскомъ дѣлопроизводствѣ: „*глупая, безтолковая работа, которой ничтожность я всегда ненавидѣлъ...*“

Чтобы не попасть въ административное колесо обветшалаго механизма, юный Гоголь рванулся было при первой возможности заграницу. Выгоды службы и призрачныхъ почестей никогда не имѣли надъ нимъ чарующей власти. На школьной скамьѣ еще въ Нѣжинѣ мечталъ онъ о путешествіи въ Америку, чудную „страну счастья и разумнаго, производительнаго труда“. Однако, денежныя средства, которыя онъ случайно получилъ, отказавшись отъ доли наслѣдства, позволили ему только мелькомъ взглянуть на Любекъ, Травемюнде и Гамбургъ. Послѣ подбадривающихъ впечатлѣній свободной самостоятельной жизни, возвратившись въ Петербургъ, юный Гоголь энергичнѣе принялся устраивать свои матеріальныя дѣла, занялся службой, въ то же время усердно работая надъ повѣстями изъ малороссійскаго быта, подготавливая ихъ къ печати.

Чрезвычайно интересно было бы прослѣдить начальные моменты его юмористически-художественнаго творчества, но, къ сожалѣнію, въ періодъ подъема поэтическаго настроенія, сильно сокращается его переписка и относится большей частью къ внѣшнимъ событіямъ жизни. Въ письмахъ къ матери умалчивается даже о знакомствѣ съ Дельвигомъ, Жуковскимъ и Плетневымъ, доставившемъ ему сперва мѣсто учителя— 10-го марта 1831 г.,—а потомъ частные уроки. О первомъ событіи юмористъ сообщаетъ матери: „Государыня приказала читать мнѣ въ находящемся въ Ея вѣдѣніи институтѣ благородныхъ дѣвицъ. Впрочемъ, вы не думайте, чтобы это много значило. Вся выгода въ томъ, что я теперь немного больше извѣстенъ, что лекціи мои мало-по-малу заставляютъ говорить о мнѣ и главное, что имѣю гораздо болѣе свободнаго времени: вмѣсто мучительнаго сидѣнія по цѣлымъ утрамъ, вмѣсто 42 часовъ въ недѣлю, я занимаюсь теперь 6, между тѣмъ жалованье даже немного болѣе: вмѣсто глупой, безтолковой работы, которой ничтожность я всегда ненавидѣлъ, занятія

Digitized by Google

мой теперь составляютъ неизъяснимое для души удовольствіе [1]). Вскорѣ онъ сближается съ поэтомъ Пушкинымъ, участіе котораго въ творчествѣ Гоголя опредѣляется собственнымъ признаніемъ послѣдняго: „ничего не предпринималъ, ничего не писалъ я безъ его совѣта“ [2]). Это признаніе друга поэта, конечно, много преувеличено, въ особенности относительно „Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки“ и „Миргорода“.

Лѣтомъ 1832 года Гоголь отправляется къ себѣ въ Малороссію и, проѣздомъ черезъ Москву, знакомится съ Погодинымъ, Максимовичемъ, Щепкинымъ, Загоскинымъ и Аксаковыми; изъ деревни въ Петербургъ возвращается въ двумя маленькими сестрами, которыхъ помѣщаетъ въ патріотическій институтъ. Работая надъ исторической повѣстью „Тарасъ Бульба“, увлекается поэтической стороной прошлаго и приходитъ въ восхищеніе отъ украинскихъ пѣсенъ; вмѣстѣ съ Максимовичемъ, тоже собирателемъ малороссійскихъ пѣсенъ, задумываетъ планы о занятіи каѳедры во вновь открываемомъ кіевскомъ университетѣ; но мечты его осуществляются совершенно неожиданнымъ образомъ: благодаря участію друзей, увлеченныхъ его художественнымъ дарованіемъ, молодой юмористъ получаетъ каѳедру всеобщей исторіи въ петербургскомъ университетѣ и, конечно, чтеніе лекцій не обошлось безъ соотвѣтственныхъ его таланту украшеній... Главнымъ центромъ его жизненныхъ интересовъ становятся, совершенно отвлекшіе его отъ занятій въ университетѣ, только что вышедшіе въ свѣтъ „Арабески“ и „Миргородъ“ и художественныя концепціи „Женитьбы“ и „Ревизора“. Въ концѣ 1835 года Гоголь покидаетъ каѳедру и всецѣло отдается окончательной обработкѣ и постановкѣ на сцену комедіи „Ревизоръ“.

Постановка на сцену знаменитаго „Ревизора“ доставила Гоголю много хлопотъ съ придирчивой цензурой, запретившей комедію. Со своей стороны оказавшій Гоголю возможное заступничество поэтъ Пушкинъ съ затаенною горечью въ сердцѣ говорилъ фрейлинѣ Россетъ [3]): „Избави васъ Богъ жить съ чиновниками! Мнѣ тоже хотѣлось плакать—отъ злости. Все это вѣрно, бѣдный Гоголь будетъ уничтоженъ цензорами, ворами, крикунами, людьми благонамѣренными, каковы Булгаринъ и Сенковскій,—это вредоносная клика! Скажутъ, что Гоголь не обнаружилъ достаточнаго уваженія къ властямъ предержащимъ, къ этой опорѣ существующаго порядка или, вѣрнѣе, безпорядка“. Въ „Хроникѣ С.-Петербургскихъ театровъ“ находимъ слѣдующій разсказъ о постановкѣ на сцену „Ревизора“: „Гоголю, какъ и всѣмъ сатирическимъ писателямъ, нападающимъ на недостатки современнаго общества и особенно администраціи, большого труда стоило добиться до представленія своей пьесы. При чтеніи ея цензура перепуга-

[1]) Т. I, стр. 174.
[2]) Стр. 484.
[3]) Послѣдующія цитаты взяты изъ „Матеріаловъ“ для біографіи Гоголя. В. И. Шенрока. I—III тт.

Digitized by Google

лась и строжайше запретила ее. Оставалось автору апеллировать на такое рѣшеніе въ высшую инстанцію. Онъ такъ и сдѣлалъ. Жуковскій, князь Вяземскій, графъ Віельгорскій рѣшились ходатайствовать за Гоголя, и усилія ихъ увѣнчались успѣхомъ. „Ревизоръ" былъ вытребованъ въ Зимній дворецъ, и графу Віельгорскому поручено его прочитать. Графъ, говорятъ, читалъ прекрасно; разсказы Бобчинскаго и Добчинскаго и сцена представленія чиновниковъ Хлестакову очень понравились и затѣмъ, по окончаніи чтенія, послѣдовало Высочайшее разрѣшеніе играть комедію.

Первое представленіе ея состоялось на Александровскомъ театрѣ 22-го апрѣля 1836 года. Зала наполнилась избранной публикою, вся аристократія была на-лицо, зная, что государь обѣщалъ быть въ театрѣ. Роли распредѣлились какъ нельзя лучше... Успѣхъ былъ колоссальный. Публика хохотала до упадку и осталась очень довольна исполнителями. Государь, уѣзжая, сказалъ: „Тутъ всѣмъ досталось, а болѣе всего мнѣ". Что однако жъ не помѣшало удержаться комедіи въ репертуарѣ.

Въ своемъ дневникѣ А. В. Никитенко разсказываетъ: „Комедія Гоголя „Ревизоръ" надѣлала много шуму. Ее безпрестанно даютъ—почти черезъ день. Государь былъ на первомъ представленіи, хлопалъ и много смѣялся. Я попалъ на третье представленіе. Была государыня съ наслѣдникомъ и великими княжнами. Ихъ эта комедія тоже много тѣшила. Государь даже велѣлъ министрамъ ѣхать смотрѣть „Ревизора". Впереди меня, въ креслахъ, сидѣли графъ Чернышевъ и графъ Канкринъ. Первый выразилъ свое полное удовольствіе; второй только сказалъ: стоило ли ѣхать смотрѣть такую глупую фарсу!.. Многіе полагаютъ, что правительство напрасно одобряетъ эту пьесу, въ которой оно такъ жестоко порицается. Я видѣлся вчера съ Гоголемъ. Онъ имѣетъ видъ великаго человѣка, преслѣдуемаго оскорбленнымъ самолюбіемъ. Впрочемъ, Гоголь дѣйствительно сдѣлалъ важное дѣло. Впечатлѣніе, произведенное его комедіей, много прибавляетъ къ тѣмъ впечатлѣніямъ, которыя накапливаются въ умахъ отъ существующаго порядка вещей". Но реакціонеры разнюхали, чье мясо кошка съѣла, и обрушились на бѣднаго автора.

Многіе сановные „темные люди" и чиновники роптали: „Теперь, значитъ, ужъ ничего не осталось. Законовъ не нужно, служить не нужно. Вицмундиръ, вотъ, который на мнѣ,—его, значитъ, нужно бросить: онъ просто тряпка... Говорятъ: „бездѣлушка, пустяки, театральное представленіе". Нѣтъ, это не простыя бездѣлушки; на это обратить нужно строгое вниманіе. За этакія вещи и въ Сибирь посылаютъ. Да если бы я имѣлъ власть, у меня бы авторъ не пикнулъ. Я бы его въ такое мѣсто засадилъ, что онъ бы и свѣта Божьяго не взвидѣлъ". Другіе, болѣе откровенные, называли и это самое мѣсто: „въ Нерчинскъ!" Раздосадованный и утомленный хлопотами по постановкѣ комедіи на сцену и шумными безтолковыми пересудами

Digitized by Google

молодой Гоголь, праздновавшій свою двадцатьседьмую весну, собирается въ путешествіе заграницу поправить разстроенное здоровье и собраться съ силами къ новымъ литературнымъ трудамъ.

Передъ отъѣздомъ заграницу Гоголь пишетъ Погодину: „Грустно, когда видишь, въ какомъ еще жалкомъ состояніи находится у насъ писатель. Всѣ противъ него и нѣтъ никакой сколько-нибудь равносильной стороны за него. „Онъ зажигатель! Онъ бунтовщикъ!" И кто же говоритъ? Это говорятъ мнѣ люди государственные, люди выслужившіеся, опытные люди, которые должны бы имѣть на сколько-нибудь ума, чтобъ понять дѣло въ настоящемъ видѣ, люди, которые считаются образованными и которыхъ свѣтъ, по крайней мѣрѣ русскій свѣтъ, называетъ образованными. Выведены на сцену плуты, и всѣ въ ожесточеніи, зачѣмъ выводить на сцену плутовъ. Пусть сердятся плуты; но сердятся тѣ, которыхъ я не зналъ вовсе за плутовъ. Прискорбна мнѣ эта невѣжественная раздражительность, признакъ глубокаго, упорнаго невѣжества, разлитаго на наши классы. Столица щекотливо оскорбляется тѣмъ, что выведены нравы шести чиновниковъ провинціальныхъ; что же бы сказала столица, если бы выведены были хотя слегка ея собственные нравы? Я огорченъ не нынѣшнимъ ожесточеніемъ противъ моей пьесы; меня заботитъ моя печальная будущность. Провинція уже слабо рисуется въ моей памяти, черты ея уже блѣдны, но жизнь петербургская ярка передъ моими глазами, краски ея живы и рѣзки въ моей памяти. Малѣйшая черта ея—и какъ тогда заговорятъ мои соотечественники! И то, что бы приняли люди просвѣщенные съ громкимъ смѣхомъ и участіемъ, то самое возмущаетъ желчь невѣжества; а это невѣжество всеобщее. Сказать о плутѣ, что онъ плутъ, считается у нихъ подрывомъ государственной машины; сказать какую-нибудь только живую и вѣрную черту—значитъ, въ переводѣ, опозорить все сословіе и вооружить противъ него другихъ, или его подчиненныхъ. Разсмотри положеніе бѣднаго автора, любящаго между тѣмъ сильно свое отечество и своихъ же соотечественниковъ, и скажи ему, что есть небольшой кругъ, понимающій его, глядящій на него другими глазами, утѣшитъ ли это его? Москва больше расположена ко мнѣ, но отчего? Не оттого ли, что я живу въ отдаленіи отъ нея, что портретъ ея еще не былъ виденъ нигдѣ у меня, что, наконецъ... не хочу на этотъ разъ выводить всѣ случаи" [1]).

Когда дошли заграницу вѣсти о смерти поэта Пушкина, роковой случай, совершенно не предусмотрѣнный Гоголемъ, ничто уже не могло возвратить юмориста въ культурную среду петербургскаго общества. На призывъ изъ Москвы профессора Погодина обжившійся за-границей Гоголь отвѣчаетъ изъ Рима: „Для чего я пріѣду? Не видалъ я развѣ дорогого сбо-

---

1) Письма В. Н. Гоголя. Т. I, стр. 378.

Digitized by Google

рина нашихъ просвѣщенныхъ невѣждъ?... О, когда я вспомню нашихъ судей, меценатовъ, ученыхъ умниковъ, благородное наше аристократство, сердце мое содрогается при одной мысли! Должны быть сильныя причины, когда онѣ меня заставили рѣшиться на то, на что бы я не хотѣлъ рѣшиться. Или, ты думаешь, мнѣ ничего, что мои друзья, что вы отдѣлены отъ меня горами? Или я не люблю нашей неизмѣримой, нашей родной русской земли! Я живу около года въ чужой землѣ, вижу прекрасныя небеса, міръ, богатый искусствами и человѣкомъ- то то-бы Пушкину раздолье!—но развѣ перо мое принялось описывать предметы, могущіе поразить всякаго? Ни одной строки не могъ посвятить я чуждому. Непреодолимою цѣпью прикованъ я къ своему, и нашъ бѣдный, неяркій міръ нашъ, наши курныя избы, обнаженныя пространства предпочелъ я небесамъ лучшимъ, привѣтливѣе глядѣвшимъ на меня. И я ли послѣ этого могу не любить своей отчизны? Но ѣхать, выносить надменную гордость безмозглаго класса людей, которые будутъ передо мною дуться и даже мнѣ пакостить,—нѣтъ, слуга покорный! Въ чужой землѣ я готовъ все перенести, готовъ нищенски протянуть руку, если дойдетъ до этого дѣло; но въ своей—никогда!" [1]). Заграницей онъ пишетъ общественный романъ, завѣщенный поэтомъ Пушкинымъ, поэму „Мертвыя Души", широкой кистью набрасывая отрицательные русскіе типы дореформеннаго быта.

Не прошло года его пребыванія за-границей, какъ Гоголь обращается къ своему протеже Жуковскому съ письмомъ изъ Рима: „Я долженъ продолжать мной начатый, большой трудъ, который писать взялъ съ меня слово Пушкинъ, котораго мысль есть его созданіе и который обратился для меня съ этихъ поръ въ священное завѣщаніе. Я дорожу теперь минутами моей жизни потому, что не думаю, чтобъ она была долговѣчна; а между тѣмъ... я начинаю вѣрить тому, что прежде считалъ басней, что писатели въ наше время могутъ умирать съ голоду. Но чуть ли это не правда... Я думалъ, думалъ и ничего не могъ придумать лучше, какъ прибѣгнуть къ государю". Время отъ времени Гоголь получаетъ, благодаря посредничеству Жуковскаго и Плетнева, вспомоществованія отъ государя, особъ царствующаго дома, и пользуется кредитомъ отъ своихъ знакомыхъ. Несмотря на экономную жизнь, русскій юмористъ не могъ содержать себя доходами отъ продажи своихъ произведеній,—главнымъ образомъ, по причинѣ непрактичности его сдѣлокъ съ издателями, отчасти, вслѣдствіе малочисленности русскихъ читателей въ его время.

Многія заграничныя письма Гоголя, по изяществу и выразительности языка, глубинѣ и оригинальности содержанія,—своего рода литературныя произведенія. Появись они въ свое время, могли бы вызвать оживленную, полезную для выясненія взглядовъ автора, журнальную полемику. Сознаніе худож-

[1]) Т. I, стр. 434—5.

Digitized by Google

ника-юмориста не застоялось бы въ созерцательныхъ образахъ и тѣсномъ общеніи въ кружкѣ близкихъ людей, подчиняющихся его нравственному и интеллектуальному вліянію. Въ письмахъ Гоголь нерѣдко затрагиваетъ, порою глубоко анализируетъ, всегда въ живой, страстной и увлекательной формѣ, эстетическіе, нравственные, философскіе и политическіе вопросы,—и все это только въ частныхъ корреспонденціяхъ къ друзьямъ и знакомымъ! Такое явленіе едва ли возможно въ настоящее время. Кому же теперь придетъ охота излагать чуть ли ни цѣлые трактаты въ частныхъ письмахъ къ знакомымъ? Тогда другое дѣло: пресса и гласность находились въ жалкомъ положеніи. Встрѣчались такіе главари кружковъ, какъ извѣстный Станкевичъ, ничѣмъ не заявившій себя въ литературѣ, а, между тѣмъ, яркимъ лучомъ свѣта горитъ его звѣзда въ движеніи русскаго самосознанія. Другіе энтузіасты пошли еще дальше и глубже; біеніе своего сердца и вибрацію мысли запечатлѣли въ летучихъ листкахъ къ друзьямъ и недругамъ. Рукописныя стихотворенія, драмы, повѣсти и философскіе этюды были въ большомъ распространеніи. Нисколько, поэтому, неудивительно, что впослѣдствіи частная переписка стала опубликовываться, хотя случаи и событія, вызвавшіе ее, потеряли злобу общественнаго дня и давно канули въ вѣчность. Тоже самое приходится сказать о письмахъ нашего юмориста, сохранившихъ біографическій или, если хотите, психологическій интересъ. По общему объему, т. е. по количеству печатныхъ листовъ, письма превосходятъ его художественныя произведенія и развѣ немногимъ уступаютъ его сочиненіямъ въ собственномъ смыслѣ. Никакъ нельзя утверждать, чтобы творцы занимательныхъ посланій когда-либо пренебрегали услугами типографскаго станка,—что впослѣдствіи доказалъ и Гоголь,—тѣмъ болѣе такіе изъ нихъ, которые—конечно, въ томъ числѣ и Бѣлинскій, и Гоголь,—чрезвычайно нуждались въ литературномъ заработкѣ. Какая же причина тому, что частная переписка по общественнымъ, нравственнымъ и научнымъ вопросамъ замѣняла оживленную журнальную полемику?.. Во всякомъ случаѣ, это было общимъ явленіемъ, характернымъ для того времени, явленіемъ, показывающимъ наглядно, что даже въ наиболѣе интеллигентныхъ кружкахъ личная жизнь, частныя отношенія преобладали надъ общественными. Тогда у насъ только-что слагалась общественность, въ смыслѣ нравственнаго и интеллектуальнаго сплоченія гражданъ, возникало русское общественное мнѣніе и начало ему положила литература.

II.

Въ 1842 году вышелъ въ свѣтъ первый томъ поэмы „Мертвыя Души", надъ которымъ Гоголь работалъ шесть лѣтъ. О впечатлѣніи на современниковъ и общественномъ значеніи этого литературнаго труда можно судить по отзывамъ та-

Digitized by Google
Гос. Публичная Б-ка

кого чуткаго критика, одареннаго постоянно бьющейся жилкой гражданственности, какимъ былъ В. Г. Бѣлинскій: „Вообще ни одинъ поэтъ на Руси—говоритъ онъ въ отзывѣ—не имѣлъ такой странной судьбы, какъ Гоголь: въ немъ не смѣли видѣть великаго писателя даже люди, знавшіе наизусть его творенія, къ его таланту никто не былъ равнодушенъ: его или любили восторженно, или ненавидѣли. И этому есть глубокая причина, которая доказываетъ скорѣе жизненность, чѣмъ мертвенность нашего общества. Гоголь первый взглянулъ смѣло и прямо на русскую дѣйствительность, и если къ этому присовокупить его глубокій юморъ, его безконечную иронію, то ясно будетъ, почему ему еще долго не быть понятымъ, и что обществу легче полюбить его, чѣмъ понять... Ни въ журналахъ, ни отдѣльно не являлось ничего капитальнаго, ничего такого, что составляетъ вѣчное пріобрѣтеніе литературы и, какъ лучи солнечные въ фокусѣ стекла, сосредоточиваетъ въ себѣ общественное сознаніе, въ одно и то же время возбуждая и любовь, и восторженныя похвалы, и ожесточенныя порицанія, полное удовлетвореніе и совершенное недовольство, но во всякомъ случаѣ общее вниманіе, шумъ, толки и споры. Какое-то апатическое уныніе овладѣло литературой; торжество посредственности было полное; видя, что ничто ей не мѣшаетъ, она овладѣла и романомъ, и повѣстью, и театромъ... И вдругъ, среди этого торжества мелочности, посредственности, ничтожества, бездарности, среди этихъ пустоцвѣтовъ и дождевыхъ пузырей литературныхъ, среди этихъ ребяческихъ затѣй, дѣтскихъ мыслей, ложныхъ чувствъ, фарисейскаго патріотизма, приторной народности,—вдругъ, словно освѣжительный блескъ молніи среди томительной и тлетворной духоты и засухи, является твореніе чисто русское, національное, выхваченное изъ тайника народой жизни, столько же истинное, сколько и патріотическое, безпощадно сдергивающее покровъ съ дѣйствительности и дышащее страстной, нервистой, кровной любовью къ плодовитому зерну русской жизни; твореніе необъятно-художественное по концепціи и выполненію, по характерамъ дѣйствующихъ лицъ и подробностямъ русскаго быта,—и въ то же время глубокое по мысли, соціальное, общественное и историческое“ [1])... Жертвой безпощаднаго гоголевскаго юмора пали мелкопомѣстные и многодушные помѣщики-крѣпостники, провинціальные дореформенные чиновники отъ почтмейстера до губернатора, вышивающаго по тюлю. Заграничная посылка была такъ сильна и убійственна для многочисленныхъ обывательскихъ классовъ, что русскій юмористъ счелъ долгомъ объясниться по поводу *такого* исполненія „*завѣщанія*“ Пушкина.

— „Герои мои вовсе не злодѣи—объяснялся юмористъ,—прибавь я только одну добрую черту любому изъ нихъ, читатель помирился бы со всѣми. Испугало ихъ то, что одинъ

---

[1]) Сочиненія В. Г. Бѣлинскаго въ 4-хъ томахъ. Изд. Ф. Павленкова. Т. III, стр. 727—9.

Digitized by Google

за другимъ слѣдуютъ у меня герои—одинъ пошлѣе другого, что нѣтъ ни одного утѣшительнаго явленія, что негдѣ даже и пріотдохнуть или духъ перевести бѣдному читателю, и что, по прочтеніи всей книги, кажется, какъ бы точно вышелъ изъ какого-то душнаго погреба на свѣтъ Божій. Мнѣ бы скорѣе простили, если бы я выставилъ картинныхъ изверговъ; но пошлости не простятъ мнѣ. Русскаго человѣка испугала его ничтожность болѣе, нежели всѣ его пороки и недостатки". Но это ничтожество русскаго человѣка вытекаетъ изъ его пороковъ и недостатковъ, его беззащитности передъ случаемъ и жалкой зависимости отъ однообразной, обезличивающей человѣческую волю, обстановки.

Картечь гоголевскаго юмора, заряженная въ пушку „мертвыхъ душъ", пробила брешь въ крѣпостномъ правѣ, но не выяснила зависимости его отъ соціальныхъ условій русской жизни. Въ своихъ произведеніяхъ Гоголь даетъ малую посылку для соціальнаго силлогизма: характеры и отношенія людей зависятъ отъ общественной организаціи; г) эти отношенія и характеры порочны, безобразны и достойны осмѣянія; слѣдовательно, для устраненія показанныхъ личныхъ недостатковъ и злоупотребленій необходимы соціальныя реформы. Большая посылка и заключеніе популяризуются Бѣлинскимъ во многихъ его критическихъ статьяхъ и рецензіяхъ. Однако, безъ малой посылки никакой силлогизмъ невозможенъ. Откуда же мы возьмемъ эмпирическое обобщеніе и статистику нравовъ? Какъ подсчитать и выразить нравственныя движенія человѣка? Вѣрный дѣйствительности художественный образъ сразу даетъ и обобщеніе жизни, и яркій примѣръ, вліяющій на нравственное чувство. Гоголь далъ тѣ отрицательные факты въ общемъ видѣ, къ которымъ всѣ приглядѣлись... Подмѣченные его рѣдкой наблюдательностью и воспроизведенные юмористическою кистью, факты эти глубоко возмутили общественное чувство и здравый смыслъ. Вліяніе его художественныхъ произведеній было такъ велико, что вызвало многія подражанія въ обличительной литературѣ. Великій англійскій историкъ-раціоналистъ Бокль говоритъ: „Самыми цѣнными пріобрѣтеніями законодательства были мѣры, уничтожавшія какіе-нибудь прежніе законы; а въ числѣ законовъ, которые были вновь издаваемы, наилучшими всегда оказывались законы объ отмѣнѣ прежде изданныхъ постановленій". И, защищая русскій флагъ, Севастополь пережилъ траги-комедію, конечно, не подъ градомъ англійскихъ и французскихъ теорій, а подъ довольно вещественными, чугунными ядрами, спеціально приспособленными для войны. Насколько интенсивно шла въ это время работа общественнаго сознанія—видно хотя бы изъ того факта, что прошло только *девятнадцать* лѣтъ отъ выхода въ свѣтъ „Мертвыхъ Душъ" до манифеста объ освобожденіи крестьянъ.

До сихъ поръ настойчиво утверждаютъ, что „Выборныя мѣста изъ переписки съ друзьями" подорвали общественное

Digitized by Google

вліяніе русскаго юмориста. Но такъ ли дѣйствительно? Надѣлавшая много шуму и вызвавшая горячія пренія, книжоночка эта, подобно „Похвалѣ глупости“ гуманиста Эразма, богослова и сатирика, то же „Писемъ темныхъ людей“ Ульриха фонъ-Гуттена — одного изъ авторовъ, — сыграла роль, что называется, отрицательной пропаганды или доказательства отъ противнаго. Не ограничиваясь сведеніемъ „нищеты и несовершенствъ“ русской жизни до нагляднаго опошленія, „лукавый хохолъ“, какъ ласкательно называла его фрейлина Россетъ, прибѣгнулъ къ сократовскому методу выспрашиванія и наведенія, что и утверждается юмористомъ во многихъ письмахъ: „они покажутъ мнѣ болѣе *меня самого* и покажутъ мнѣ въ то же время *васъ*, то есть *моихъ читателей* (курсивъ самого „лукаваго хохла“). Не увидѣвши яснѣе, что такое въ настоящую минуту я самъ и что такое мои читатели, я былъ бы въ рѣшительной невозможности сдѣлать дѣльно свое дѣло“ [1]).

Во многихъ отношеніяхъ неудобно вторгаться въ анализъ психо-физіологическихъ началъ хотя бы мистики, опирающейся на религіозное чувство и традицію. По той же причинѣ вовсе не коснемся *„гогольскаго юмора“* [2]), тембръ и ритмъ котораго во многихъ созвучіяхъ совпадаютъ съ мистикой, представляющей оборотную сторону медали... Послѣдующіе годы жизни Гоголя не дали крупныхъ соціальныхъ событій. Обратимся къ здоровымъ элементамъ его переписки по поводу изданной книги.

Въ это время къ Н. В. Гоголю приходило множество обличающихъ его писемъ и въ отвѣтахъ на нихъ онъ сумѣлъ постоять за себя. На обвиненіе въ ханжествѣ и склонности къ католичеству Гоголь отвѣчалъ С. П. Шевыреву: „Что же касается до *католичества*, то скажу тебѣ, что я пришелъ ко Христу скорѣе *протестантскимъ*, чѣмъ *католическимъ* путемъ“ [3]) (вездѣ курсивъ Гоголя). Сановные „темные люди“, дореформенные чиновники и крѣпостники-помѣщики не протянули юмористу дружественной руки: но и убѣжденные славянофилы и либералы отвернулись отъ него, страстно и безпощадно обвиняя его въ отступничествѣ отъ защиты угнетенной человѣческой личности въ ея естественныхъ интересахъ и стремленіяхъ, въ измѣнѣ просвѣтительному и гуманическомъ движенію.

Во многихъ своихъ письмахъ Гоголь оправдывается отъ взводимыхъ на него обвиненій. Въ черновикѣ письма къ Бѣлинскому, до отвѣта 10-го августа 1847 года, Гоголь объясняетъ, какъ понимаетъ онъ соціальное значеніе своихъ юмористическихъ произведеній: „Насмѣшка и нелюбовь слышались у меня не надъ властью, не надъ коренными законами нашего государства, но надъ извращеніемъ, надъ уклоненіемъ, надъ неправильными толкованіями, надъ дурнымъ приложеніемъ

---

[1]) Т. III, стр. 321.

[2]) Для психологіи смѣха даны научныя основанія въ книгѣ Рибо „Психологія чувствъ“, вышедшей на русскомъ въ двухъ переводахъ.

[3]) Т. III, стр. 355.

Digitized by Google

ихъ. Нигдѣ не было у меня насмѣшки надъ тѣмъ, что составляетъ основаніе русскаго характера и его великія силы" [1]). Въ отвѣтѣ на знаменитое письмо Бѣлинскаго онъ замѣчаетъ: „На всякой сторонѣ есть равно благородные и умные люди, но мнѣ показалось только неприложной истиной, что я вовсе не знаю Россіи, что много измѣнилось съ тѣхъ поръ, какъ я въ ней не былъ, что нынѣ нужно почти сызнова узнавать все то, что есть въ ней теперь, а выводъ изъ всего этого вывелъ я для себя тотъ,—что не слѣдуетъ выдавать въ свѣтъ ничего, не только никакихъ живыхъ образовъ, но даже и двухъ строкъ какого бы то ни было писанія, покуда, пріѣхавши въ Россію, не увижу многаго собственными глазами и не пощупаю собственными руками" [2]). По тому же поводу онъ пишетъ Анненкову: „Всякому необыкновенному человѣку слѣдуетъ до времени не обнаруживать своего внутренняго процесса, которые совершаются, теперь повсемѣстно, и прежде всего въ людяхъ, стоящихъ впереди: всякое слово его будетъ принято въ другомъ смыслѣ, и что въ немъ состояніе *переходное*, то будетъ принято другими за *нормальное*. Вотъ почему всякому человѣку, одаренному талантомъ необыкновеннымъ, слѣдуетъ прежде состроиться сколько-нибудь самому" [3]). На что и были направлены всѣ нравственныя усилія Гоголя до послѣднихъ моментовъ жизни, рановременно оборвавшейся, на 43 мъ году, отъ неумѣлаго пользованія врачами его организма, какъ это доказываютъ новѣйшія изслѣдованія спеціалистовъ.

Памятникомъ отношенія Гоголя къ пролетаріатскому движенію и его взгляда на роль и назначеніе интеллигенціи служатъ его собственныя слова въ упомянутомъ письмѣ къ Анненкову: „Я еще новичекъ въ этомъ дѣлѣ, но сколько могу судить по тѣмъ результатамъ, которые отбираю теперь отъ всѣхъ людей, прилежно наблюдающихъ надъ дѣйствующими нынѣ силами въ Европѣ, я, однако жъ, замѣтилъ нѣкоторую неполноту въ вашихъ наблюденіяхъ и упущенья, которыя вы сдѣлали на вашемъ пути. Это я приписываю тому, что вы сдѣлали представителемъ всего для себя Парижъ и оставили совершенно въ сторонѣ Англію, гдѣ важная сторона современнаго дѣла. По моему разумѣнію, вамъ почти необходимо туда съѣздить, и не то, чтобы взглянуть только на Лондонъ, но именно прожить въ Англіи, затѣмъ избрать въ предметъ наблюденій не одинъ какой-нибудь классъ *пролетаріевъ*, изученье котораго стало теперь моднымъ, но взглянуть на всѣ классы, не выключая никакого изъ нихъ. Несмотря на чудовищное совмѣщеніе многихъ крайностей, до такой степени противоположныхъ, что если бы кто изъ насъ заговорилъ о нихъ обѣихъ вдругъ, могли бы подумать, что ораторъ хочетъ служить и Богу, и чорту вмѣстѣ; несмотря на это, мѣстами

---

[1]) Т. IV, стр. 33.
[2]) Т. IV, стр. 45.
[3]) Т. IV, стр. 81.

Digitized by Google

является такое разумное слитіе того, что доставила человѣку высшая *гражданственность*, съ тѣмъ, что составляетъ первообразную *патріархальность*, что вы усомнитесь во многомъ, равно какъ и въ томъ, дѣйствительно ли въ васъ отражается полно вся нынѣшняя современность. Мнѣ кажется еще, что вы напрасно чуждаетесь спеціальнаго труда. Какой-нибудь спеціальный трудъ долженъ быть непремѣнно у каждаго изъ насъ. Сверхъ пребыванія на боевой вершинѣ современнаго движенія, нужно имѣть свой собственный уголокъ, въ который можно было бы на время уходить отъ всего. Нельзя, чтобы каждый изъ насъ не получилъ на долю свою какой-нибудь способности, ему принадлежащей; нельзя, чтобы не было ея и у васъ, иначе бы мы всѣ походили другъ на друга, какъ двѣ капли воды, и весь міръ былъ бы одна мануфактурная машина. Безъ этого спеціальнаго труда не образуется характеръ индивидуала, изъ которыхъ слагается общество, идущее *впередъ*. Безъ этихъ своеобразно работающихъ единицъ *не быть* общему прогрессу" [1]). Таковъ завѣтъ юмориста-подвижника новому поколѣнію, проводившему въ жизнь великія соціальныя реформы.

Въ своихъ воспоминаніяхъ... В. Анненковъ разсказываетъ о послѣдней встрѣчѣ своей съ Гоголемъ въ Москвѣ осенью 1851 года. Юмористъ „продолжалъ думать, что по отсутствію выдержки въ русскихъ характерахъ преслѣдованіе печати и жизни не можетъ долго длиться, и совѣтовалъ литераторамъ и труженикамъ всякаго рода пользоваться этимъ временемъ для тихаго приготовленія серьезныхъ работъ ко времени облегченія. Эту же мысль развивалъ онъ при мнѣ и въ 1849 году на вечерѣ у Александра Комарова. Тогда произошла довольно наивная сцена. Некрасовъ, присутствовавшій тоже на немъ, замѣтилъ: „Хорошо, Николай Васильевичъ, да вѣдь за все это время надо еще ѣсть". Гоголь былъ опѣшенъ, устремилъ на него глаза и медленно произнесъ: „Да, вотъ это трудное обстоятельство" [2]). Съ этимъ „обстоятельствомъ" да съ цензурой Гоголь никакъ не могъ поладить до конца своей жизни.

И. М. Новъ.

---

[1]) Письма Н. В. Гоголя. Т. IV, стр. 82.

[2]) Стр. 515. П. В. Анненковъ и его друзья. Литературныя воспоминанія и переписка 1835—1885 годовъ. Спб. 1892.

Digitized by Google

Злая роса.

ПОВѢСТЬ.

(*Продолженіе*).

VII.

Въ подвалѣ было уже темно. На письменномъ столѣ рѣзко бѣлѣлось еще письмо, полученное, должно быть, утромъ. Бородинъ раздѣлся и зажегъ лампу. Ходасевича, по обыкновенію, не было дома.

Не спѣша, Бородинъ прочелъ письмо сестры.

Настя писала, что измучилась, жаловалась на одиночество, на этихъ чужихъ дѣтей, которыя говорили ей дерзости, плевали ей на платье и ни въ грошъ ее не ставили. А родители все это видѣли и улыбались.

— Чего же вы хотите?—Вѣдь это дѣти, говорили они.

„Когда, наконецъ, наступитъ Пасха и я вырвусь къ вамъ гостить?—Просто не дождусь.—Бросила бы все сейчасъ, да у мамы нѣтъ бурнуса и ватерпруфъ весь износился у нея.—Ахъ, тоска, Димушка! Лютая тоска“...

Бородинъ между строкъ читалъ то, чего она не договаривала по своей деликатности:

„Когда же, Димушка, тебѣ дадутъ прибавку и ты возьмешь къ себѣ и меня, и маму?—Мы обѣ такъ изстрадались“.

Этого она не писала, но Бородинъ чувствовалъ эти нѣмые укоры и страдалъ отъ безсилія помочь сестрѣ. Онъ нѣжно любилъ эту кроткую, безотвѣтную дѣвушку, которая не вышла замужъ и счастья не узнаетъ никогда.

Еще сильнѣе любилъ онъ мать. Отца, офицера, умер-

Digitized by Google

шаго черезъ три года послѣ брака, онъ не помнилъ совсѣмъ. Мать онъ всегда видѣлъ въ слезахъ, въ нуждѣ и безпросвѣтной работѣ. Въ гимназію за него и Настю платили тетки, сестры отца. Въ старшихъ же классахъ онъ давалъ уроки, заработокъ несъ матери и сокращалъ свои потребности съ дѣтства.

Онъ и теперь отдавалъ ей часть своего жалованья. Она служила рукодѣльной дамой въ одномъ казенномъ училищѣ. Имѣла квартиру, столъ и девять рублей въ мѣсяцъ. Бородинъ въ ея крохотной комнаткѣ проводилъ всѣ часы досуга. Онъ любилъ мать за ея скомканную жизнь, за ея дѣтское почти малодушіе, съ которымъ она встрѣчала мелочные уколы жизни. Онъ не забывалъ, какой героиней выказала она себя въ критическія минуты.—Онъ любилъ ее за ея рѣдкую, сдержанную ласку, за ея довѣрчивость и душевную ясность, которая не потускнѣла даже среди унизительной бѣдности. Онъ зналъ, что мать его—гордячка. Будетъ голодать, но взаймы не попроситъ, и цѣнилъ ее за это еще больше. Семья одна давала ему отраду, но эта отрада была блѣдная. Привязанность его питалась печалью, выросла на жалости, какъ унылые камыши на болотѣ...

Однако, въ послѣднее время онъ тяготился бывать и у нея. Не разъ онъ заставалъ ее въ слезахъ, она осыпала его упреками. Нѣтъ больше у нея силъ работать! Отчего онъ не ищетъ другого мѣста?—Вѣдь она всю жизнь мечтала, какъ дѣти выростутъ, успокоятъ ее... что они будутъ жить вмѣстѣ, какъ другіе.—А вотъ ей приходится терпѣть отъ капризныхъ дѣвчонокъ, отъ дерзкихъ классныхъ дамъ, отъ этой надутой начальницы! Когда же этому конецъ? Нѣтъ, онъ ее мало любитъ, если не ищетъ... Гдѣ искать? Ахъ! Почемъ она знаетъ? Это его дѣло, онъ мужчина. Нельзя быть лежачимъ камнемъ и т. д.

Нервы ея были въ конецъ разстроены.

Трудно передавать, въ какое подавленное состояніе приводили Бородина эти сцены. Ни искать, ни хлопотать, ни кланяться, ни добиваться—онъ ничего этого органически не умѣлъ. Слезы матери вызывали въ немъ взрывъ отчаянія. Да, съ ея точки зрѣнія, онъ ничего кромѣ презрѣнія не заслуживалъ. Изъ университета исключили, карьеры себѣ не сдѣлалъ, дальше сорока рублей не идетъ по службѣ, да и этимъ-то дѣломъ тяготится.

Онъ уходилъ отъ нея, измученный этимъ страшнымъ непониманіемъ его души, возмущенный запросами, которые она къ нему предъявляла, но страдая искренно

Digitized by Google

за ея горе, которому помочь былъ безсиленъ. Его внутренній міръ былъ ей такъ же чуждъ и ненуженъ, какъ дворнику Егору.

— Надо, однако, вечернихъ работъ поискать, уроковъ,—говорилъ онъ себѣ, уходя ночевать послѣ подобныхъ сценъ.—Надо просить Шиманскаго. У него всегда уроки. Пускай она броситъ службу,—какъ-нибудь проживемъ.

Но на другое же утро ужасъ передъ жизнью, передъ ея неизбѣжной прозой и мелочами,—ужасъ имѣть семью и отвѣчать за нее, нести на своихъ плечахъ этотъ грузъ—все это парализовало его волю и отымало послѣдній вкусъ къ жизни.

Бѣдствовать, лишаться послѣдняго комфорта, вѣчно дрожать за завтра, опуститься до степени пролетарія,—о,—стоитъ ли жить при такихъ условіяхъ?!

А главное,—не имѣть ни времени, ни возможности читать, идти впередъ, работать безкорыстно,—спуститься до роли машины и вьючнаго скота ради матери и сестры,—задавить высшія свои потребности!

Эта мысль его озлобляла.

Проходили день за днемъ—и все оставалось постарому.

Бородинъ бросилъ письмо сестры и легъ на постель.

„Въ сущности подумалъ онъ, не каждому ли изъ насъ—только до себя? Зачѣмъ навязываютъ намъ этотъ долгъ, эти жестокія обязанности жить для родныхъ, несомнѣнно ведущія къ угнетенію личности, къ произволу съ одной стороны и безцѣльной жертвѣ съ другой?“

Онъ вспомнилъ о другомъ письмѣ, вынулъ его изъ кармана и тяжело вздохнулъ.

Наврядъ ли и оно доставитъ пріятное ощущеніе? Стоитъ ли читать?

Но любопытство и жажда развлечься взяли верхъ.

Это писала Вѣра, барышня двадцати-четырехъ лѣтъ, сосѣдка его тетокъ, у родителей которой былъ тоже небольшой хуторъ.

Еще дѣтьми они были влюблены другъ въ друга, а потомъ каждое лѣто возобновляло впечатлѣнія Бородина, блѣднѣвшія за учебный годъ въ столицѣ.

Всѣ были увѣрены, да и они—когда Бородину было шестнадцать лѣтъ—думали, что потомъ женятся.

Ореолъ первой любви такъ шелъ къ красивой головкѣ Вѣры и она носила его съ честью. Она отказывала всѣмъ женихамъ, бѣднымъ офицерамъ и богатымъ помѣщикамъ, очаровательно водила ихъ за собой, какъ свиту—и ждала...

Digitized by Google

Высокая блондинка, съ сверкающими, большими глазами истерички, она казалось соскочила со страницъ романа Достоевскаго. Столько въ ней было странностей, капризовъ и безволія и неуловимой смѣны—настроеній! У нея не было ни одного грубаго жеста, ни одного чувственнаго порыва...

Она кончила въ мѣстной гимназіи, много читала, но Бородинъ никогда не могъ опредѣлить ея нравственной физіономіи. Она казалась загадкой и это именно его привлекало. — Насмѣшливая и дерзкая съ другими, она была безгласной игрушкой въ рукахъ того самого Бородина, котораго когда-то ласкала небрежно, съ видомъ королевы, когда ему было семнадцать лѣтъ. Онъ казался мальчикомъ, она была уже взрослой.

Роли перемѣнились, когда двадцатилѣтнимъ студентомъ, на второмъ курсѣ онъ пріѣхалъ къ теткѣ на хуторъ. Ея любовь была ему не нужна. Другія чувства завладѣли его душой, другія идеи его сознаніемъ. Отъ него вѣяло холодомъ, онъ рѣзко просилъ не разсчитывать на него, потому что онъ никогда не женится. Все это слишкомъ буржуазно и пошло.

Трудно сказать, до какого пароксизма страсти довела ее эта неожиданная холодность! У нея не было уже ни самолюбія, ни своей воли, ни страха за будущее. Она открыто бравировала своими чувствами, она отдавалась ему безъ разсчетовъ, не прося награды или гарантій. Ему стоило только протянуть руку.

Онъ остался безстрастнымъ.

Въ этомъ году было ихъ послѣднее свиданіе. Она очевидно устала ждать и надѣяться. Ей было двадцать-четыре года. Женихи уходили понемногу, подруги вышли замужъ и разъѣхались, все пустѣло кругомъ.

О, она отлично понимала, что Бородину не на что теперь жениться и содержать семью. Сама она не умѣла работать и боялась его „утопить". Она опять-таки ни на что не разсчитывала. Но онъ былъ такъ неудовлетворенъ жизнью и подавленъ. Ей было жаль его. Наконецъ ей самой такъ страстно хотѣлось счастья и забвенья, хотя на мигъ... Юность уходила, не давъ ничего, кромѣ безплодно угасшихъ порывовъ и нѣсколькихъ поэтическихъ минутъ въ прошломъ.

Она познакомила его съ послѣднимъ претендентомъ, недавно пріѣхавшимъ въ эти края помѣщикомъ. Это былъ здоровый молодой человѣкъ, волосатый, сильный, банальный и шумный. Онъ былъ влюбленъ безумно, у него было прекрасное состояніе и доброе сердце.

Digitized by Google

Вѣра безпощадно издѣвалась надъ нимъ, особенно въ присутствіи Бородина.

— Хочешь, Дима,—сказала она ему разъ,—блистая странно какъ то глазами, — забудемся... хоть разъ въ жизни... чтобъ было, чѣмъ ее вспомнить?

— А потомъ?

Она махнула рукой.

— Не все-ли равно?

— Нѣтъ, все-таки, — настаивалъ Бородинъ, съ недоброй усмѣшкой.

— Я выйду замужъ за моего медвѣдя. Онъ отъ меня не откажется...

— Да, этотъ финалъ недуренъ...

Она покраснѣла отъ его тона.

— Ты не вѣришь, что мнѣ идти за него или за другого,—все равно. что въ омутъ головой?

Онъ зло засмѣялся.

— Нѣтъ, право, это недурно придумано. Въ объятіяхъ этого здороваго господина много теплѣе, чѣмъ въ омутѣ. Вы Вѣра Федоровна, настоящая героиня fin de siecl'я...

Она безпомощно заплакала, но онъ ушелъ, злобный и ревнивый.

Кончилось тѣмъ, что онъ потребовалъ, чтобъ она ѣхала за нимъ въ качествѣ его любовницы въ Москву.

Она выслушала съ ужасомъ.

— Насколько?

— На три мѣсяца...

— Хорошо, прошептала она покорно.—Пусть будетъ такъ. Но помни, что назадъ я уже не вернусь.

Въ глазахъ ея мелькнула угроза и Бородинъ вздрогнулъ.

Онъ зналъ, что она не вернется.

Эта страсть зажгла, наконецъ, и его. Онъ ночи думалъ объ Вѣрѣ, днемъ ея недоставало ему. Но стоило имъ встрѣтиться, какъ онъ уже чувствовалъ разочарованіе, неудовлетворенность, тоску. Онъ безпощадно критиковалъ ее, находилъ, что она, какъ и онъ, безнравственна. И этимъ она ему нравилась... Но онъ не прощалъ ей отсутствія яркой индивидуальности. Загадочность ея была просто какой-то моральной анеміей и съ этой стороны Вѣра была очень типична для конца вѣка. Онъ чувствовалъ, что она надоѣстъ ему раньше, чѣмъ черезъ три мѣсяца. А потомъ? У него не хватитъ жестокости разстаться съ ней и, кажется, она на это разсчитываетъ? Быть можетъ, еще вполнѣ безсознательно...

Digitized by Google

Жениться?..

Боже! Какой пошлый финалъ! Съ одной стороны—долгъ къ матери и сестрѣ, съ другой жена и дѣти...

Онъ содрогался отъ ужаса. Какъ все это узко! Какъ далеко отъ идейнаго простора, въ которомъ онъ жилъ раньше, который предъявлялъ къ жизни?

Неужели и ему придется кончить тѣмъ же? И быть, какъ всѣ?

Ночь, въ которую онъ это передумалъ,—дня за два до отъѣзда въ Москву—вызвала въ немъ взрывъ такого отвращенія къ жизни, что онъ не пошелъ на свиданье,—рѣшительное свиданье, гдѣ Вѣра ждала его, готовая на все. Онъ уѣхалъ, не простясь, и написалъ изъ Москвы.

По дорогѣ въ столицу онъ жалѣлъ о невозвратномъ мгновеніи, о своемъ безстрастіи. И онъ не могъ простить Вѣрѣ того, что его желанія еще вчера были такъ слабы.

Какъ-будто она въ этомъ виновата?

„Въ сущности, только любовь можетъ дать забвенье въ наше время,—говорилъ онъ себѣ подъ грохотъ поѣзда.—Безъ нея не стоитъ жить теперь, когда некуда идти и нечего дѣлать. Все мертво, инертно, — идеи, слова, люди... Въ эпохи упадка процвѣтаютъ искусства и рафинируются страсти... Зачѣмъ, зачѣмъ я не видѣлся съ Вѣрой?“

Онъ доходилъ до отчаянія, разжигая свои сожалѣнія.—Странная была эта страсть, чисто-головная, питаемая фантазіей, ярко-чувственными образами, которые подсказывали ему его годами задавленные порывы.

Онъ съ нетерпѣніемъ и страхомъ ждалъ письма отъ Вѣры. Ему казалось, что она оскорблена, что все между ними кончено.

Но когда, наконецъ, мѣсяца полтора спустя, это письмо пришло,—образъ Вѣры былъ уже вытѣсненъ изъ его души смуглымъ личикомъ Оленьки Шатиловой.

Вѣра, конечно, простила ему всѣ униженія. Ея письма дышали отчаяніемъ. Бородинъ читалъ ихъ съ удовольствіемъ.

— „Какъ красиво!“ — думалъ онъ. — „Искренняя страсть всегда вдохновляетъ.—А главное,—ни одного лишняго слова“.

„О, какая тоска! Какая пустота!“—кончала Вѣра.—И гдѣ исходъ? Неужели выйти замужъ безъ любви?—Отказаться отъ завѣтной мечты — принадлежать тебѣ первому?“

— „Я-бы сказалъ—красивой мечты“,—думалъ онъ.—„Удивительно непріятны эти банальныя фразы! Поло-

Digitized by Google

жительно никто не имѣетъ потребности въ обновленіи языка. Какъ это грустно! На Западѣ эта потребность развита. Мы до нея не доросли"...

VIII.

Бородинъ равнодушно на этотъ разъ развернулъ письмо. Въ немъ ничего не было новаго. Вѣра жаловалась на тоску, молила участія. О любви не было ни слова. Она, кажется, догадывалась, что Бородинъ увлеченъ другой,—и ждала только дружбы.

Письмо выпало изъ рукъ.

Ему не было жаль эту дѣвушку и ничего уже не жаль было въ прошломъ. Оно умерло. Воображеніе было слишкомъ слабо, чтобъ представить ясно неудовлетворенность и страданія другого.

Ахъ, какъ трудно встать!

Сгорбившись и качаясь, какъ разслабленный, онъ перешелъ къ столу, зажегъ лампу и сѣлъ писать сестрѣ:

„Прежде всего, прошу тебя не пиши о своей тоскѣ и непріятностяхъ мамѣ. Ты ее напрасно и безплодно смущаешь. Пиши одному мнѣ. Хотя, конечно, и мнѣ непріятны твои невзгоды, но я философски смотрю на вещи и привыкъ смиряться передъ неизбѣжнымъ. Утѣшить мнѣ тебя нечѣмъ. Не могу же я увѣрять тебя, что страдать не стоитъ, разъ тебѣ больно, или что страдать необходимо? Ты сама понимаешь, что мы живемъ для счастья и что страданье—зло.

И потомъ у тебя есть пунктикъ, который меня раздражаетъ. Къ чему ты всякій разъ причитаешь надо мной! Я ужасно не люблю этого, какъ и „жалкихъ" словъ вообще. Я и самъ себя не жалѣю. И вообще совсѣмъ—совсѣмъ-таки не жалокъ.

Наконецъ и жизнь моя вовсе не „убогая". Она удовлетворяетъ самымъ изысканнымъ потребностямъ ума. И театры, и библіотеки, и ученыя собранія, и клубъ съ танцами, и спектакли, и флиртъ, и общество. Это ли еще „убогая"? А если мнѣ и этого не надо, такъ это дѣло моего вкуса".

Онъ задумался, грызя ручку пера своими мелкими, красивыми зубами. Выраженіе скуки затуманило его глаза. Не докончивъ письма къ сестрѣ, онъ спряталъ его въ ящикъ и началъ свой отвѣтъ Вѣрѣ.

Ни обращенія, ни обычныхъ вопросовъ... Онъ писалъ, какъ-будто продолжая развивать свои мысли:

„Есть вѣрное средство не чувствовать какого-нибудь

Digitized by Google

тягостнаго состоянія, это—углубиться въ его анализъ. Анализируя страданье, мы уже на половину перестаемъ страдать. Но, конечно, для этого нужно имѣть склонность постоянно копаться въ себѣ.

Или же подвести подъ какую-нибудь теорію рядъ фактовъ, угнетающихъ сознаніе. Можетъ быть къ тебѣ это тоже совершенно непримѣнимо?

Будь ты поэтомъ, ты вылила бы свое горе въ стихахъ и нашла бы силы имъ любоваться. Будь ты писательницей, повѣсть своихъ страданій излечила бы тебя.

А чѣмъ можно тебя утѣшить при данныхъ условіяхъ?

Бери примѣръ съ меня. Я особенно склоненъ къ теоріямъ, зачастую почти безсмысленнымъ и похожимъ на бредъ сумасшедшаго. Но жизнь мою онѣ безспорно облегчаютъ и даже красятъ.

Вотъ, если хочешь узнать, моя теорія „пережитыхъ и непережитыхъ впечатлѣній".

Я разсуждаю такъ:

Еслибъ моя прошлая жизнь до настоящаго момента была полна наслажденій, то въ этотъ моментъ я все-таки чувствовалъ бы себя такимъ же неудовлетвореннымъ и нравственно голоднымъ, какимъ чувствую себя и теперь, когда въ дали прошедшаго все холодно, мертво и безцѣльно.

Но такъ какъ настоящій моментъ—величина безконечно-малая, а для слѣдующихъ моментовъ безразличная, то не все-ли равно,—испыталъ ли я въ безконечно-малый промежутокъ времени наслажденіе или нѣтъ?

Теорія, какъ видишь, ничего не стоющая, ни по содержанію, ни по логикѣ... А между тѣмъ, я теперь всегда руковожусь ею. Благодаря ей, я почти не жалѣю, что не жилъ никогда полной жизнью, не наслаждался, не страдалъ.

Меня, напримѣръ, нимало не трогаютъ слова Лермонтова: „А годы проходятъ, все лучшіе годы".

Пусть проходятъ. Когда пройдутъ, я ихъ не пожалѣю. Или стихи Шевченки:

Літа мои молоди
Марно пропадають,
Очи гаснуть, черны брови
Отъ вітру линяють.

Пусть гаснутъ!

Вѣдь отрекаются же отъ земныхъ благъ во имя вѣчнаго блаженства. А я отрекаюсь отъ нихъ во имя безсмысленной теоріи.

Digitized by Google

И какъ знать, кто будетъ правъ передъ лицомъ „безконечности“?

Впрочемъ, не теорія руководитъ моими чувствами и поступками, а, вѣрнѣе, чувства и поступки я подвожу подъ теорію. Хотя, конечно, одно на другое взаимодѣйствуетъ.

У меня нѣтъ желанья, или, скорѣй, энергіи—получить то количество пріятныхъ впечатлѣній, какія „суждены на долю человѣка“,—а можетъ, и на мою. У меня нѣтъ силы шевельнуть пальцемъ, чтобъ подманить счастье. Я, должно быть, боленъ особой болѣзнью, равнодушіемъ къ собственному благу.

Но, къ сожалѣнію, я еще не достигъ нужнаго совершенства,—не могу еще равнодушно видѣть чужое страданіе. Ты удивишься, конечно, о чемъ я тутъ жалѣю?

Но видишь ли, ни помочь, ни утѣшить я органически какъ-то неспособенъ. Имѣй я даже пылкую душу и талантъ иниціатора, что могъ бы я сдѣлать, въ качествѣ мелкой сошки? Въ соціальномъ смыслѣ я ничтожество. Къ чему же тогда безплодно страдать? Кому это нужно? Кого облегчитъ?

И я хотѣлъ бы навсегда и безслѣдно вытравить въ душѣ альтруистическіе инстинкты.

Наврядъ ли тебѣ нравится, что мои письма всегда наполнены одними отвлеченными идеями. Факты были бы интереснѣе, но ихъ нѣтъ... Не надо забывать, что жизнь сама по себѣ, а я въ сторонѣ отъ нея, самъ по себѣ...

Прощай, Вѣра...

Старайся найти исходъ, если умѣешь искать.

Твой Вадимъ.

IX.

Бородинъ небрежно отбросилъ и это письмо и вынулъ изъ ящика небольшую синюю тетрадку. Это былъ дневникъ, который онъ велъ съ большими перерывами. Онъ сталъ писать.

17-го октября. Ночь.

Какъ странно! Я нынче почувствовалъ себя униженнымъ. Катя Степанова, эта заурядная барышня стояла, такъ сказать, на высотѣ положенія, а не я.

Я трусъ. Это правда. Мнѣ показалось, что съ этой стороны, по крайней мѣрѣ, Катя исчерпала меня всего. Да, увы! Я чувствовалъ себя униженнымъ. Я не испы-

Digitized by Google

тывалъ упрековъ совѣсти, не усомнился въ вѣрности моихъ воззрѣній, но мнѣ досадно на судьбу за то, что я слабъ и безстрастенъ.

То же было съ Вѣрой. Я предчувствую, то же будетъ и съ Оленькой Шатиловой. Въ концѣ концовъ, и она станетъ меня презирать за безстрастіе и боязнь трагическаго, могущаго нарушить обыденный порядокъ жизни. И отъ нея я буду принужденъ уйти съ позоромъ.

Что нужно мнѣ, наконецъ? Чего хочу? Боюсь всего, что не похоже на *вчера*. И все-таки ни о чемъ такъ не молю судьбу, какъ о томъ, чтобъ мое *завтра* не было похоже на вчера... на эти сѣрые, долгіе годы, что угасли, не давъ ни радостей, ни слезъ, какъ гаснутъ въ темномъ огромномъ залѣ робкія свѣчи, не озаривъ его мрака и не спугнувъ его тѣней.

X.

Дневникъ Бородина.

20-е декабря.

Меня опять потянуло къ ней. Что? Не знаю... Смутная надежда, пережить что-нибудь новое... забыться... испытать тайное сладострастіе отъ прикосновенія къ ней.

А можетъ быть (какъ и къ Вѣрѣ) меня влечетъ къ ней сознаніе моей безпредѣльной власти надъ ея душой, надъ ея судьбой, этотъ гипнозъ моей близости, вызывающей и напрягающей ея неудовлетворенную страсть. Въ моей слабой душѣ живетъ неутолимая жажда властолюбія. Я знаю, мнѣ стоитъ сказать слово, чтобъ она отдалась мнѣ.

Но этого слова я не произнесу. О, нѣтъ! Она мнѣ не нужна.

Ночь.

Былъ. Сидѣли одни, въ живописной позѣ. Всѣ уѣхали въ театръ. Она отказалась подъ предлогомъ головной боли, потому что ждала меня. И это мнѣ было пріятно.

Я заставилъ ее говорить о завѣтныхъ, дѣвичьихъ мечтахъ,—о шалостяхъ и запретныхъ играхъ подростающихъ дѣвочекъ. Она ничего не умѣетъ скрыть отъ моихъ вкрадчивыхъ, настойчивыхъ вопросовъ. Я какъ бы вижу всѣ изгибы ея души. И мнѣ странно-пріятно проникать въ этотъ неизвѣстный намъ, мужчинамъ, дѣвичій міръ, о которомъ беллетристы не знаютъ ничего.

Мы говорили долго, не называя вещи ихъ именами,

Digitized by Google

разговоръ походилъ на бредъ двухъ сумасшедшихъ. Я утомился, наконецъ. Въ головѣ и на душѣ стало пусто. Пріятныя ощущенія притупились. Чувство напряженной неудовлетворенности въ насъ обоихъ упало.

Я читалъ ея дневникъ, который она писала, съ тѣмъ, чтобъ показать мнѣ. Всѣ фразы были подогнаны такъ чисто, знаки препинанія стояли аккуратно на мѣстахъ. Какъ женщина, она злоупотребляла эпитетами. Многоточій было такъ много, что это одно заставило бы меня заподозрить ея искренность. Въ общемъ, слогъ былъ баналенъ и на меня повѣяло непроходимой скукой. Натуралисты-писатели были неправы, говоря, что дневникъ даже зауряднаго человѣка интересенъ,—какъ живой, человѣческій документъ. Нѣтъ. Заурядные люди не имѣютъ права на дневники. Но она читала свои изліянія черезъ мое плечо и, потрясенная ими, плакала.

Потомъ голова ея легла на мою грудь. Я спокойно шелестилъ страницами и не понималъ ея чувствъ. Эпитеты *священная*, *идеальная* и проч., которыми она характеризуетъ свою „любовь" (ко мнѣ?), топорщились какъ то въ моемъ сознаніи и не приставали къ *любви*, какъ я ее понимаю. Авторъ этихъ записокъ попрежнему оставался для меня креатурой полового инстинкта.—

Я глядѣлъ на нее со стороны и видѣлъ ея лицо, искривленное плачемъ. Это было некрасиво.

Не всякій, очевидно, имѣетъ право плакать при постороннихъ.

А къ Вѣрѣ такъ шли слезы. Ея лицо не мѣнялось, только глаза дѣлались больше и сіяли. Она вообще была поэтична и красива; очень красива.

Потомъ мнѣ стало жаль Катю. Я не могу выносить слезъ—вообще. Я нѣжно обнялъ ея плечи и погладилъ по головѣ, какъ ребенка.

Она заплакала еще сильнѣе, но я чувствовалъ, что ей сладки эти слезы.

Потомъ я вкрадчивымъ тономъ скептика, познавшаго тщету всего земного, сталъ развѣнчивать любовь (которой не зналъ никогда) и подводить къ одному знаменателю и благородныя, и низкія чувства.

Она понемногу успокаивалась, не отъ словъ, конечно (наврядъ ли она ихъ понимала), а отъ тона моего, а больше всего отъ нашей близости и моей ласки.

Вдругъ она сказала, съ тоской въ голосѣ:

— Нѣтъ... вы меня не понимаете. Вы все думаете о себѣ, а не хотите стать въ мое положеніе.

Digitized by Google

И опять она была права.

Выработанное на научныхъ и философскихъ теоріяхъ міросозерцаніе заслонило совершенно непосредственный взглядъ на вещи огромнаго большинства людей и сдѣлало для меня недоступнымъ пониманіе ихъ чувствъ. Я былъ опять одностороненъ.

. . . . . .

Въ домѣ стояла тишина. Когда внизу грохотала пролетка, хрусталь и серебро въ углу на этажеркахъ, сотрясаясь, слабо звенѣли.

Мы сидѣли обнявшись, молча, такіе близкіе—и оба такіе чуждые другъ другу и одинокіе...

Она спрашиваетъ со стыдомъ и страхомъ, какимъ-то придавленнымъ голосомъ:

— А на отвѣтъ можно надѣяться?

То есть отвѣтъ на ея любовь.

Я колебался, я былъ не въ силахъ отвѣтить грубо и правдиво—нѣтъ.

А вѣдь вѣрѣ я такъ и отвѣчалъ. Нервы что ли у меня стали слабѣе? Съ той я былъ безпощаденъ. Почему?

Я прижалъ къ себѣ головку Кати, чтобъ смягчить невольную жестокость отвѣта, и уклончиво промолвилъ:

— Милая Катя... Я никогда ничего не обѣщаю.

— Но вѣдь вамъ же пріятно со мною? Быть со мною. . вотъ такъ?

— Да, пріятно... Но и только... Это все... Я не знаю чувствъ. Я знаю только ощущенія.

— Какъ мнѣ васъ жаль! Бѣдненькій Димушка!

Я вздрогнулъ.

Она грустно и кротко глядѣла на меня. И странно!

Я, который только что жалѣлъ эту простую дѣвушку и чувствовалъ себя олимпійцемъ, могущимъ все подвести къ одному знаменателю,—я почувствовалъ себя жалкимъ и ничтожнымъ, какимъ-то низшимъ типомъ, сравнительно съ ней. Почувствовалъ, что всѣ мои теоріи пріятныхъ ощущеній не стоятъ даже призрака любви.

И я грустно, невыразимо-грустно глядѣлъ въ пустое пространство, склонивъ голову на руки.

Катя наклонилась и поцѣловала меня въ лобъ.

Я печально улыбнулся, всталъ.

— Пора идти. Я не хочу встрѣчаться съ вашими.

— Исполните мою просьбу? спросила она грустно, у дверей.

— Да... постараюсь...

Digitized by Google

— Не дѣлайте же такъ, чтобъ я полюбила васъ... чтобъ любовь стала роковой и мучительной.

Ея голосъ задрожалъ.

Она сказала это такимъ страннымъ тономъ, и въ звукахъ этого голоса мнѣ почудился призракъ страданія. И еще другой призракъ—Моей Вины.

И мое сердце сжалось.

Этого я не хотѣлъ.

Я почувствовалъ себя, какъ тотъ жалкій мудрецъ, который сумѣлъ пустить волшебнаго крылатаго коня, а остановить его не умѣетъ.

Неужели я сдѣлалъ неправильный разсчетъ? И сумма удовольствій окажется несравненно меньшей, чѣмъ сумма страданій для бѣдной Кати, а слѣдовательно, и для меня?

Я пристально вглядѣлся въ ея черты.

Какое великое искусство умѣть извлекать изъ человѣка все лучшее, что есть въ немъ!

Передо мной была все та же, давно знакомая, исчерпанная, казалось, до дна барышня.

Но какъ измѣнило искреннее чувство ея банальное лицо! Оно придало движеніямъ грацію страстности, дало голосу новыя, глубокія вибраціи и все, что она говорила, было интересно.

Стоя у притолки, вытягивая и нервно ломая руки, она разсказывала о своей любви, о мечтахъ. Въ ея рѣчахъ, недомолвкахъ и жестахъ я читалъ теперь явственно исторію женской души, жаждущей мужской ласки и чувственныхъ наслажденій и томящейся среди однообразія жизни. Мнѣ была понятна эта невозможность для нея противиться моимъ ласкамъ. Я какъ эстетикъ наслаждался этой музыкой чувствъ.

— Что же дѣлать теперь? спросилъ я.—Разстаться?

Въ ея лицѣ мелькнуло неподдѣльное отчаяніе. Она уцѣпилась за мою руку.

— Нѣтъ... нѣтъ...

— Да развѣ это въ моей власти заставить любить себя? Или разлюбить?

— Отъ васъ зависитъ многое, загадочно отвѣтила она.

Я ушелъ.

И вотъ теперь задумался надъ своимъ поведеніемъ.

Не наивно ли безнравственное заблужденіе дурно мыслящаго юноши эта моя излюбленная „теорія пріятныхъ ощущеній“? Правъ ли я, культивируя чувство во всякой женской душѣ? Не ведетъ ли это въ большинствѣ случаевъ къ большей суммѣ страданій, чѣмъ удовольствій?

Digitized by Google

Подожду ходить.

А жаль. На фонѣ моей сѣрой жизни эти свиданія были не лишенными нѣкоторой яркости узорами.

Чего хочу я? Почему прохожу равнодушно мимо этихъ дѣвичьихъ молящихъ глазъ, мимо этой готовности и любви? Неужели это безсиліе души?

Нѣтъ!.. Нѣтъ!.. Я не хочу этого думать.

Иногда въ душѣ вспыхиваютъ такіе порывы... Я позабылъ юношескія мечты, но все же я переросъ средняго человѣка и его мѣщанскій идеалъ. Я жду чего-то... Неужели обманутъ надежды на лучшее?

Гдѣ она—эта родная половина души—по греческой легендѣ? Гдѣ великая любовь, которая встряхнетъ меня и поведетъ.—

Куда?

Гдѣ арена для подвиговъ?

Какихъ?.. Я грезилъ когда-то, но позабылъ всѣ грезы, какъ утромъ, проснувшись въ дождливый осенній день, смутно, тщетно вспоминаешь волшебные сны. Передо мной тупикъ. Сѣрая стѣна внезапно встала предо мною, когда я бродилъ, ища выхода — и мнѣ некуда идти... Горизонтъ закрытъ и ни одного клочка надо мной— голубого неба.

Такъ пусть бы пришла любовь и поглотила меня всего, безъ остатка, взяла бы силы души, дала бы забыться!

... Быть равнодушнымъ, значитъ терять.

21 Октября.

Почему всѣ эти дни мнѣ вспоминается Вѣра? И какая-то теплая волна приливаетъ къ сердцу. Мнѣ ее жаль. Наша любовь была какъ кошмаръ, мучительно-недосказанный, безсвязный, безъ конца.

Она меня долго будетъ помнить. Тѣмъ хуже для нея. Въ ея душѣ горѣла искорка, которую я былъ безсиленъ разжечь въ яркій факелъ. Эта искорка будетъ долго тлѣть и угаснетъ, не согрѣвъ души, не озаривъ ея жизни.

Грустно...

Но я такъ заплесневѣлъ, что мнѣ не жаль того, его не было и что могло бы быть.

Я даже не хочу попытаться улучшить мое существованіе.

Но уроки жизни не проходятъ даромъ.

Моя теорія любви „распивочно и на выносъ“ оказывается несостоятельной. Играть чувствомъ, даже не обма-

Digitized by Google

нывая, не говоря о любви, не обѣщая вѣрности,—все-таки безнравственно, такъ какъ причиняетъ страданіе.

А какъ послѣдовательно совершается процессъ перехода отъ новаторскихъ взглядовъ къ традиціямъ отцовъ! И какъ далекъ я отъ мысли, что въ моей душѣ есть хоть что-нибудь незыблемое! Все измѣняется. Во всемъ оказывается эволюція. И передъ ней я снимаю шапку.

Однако, чѣмъ наполнить жизнь? Къ сожалѣнію, я безвозвратно утратилъ способность къ систематическому труду. Устаю черезъ какихъ-нибудь два часа. Головныя боли, кошмары, безсонница. А писателя изъ меня все равно не выйдетъ. Пора покончить и съ этой иллюзіей.

Быть посредственнымъ литераторомъ — какое униженіе!

28 Октября.

Сестра пишетъ, что Вѣра собирается замужъ. Пусть! Я не ревную. Кажется, нѣтъ. Это атавистическое чувство мнѣ чуждо. Однако, почему она не отвѣчаетъ на мое второе письмо?

Письмо Бородина.

29-е октября.

„Многоуважаемая Вѣра Федоровна! Не могу удержаться отъ желанія полюбопытствовать, какой злой рокъ не позволяетъ вамъ отвѣтить на мои,—правда,—немного циничныя, но не лишенныя литературныхъ достоинствъ письма? Служатъ ли тому причиной какія-нибудь внѣшнія вліянія и препятствія, или ваша добрая воля? Вы, быть можетъ, обидѣлись на то, что, описавъ вамъ мой идеалъ (вырождающагося человѣка)—женщину, которую вы напоминаете, какъ силуэтъ дорогое лицо,—я назвалъ васъ блѣднымъ призракомъ этого идеала? Или васъ задѣло то, что, бросивъ вамъ нѣсколько горячихъ и ласковыхъ словъ, я не былъ увѣренъ, по тому ли адресу отсылаю письмо? Не сердитесь. Если я не люблю васъ, то и никого не люблю. Я неравнодушенъ къ какой-то фикціи, созданной моимъ досужимъ воображеніемъ. Когда-то вы, какъ кошмаръ, владѣли мной. То время далеко. Потомъ вы умѣли довольствоваться суррогатомъ любви, какую я могъ вамъ предложить. Что же васъ оскорбляетъ теперь? Какія новыя вліянія насъ раздѣлили?

Во мнѣ есть одна странная черта, Вѣра Федоровна, и вы, быть можетъ, ея не знали.

Я говорю и пишу не то, что чувствую, а скорѣе

Digitized by Google

чувствую то, что говорю и пишу. Приступая къ какому-нибудь объясненію, или письму, я самъ еще не знаю, что скажу или напишу? Это зависитъ отъ вдохновенія. Но я начинаю чувствовать то, что описываю, и вѣрить тому, что говорю... Это, пожалуй, ложь, но только ложью она можетъ оказаться въ будущемъ, когда одно настроеніе смѣнитъ другое. Но въ каждую данную минуту я правдивъ и искрененъ.

Значитъ вамъ упрекнуть меня не въ чемъ. Я вамъ не лгалъ. Прощай, Вѣра, прощай, бывшій кошмаръ мой.

Пока еще твой Вадимъ.

XI.

Письмо Вѣры.

3-е ноября.

Ты меня измучилъ. Боже мой! Зачѣмъ такъ глумиться, когда я такъ невыносимо страдаю? Отъ Насти ты знаешь, что я должна дать П. Н. рѣшительный отвѣтъ. Я выпросила отсрочку—недѣлю. Научи меня, что дѣлать? мнѣ жутко... Ждать впереди нечего. Мнѣ скоро двадцать пять лѣтъ. Я похудѣла, дурнѣю. Я ни къ чему неспособна и не хочу трудиться, быть гувернанткой, жить въ нуждѣ. Лучше не жить. Во имя чего? Только съ тобой нужда не была бы страшна. Но ты первый проклялъ бы меня.

Я плачу...

Неужели идти по торной дорогѣ и кончить, какъ всѣ? Варить варенье, родить дѣтей, плакать отъ измѣны мужа съ горничными, толстѣть и опускаться? Мечты мои... Какая иронія! Я задыхаюсь... Ну, позови меня, возьми мою жизнь,—насладимся хоть годъ вдвоемъ! Меня будутъ грызть эти мечты, которыя не сбылись.

Но ты охладѣешь черезъ мѣсяцъ. Ты меня не любишь. Придется умирать или...

Я жду какъ приговора твоего отвѣта. Вся судьба моя въ твоихъ рукахъ. Скорѣе отвѣчай. Ради Христа скорѣй...

Отвѣтъ Бородина.

7-е ноября.

Да, выбора нѣтъ, Вѣра. Выходи... Я еще уцѣлѣлъ въ этой сутолокѣ жизни, хотя постепенно терялъ въ ней то, чѣмъ былъ силенъ когда-то, чѣмъ отличался

Digitized by Google

отъ другихъ. Я не поручусь теперь, что жизнь не побѣдитъ и меня, и что я не кончу какъ всѣ.

Кто женился, тотъ конченный человѣкъ. Онъ сошелъ съ круга, по которому люди бѣгутъ, спотыкаясь и падая, за недостижимымъ призракомъ счастья.

И день твоей свадьбы будетъ днемъ тризны по прежней Вѣрѣ. Прощай и постарайся приспособиться. Въ привычкѣ, можетъ быть, найдешь и радость.

Прости за обманутыя надежды. Я мертвый человѣкъ.

Когда-то мы были другъ для друга всѣмъ и грезили о счастьѣ непохожемъ на все, насъ окружавшее.

Время сдѣлало свое.

Да будетъ...

А. Вербицкая.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Digitized by Google

Оригинальный курортъ.

Очеркъ провинціальныхъ нравовъ.

Перебывавъ разновременно въ нѣсколькихъ водолечебныхъ курортахъ, я рѣшилъ поѣхать, для разнообразія, въ совершенно неизвѣстный, но гдѣ можно бы получить облегченіе отъ недуга и пріятно провести время. И вотъ изъ печатнаго „Путеводителя“ я, между прочимъ, вычиталъ, что въ N „особенно рекомендуются мѣстныя грязи, излечивающія слабосиліе, нервность, ревматизмъ, золотуху и тучность“. Открываются: теплыя ванны — съ 1-го, а морскія — съ 15-го іюня; заведеніе содержитъ акціонерное общество, а свѣдѣнія о квартирахъ доставляетъ комиссія купаній; пользованіе общественнымъ собраніемъ и красивымъ садомъ предоставляется пріѣзжимъ за небольшую плату; устраиваются танцы, и „любимое развлеченіе публики — катанье на лодкахъ и ловля наваги“. Ясно, казалось бы, что васъ ожидаетъ. Тѣмъ не менѣе, для соблюденія большей предосторожности, я обратился съ письменнымъ запросомъ въ названную комиссію и получилъ отъ городского старосты отвѣтъ, что въ мѣстномъ „заведеніи теплая ванна стоитъ 30 коп.; морское купанье — 5 коп., раздѣванье — въ будкѣ, квартира отъ 40 руб. въ мѣсяцъ, продовольствіе отъ 1 рубля въ сутки; морская грязь 1 руб. 50 коп. бочка, есть и лѣсъ“.

Заручившись приведенными печатными и письменными справками, устранявшими всякія сомнѣнія, я отправился въ путь. По мѣрѣ приближенія къ мѣсту число путешественниковъ все убавлялось, почему досужій, попутный кондукторъ на мои разспросы, дополнилъ мнѣ, что поѣзда ходятъ туда и обратно трижды въ сутки, что въ курортѣ препорядочныя гостинницы, жизнь дешевая и даже веселая. Наконецъ, добрались благополучно до конечнаго пути желѣзнодорожной линіи.

Digitized by Google

На станціи я, зайдя въ телеграфную комнату, я нашелъ въ ней одну лишь почтенную старушку и спросилъ ее: не извѣстно ли, ей кто принимаетъ депеши?

— Я, отозвалась она.—Я телеграфистка, а мой мужъ—начальникъ станціи.

Написавъ депешу, я подалъ ее старушкѣ. Сосчитавъ слова, она спросила 65 коп. Я предложилъ трехрублевую бумажку.

— Извините, сдачи нѣтъ.

— Даже съ этой бумажки?

— Да, наша станція самая бѣдная, такъ какъ мы обрѣтаемся въ пустынѣ.

— Здѣсь городъ, морской портъ, да еще курортъ, слѣдовательно, мѣстность должна быть, напротивъ, людная, оживленная, въ особенности теперь, лѣтомъ.

— О, нѣтъ. Изъ частныхъ лицъ сюда рѣдко кто ѣздитъ, а моряки держатъ все, имъ нужное, — на своихъ корабляхъ, на берегу же имъ рѣшительно нечѣмъ пользоваться: тутъ стоячее болото, ну и нѣтъ, понятно никакихъ ни коммерческихъ операцій, ни фабричной промышленности, ни торговли, ни даже самыхъ ничтожныхъ развлеченій.

— Съ какою же, не слыхали ли вы, цѣлію провели сюда желѣзнодорожную линію?

— Говорятъ, для военныхъ цѣлей, а я полагаю, чтобы дать инженерамъ — работу и доходъ, а намъ — предмогильное мѣсто. Впрочемъ, пора къ дѣлу. Если не имѣете мелкихъ — позвольте рубль: съ него я еще наскребу вамъ сдачу. Совѣтую торопиться съ багажомъ, не то извощики, — ихъ у насъ счетомъ три, — уѣдутъ въ городъ и тогда свезти туда вашъ чемоданъ некому будетъ.

И дѣйствительно, я нашелъ лишь одного извощика. Онъ провезъ меня полемъ съ версту и остановился возлѣ перваго, съ краю, городского деревяннаго, ветхаго дома.

— Тутъ и есть гостинница, заявилъ онъ.—Слѣзайте, пожалуйста, скорѣе: я тороплюсь домой снасти плести.

— Вези въ другую. Пусть будетъ хотя по наружному виду получше.

— Въ нашемъ городѣ всего одна эта гостинница и есть. Была точно и другая, да года два тому назадъ закрылась отъ бѣдности. Везти васъ дальше и некуда.

На расшатанное крыльцо съ трещавшими подъ ногами досками выступила рослая, благообразная, молодая женщина. Она назвалась хозяйкою гостинницы и любезно

Digitized by Google

пригласила меня внутрь, а тамъ по полутемному коридору съ нѣсколькими нумерами по обѣ стороны, показала мнѣ одинъ изъ нихъ съ мизерною обстановкою и окномъ во дворъ, по которому гуляли собака, поросенокъ и куры. Окно было такъ низко отъ земли, что чрезъ него легко было прямо перешагнуть во дворъ; въ комнатѣ пахло сыростью, а въ углахъ виднѣлась плѣсень. Оглядѣвшись вокругъ, мы спросили, нѣтъ ли почище нумера?

— Теперь, извините, нѣтъ, а дня черезъ 3—4 освободится съ 2-мя окнами на улицу: онъ занятъ полковницею, но она ждетъ мужа съ военнымъ кораблемъ и, если онъ придетъ сюда и она съ нимъ уѣдетъ отсюда,—вы переселитесь въ тотъ нумеръ.

Пришлось примириться съ сырымъ нумеромъ. Я выразилъ желаніе обѣдать, такъ какъ было 5 часовъ пополудни.

— Есть супъ съ мясомъ, простымъ, а жаркое велю приготовить изъ рыбы: ее недавно привезли еще живую, да кофе или чаю, что прикажете,—подамъ. Кушать пожалуйте въ садикъ: тамъ, среди зелени, цвѣточковъ, будетъ пріятнѣе.

Усѣвшись въ садикѣ, я спросилъ водки.

— Простите — не торгуемъ, конфузливо отозвалась хозяйка.—Это насъ сильно разстраиваетъ, подрываетъ...

— Ужъ не записались ли вы въ общество трезвости?

— Нѣ-ѣтъ, не то... Прежде мы торговали и, признаться, не дурно, но съ этого года новый акцизный чиновникъ запретилъ: противъ нашего дома видите вонъ церковь, онъ смѣрилъ разстояніе и призналъ, что меньше двухсотъ сажень, потому, дескать, и нельзя... Мы доказывали, что 60—70 лѣтъ стоятъ на своихъ мѣстахъ церковь и домъ, въ немъ гостинница тоже 50 лѣтъ, а въ ней всегда торговали всякими напитками мой дѣдъ, отецъ и мы, но акцизный ничего этого не взялъ во вниманіе, а сладиться съ нимъ оказалось намъ не по силамъ. Мы пожаловались на него, но и жалобу нашу не уважили.

— Такъ нельзя ли хоть какого-нибудь вина?

— Тоже, къ сожалѣнію, нѣтъ. Не что ужъ всѣ привыкли къ пиву, а и его не держимъ для продажи. Билліардъ вотъ дозволилъ, но какъ пить ничего не дозволяется, то и охотниковъ играть на немъ почти не стало. Просто раззореніе! Даже мужъ въ люди служить ушелъ: на пропитаніе не хватаетъ...

Вдругъ явилась старушка—телеграфистка подъ предлогомъ навѣстить полковницу, а на самомъ дѣлѣ дознаться: кто я

Digitized by Google

и зачѣмъ пріѣхалъ въ пустыню. Она и зашла въ садикъ „вздохнуть на вольномъ воздухѣ". Удовлетворивъ ея любопытство, я освѣдомился, каковы мѣстныя купальни?

— Купаться еще рано: вода очень холодна и легко простудиться.

— Не можете ли мнѣ сказать о положеніи теплыхъ ваннъ?

— Право затрудняюсь: мы здѣсь второе только лѣто, ими не пользовались и не интересовались, потому что я бывала на разныхъ заграничныхъ водахъ, среди свѣтскаго, интеллигентнаго общества, а тутъ пустыня аравійская... Мы располагали солиднымъ имѣніемъ, отъ него—значительными средствами и жили въ полномъ удовольствіи, но какъ ввели эмансипацію, подросли дѣти и отъ всеобщаго оскудѣнія поневолѣ, на старости лѣтъ, въ этой мурьѣ очутились—корки грызть, да и ими, по нынѣшнимъ временамъ, скрываться не стану,—довольны...

Она съ гордостью вспоминала свое прошлое и всячески старалась показать, что и въ настоящей своей роли обездоленной телеграфистки—она все-таки мѣстная большая персона. Соскучившись слушать однообразныя ея воспоминанія, я раскланялся съ нею, а на крыльцѣ обратился къ хозяйкѣ съ просьбою просвѣтить меня относительно курорта.

— Кур-орта? гм?... усмѣхнулась она.—Это вы вѣроятно на счетъ того маленькаго домика, который стоитъ на обрывѣ, надъ моремъ. Въ немъ, говорятъ, купаются безъ приспособленій, но такъ ли это—право, не знаю. Пожалуйте туда и вамъ, думаю, все покажутъ и разскажутъ.

Я отправился по указанію, нашелъ чистенькій, маленькій домикъ, и наткнулся на пожилую работницу — эстонку, которая не только не говорила, но и не понимала ни слова по-русски. Къ счастью, у выходной двери мнѣ встрѣтилась молодая, приличная женщина. Она отвѣтила мнѣ чисто по-русски, вернула въ домикъ, показала въ двухъ крошечныхъ коморкахъ по двѣ ванны и вывела во дворъ, по которому пролегалъ, на значительномъ разстояніи, деревянный, на козлахъ, жолубъ, по которому открыто протекала въ домикъ вода, накачивавшаяся подъ обрывомъ, на морскомъ берегу, резиновой кишки. Все было устроено самымъ первобытнымъ способомъ.

— Не можете ли мнѣ еще кое-что разъяснить?

— Все, что угодно: я эту механику на досугѣ коротко изучила, хотя касательства къ ней никакого не имѣю.

Digitized by Google

— Откуда берется грязь для теплыхъ ваннъ?

— Привозится верстъ за 500—600 отсюда, въ задѣланныхъ бочкахъ, которыя хранятся въ сараѣ, а при надобности бочки раскупориваются, грязь вынимается сухою, разводится въ ведрахъ теплою водою, выливается въ ванны и въ нихъ купаются.

— Ванны вездѣ приготовляются, обыкновенно, по опредѣленному градусу съ опредѣленнымъ количествомъ грязи. Кто всѣмъ этимъ здѣсь распоряжается?

— Та самая эстонка, которую вы видѣли: она все знаетъ, но когда ее заторопятъ, она дѣлается безтолковою.

— Руководитъ ею конечно докторъ?

— Онъ здѣсь весьма рѣдкій гость: одинъ на всю окружность, по которой и разъѣзжаетъ.

— Такъ фельдшеръ его замѣняетъ?

— Фельдшера у насъ вовсе не водится. Короче, кто хочетъ принимать ванны, тотъ вѣдается съ эстонкою, благо здѣшніе жители почти всѣ понимаютъ и говорятъ по эстонски; а пріѣзжіе тутъ рѣдкость.

— Заведеніе это эксплоатируетъ акціонерное общество и оно, въ собственныхъ интересахъ, должно бы, кажется, пещись о его процвѣтаніи.

— Пять лѣтъ живу я здѣсь и знаю всѣхъ наперечетъ, а объ акціонерномъ обществѣ только отъ васъ впервые слышу.

— Ну, а о комиссіи по доставленію пріѣзжимъ больнымъ справокъ о квартирахъ тоже не слыхали?

— И комиссіи, разумѣется, никакой нѣтъ, да и быть то ей незачѣмъ: во всемъ городѣ три улицы въ сотню домовъ, а ихъ легко всѣ обойти въ полчаса. Какъ объ обществѣ, такъ и о комиссіи кто нибудь подшутилъ надъ вами.

— А гдѣ купаются въ морѣ?

— Съ берега на любомъ мѣстѣ, или съ того вонъ мосточка.

— Красивый садъ и общественное собраніе, въ которомъ устраиваются танцы, вамъ уже навѣрно извѣстны?

— Есть садишко и пародія на собраніе, въ которое сходятся иногда нѣсколько человѣкъ выпить пива, отнюдь не больше, а танцы и сегодня будутъ, по обыкновенію, — въ сараѣ, на томъ концѣ берега.

— Все, что я вамъ назвалъ, отчетливо значится въ *печатномъ* путеводителѣ по курортамъ.

— Стало быть, составитель путеводителя все навралъ, въ

Digitized by Google

этомъ я васъ смѣло увѣряю. Разочаровывать непріятно, но скрывать истину гораздо хуже, недобросовѣстно.

Я направился по кругому берегу. Вдали развѣвались разноцвѣтные флаги и паруса кораблей; въ разныя стороны плыли лодки; къ пристани приставали шлюпки съ моряками; близь пристани стояли въ водѣ рыболовныя суда, нагруженныя снастями, около которыхъ возились рыбаки, съ коротенькими трубками въ зубахъ. Пожилой морякъ сообщилъ намъ, что расположенныя на горѣ каменныя зданія — казенные склады, пристань морская, а рыбаки ѣздятъ на ловлю верстъ за двадцать въ море.

— Гдѣ же тутъ публика катается въ лодкахъ и ловитъ навагу?

— Это чья-то выдумка: частныхъ лицъ тутъ не бываетъ, а рыбацкимъ лодкамъ дозволяется стоять потому, что рыбаки иногда намъ полезны; другіе же мѣшали бы нашимъ маневрированіямъ, ученіямъ и стрѣльбѣ.

Поднимаясь въ гору, я увидѣлъ украшенный флагами и ельникомъ огромнаго сарай, въ который стремились взрослые кадеты и прифранченныя молодыя горожанки танцовать. На главной улицѣ я завернулъ въ лавку, въ которой торговали: чаемъ, дегтемъ, ситцемъ, веревками, бумагою, табакомъ, хлѣбомъ, словомъ, всякими предметами потребленія. Освѣдомляюсь у лавочника: гдѣ помѣщается правленіе акціонернаго общества купальнаго заведенія?

— Акціонерное общество? Ха-ха-ха!.. Такого не знаемъ, а ежели вамъ требуется грязь, то продаемъ мы ее здѣсь.

— Какъ такъ?

— Очень просто: пожалуйте полтора рубля, дадимъ вамъ квитанцію, а по ней въ заведеніи эстонка отпуститъ вамъ бочку грязи.

— Что же я съ нею стану дѣлать?

— Да что хотите, а коли не знаете — эстонка васъ научитъ, т. е. будете сами дѣлать ванны, или ей это поручите, потомъ въ ваннѣ отлеживайтесь по получасу, либо больше, какъ заблагоразсудите. Грязь наша, доложу вамъ, весьма полезительна, особливо отъ ревматизма и люди въ ней валяются, какъ свиньи перепачкаются, отмываются и благодарятъ.

— Кромѣ общества я слыхалъ еще о квартирной комиссіи?

— Общество — это я, а комиссія — это староста, насупротивъ живетъ. Больше вамъ и канителиться не стоитъ.

Digitized by Google

Добрался до старосты: по возрасту, росту, физіономіи, бакенбардамъ, прическѣ и сложенію—онъ чрезвычайно походилъ на трансваальскаго президента Крюгера. Высказавъ ему свое неудовольствіе по поводу всего видѣннаго и слышаннаго, я упрекнулъ его за то, что онъ письмомъ заманилъ меня сюда, гдѣ нѣтъ ни сноснаго водолечебнаго заведенія, ни удобствъ для квартированія. Онъ молча все выслушалъ, поникнувъ старческой головой.

— Будьте, сдѣлайте милость, снисходительны къ нашимъ недостаткамъ, заговорилъ онъ виноватымъ тономъ;—нашъ городъ всѣми забытый, заброшенный, потому ослабъ, обѣднѣлъ отъ малости дохода и заработка. Здѣсь я родился, провелъ свой вѣкъ, помню какъ въ старину мы жили безъ нужды, какъ постепенно теряли свои привиллегіи, впадали въ уныніе и дожили до того, что у насъ остался одинъ только прежній воздухъ!... Я люблю свой городъ, преданъ ему, а ради него стараюсь и, скрѣпя сердце, привлекаю сюда добрыхъ людей, какъ вы... А нашъ воздухъ, ручаюсь вамъ, лучше всякой грязи, всякаго лекарства и доктора... Поживите у насъ, покорнѣйше прошу васъ, поживите и, повѣрьте моему честному слову,—поздоровѣете безъ ваннъ отъ одного только воздуха!... Квартиру же и пищу я пріищу вамъ хорошія за недорогую плату.

Вернувшись въ гостинницу, я засталъ тамъ человѣкъ 10—15 кадетъ, изъ которыхъ двое играли на билліардѣ, а остальные смотрѣли, либо поочередно отходили въ уголокъ къ стоявшимъ въ немъ бутылкамъ; хозяйка же, какъ бы на сторожѣ, расположилась предъ входною дверью въ корридорѣ. Догадавшись вѣроятно, что я замѣтилъ происходившее въ билліардной, она покраснѣла отъ смущенія. Не желая ее стѣснять, я прошелъ въ садикъ пораздумать о своемъ затруднительномъ положеніи. Миновало полчаса.

— Староста, самъ староста сюда идетъ, испуганно предварила меня хозяйка.—Ахъ Боже мой, Боже мой, что-то будетъ: староста строгій и ежели замѣтитъ—бѣда...

Староста, оказалось, явился съ предложеніемъ посмотрѣть отысканную имъ для меня квартиру. Онъ проводилъ меня къ красивому деревянному дому, на которомъ виднѣлась крупная, печатная надпись: „Полицейское Управленіе". Я остановился въ недоумѣніи.

— Не безпокойтесь, ободрялъ меня староста. — Семейство

Digitized by Google

преблагородное и его содержаніемъ останетесь вполнѣ довольны.

Въ просторной передней висѣли полицейскія офицерскія и солдатскія пальто; въ первой комнатѣ помѣщалась, судя по обстановкѣ, канцелярія, а изъ нея мы очутились въ приличной гостиной. Немного погодя изъ боковой двери вышла средняго роста, лѣтъ 30—35 на видъ, принаряженная дама, уже знавшая о цѣли нашего посѣщенія. Мы приступили къ дѣлу.

— Я могу отвести вамъ эту самую комнату и предложить полное содержаніе, т. е. чай, завтракъ, обѣдъ и ужинъ за 60 руб. въ мѣсяцъ, съ прислугою, начала она, охорашивая бантикъ на груди и посматривая въ трюмо, противъ котораго сѣла.—Кушанья будутъ вкусныя, питательныя и свѣжія: дурныхъ продуктовъ мнѣ никто не смѣетъ продавать. Спокой получите полный: противъ нашего дома шума не полагается.

— Но въ сосѣдней комнатѣ—канцелярія куда разные люди должны ходить по ихъ надобностямъ, да и происшествія...

— Обыкновенныхъ занятій въ вашей канцеляріи довольно мало, но и тѣ можно перевести на то время, когда вы будете уходить гулять, напримѣръ часа по два передъ обѣдомъ и столько же передъ чаемъ, а происшествія,—онѣ у насъ большая рѣдкость, — мужу удобно разбирать и въ надворномъ сараѣ. До какой степени у насъ чинно, тихо, подтверждается тѣмъ, что мужъ нерѣдко отлучается и на двое сутокъ, а все, славу Богу, благополучно.

— Ну, а если бъ во время отсутствія вашего мужа что-нибудь стряслось?

— Я бы распорядилась: дѣятельность мужа мнѣ близко извѣстна и я сумѣю оградить его отъ всякихъ случайностей: это долгъ вѣдь каждой любящей жены. И воспитаніемъ дѣтей,— ихъ у меня трое,—занимаюсь я одна. Кстати прибавлю, что на прогулкахъ, чтобы вы не скучали и не заблудились,—я велю сопровождать васъ моему старшему сыну, а онъ, 9-ти лѣтній мальчикъ, отлично знаетъ всѣ окрестности, послушный, ласковый, веселый и даже забавный.

— Самый городъ кажется мнѣ несоотвѣтственнымъ моему настроенію...

— Оттого, что вы еще не приглядѣлись, а какъ поживете, я увѣрена,—онъ вамъ понравится: жить у насъ прекрасно во всѣхъ отношеніяхъ: одинъ напр., воздухъ нашъ просто восхитительный! Мой мужъ нѣсколько лѣтъ сряду хворалъ,

Digitized by Google

а какъ насъ перевели сюда—живо поправился и въ добрый часъ сказать, а въ худой промолчать—вотъ уже два года здоровехонекъ, отъ одного, право, воздуха: онъ уничтожаетъ недуги, хандру, даетъ бодрость духа, аппетитъ, а это все, что человѣку нужно. Благодатный нашъ воздухъ несравненно лучше крымскаго, кавказскаго, даже швейцарскаго. Поживите у насъ мѣсяцъ-другой и повѣрите этой истинной правдѣ, а потомъ съ благодарностью вспомните и опять посѣтите насъ, а мы рады будемъ васъ принять гостемъ. Мы тутъ такъ славно обсидѣлись и ко всему привыкли, что никуда не тянетъ. Все, чего намъ недостаетъ—это поправки противныхъ финансовыхъ обстоятельствъ: они—точно подгуляли...

Я обѣщалъ подумать относительно заманчиваго предложенія, а самъ пошелъ справиться о времени отхода поѣзда, но желѣзнодорожная станція оказалась запертою со всѣхъ сторонъ. Тщетно проискавъ даже сторожа,—я опять вернулся въ гостинницу, но въ ея садикѣ нашелъ уже компанію моряковъ за разными бутылками. Когда они, уходя — прямо при мнѣ предложили хозяйкѣ плату,—она въ крайнемъ смущеніи брала деньги, опасаясь видимо исключительно насъ.

— Съ этими господами рѣшительно ладу нѣтъ, какъ-бы оправдывалась она предо мною проводивъ ихъ.—Приносятъ сюда вино и пиво. Говорю имъ: пить здѣсь нельзя. Мы, отвѣчаютъ они, у васъ не покупали, а свое вольны вездѣ пить, но чѣмъ это дѣлать на лугу, или на берегу,—намъ пріятнѣе здѣсь, гдѣ мы десятки лѣтъ сряду пивали. И никого и ничего не боятся; на водѣ—сами властвуютъ, а на сушѣ—власти ихъ стѣсняются задѣвать, но изъ-за нихъ притѣсняютъ беззащитныхъ...

— А отчего вы какъ будто испугались давеча прихода старосты?

— Все изъ-за моряковъ же: если-бъ онъ не только увидалъ вино, но услышалъ винный, либо пивной запахъ,—онъ бы вѣкъ мнѣ не простилъ, ужасно суровый исполнитель всякихъ правилъ, а ради общихъ благъ горожанъ, кажется, и луну съ неба досталъ бы, еслибъ могъ, хотя-бъ это угрожало ему разбиться на смерть.

Повѣдавъ ей о своихъ неудачахъ, я выразилъ намѣреніе уѣхать.

— Поѣзда уходятъ отсюда только разъ въ день въ 6 часовъ вечера, значитъ вамъ ждать почти еще сутки, а паро-

Digitized by Google

ходъ, на которомъ мой мужъ кассирствуетъ и держитъ буфетъ,—зайдетъ къ намъ по пути послѣ завтра, но если вамъ у насъ не нравится, а нравиться, надо признаться, нечему, или вы торопитесь, то можете уѣхать куда угодно и когда угодно—на лошадяхъ: у насъ дороги всѣ исправныя.

— Я бы желалъ въ N попасть, но безопасно ли сухопутьемъ?

— До N отъ насъ считаютъ 90 верстъ и опасности никакой нѣтъ, особливо по нашему уѣзду, а по сосѣднему хотя и случались, помнится, разныя оказіи, даже убійства, но я вамъ отрекомендую такого надежнаго извощика, на котораго можно положиться, такъ что съ Божьею помощью благополучно доѣдете.

Хозяйкѣ видимо хотѣлось скорѣе избавиться отъ меня и она сообщила меня стоимость проѣзда, хвалила дорогу, а чрезъ ¼ часа предоставила и извощика.

— Въ чемъ повезешь?

— Въ таратайкѣ, на парѣ.

— Нѣтъ-ли рессорной коляски.

— Во всемъ городѣ только одна коляска.

— Ее и достань.

— Будетъ стоить вдвое дороже.

— Заплачу.

— Въ такомъ разѣ постараюсь.

Онъ ушелъ стараться, а хозяйка подтвердила, что во всемъ городѣ одна коляска.

Въ 5 часовъ утра я покинулъ „аравійскую пустыню, съ восхитительнымъ воздухомъ“.

В. Никитинъ.

Digitized by Google

Борьба партій во Франціи за президентство Греви.

I.

Четвертаго прошлаго сентября Французская республика вступила въ тридцать второй годъ своего существованія. За этотъ періодъ времени она перемѣнила семь президентовъ, тридцать три министерства и пережила множество роковыхъ событій. Самыя тяжелыя времена для республики относятся несомнѣнно къ президентству Тьера и Макъ-Магона, когда вершителемъ судебъ Франціи являлось достопамятное національное собраніе. Какъ извѣстно, оно состояло въ большинствѣ изъ монархистовъ и поэтому на самую республику смотрѣло, какъ на временную форму правленія, которую слѣдуетъ замѣнить монархіею, какъ только монархисты всѣхъ фракцій остановятся на одномъ кандидатѣ для французскаго престола. Но до тѣхъ поръ республика была единственною формою правленія, при которой всѣ фракціи монархистовъ могли, оставаясь каждая при своемъ кандидатѣ, идти вмѣстѣ противъ общаго ихъ врага: республиканской партіи. Это и понималъ Тьеръ, когда въ 1849 году, бывши еще ярымъ орлеанистомъ, сказалъ въ палатѣ, обращаясь ко всѣмъ монархистамъ: «la République, c'est le gouvernement qui nous divise le moins» [1]). Точно также въ началѣ семидесятыхъ годовъ республика объединила всѣхъ монархистовъ, но, конечно, не *за*, а *противъ* себя. Это была «республика безъ республиканцевъ» — республика, имя которой тщательно избѣгалось въ государственныхъ бумагахъ и бюстъ которой, по распоряженію собранія, былъ снятъ во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ.

Самъ президентъ республики Тьеръ назывался во избѣжаніе слова «республика» просто «главой исполнительной власти». Такъ продолжалъ называться и его преемникъ Макъ-Магонъ до 1876 г., когда, наконецъ, новая конституція создала оффиціальный титулъ «президентъ республики». Но въ глубинѣ души Макъ-Магонъ нена-

---

[1]) Республика форма правленія, менѣе всего насъ разъединяющая.

Digitized by Google

видѣлъ республику; онъ не разъ помогалъ монархистамъ въ ихъ стараніяхъ низвергнуть, а когда эти попытки не удались,—вышелъ въ отставку. На его мѣсто былъ выбранъ Жюль Греви, первый президентъ вышедшій изъ рядовъ самой республиканской партіи. Какъ извѣстно, послѣ Греви во главѣ республики было еще четыре президента: Карно, Казиміръ Перье, Форъ и Лубэ. Періодъ времени, въ которомъ приходилось управлять каждому изъ нихъ, отличался, смотря по характеру преобладающихъ событій, какою-нибудь особою чертою. Президентство Карно останется памятнымъ, какъ эпоха уличной смуты и вообще тяжелаго политическаго и общественнаго кризиса. Достаточно только вспомнить буланжизмъ и анархистскія покушенія, вызвавшія необыкновенную по своей силѣ политическую реакцію. Это реакціонное теченіе и нашло своего представителя въ лицѣ Казиміра Перье.

Президентство Феликса Фора отличалось преобладаніемъ вопросовъ внѣшней политики, если не считать знаменитаго дѣла Дрейфуса и вызванной имъ борьбы, самые важные моменты которой слѣдуетъ отнести къ президентству Эмиля Лубэ. Но такъ или иначе всѣ эти четыре президентства, начиная съ Карно, отличаются одной общей чертой: бурностью политической жизни. Каждое изъ нихъ ознаменовалось разными неожиданными событіями, вносившими большую смуту въ идеяхъ и вызывавшими крупныя перемѣны въ политической жизни страны.

Совсѣмъ другую картину представляетъ президентство Жюля Греви. Оно отличается своей спокойной политической жизнью, сосредоточенной на важныхъ вопросахъ устройства страны. Стремящаяся теперь политическая борьба выйти каждый моментъ изъ-за стѣнъ парламента и столбцовъ газетъ на улицу и въ митингахъ заключалась тогда, главнымъ образомъ, въ парламентскихъ преніяхъ и въ газетной политикѣ. Конечно, шумъ, дѣятельность, борьба кипѣла и тогда, но она не выходила за предѣлы республиканскаго закона, она не прибѣгала къ насильственнымъ средствамъ.

Первые начали прибѣгать къ насилію буланжисты въ союзѣ съ монархистами. Вотъ почему президентство Жюля Греви можно назвать эпохой *парламентской* и въ извѣстномъ смыслѣ эпохой *организаторской*.

И въ самомъ дѣлѣ, къ началу восьмидесятыхъ годовъ относятся всѣ легшіе въ основѣ третьей республики «органическіе» законы о свободѣ печати, о свободѣ собраній, о свѣтскомъ образованіи и всеобщей воинской повинности. Но эпоха президентства Греви представляетъ громадный интересъ и съ точки зрѣнія развитія самой республиканской идеологіи.

Въ рѣчахъ тогдашнихъ современниковъ мы можемъ прослѣдить, какъ общія республиканскія начала, объединяющія прежде всѣхъ республиканцевъ подъ однимъ знаменемъ, теперь въ столкновеніи съ жизнью вылились въ болѣе конкретныя формы. Съ одной стороны въ парламентѣ, какъ представители двухъ различающихся идейныхъ теченій, выступаютъ оппортюнисты и радикалы, съ другой стороны въ самой массѣ начинается пропаганда коллективизма, объявившаго себя одинаково противъ всѣхъ «буржуазныхъ партій».

Digitized by Google

Въ сущности такія дѣленія среди республиканцевъ существовали еще во второй имперіи; они проходятъ красною нитью и черезъ всѣ событія, которыя начались переворотомъ 4 сентября 1870 г. и кончились разгромомъ парижской коммуны въ маѣ 1871 года. Но опасность, которой подверглась республика съ этого послѣдняго событія до выбора Жюля Греви, соединила всѣхъ республиканцевъ въ одной общей мысли: сохранить и упрочить республиканскую форму правленія.

Когда цѣль была достигнута, притихшія разногласія выступали съ большою силой, такъ какъ теперь передъ республиканской партіей открывалось широкое поле практической дѣятельности и каждая фракція должна была доказать примиримость своихъ принциповъ.

Въ этой борьбѣ вожаками умѣренныхъ республиканцевъ являлись Гамбетта и Ферри. Гамбетта, бывшій большую часть времени президентомъ палаты, выступалъ какъ ораторъ сравнительно рѣдко, его министерская карьера 1882 года оказалась кратко временной въ общемъ этотъ періодъ его дѣятельности не былъ особенно блестящимъ. Но тѣмъ не менѣе чувствовалось его скрытое вліяніе на правительство и на самую палату. Другой вожакъ оппортюнистовъ Ферри находился, наоборотъ, въ непрерывной дѣятельности и особенно выдвинулся послѣ смерти Гамбетты, когда онъ сталъ во главѣ знаменитаго министерства, просуществовавшаго больше двухъ лѣтъ.

Оппортюнисты встрѣчали противодѣйствіе радикаловъ, имѣвшихъ тоже не мало выдающихся представителей. Первый изъ нихъ, какъ по своему таланту, такъ и по своей боевой энергіи, является Клемансо. Пока другіе вожди радикальной партіи, какъ Фрейсине, Флокке, Гэриссонъ и Гобле, были готовы войти въ сдѣлку съ оппортюнистами, Клемансо, наоборотъ, объявилъ себя ихъ заклятымъ врагомъ.

Борьба двухъ фракцій республиканской партіи, относилась одинаково, какъ къ вопросамъ внутренней такъ и внѣшней политики. Въ зависимости отъ послѣдней находился колоніальный вопросъ, сдѣлавшійся предметомъ столь жестокихъ столкновеній между Клемансо и Ферри.

Изъ вопросовъ внутренней политики самымъ жгучимъ являлся вопросъ объ отношеніи государства къ церкви и вопросъ о пересмотрѣ конституціи.

Но, кромѣ того, какъ увидимъ, здѣсь было еще множество другихъ вопросовъ, касавшихся правосудія, администраціи, фабричнаго законодательства, гдѣ обѣ фракціи входили въ столкновеніе между собою.

II.

Какъ мы уже замѣтили, сигналъ борьбы былъ данъ вмѣстѣ съ выборомъ Жюля Греви въ президенты республики.

Это случилось въ 1879 году, который останется памятнымъ въ исторіи республиканской партіи. Съ одной стороны, съ избраніемъ въ президенты республики, вмѣсто Макъ-Магона, стараго и испытаннаго республиканца Жюля Греви, вся власть попала въ руки респуб-

Digitized by Google

ликанской партіи, но съ другой стороны вмѣстѣ съ этимъ для нея наступили годы тяжелой отвѣтственности. Она пріобрѣла вліяніе только благодаря посѣяннымъ въ массахъ надеждамъ. Теперь настала пора оправдать эти надежды, исполнить данныя обѣщанія. Но задача эта оказалась гораздо выше ея силъ. Событія скоро показали, что въ республиканской партіи произошли важныя перемѣны. Я имѣю въ виду не только внутренній переломъ, пониженіе духа, пробужденіе шовинистскихъ страстей, недовѣріе къ городскимъ массамъ и страхъ передъ ними, явившіеся послѣ событій франко-прусской войны и коммуны, но, главнымъ образомъ, новыя политическія задачи республиканской партіи. Съ ней произошла крупная и рѣшающая ея участь перемѣна: изъ оппозиціонной партіи она превратилась въ правящую партію. Будучи оппозиціонной, республиканская партія представляла меньшинство городскихъ массъ, но зато сознательное и прогрессивное меньшинство, но, получивши власть, не вслѣдствіе естественнаго наростанія республиканскихъ силъ въ странѣ, а по исторической случайности, она стала нуждаться въ закрѣпленіи этой власти, въ поддержкѣ уже не меньшинства, а большинства французскаго народа. Большинство, которое всего нѣсколько лѣтъ назадъ во время плебисцита 1870 года высказалось за имперію, не было проникнуто республиканскими идеями. Она даже боялась ихъ. Когда, послѣ неожиданнаго паденія имперіи, появилась республика, это большинство высказалось за нее, не по сочувствію къ ея идеямъ, а просто изъ страха, что новая перемѣна режима опять возбудитъ въ странѣ нескончаемую гражданскую войну.

Республиканскіе вожди понимали, на какой зыбкой почвѣ покоится ихъ большинство въ странѣ. Но вмѣсто того, чтобы стремиться возбудить въ населеніи привязанность къ республиканскимъ учрежденіямъ, путемъ активной реформаторской политики, они, наоборотъ, сами спустились до недразсудковъ этого населенія. Впрочемъ, эта политика, какъ идущая по линіи наименьшаго сопротивленія, являлась самой легкой. При тогдашнемъ настроеніи умовъ среди республиканскихъ вождей главной цѣлью ихъ было сохранить власть за собой и всѣ пути, ведущіе въ Римъ, являлись хорошими.

Сообразно этому измѣнилась и вся тактика республиканской партіи. Политика ея по отношенію къ деревенскимъ массамъ заключалась въ томъ, чтобы убѣдить ихъ, что существующая рутина останется безъ всякаго измѣненія; въ то же время республиканская партія старалась увѣрить крупную и среднюю городскую буржуазію, что она не желаетъ посягать на частную собственность, и что всѣ подозрѣнія въ этомъ смыслѣ неосновательны. Гамбетта уже въ послѣднія времена имперіи высказывался въ этомъ смыслѣ. Но тогда онъ еще сохранялъ въ неприкосновенности политическій идеалъ республиканской партіи: полное демократическое управленіе. Теперь онъ и вслѣдъ за нимъ и всѣ менѣе крупные вожди партіи начали отказываться отъ этого идеала.

Въ началѣ семидесятыхъ годовъ Гамбетта съ негодованіемъ возставалъ противъ Тьера, когда послѣдній настаивалъ на учрежденіи сената, и говорилъ: «республика будетъ консервативной, или

Digitized by Google

ея вовсе не будетъ», но теперь онъ самъ сталъ защищать сенатъ, называя его «Великимъ совѣтомъ французскихъ муниципалитетовъ», и сталъ вести консервативную политику.

Въ 1876 году тотъ же Гамбетта объявлялъ непримиримую войну клерикализму, говоря словами Гвейра: «Клерикализмъ—вотъ—врагъ», а теперь онъ самъ старался обуздать антиклерикализмъ своихъ друзей. Теперь онъ самъ сталъ отрицать существованіе *соціальнаго вопроса*, отвергать политику принциповъ и защищать политику постепенности, или, какъ онъ выражался, «политику результатовъ». Старая бельвильская [1]) программа 1869 г. республиканской партіи, являющаяся сводомъ политическихъ и административныхъ демократическихъ реформъ, оставалась на заднемъ планѣ.

Этотъ поворотъ и создалъ въ рядахъ республиканской партіи то пониженіе политической идеологіи и этики, плачевные результаты котораго замѣтны еще и теперь. Но идеализмъ прогрессивныхъ городскихъ массъ не могъ примириться съ новымъ теченіемъ. Между представителями большихъ городовъ, Парижа, Ліона, Марселя и Бордо образовалась та радикальная партія, которая противопоставляла себя республиканцамъ лагеря Гамбетты. Чѣмъ болѣе усиливалась реакція въ этомъ лагерѣ, тѣмъ рѣзче дѣлался и антагонизмъ между обоими теченіями и развитіе самихъ политическихъ событій создавало каждый день новыя причины для столкновенія.

Первымъ важнымъ вопросомъ, по поводу котораго произошло главное сраженіе между обѣими партіями, былъ вопросъ объ амнистіи. Отношеніе и тѣхъ и другихъ къ этому вопросу было лучшимъ показателемъ настроенія, господствовавшаго тогда въ обоихъ лагеряхъ.

Будущій вождь крайней радикальной лѣвой Клемансо еще въ 1876 году выставилъ полную амнистію всѣхъ осужденныхъ по событіямъ коммуны и находящихся въ изгнаніи или въ заточеніи, какъ пунктъ своей избирательной программы. Клемансо соглашался, что можно осуждать самую сущность событій коммуны, но нельзя было отрицать, что коммуна была политическимъ движеніемъ, въ которомъ принимали участіе самые живые городскіе элементы, искренно думавшіе, что борются за спасеніе республики. Первымъ дѣломъ республиканской палаты должна явиться амнистія, тѣмъ болѣе, что послѣ событій коммуны прошло шесть лѣтъ и пора было предать ихъ забвенію.

Друзья Гамбетты, наоборотъ, приспособились къ господствовавшимъ въ буржуазныхъ и деревенскихъ слояхъ населенія представленіямъ о коммунѣ и отказывались отъ всякой амнистіи.

Борьба въ пользу амнистіи особенно разгорѣлась въ 1879 году, когда власть вполнѣ перешла въ руки республиканцевъ. Изъ важныхъ моментовъ этой борьбы за амнистію мы вспомнимъ только тѣ, въ которыхъ сталкиваются главные вожаки двухъ фракцій респуб-

---

[1]) Такъ она называлась по имени Бельвильскаго квартала въ Парижѣ, гдѣ Гамбетта выступилъ, какъ кандидатъ, во время законодательныхъ выборовъ 1869 года.

Digitized by Google

ликанской партіи. Со стороны радикаловъ, какъ мы замѣтили, выступалъ Клемансо. Въ сущности онъ былъ душою этой борьбы въ палатѣ. Онъ произнесъ нѣсколько рѣчей, которыя остаются лучшими образчиками діалектическаго краснорѣчія. Поводъ къ самому замѣчательному столкновенію подало избраніе Бланки.

Послѣдній отсиживалъ въ тюрьмѣ въ Клерво наказаніе не за самое участіе въ событіяхъ коммуны,—онъ былъ арестованъ раньше, а за народное движеніе 31 октября 1870 года. Это движеніе, направленное противъ правительства національной обороны, окончилось вполнѣ мирно. Бунтовщики помирились съ членами временнаго правительства, которыхъ сначала хотѣли арестовать. Самъ Бланки вышелъ изъ городской ратуши подъ руку съ генераломъ Тамизе. Съ своей стороны правительство въ виду такого мирнаго исхода обѣщало никого не преслѣдовать. Но четыре мѣсяца спустя оно измѣнило своему слову и въ началѣ марта приказало арестовать Флурана и Бланки. Первый успѣлъ скрыться, а второй былъ схваченъ, когда готовился перебраться черезъ швейцарскую границу. Съ тѣхъ поръ сѣдовласый республиканецъ, проведшій большую часть жизни въ тюрьмахъ іюльской монархіи и второй имперіи, снова сидѣлъ въ тюрьмѣ Клерво. Здѣсь онъ узналъ о томъ, что 20 апрѣля 1879 года городъ Бордо, чтобы выразить ему сочувствіе и ускорить его освобожденіе, избралъ его своимъ депутатомъ. Это было указаніе правительству помиловать Бланки. Но министерство Валдингтона, одно изъ самыхъ реакціонныхъ республиканскихъ министерствъ, сохранявшее самыя близкія отношенія съ клерикалами праваго центра, оставило Бланки въ тюрьмѣ. Парламентская коммиссія, утверждавшая выборы, сообразуясь съ поведеніемъ правительства, внесла въ палату 26 мая 1879 г. докладъ, объявившій Бланки неизбираемымъ.

Клемансо потребовалъ слова по этому поводу. Онъ не входилъ въ сущность дѣла, а занялся вопросомъ, насколько законно слѣдовала коммиссія. Обнаруживъ полное знаніе конституціоннаго права, Клемансо указалъ на двѣ незаконности, совершенныя коммиссіей. Первая состояла въ томъ, что коммиссія рѣшила дѣло въ отсутствіе заинтересованнаго лица, т. е. Бланки. Разъ онъ былъ избранъ, онъ имѣлъ право явиться и защищать свое избраніе. Въ этомъ случаѣ имперія оказывалась либеральнѣе республики; она допустила Анри Рошфора, бѣжавшаго въ Бельгію въ 1869 г., послѣ приговора къ шести мѣсяцамъ тюремнаго заключенія, вернуться во Францію и защищать въ Парижѣ свою кандидатуру—Рошфоръ былъ только кандидатомъ и все-таки Наполеоновское правительство остановило исполненіе приговора, а Бланки былъ чѣмъ-то большимъ, онъ былъ облеченъ народнымъ довѣріемъ, былъ носителемъ полномочія. Вторая ошибка коммиссіи состояла въ томъ, что она взяла на себя роль, которая принадлежала палатѣ. Послѣдняя представляетъ верховную власть, которая рѣшаетъ, избираемъ депутатъ или нѣтъ.

Въ этотъ день Клемансо говорилъ не какъ политикъ и республиканецъ, а какъ юристъ и защитникъ правовой идеи [1]).

[1]) Discours à la Chambre des deputés, Journal official d. 1879, p. 4381 etc.

Digitized by Google

3-го іюля того же 1877 г. вопросъ снова былъ поднятъ. Клемансо снова просилъ слова, но на этотъ разъ въ немъ говорило негодованіе республиканца, присутствовавшаго при совершеніи крупной несправедливости.

Палата, которая уже тогда начала проявлять паническій страхъ передъ министерскими кризисами, колебавшими прочность республиканскаго режима, въ этомъ спорѣ Клемансо съ правительствомъ высказалась въ пользу послѣдняго.

Клемансо и его друзья, воспользовавшись паденіемъ министерства Ваддингтона появленіемъ новаго министерства Фрейсине 22 января 1880 г. внесли новое предложеніе всеобщей амнистіи.

Оно имѣло ту же участь, что и первое предложеніе, съ тою разницею, что на этотъ разъ сторонниковъ амнистіи оказалось гораздо больше, чѣмъ раньше. Подъ вліяніемъ агитаціи, которая велась и въ палатѣ и внѣ ея, правительство оказало болѣе слабое сопротивленіе. Фрейсине обѣщалъ амнистію, но въ отдаленномъ будущемъ, когда улягутся всѣ воспоминанія прошлаго.

Этотъ относительный успѣхъ усилилъ надежды радикаловъ и они стали вести борьбу съ большой энергіей. Другъ Клемансо Пельтанъ началъ въ газетѣ «*La Justice*» серію очерковъ, подъ заглавіемъ: «Кровавая Майская Недѣля», въ которыхъ рѣзко выставлялъ свирѣпость и жестокость побѣдителей. Въ то же время газеты печатали получавшіяся черезъ жившаго въ Женевѣ Рошфора письма отъ сосланныхъ въ Новую Каледонію, полныя описаніями тяжкихъ лишеній и страданій, которыя они переносятъ.

Въ городскихъ массахъ и особенно въ парижскомъ населеніи стало подниматься чувство сильнаго нетерпѣнія. Амнистія сдѣлалась общимъ желаніемъ, предметомъ публичныхъ собраній и политической почвой, на которой рѣшались всѣ частичные выборы, какъ законодательные, такъ и городскіе. Изъ послѣднихъ особенную извѣстность пріобрѣло избраніе Тринке 20 іюля 1880 г.; эта избирательная демонстрація получила большое значеніе благодаря двумъ важнымъ обстоятельствамъ: во-первыхъ, Тринке былъ членомъ коммуны, помилованнымъ въ 1879 году, а, во-вторыхъ, онъ былъ избранъ въ знаменитомъ Бельвильскомъ округѣ (XX парижскій кварталъ), депутатомъ котораго былъ Гамбетта. Всесильный предсѣдатель палаты, настоящій повелитель Франціи получалъ отъ собственныхъ избирателей весьма чувствительный ударъ. На другой день въ палатѣ въ отвѣтъ на ироническія рукоплесканія правой и на прозрачный намекъ Поля де-Кассаньяка, Гамбетта старался увѣрить всѣхъ, что этотъ выборъ «не имѣетъ значенія и не будетъ имѣть завтрашняго дня». Нѣтъ! Гамбета былъ уязвленъ въ самое чувствительное мѣсто; пострадало его безграничное тщеславіе. Онъ видѣлъ, что его популярность среди массъ разсѣивалась какъ облако подъ сильнымъ вѣтромъ радикальной и соціалистической оппозиціи. Выборъ Тринке вывелъ Гамбетту изъ опьяненія властью, онъ сдѣлалъ послѣднее усиліе вернуть утраченную популярность и высказался въ пользу амнистіи, которая и была тогда принята палатой. Но честь осуществленія ея принадлежитъ Клемансо. Этимъ и завершился вопросъ, на которомъ два года сосредоточивалась вся политическая жизнь Франціи.

Digitized by Google

III.

Успѣхъ амнистіи показалъ радикаламъ, что только путемъ борьбы противъ умѣренныхъ можно добиться осуществленія республиканскаго идеала.

Сопротивленіе, которое оказала по этому сравнительно маловажному вопросу еще колебавшаяся въ своемъ оппортюнистскомъ духѣ умѣренная республиканская партія, ясно указало на тѣ будущія трудности, которыя должна была встрѣтить на своемъ пути крайняя лѣвая. Чтобы дать большую силу своей оппозиціи, Клемансо основалъ ежедневную газету «*La Justice*», первый нумеръ которой вышелъ еще 15 января 1880 года.

Изъ передовой статьи этого перваго нумера видно, что Клемансо уже отдавалъ себѣ отчетъ въ упадкѣ республиканской партіи и старался разграничить доктрину оппортюнизма отъ доктрины молодой радикальной лѣвой.

Первое обвиненіе, которое Клемансо выставилъ противъ республиканской партіи, была ея бездѣятельность. «Десять лѣтъ прошли съ тѣхъ поръ, какъ провозглашена республика, а еще ничего не сдѣлано», пишетъ Клемансо. Отвѣтственность за это печальное положеніе падаетъ, по его мнѣнію, на тѣ остальные общественные элементы, на которые хотѣла опереться республиканская партія. «Виновата—вѣчная буржуазія 1830 г., мастера на полумѣры, которыхъ пугаетъ движеніе и безпокоютъ идеи». Отсюда—страхъ реформъ, готовность пожертвовать всѣмъ для спасенія министерства, для обезпеченія ему мирнаго и долгаго существованія.

Къ несчастью, эти министерства, для спокойствія которыхъ прилагалось столько заботъ и усилій, распадались сами, какъ плохо сколоченная телѣга, колеса которой при первомъ движеніи валятся на всѣ четыре стороны.

Для выхода изъ этого застоявшагося болота необходимо было мощное усиліе на пути реформъ.

Хотя «La Justice» и выходила номинально подъ главной редакціей Клемансо, но, кромѣ этой первой статьи, онъ писалъ тамъ очень рѣдко. Его мѣсто заступалъ Камиллъ Пельтанъ. Послѣдній защищалъ радикальную программу, можетъ быть, съ меньшей глубиной, но съ рѣдкимъ писательскимъ талантомъ. Клемансо сосредоточивалъ всѣ свои усилія на парламентской дѣятельности. Отъ времени до времени онъ устраивалъ большія публичныя собранія, пріобрѣтавшія характеръ цѣлыхъ событій.

Однимъ изъ первыхъ устроенныхъ имъ собраній было собраніе въ циркѣ Фернандо, въ воскресенье 11 апрѣля 1880 года. Въ этотъ день Клемансо, окруженный друзьями, между которыми былъ и основатель импрессіонистской школы художникъ Мане, при громадномъ стеченіи народа отдавалъ отчетъ въ своей парламентской дѣятельности.

Мы не будемъ подробно останавливаться на длинной рѣчи Клемансо, которая, какъ и всѣ его рѣчи, была на другой день напечатана in extenso въ «La Justice». Отмѣтимъ только выраженное въ ней рѣзко оппозиціонное отношеніе Клемансо къ новому министерству Фрейсине.

Digitized by Google

Хотя новый кабинетъ и состоялъ изъ болѣе прогрессивныхъ элементовъ, но онъ поставилъ себѣ только одну цѣль: продлить собственное существованіе. Все искусство Фрейсине заключалось въ ловкой эквилибристикѣ между сенатомъ и палатой и между разными составлявшими ихъ республиканскими фракціями.

«Такимъ образомъ,—говорилъ Клемансо,—стремленіе избѣгнуть рѣшительнаго кризиса привело къ вѣчному кризису».

Политикѣ ожиданія Клемансо предлагалъ противопоставить политику реформъ. «Мы можемъ сохранить республику,—говорилъ онъ дальше,—только подъ условіемъ организовать ее, дать ей учрежденія, необходимыя для ея функціонированія, для ея прогрессивнаго развитія».

Изъ реформъ, въ которыхъ чувствовалась настоятельная необходимость, онъ выставлялъ свободу печати и собраній и преобразованіе городскихъ совѣтовъ. Но главнымъ боевымъ кликомъ Клемансо и всей радикальной партіи оставалась борьба съ клерикализмомъ. Практически она сводилась къ отдѣленію церкви отъ государства, къ запрещенію духовныхъ орденовъ и къ введенію обязательной воинской повинности для семинаристовъ. Въ глазахъ Клемансо духовенство продолжало быть главнымъ врагомъ развитія гражданскаго общества. Церковь и государство были двумя взаимно исключающими одна другую силами.

Но проведеніе какъ этихъ, такъ и другихъ широкихъ реформъ встрѣчало два препятствія. Первое было въ самой республиканской партіи, въ происшедшемъ въ ея взглядахъ переломѣ; другое представляла конституція третьей республики. Клемансо высказывался противъ президентской власти сохранившей всѣ аттрибуты монархической безъ права наслѣдованія. Онъ высказывался и противъ существованія сената, созданнаго, по признанію докладчика конституціоннаго проекта 1875 г., Лефебра-Покталиса, чтобы служить плотиною демократической волнѣ. Таковы, въ краткихъ словахъ, основныя идеи программной рѣчи Клемансо.

Здѣсь, на собраніи, въ циркѣ Фернандо Клемансо въ первый разъ вошелъ въ столкновеніе съ новымъ коллективистскимъ движеніемъ. За нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ рабочіе делегаты, собранные въ Марсели, создали первую рабочую программу.

Коллективизмъ появился впервые во Франціи съ 1878 года, когда начала выходить газета «*l'Egalité*». Во главѣ ея стоялъ Жюль Гедъ, Габріель. Девиль, Лабискьеръ и еще нѣкоторые другіе молодые люди. Самый выдающійся изъ нихъ былъ Жюль Гедъ, сдѣлавшійся на всю жизнь неутомимымъ апостоломъ новой доктрины.

Партизаны новаго ученія съ свѣжимъ воодушевленіемъ и большой самоувѣренностью, которую имъ сообщалъ научный характеръ ихъ доктрины, горѣли нетерпѣніемъ помѣряться силами съ опытнымъ вождемъ крайней лѣвой. Монмартрскій кварталъ, гдѣ происходило собраніе, былъ, съ своимъ рабочимъ населеніемъ, самымъ подходящимъ полемъ для сраженія такого рода. Побѣда осталась на сторонѣ Клемансо, но онъ былъ обязанъ этой побѣдой скорѣе большой популярности, которою пользовался и своему ораторскому таланту, чѣмъ логикѣ своихъ отвѣтовъ. Его противники,

Digitized by Google

полуграмотные рабочіе, выражались плохо, что еще болѣе затрудняло пониманіе ихъ новыхъ и незнакомыхъ для публики доктринъ. Клемансо заключилъ свой отвѣтъ слабымъ аргументомъ ad hominem — анекдотомъ. Онъ напомнилъ своимъ слушателямъ случай съ Кайемъ Гракхомъ. Римскіе патриціи, которые не могли клеветою уничтожить знаменитаго трибуна въ глазахъ народа, прибѣгли къ хитрому средству: они подкупили Ливія Друза, который ходилъ вслѣдъ за Кайемъ на собранія и послѣ каждаго его предложенія дѣлалъ другое, еще болѣе крайнее.

Но Клемансо, нетерпѣливо желавшій покончить со своими противниками, забывалъ, что то же самое можно сказать и о немъ. И въ самомъ дѣлѣ, на другой же день «Le Temps» остроумно замѣтило, что по отношенію къ умѣренной республиканской партіи и ея вождямъ Клемансо игралъ роль Ливія Друза [1]).

Отвѣчая на разныя возраженія, Клемансо для болѣе полнаго разъясненія вопроса предложилъ публичный диспутъ о коллективизмѣ. Но когда на другой день Гедъ, Девиль, Жанъ Лабюскьеръ и нѣкоторые другіе изъ авторитетныхъ представителей новаго теченія, не присутствовавшіе на предыдущемъ собраніи, публичнымъ письмомъ заявили, что съ радостью принимаютъ приглашеніе Клемансо, послѣдній отказался подъ различными предлогами.

Онъ самъ чувствовалъ свою слабость. Его излюбленные авторы и любимѣйшій изъ любимыхъ, Кондорсе, уже устарѣли. Въ ихъ чисто философскихъ и политическихъ доктринахъ Клемансо не могъ найти разрѣшенія современныхъ общественныхъ проблемъ. Но онъ не могъ перемѣнить своихъ основныхъ воззрѣній; онъ не видѣлъ въ новомъ ученіи ничего, кромѣ его матеріалистическихъ посылокъ и коммунистической тенденціи, прямо противоположныхъ республиканской доктринѣ, основанной на абсолютной морали и полной свободѣ личности. Это ученіе было еще болѣе несовмѣстимо съ собственными убѣжденіями Клемансо, съ индивидуализмомъ, который воспитало въ немъ пребываніе въ Соединенныхъ Штатахъ, притомъ онъ всегда могъ приписывать несовершенства своихъ идеаловъ скорѣе людямъ, предназначеннымъ осуществить ихъ, чѣмъ самимъ идеаламъ.

Кромѣ того, Клемансо несомнѣнно смотрѣлъ на себя, какъ на будущаго правителя Франціи, хотя это и не проглядывало ни въ рѣчахъ его, ни въ поступкахъ, по которымъ вовсе нельзя было сказать, чтобы онъ стремился къ власти. А, какъ политическій и государственный мужъ, онъ искалъ въ общественныхъ движеніяхъ только практическаго, т. е. осуществимаго. Скоро въ его программу послѣдовательно перешла бо́льшая часть практическихъ требованій такъ называемой рабочей партіи.

Едва прошло шесть мѣсяцевъ послѣ собранія въ циркѣ Фернандо, какъ Клемансо произнесъ другую публичную рѣчь 28 октября, въ Марселѣ.

Сравнивая марсельскую рѣчь съ рѣчью въ циркѣ Фернандо, мы замѣчаемъ несомнѣнный прогрессъ. Клемансо уже не прибѣгаетъ

---

[1]) „Le Temps", 15 Avril 1880.

Digitized by Google

къ любимому аргументу старыхъ республиканцевъ 1830—1848 годовъ о зависимости экономики отъ политики. Во время іюльской монархіи такое противопоставленіе было объяснимо, такъ какъ народныя массы не имѣли политическихъ правъ и, слѣдовательно, были лишены возможности защищать свои экономическіе интересы.

Его рѣчь въ Марселѣ вращалась главнымъ образомъ вокругъ рабочихъ требованій насчетъ покровительства дѣтскому труду, сокращенія рабочаго дня для взрослыхъ; подъ конецъ Клемансо даже привѣтствовалъ тѣхъ самыхъ коллективистовъ, которыхъ въ циркѣ Фернандо сравнивалъ съ Ливіемъ Друзомъ. Говоря о Марсельскомъ конгрессѣ, на которомъ въ первый разъ была оффиціально принята новая коллективистская программа, Клемансо заключилъ такъ: «Это— четвертое сословіе формулируетъ свои требованія. Будемъ привѣтствовать эти новые общественные слои!»

Но всего больше Клемансо сходился съ самыми передовыми рядами демократіи на почвѣ политическихъ требованій.

Такъ, 28 мая того же 1880 года онъ энергически протестовалъ интерпелляціей въ парламентѣ, по адресу тогдашняго министра внутреннихъ дѣлъ Констана, по поводу произвольныхъ арестовъ, произведенныхъ полиціей во время одной манифестаціи на Père Lachèze. Нашлось только 28 депутатовъ, которые поддержали Клемансо.

Не болѣе удачна была и его интерпелляція о греческихъ дѣлахъ, которая познакомитъ насъ съ взглядами Клемансо по иностранной политикѣ. Эта интерпелляція имѣла мѣсто 5 марта 1881 года, при новомъ министерствѣ Ферри, смѣнившемъ павшій вслѣдствіе уступчивости клерикаламъ кабинетъ Фрейсине. Ферри обѣщалъ не допускать отправки боевыхъ запасовъ въ Грецію, которая готовилась къ войнѣ съ Турціей, и несмотря на свое обѣщаніе позволилъ вывезти большія количества пороху. Клемансо стоялъ за политику свободныхъ рукъ. Онъ хотѣлъ, чтобы Франція берегла всѣ свои силы для «высшей цѣли», возвращенія Эльзаса и Лотарингіи. Вотъ почему онъ протестовалъ противъ такой политики, которая могла запутать Францію въ разныя международныя осложненія. Онъ протестовалъ также и потому, что министерство не сдержало обѣщанія, даннаго парламенту, и этимъ показало, какъ мало оно считается съ правами послѣдняго. Но за порядокъ дня, предложенный Клемансо, высказалось всего 19 депутатовъ.

Въ двухъ другихъ случаяхъ Клемансо почти довелъ министерство до паденія: оно удержалось только благодаря перемѣщенію голосовъ. Первый случай былъ 31 мая 1881 года при обсужденіи предложенія Бароде относительно пересмотра конституціи. Тогда Клемансо произнесъ одну изъ своихъ большихъ политическихъ рѣчей и въ ней выставилъ всѣ недостатки существующей конституціи. За его предложеніе высказалось 186 депутатовъ изъ 254.

Это солидное меньшинство стало еще значительнѣе, когда 26 іюля Клемансо сдѣлалъ интерпелляцію относительно срока будущихъ законодательныхъ выборовъ. Правительство тщательно скрывало цѣль выборовъ. Оно даже нарочно созывало запасныхъ солдатъ на военное ученье, для того чтобы отвлечь вниманіе своихъ противни-

Digitized by Google

ковъ. Но Клемансо разоблачилъ этотъ планъ Онъ предсказалъ, что, вопреки пророчествамъ Ферри въ рѣчи, произнесенной имъ въ Эпиналѣ, въ будущей палатѣ будетъ ревизіонистское большинство. За предложенный имъ порядокъ дня высказалось 201 депутатъ, противъ 214 правительственныхъ голосовъ.

IV.

Выборы были назначены на 21-е августа. Кабинетъ Ферри являлся на выборы съ значительнымъ активомъ. Подъ вліяніемъ радикальной крайней лѣвой и Клемансо, или по собственной инициативѣ, но министерство Ферри провело въ палатѣ и въ сенатѣ нѣсколько основныхъ законовъ, напр., законъ о свободѣ печати, собраній и значительныя реформы по народному образованію. Кромѣ того, кабинетъ Ферри выказалъ довольно большую энергію въ борьбѣ противъ клерикализма и распустилъ около 400 конгрегацій. Но этого было недостаточно, чтобы обезоружить радикальную оппозицію. Она судила о министерствѣ не только по тому, что оно сдѣлало, но и по тому, что оно должно было сдѣлать.

Клемансо открылъ избирательную агитацію въ газетѣ «La Justice», гдѣ сталъ печатать біографическія свѣдѣнія о всѣхъ депутатахъ, сопровождаемыя отчетомъ объ ихъ дѣятельности въ палатѣ. Онъ долженъ былъ одновременно бороться и противъ молодой коллективистской оппозиціи и противъ оффиціальнаго правительственнаго давленія. Оппозиція коллективистовъ проявилась еще во время муниципальныхъ выборовъ въ январѣ того же 1881 года. Она возобновилась во время законодательныхъ выборовъ. Но коллективисты были еще слабо организованы и ихъ агитація не представляла большой опасности для Клемансо. Иначе обстояло дѣло съ агитаціей другихъ его противниковъ.

Въ томъ же самомъ Монмартрскомъ кварталѣ противъ Клемансо организовался умѣренно-республиканскій комитетъ, не только морально, но и матерьяльно поддерживаемый правительствомъ.

Въ это время Клемансо пользовался необыкновенной популярностью. Не только Парижъ, но и вся демократическая Франція видѣли въ его лицѣ самаго талантливаго представителя радикальной республиканской партіи. Онъ могъ самъ убѣдиться въ своей популярности во время путешествія въ провинціи въ октябрѣ предыдущаго года. Тогда Клемансо, вмѣстѣ съ Пельтаномъ, ѣхалъ въ Италію, чтобы представлять республиканскую Францію при открытіи памятника въ Монтонѣ, воздвигнутаго въ честь добровольцевъ Гарибальди, павшихъ подъ пулями солдатъ Наполеона III. По дорогѣ Клемансо остановился въ Марселѣ. Здѣсь и былъ ему оказанъ необыкновенно горячій и блестящій пріемъ.

Клемансо произнесъ свою первую избирательную рѣчь въ уже извѣстномъ циркѣ Фернандо 12 августа. Громадная зала была переполнена, множество публики стояло снаружи подъ окнами и на балконѣ, на которомъ Клемансо нѣсколько разъ долженъ былъ показаться. Его избирательный комитетъ, распространялъ избирательную программу, одобренную и подписанную Клемансо, какъ прог-

Digitized by Google

раму «всей республиканской демократіи». Эта большая программа, содержащая около двадцатипунктовъ, есть въ сущности повтореніе бельвильской республиканской программы 1869 года. Въ программѣ Клемансо есть даже (гл. V) замѣна постоянныхъ войскъ народною милиціей; требованіе, формулированное также и въ старой бельвильской программѣ. Послѣ войны съ Германіей почти всѣ республиканцы сняли этотъ пунктъ съ своихъ программъ. Но пунктъ этотъ продолжалъ оказывать извѣстное обаятельное дѣйствіе на Парижъ, гдѣ институтъ національной гвардіи продолжалъ пользоваться большими симпатіями.

Изъ другихъ требованій новыми въ его программѣ являются главы XIV, XV и XVI, относящіяся къ покровительству труда и отсутствующія въ старой бельвильской программѣ.

Когда Клемансо кончилъ свою рѣчь и сѣлъ, когда прекратились бурныя рукоплесканія, густые ряды слушателей раздвинулись, чтобы дать дорогу неутомимымъ оппонентамъ изъ рабочей партіи. Сначала попросилъ слова рабочій Маесъ. Онъ съ невозмутимымъ спокойствіемъ поднялся на трибуну, еще дрожавшую отъ рукоплесканій, вызванныхъ рѣчью суроваго оратора крайней лѣвой.

На этотъ разъ Клемансо являлся уже не совсѣмъ неподготовленнымъ. Онъ даже предупредилъ главъ рабочей партіи (такъ называли себя коллективисты), чтобы они явились на собраніе. Клемансо старался пользоваться ихъ же аргументами противъ нихъ самихъ. Такъ, въ отвѣтѣ оратору онъ заявилъ, что принимаетъ минимальную программу рабочей партіи, за исключеніемъ второго пункта, требующаго: «минимума заработной платы, опредѣляемаго ежегодно, для каждой мѣстности, сообразно мѣстнымъ цѣнамъ на пищевые продукты». Клемансо находитъ это требованіе практически неосуществимымъ. «На какіе документы будемъ мы опираться при опредѣленіи этого минимума?» Спрашивалъ онъ: Далѣе онъ находилъ это требованіе еще безполезнымъ, основываясь на брошюрѣ Жюля Геда о заработной платѣ.

При произнесеніи имени Геда въ толпѣ послышался возгласъ: «котораго вы очень боитесь!» но Клемансо продолжалъ, развивая знаменитый желѣзный законъ минимальной заработной платы [1]).

Въ концѣ собранія 3000 присутствовавшихъ голосовали полное довѣріе своему депутату [1]). Но въ общемъ на этотъ разъ Клемансо держался по отношенію къ коллективистамъ скорѣе оборонительной политики. Онъ старался быть мягкимъ и уступчивымъ и берегъ всю силу своего краснорѣчія для умѣренныхъ республиканцевъ и ихъ вождей —Ферри Гамбетты. Особенно послѣдній сдѣлался постоянной мишенью для нападокъ Клемансо. Друзья Гамбетты объяснили эту непримиримую войну завистью со стороны Клемансо. Но самъ онъ

---

[1]) La Justice (Discours du cirque Fernando in extenso 11 Août 1881). Гедъ отвѣтилъ Клемансо письмомъ отъ 29 августа, въ которомъ доказывалъ практичность гл. 2, приводя въ примѣръ муниципальные тарифы, выработанные именно на основаніи этого принципа. Что касается до желѣзнаго закона, то Гедъ считаетъ его просто агитаціоннымъ средствомъ. Это письмо напечатано въ третьемъ изданіи брошюры Геда: du loi des salaires et sea conséquence, Paris 1901.

Digitized by Google

объяснялъ эту борьбу тѣмъ исключительнымъ и опаснымъ для демократическихъ началъ положеніемъ, которое себѣ создалъ Гамбетта. Онъ сдѣлался настоящимъ диктаторомъ Франціи. Какъ истый монархъ, Гамбетта сажалъ и удалялъ министровъ, назначалъ генераловъ, посланниковъ и чиновниковъ. Министры только подписывали его рѣшенія. Такимъ образомъ онъ пользовался всѣми привиллегіями власти, не неся ея отвѣтственности.

Безграничная власть развила у Гамбетты чрезвычайно надменное отношеніе къ окружающимъ, которое, при его грубыхъ манерахъ, дѣлалось еще невыносимѣе. Клемансо никогда не могъ забыть, какъ Гамбетта съ своего предсѣдательскаго кресла, призывая его группу къ молчанію, закричалъ своимъ громовымъ голосомъ: «Silence aux trente voix!» [1]). Борьба Клемансо противъ Гамбеты въ кулуарахъ палаты была давно извѣстна всѣмъ, но она получила особую остроту съ появленіемъ газеты «La Justice».

Тактика Клемансо была очень проста; онъ хотѣлъ заставить Гамбетту взять власть въ свои руки. Послѣ паденія кабинета Вадингтона онъ публично приглашалъ его сдѣлать это.

Но друзья Гамбетты не поддавались на эти соблазнительныя предложенія. Они отвѣчали Клемансо: «Да, мы васъ понимаемъ; вы хотите *истощить* Гамбетту».

Клемансо защищался, говоря, что то, чего онъ хочетъ, вполнѣ соотвѣтствуетъ логикѣ конституціоннаго управленія.

«Мы ограничились — писалъ онъ въ «La Justice» — тѣмъ, что констатировали, что большинство этой палаты имѣетъ главу, что этотъ глава не стоитъ у власти и что отъ этого происходитъ большое ослабленіе министерства и палаты. Министерства потому, что оно поставлено въ необходимость искать содѣйствія посторонней силы, роковымъ образомъ вынужденной подчинять его себѣ, и вслѣдствіе этого теряетъ всякій нравственный авторитетъ. Палаты—потому, что, требуя отъ нея прочнаго большинства и отказывая ей въ то же время въ условіяхъ, необходимыхъ для образованія такого большинства, ее осуждаютъ на безсиліе» [2]).

Каждый день приносилъ новые элементы въ пользу Клемансо. Его обвиненія становились все опредѣленнѣе. Въ апрѣлѣ 1880 г. въ циркѣ Фернандо онъ открыто заявилъ, что политика Гамбета носитъ въ исторіи «страшное имя диктатуры».

И Клемансо не упускалъ ни одного случая, на которомъ можно было бы показать это стремленіе Гамбетты. Онъ находилъ слѣды его даже въ самыхъ его рѣчахъ. На другой день послѣ знаменитой рѣчи Гамбетты въ пользу амнистіи Клемансо написалъ статью подъ заглавіемъ: «le maître du pouvoir». Онъ съ особенной настойчивостью подчеркивалъ слѣдующія фразы изъ рѣчи Гамбетты, гдѣ послѣдній выражается какъ настоящій монархъ: «Когда *я* изучилъ духовное состояніе *моей* страны, когда *я* констатировалъ ея усталость» и дальше: «Что касается до чувствъ Европы, *я* ихъ собралъ, *я* ихъ записалъ» и т. д. [3]).

---

[1]) Молчаніе тридцати голосамъ!

[2]) La Justice du 18 Janvier 1880.

[3]) La Justice 21 Juin 1880.

Digitized by Google

А что дѣлали въ это время отвѣтственные министры? Фрейсине, два-три мѣсяца тому назадъ откладывавшій амнистію на неопредѣленный срокъ, теперь, послѣ повелительнаго жеста Гамбеты спѣшилъ самъ предложить ее. У министровъ не было собственной политики. Франція какъ будто даже не знала ихъ именъ. На оффиціальныхъ празднествахъ личность Гамбетты заслоняла ихъ незначительныя персоны. Часто они даже не считали нужнымъ показываться въ такихъ торжественныхъ случаяхъ, какъ, напримѣръ, празднества въ Шербутѣ. Это добровольное стушеваніе себя передъ Гамбеттою со стороны министровъ являлось даже предметомъ насмѣшекъ. Газеты разсказывали забавный анекдотъ о томъ, какъ одинъ фотографъ успѣлъ продать въ Шербургѣ цѣлую партію старыхъ портретовъ Леона Сея, выдавая ихъ за портреты министра Фрейсине.

Клемансо считалъ Гамбетту виновникомъ паденія Фрейсине. Гамбетта въ эту эпоху сдѣлался чрезвычайно воинственнымъ и миролюбивый, характеръ Фрейсине не соотвѣтствовалъ его планамъ; «тогда онъ дернулъ кое-какія ниточки и Фрейсине очутился внизу» [1]).

На митингѣ въ Марселѣ Клемансо снова возвращается къ Гамбеттѣ, который «властвуетъ безъ противовѣса, безъ контроля и безъ отвѣтственности». Онъ ставитъ Гамбетту даже ниже Тьера, такъ какъ послѣдній не избѣгалъ отвѣтственности.

Въ первое время борьба противъ Гамбетты находила слабый откликъ даже въ рядахъ крайней лѣвой. Гамбета былъ еще всесиленъ и немного находилось смѣлыхъ депутатовъ вродѣ Клемансо, рѣшавшихся открыто критиковать диктатора. Клемансо продолжалъ борьбу и во время выборовъ. Гамбетта сначала отвѣчалъ презрительнымъ молчаніемъ, потомъ онъ попробовалъ обезоружить Клемансо, внеся его имя въ списокъ парижскихъ кандидатовъ, которыхъ поддерживала его газета «La République Française». Но эта тактика была слишкомъ груба для того, чтобы достичь цѣли.

«La Justice» продолжала вести рѣзкую кампанію противъ Гамбетты, а самъ Клемансо постоянно выступалъ противъ него на публичныхъ собраніяхъ, гдѣ бороться противъ него было легче, чѣмъ въ парламентѣ. Тамъ Гамбетта еще сохранилъ все свое вліяніе, тогда какъ среди парижскаго населенія онъ достигъ уже высшаго предѣла непопулярности. Противъ него поднялись уже не только Клемансо и его друзья, но и демократы изъ лагеря Рошфора, который только что выпустилъ свой *Intransigeant*, и бывшіе коммунары: Жюль Валесъ, Шарль Лонге и новые коллективисты подъ предводительствомъ Геда, Брусса и Шофрена.

17 августа въ 10 часовъ вечера по улицѣ Сенъ-Блезъ въ галопъ проѣзжалъ экипажъ, увозившій остатки прежняго величія Гамбетты. Одинъ часъ разрушилъ дѣло цѣлаго десятилѣтія. Гамбетта возвращался изъ собранія своихъ избирателей въ залѣ Лакъ-Сенъ-Фаржо, и возвращался побѣжденнымъ. Избиратели не захотѣли даже выслушать его. Онъ умолялъ, онъ произносилъ слова: Сво-

[1]) La Justice 24 Septembre 1880.

Digitized by Google

бода, Франція, Европа; утомившись просьбами, онъ попробовалъ приказывать, онъ произносилъ гнѣвныя, горячія и оскорбительныя слова по адресу этихъ «пьяныхъ рабовъ», онъ стучалъ палкой по столу, чтобы водворить молчаніе, но никто не хотѣлъ его слушать. И теперь Гамбетта прятался, Гамбетта бѣжалъ отъ собственныхъ избирателей, въ сопровожденіи вѣрнаго адъютанта Спюлера. И долго среди шума колесъ и воя вѣтра ему чудились крики: «долой измѣнника! Долой диктатора!».

Во время выборовъ Гамбета, поставившій свою кандидатуру въ двухъ кварталахъ Бельвиля, при сильномъ административномъ давленіи былъ избранъ только въ одномъ изъ нихъ и то всего 17-ю голосами большинства. Въ другомъ округѣ прошелъ одинъ изъ друзей Клемансо, редакторъ Тони Ревильонъ.

За то Клемансо былъ избранъ въ Монмартрѣ подавляющимъ большинствомъ въ 12,500 голосовъ (за—16.000, противъ 3,500).

Такъ окончилась первая фаза энергической борьбы двухъ холмовъ: Авентина и Палатина,—Монмартра и Бельвиля.

VI.

Распредѣленіе партій въ новомъ парламентѣ было таково:

Крайняя лѣвая, во главѣ которой стоялъ Клемансо и которая называлась еще группой радикаловъ-соціалистовъ насчитывала около 50 человѣкъ. За ними умѣренные радикалы, которые шли иногда съ Клемансо, иногда съ Гамбеттою. Всего многочисленнѣе были партизаны послѣдняго. Они назывались то республиканцами «безъ ярлыка», то республиканцами прогрессистами. Позднѣе они стали извѣстны подъ именемъ оппортюнистовъ, республиканскаго центра, или умѣренныхъ республиканцевъ. Въ это время въ палатѣ существовала еще маленькая группа старыхъ друзей Тьера, называвшихся лѣвымъ центромъ. За лѣвымъ центромъ шли разныя монархистскія группы палаты, всѣ вмѣстѣ составлявшія правую. Но здѣсь мы должны замѣтить одно важное обстоятельство. Во Франціи тогда (какъ и теперь) отсутствовали *организованныя* политическія партіи. Тѣ, которые считались вождями, не получали никакихъ избирательныхъ санкцій. Напримѣръ республиканское большинство признавало вождемъ Гамбетту, но на такое же положеніе претендовалъ и Жюль Ферри. Отсюда—закулисныя интриги и борьба между личностями республиканской партіи. Въ радикальной лѣвой борьба шла между Флокке, Бриссономъ, Гобле, Фрейсине. Каждый изъ нихъ хотѣлъ считаться вождемъ. Одинъ только Клемансо не имѣлъ въ своемъ маленькомъ кружкѣ соперниковъ.

Гамбетта все таки, несмотря на сильное нежеланіе, вынужденъ былъ въ концѣ концовъ взять власть въ свои руки. Другія главы республиканской партіи, хотя и шли съ нимъ за одно, но тайно интриговали противъ него. Чтобы изолировать его большая часть ихъ Фрейсине, Ферри, Леонъ Сэ, которыхъ онъ звалъ вступить въ его кабинетъ отказались.

Клемансо тоже продолжалъ свою борьбу, но велъ ее прямо и честно.

Digitized by Google

Новая палата въ большинствѣ была за пересмотръ конституціи. Гамбетта раздѣлялъ эту программу, но онъ хотѣлъ, ограниченнаго, частичнаго, заранѣе опредѣленнаго пересмотра, тогда какъ палата была за неограниченный пересмотръ. Она хотѣла, чтобы будущее національное собраніе было самостоятельно и неограничено въ своихъ дѣйствіяхъ. Именно Клемансо сдѣлался горячимъ защитникомъ этого положенія. Палата высказалась въ пользу его 268-ю голосами противъ 218. Это голосованіе вызвало паденіе Гамбетты и второе появленіе Фрейсине въ качествѣ министра-президента. Это былъ второй и послѣдній фазисъ борьбы Гамбетты и Клемансо [1]).

Чтобы избѣжать столкновенія съ сенатомъ, который былъ за частичный пересмотръ, новое министерство отложило обсужденіе конституціоннаго вопроса до болѣе благопріятнаго времени. Тогда поднялся Клемансо и потребовалъ отъ палаты, чтобы она помимо воли министра, привела въ исполненіе уже принятое рѣшеніе. Но боясь новаго министерскаго кризиса, палата отбросила предложеніе Клемансо 357-ю голосами противъ 66. Но и этому новому министерству, суждено было пасть подъ ударами Клемансо, что и случилось во время дебатовъ по египетскому вопросу.

Въ томъ же году, 29 іюня Клемансо спросилъ слова въ палатѣ и сталъ защищать предложеніе Делатра, по которому государство должно было возвратить себѣ землю, отпущенную Версальскимъ національнымъ собраніемъ на высотахъ Монмартра, для того, чтобы воздвигнуть тамъ искупительный памятникъ, храмъ „Sacré Coeur". Палата, несмотря на сопротивленіе Гобле приняла это предложеніе 261 голосомъ противъ 198. Но оно осталось безъ исполненія и церковь была выстроена.

Мѣсяцъ спустя, послѣ преній относительно базилики Sacré Coeur въ палатѣ былъ возбужденъ египетскій вопросъ. Извѣстно, что Англія приглашала Францію принять участіе въ подавленіи египетскаго возстанія. Клемансо рѣшительно высказался противъ этого участія. Онъ, можетъ быть одинъ во всей Европѣ, возвышалъ голосъ въ пользу великодушной и гуманной политики. Онъ энергически взялъ на себя защиту египетскихъ феллаховъ, которыхъ грабили и притѣсняли и мѣстные и иностранные ростовщики и чиновники. Онъ говорилъ противъ скандальныхъ привиллегій чиновниковъ изъ Европы, получающихъ царское жалованье и составляющихъ для мѣстнаго населенія невыносимое бремя. „Что же удивительнаго, что египтяне возстали при всѣхъ этихъ условіяхъ!".

Такія рѣчи были чѣмъ то новымъ, неслыханнымъ во французскомъ парламентѣ XIV столѣтія. Націоналисты искатели военной славы, партизаны колоніальной политики изъ всѣхъ лагерей повели борьбу противъ рекомендуемаго Клемансо воздержанія въ этомъ вопросѣ. Одинъ изъ нихъ Жанъ Лемуанъ еще до рѣчи Клемансо

---

[1]) Друзья Гамбетты никогда не могли простить Клемансо его участіе въ паденіи ихъ главы. Свидѣтельствомъ служатъ двѣ книги Жозефа Рейнака, самаго близкаго сотрудника Гамбетты. Первая изъ нихъ «Le Ministre Gambetta», разсказываетъ исторію этого министерства, а вторая „Le Ministre Clemenceau (1886) — фантастическій памфлетъ, направленный исключительно противъ вождя крайней лѣвой.

Digitized by Google

ѣдко подсмѣивался надъ нимъ: „Мы, кажется, сдѣлаемся очень счастливы, писалъ онъ въ Journal des Debats — мы не хотимъ больше имѣть исторіи".

Позднѣе, 29 октября того же года, на большомъ публичномъ собраніи въ циркѣ Фернандо, Клемансо снова говорилъ о принципахъ, которыми должна руководиться иностранная политика третьей республики. Путь ея въ этомъ отношеніи былъ предначертанъ дѣятелями французской революціи. И Клемансо прочелъ своимъ слушателямъ слѣдующую высокогуманную декларацію, составленную Вольнеемъ и принятую національнымъ собраніемъ 1789 года.

„Несмотря на чрезвычайныя вооруженія сосѣднихъ державъ, національное собраніе, въ первый разъ бросая взглядъ за предѣлы Имперіи, и желая обнаружить принципы, которыми оно будетъ руководствоваться въ своихъ внѣшнихъ сношеніяхъ, торжественно заявляетъ:

1) во первыхъ провозглашаетъ общность человѣческаго рода, составляющаго одно общество, цѣль котораго — миръ и счастье всѣхъ и каждаго изъ его членовъ.

2) Что въ этомъ обществѣ и народы и государства разсматриваются какъ личности, пользуются тѣми же самыми естественными правами и подчиняются тѣмъ же самымъ правиламъ справедливости, какъ и личности въ частныхъ и вторичныхъ обществахъ.

3) Что поэтому ни одинъ народъ не имѣетъ права захватить собственность другого народа, ни лишать его свободы или его естественныхъ преимуществъ.

4) Что всякая война, предпринятая по другому поводу и съ иной цѣлью, нежели защита права, — есть актъ насилія, который большое общество должно подавить, такъ какъ захватъ одного государства—другимъ, угрожаетъ свободѣ и безопасности всѣхъ.

Поэтому національное собраніе установило и устанавливаетъ, какъ членъ французской конституціи, что нація, съ этого момента, не позволитъ себѣ предпринять никакой войны, клонящейся къ увеличенію ея теперешней территоріи" [1]).

Но вернемся къ дебатамъ по египетскому вопросу. Кромѣ общаго принципіальнаго аргумента, который Клемансо противоставлялъ націоналистской политикѣ, онъ приводилъ и другія соображенія, проистекающія отъ теперешняго положенія дѣлъ. Какъ при преніяхъ по греческимъ дѣламъ, такъ и теперь вождь радикаловъ напоминалъ объ исключительномъ международномъ положеніи Франціи. Онъ былъ склоненъ видѣть въ Египетской экспедиціи интригу и подстрекательство Бисмарка [2]).

„Можетъ быть хотятъ насъ разсѣять по берегамъ Африки, говорилъ Клемансо, такъ же какъ Австрію посылали въ Боснію и Герцеговину, насъ посылаютъ въ Тунисъ и Египетъ" [3]).

Послѣднія слова оказали дѣйствіе и на тѣхъ депутатовъ, на которыхъ не имѣли вліянія аргументы общаго характера. Требуе-

[1]) Discours au cirque Fernando (la Justice 2 Nov. 1882).

[2]) Замѣчательно, что теперь черезъ 20 лѣтъ нѣкоторые англичане пришли къ той же мысли, т. е. что Бисмаркъ толкнулъ ихъ на эту экспедицію.

[3]) Discours sur la question Egyptienne du 29 Juillet 1882 (en brochure).

Digitized by Google

Новая палата въ большинствѣ была за пересмотръ конституціи. Гамбетта раздѣлялъ эту [illegible]ламу, но онъ хотѣлъ, ограниченнаго, частичнаго, заранѣе опредѣл[illegible]го пересмотра, тогда какъ палата была за неограниченный пересмотр[illegible] Она хотѣла, чтобы будущее національное собраніе было самосто[illegible]чно и неограничено въ своихъ дѣйствіяхъ. Именно Клемансо сдѣл[illegible] горячимъ защитникомъ этого положенія. Палата высказалась въ [illegible]ьзу его 268-ю голосами противъ 218. Это голосованіе вызвало паде[illegible]мбетты и второе появленіе Фрейсине въ качествѣ министра-президе[illegible] Это былъ второй и послѣдній фазисъ борьбы Гамбетты и Клемансо [1].

Чтобы избѣжать столкновенія съ сенатомъ, который былъ за частичный пересмотръ, новое министерство отложило обсужденіе конституціоннаго вопроса до болѣе благопріятнаго времени. Тогда поднялся Клемансо и потребовалъ отъ палаты, чтобы она помимо воли министра, привела въ исполненіе уже принятое рѣшеніе. Но боясь новаго министерскаго кризиса, палата отбросила предложеніе Клемансо 357-ю голосами противъ 66. Но и этому новому министерству, суждено было пасть подъ ударами Клемансо, что и случилось во время дебатовъ по египетскому вопросу.

Въ томъ же году, 29 іюня Клемансо спросилъ слова въ палатѣ и сталъ защищать предложеніе Делатра, по которому государство должно было возвратить себѣ землю, отпущенную Версальскимъ національнымъ собраніемъ на высотахъ Монмартра, для того, чтобы воздвигнуть тамъ искупительный памятникъ, храмъ „Sacré Coeur". Палата, несмотря на сопротивленіе Гобле приняла это предложеніе 261 голосомъ противъ 198. Но оно осталось безъ исполненія и церковь была выстроена.

Мѣсяцъ спустя, послѣ преній относительно базилики Sacré Coeur въ палатѣ былъ возбужденъ египетскій вопросъ. Извѣстно, что Англія приглашала Францію принять участіе въ подавленіи египетскаго возстанія. Клемансо рѣшительно высказался противъ этого участія. Онъ, можетъ быть одинъ во всей Европѣ, возвышалъ голосъ въ пользу великодушной и гуманной политики. Онъ энергически взялъ на себя защиту египетскихъ феллаховъ, которыхъ грабили и притѣсняли и мѣстные и иностранные ростовщики и чиновники. Онъ говорилъ противъ скандальныхъ привиллегій чиновниковъ изъ Европы, получающихъ царское жалованье и составляющихъ для мѣстнаго населенія невыносимое бремя. „Что же удивительнаго, что египтяне возстали при всѣхъ этихъ условіяхъ!".

Такія рѣчи были чѣмъ то новымъ, неслыханнымъ во французскомъ парламентѣ XIV столѣтія. Націоналисты искатели военной славы, партизаны колоніальной политики изъ всѣхъ лагерей повели борьбу противъ рекомендуемаго Клемансо воздержанія въ этомъ вопросѣ. Одинъ изъ нихъ Жанъ Лемуанъ еще до рѣчи Клемансо

---

[1]) Друзья Гамбетты никогда не могли простить Клемансо его участія [illegible]аденіи ихъ главы. Свидѣтельствомъ служатъ двѣ книги Жо[illegible]нака, самаго близкаго сотрудника Гамбетты. Перв[illegible] Le Ministre Gambetta, разсказываетъ исторі[illegible]инистерства, а вторая „Le Ministre Clemen[illegible] фантастическій памфлетъ, направленный исключительно противъ вождя крайней лѣвой.

Digitized by Google

Воспоминанія украинскаго писателя объ И. С. Тургеневѣ.

Каждый новый, хотя иногда, можетъ быть, самъ по себѣ и незначительный, фактъ жизни великаго писателя прибавляетъ свою черту въ общую характеристику его личности. Къ такимъ матеріаламъ второстепеннаго значенія, но тѣмъ не менѣе интереснымъ, относятся ниже мною приводимыя воспоминанія украинскаго писателя объ И. С. Тургеневѣ.

Мое знакомство съ И. С. Тургеневымъ не было ни продолжительнымъ, ни близкимъ, но мнѣ посчастливилось наблюдать его съ тѣхъ сторонъ, съ которыхъ онъ менѣе извѣстенъ, а потому я считаю своею обязанностью внести и свою долю въ публичную память объ этомъ замѣчательномъ человѣкѣ.

Заочное знакомство мое съ И. С. началось въ 1873 г., когда одинъ его пріятель предложилъ мнѣ заняться разборомъ для печати бумагъ умершаго передъ тѣмъ дяди И. С—ча, Николая Ивановича Тургенева, въ его домѣ въ Буживалѣ подлѣ Парижа, по сосѣдству съ домомъ, гдѣ проживалъ и И. С. Я, который жилъ тогда въ Италіи и собирался ѣхать во Францію, долженъ былъ списаться по этому дѣлу съ И. С. Но такъ какъ я долженъ былъ скоро ѣхать въ Россію, то мнѣ не пришлось воспользоваться этимъ предложеніемъ, о которомъ теперь говорю между прочимъ и для того, чтобъ напомнить, что съ тѣхъ поръ ничего не слышно о разборѣ и публикаціи бумагъ Н. И. Тургенева, которыя, конечно, должны заключать въ себѣ не мало интереснаго [1]).

[1]) Статья писана въ 1892 г. *Прим. мое*

Digitized by Google

мый Фрейсине кредитъ былъ отвергнутъ 416 голосами противъ 75 и министерство пало.

Еще при первомъ появленіи новаго министерства Дюклера, когда оно объявило, что будетъ управлять съ поддержкой „республиканской середины", т. е. центра (умѣренныхъ) „радикаловъ", Клемансо, отъ имени крайней лѣвой, объявилъ, что отказываетъ ему въ довѣріи. Это было наканунѣ лѣтнихъ вакацій. Депутаты спѣшили разойтись по домамъ и дали новому кабинету нѣсколько времени спокойнаго существованія.

Клемансо готовился къ новой борьбѣ. Передъ открытіемъ палаты онъ созвалъ своихъ избирателей въ извѣстный циркъ Фернандо 29 октября въ воскресенье.

Клемансо шелъ на собраніе не съ тѣмъ только, чтобы отдать отчетъ въ своей депутатской дѣятельности, ни съ тѣмъ чтобы изложить планъ своей будущей компаніи.

Но и на этотъ разъ въ собраніе явились коллективисты и притомъ въ такомъ большомъ числѣ, что могли избрать предсѣдателя собранія Жофрена, одного изъ своихъ. Они вполнѣ раздѣляли критическое отношеніе Клемансо къ правительству, но находили его всетаки недостаточнымъ. Они находили, что Клемансо видитъ только проявленія зла и не замѣчаетъ самого зла, что онъ не понимаетъ того, что за отвѣтственностью личностей скрывается огромная и страшная отвѣтственность цѣлаго режима, цѣлой общественной системы. Рѣчь Клемансо прерывалась и сопровождалась разными возраженіями и никакого рѣшенія принято не было.

Министерство Дюклера послѣ шестимѣсячнаго существованія пало въ концѣ января 1889 г. на вопросѣ объ изгнаніи претендентовъ.

Въ то время, какъ оно было у власти начались знаменитые дебаты по вопросу о судьяхъ. Они продолжались двѣ недѣли и Клемансо произнесъ двѣ блестящія рѣчи, въ которыхъ возвышенный раціонализмъ не уступалъ политическому здравому смыслу. Для Клемансо и для радикальной партіи избираемость судей являлась вытекающей изъ самой сущности демократическаго правленія. Эта избираемость была введена въ эпоху революціи и законность ея была до такой степени очевидна, что и самъ Наполеонъ, значительно ограничивъ ее, всетаки не уничтожилъ.

У республиканскаго большинства появился особый страхъ передъ демократіей, который она боялась высказывать открыто, но который заставлялъ его отвергать всѣ истинныя демократическія реформы. Оно уже приспособилось къ этой республиканской по имени, но монархической по духу конституціи, которая сосредоточивала все въ рукахъ верховной власти и оставила такъ мало простора народной инициативѣ.

Инсаровъ.

(*До слѣд. нумера*).

Digitized by Google

„50, rue de Douai, Paris. Середа 19 декабря 77.

Милостивый государь!

Я давно собирался написать вамъ, чтобы поблагодарить васъ за доставленіе мнѣ вашихъ изданій, цѣли и направленію которыхъ я почти безъ исключенія сочувствую. Не знаю, отъ васъ ли я получилъ послѣднюю посылку изъ Женевы, заключающую стихотворный сборникъ „Изъ-за рѣшетки" и два объявленія объ изданіи „Общины" и отъ комитета „Общества пособія изгнанникамъ", но пользуюсь случаемъ, чтобъ высказать вамъ нѣкоторыя мои мнѣнія. Что касается до „Общины", то мнѣ было бы весьма пріятно получать это изданіе, хотя въ объявленіи ничего не сказано ни о способѣ подписки, ни о цѣнѣ. Не могу не замѣтить, что самое это объявленіе, вѣроятно, написано не русскимъ, или же русскимъ, разучившимся писать на родномъ языкѣ; попадаются мѣста, положительно непонятныя (напр. стр. 6, строка 14 сверху и другія), и все изложеніе очень спутано и темно. Къ объявленію отъ комитета не приложенъ уставъ; желательно было бы получить экземпляръ.

Теперь два слова о сборникѣ. Не буду говорить о предисловіи, талантливо и умно написанномъ: ограничусь только заявленіемъ, что я не могу согласиться съ мнѣніемъ автора, будто бы мои труды „содѣйствовали искаженію образа нашего мученика правды ради". При данныхъ условіяхъ, я могъ сдѣлать только то, что сдѣлалъ, и, повидимому, результатъ не совпадаетъ съ выводами и заключеніями моего критика. Что же касается до самого сборника, то я хорошо понимаю цѣль, съ которой онъ былъ изданъ; онъ не можетъ не подѣйствовать сильно на людей сочувствующихъ: во всѣхъ этихъ стихотвореніяхъ столько правды, горькой жизненной правды; но долженъ сказать съ сожалѣніемъ: таланта въ нихъ нѣтъ и слѣда... Кое-что похожее на талантъ мелькаетъ въ произведеніяхъ „Чернаго"; да и то навѣяно Г. Гейне. Не безъ оригинальнаго оборота два стихотворенія на стр. 103—104, подписанныя М. М. Но, собственно говоря, ни одного поэтическаго, сильнаго звука, ни одного изъ тѣхъ словъ, которыя „не могутъ умереть"... А обиліе минорныхъ (весьма, впрочемъ, понятныхъ) тоновъ, на которое намекаетъ самъ издатель, въ общемъ возбуждаетъ чувство состраданія, жалости—скорѣе,

Digitized by Google

чѣмъ негодованія. Нѣтъ, поэтъ этой эпохи русской народной жизни еще не пришелъ... хотя я не сомнѣваюсь, что онъ появится. Все это пока—лепетъ да плачъ.

Позвольте вамъ привести небольшой примѣръ. Я знаю стихотвореніе одного, далеко не геніальнаго, стараго поэта, въ которомъ дѣйствительно поэтически схваченъ одинъ изъ многочисленныхъ моментовъ узнической жизни, узническихъ чувствъ... а именно моментъ радости передъ близкимъ освобожденіемъ. Вотъ оно, это стихотвореніе (оно принадлежитъ Я. П. Полонскому)[1]:

1.

Густая крапива
Шумитъ подъ окномъ,
Плакучая Ива
Повисла шатромъ.

2.

Веселыя лодки
Въ дали голубой,
Желѣзо рѣшетки
Визжитъ подъ пилой.

3.

Бывалое горе
Засыпало въ груди...
Свобода и море
Горятъ впереди.

4.

Прибавилось духа,
Исчезла тоска...
И слушаетъ ухо,
И пилитъ пила!

Если я не ошибаюсь, ничего по вѣрности тона, по совпаденію чувства съ выраженіемъ—ничего подобнаго во всемъ сборникѣ нѣтъ. Всякій пострадавшій, напримѣръ, имѣетъ полное право проклинать „тирановъ"; но если онъ дѣлаетъ это въ стихахъ то пусть его проклятіе будетъ столь же красиво, сколь и сильно—или пусть онъ проклинаетъ прозой.

Вы, можетъ быть, со всѣмъ этимъ не согласитесь; но мнѣ все-таки было пріятно завязать съ вами сношенія и я прошу васъ вѣрить въ искренность моего уваженія.

Вашъ покорнѣйшій слуга Ив. Тургеневъ".

Письмо это, впрочемъ, направлено было ко мнѣ отчасти по недоразумѣнію, такъ какъ И. С. предположилъ, что это я послалъ ему напечатанный въ Женевѣ сборникъ стихотвореній „Изъ-за рѣшетки". На самомъ дѣлѣ послалъ этотъ сборникъ Германъ Александровичъ Лопатинъ, принимавшій участіе и въ редакціи предисловія къ сборнику и, по крайней мѣрѣ, послѣ, довольно частый посѣтитель Тургенева и, какъ говорили,

[1]) Тургеневъ ошибся: стихотвореніе принадлежитъ А. Ѳ. Фету.
Прим. автора.

Digitized by Google

даже отчасти служившій ему моделью для фигуры Нежданова (?). Отвѣчая на письмо Тургеневу, я ему сообщилъ, что я не имѣлъ никакого прикосновенія къ сборнику и предисловію, и въ то же время передалъ, что въ молодой женевской русской эмиграціи я знаю людей, которые остались вовсе не недовольны „Новью". Послѣ этого я получилъ отъ И. С. письмо:

„50, rue de Donai, Paris. Пятница 1 марта 78.

Милостивый государь!

Я давно собирался отвѣчать на ваше большое письмо и присланныя брошюры; но все не могъ выискать свободнаго времени—и теперь еще долженъ отложить это удовольствіе до другого, впрочемъ, не отдаленнаго дня. Въ прошлое воскресенье я вамъ писалъ нѣсколько строкъ о довольно серьезной болѣзни нашего общаго пріятеля Рольстона, который еще на прошлой недѣлѣ долженъ былъ поѣхать къ вамъ въ Женеву; но я имѣю причины предполагать, что мое письмо вовсе не было отправлено и потому мнѣ приходится на всякій случай увѣдомить васъ, что болѣзнь его (острый ревматизмъ), къ сожалѣнію, не ослабѣла съ тѣхъ поръ и эпоху его выздоровленія опредѣлить невозможно. Вѣроятно, эта болѣзнь заставитъ его измѣнить всѣ его планы [1]). Онъ находится здѣсь въ гостинницѣ (Hôtel Byron, 20 rue Laffitte), уходъ за нимъ хорошій; пріятели его посѣщаютъ, старикъ отецъ прибылъ къ нему изъ Лондона; опасности нѣтъ, но онъ весьма слабъ и не поднимается съ постели. Жаль его, бѣднаго; всѣ его путешествія ему не удаются.

Отлагаю нашу бесѣду до другого раза, а теперь прошу васъ принять увѣреніе въ искреннемъ моемъ уваженіи.

Ив. Тургеневъ".

По поводу болѣзни Рольстона я, кажется, получилъ отъ И. С. еще одно письмо, которое, къ сожалѣнію, теперь не могу найти у себя. Затѣмъ вскорѣ мнѣ пришлось свидѣться съ Тургеневымъ впервые на международномъ литературномъ конгрессѣ въ Парижѣ, во время выставки 1878 года.

На литературный конгрессъ я сунулся, отчасти „не спро-

[1]) Рольстонъ передъ тѣмъ писалъ мнѣ, что онъ хочетъ пожить въ Россіи въ качествѣ домашняго учителя въ какой нибудь богатой и респектабельной семьѣ. *Примѣч. автора.*

Digitized by Google

сясь броду", прочитавши въ газетахъ о томъ, что будетъ всемірный литературный конгрессъ подъ патронатомъ такихъ лицъ, какъ В. Гюго и И. С. Тургеневъ.

Въ нѣсколько дней была импровизована и напечатана моя брошюра для конгресса.

Первые готовые экземпляры ея были посланы при соотвѣтственныхъ письмахъ въ бюро конгресса и спеціально В. Гюго и Тургеневу, а затѣмъ я помчался въ Парижъ съ сундукомъ, наполненнымъ экземплярами какъ этой брошюры, такъ и моихъ изданій. На самой швейцарско-французской границѣ моему оптимизму нанесенъ былъ первый ударъ: французскіе чиновники объявили мнѣ, что не могутъ пропустить безъ цензурнаго пересмотра моихъ книгъ и едва согласились наложить на сундукъ пломбы, съ тѣмъ, чтобы онъ былъ осмотрѣнъ въ Парижѣ. А въ Парижѣ оказалось, что сундукъ мой долженъ ѣхать въ Берси, причемъ оказалось, что моментъ моего пріѣзда былъ утро воскресенья, такъ что сундукъ мой долженъ былъ ждать меня въ Берси до понедѣльника. Къ вящей моей бѣдѣ, въ сундукѣ были не только экземпляры моей брошюры, которые я разсчитывалъ роздать въ тотъ же день членамъ конгресса, во время торжественнаго засѣданія, но и мое бѣлье и парадное платье. По дорогѣ въ Дижонъ, я прочелъ въ газетахъ, что уже состоялось прелиминарное засѣданіе конгресса, въ которомъ рѣшено было поставить главною его задачею выработку проекта международнаго закона объ охранѣ авторской литературной собственности даже и отъ переводчиковъ и склоненіе правительствъ всѣхъ странъ къ принятію этого проекта. Я почувствовалъ, что мой протестъ не на руку конгрессу. Но назадъ идти было уже поздно, а потому я рѣшилъ выпить до конца чашу, какую судьба пошлетъ мнѣ, не огорчаясь, если въ ней окажется кисловатенькая микстурка.

Оставшись въ Парижѣ безъ брошюръ и безъ сертука, я кой какъ почистившись и купивши бѣлье, успѣлъ добыть въ бюро конгресса билетъ на входъ въ театръ Chatelet, гдѣ должно было быть торжественное открытіе конгресса рѣчами В. Гюго, Тургенева, Ж. Симона и пр., и помѣстился по возможности въ тѣни, желая вообще держаться въ роли зрителя, пока я не добуду экземпляры моей брошюры. Но въ первую же

Digitized by Google

четверть часа меня окликнулъ знакомый русскій литераторъ, потомъ другой и объявили, что Тургеневъ обо мнѣ спрашиваетъ и просилъ ихъ меня разыскать. Но вотъ на сценѣ театра появился учредительный комитетъ конгресса, среди членовъ котораго нетрудно было узнать знаменитую фигуру И. С. Тургенева. О рѣчахъ французовъ въ этомъ засѣданіи я говорить не буду. Упомяну только о рѣчи В. Гюго, которая представляла гимнъ парижскому универсализму и оканчивалась намекомъ на необходимость амнистіи. Послѣднее принято было публикой довольно холодно: всего три-четыре голоса крикнуло: vive l'amnistie! и это были иностранцы. Видно было, что съ В. Гюго установился на конгрессѣ такой modus vivendi: великій мужъ былъ нуженъ для освященія его именемъ коммерческихъ видовъ конгресса, и ему оказывались божескія почести и предоставлено было право заявленія и его личныхъ взглядовъ, но послѣднихъ никто не думалъ поддерживать. Да, впрочемъ, кромѣ этого намека на амнистію въ народномъ засѣданіи, В. Гюго никакихъ радикальныхъ заявленій больше не дѣлалъ, а только принималъ божескія почести и прикладывалъ свою олимпійскую печать къ резолюціямъ конгресса.

Тургеневъ говорилъ, помнится, сейчасъ послѣ В. Гюго. Очевидно, публичный ораторъ изъ нашего романиста былъ плохой: довольно сконфуженная манера, какой-то писклывый голосъ, слабый, особенно для его фигуры, да и содержаніе посредственное. Въ началѣ рѣчи стояло даже совсѣмъ странное признаніе ораторомъ своей незначительности, съ заявленіемъ, что ораторъ „даже не имѣетъ большого чина" (такъ и сказано было: tchine). Больше всего говорилъ Тургеневъ о значеніи французской литературы для русскихъ, начиная отъ „вѣка Мольера", котораго пьесу Les precieuses ridicules перевела для домашняго театра царевна Софія (Дрогія смѣянныя), и до „вѣка В. Гюго".

Часть русской печати порядкомъ разбранила Тургенева за эту рѣчь,—да и тотчасъ послѣ засѣданія, въ буфетѣ театра Chatelet, куда повели меня русскіе для представленія Тургеневу, нѣкоторые изъ русскихъ литераторовъ замѣтили ему, что онъ слишкомъ уже много авансовъ далъ французамъ.— „Да вѣдь они другого языка не понимаютъ,—оправдывался

Digitized by Google

Тургеневъ,—никакихъ иностранныхъ литературъ не цѣнятъ и не знаютъ" и тутъ же разсказалъ анекдотъ о В. Гюго, уже извѣстный въ русской печати, о томъ, какъ В. Гюго въ разговорѣ съ нимъ смѣшалъ драмы Шиллера и Гёте.

Относительно моего рапорта конгрессу объ украинской литературѣ у меня съ Тургеневымъ установилось такое соглашеніе: завтра спозаранку я отправлюсь въ Берси, получу свой сундукъ и къ 11 часамъ привезу свои брошюры Тургеневу, онъ раздастъ ихъ членамъ конгресса въ послѣобѣденномъ засѣданіи, а потомъ мы выберемъ день, когда Тургеневъ сдѣлаетъ докладъ о моей брошюрѣ, я скажу нѣсколько словъ и, смотря по обстоятельствамъ, предложена будетъ резолюція. Надеждъ на большой успѣхъ Тургеневъ не имѣлъ и замѣтилъ мнѣ, что иностранцевъ на конгрессѣ мало, а большая часть членовъ—французы болѣе или менѣе коммерческаго направленія, причемъ молодые романисты, какъ Доде, Золя и др., отсутствуютъ.

На другой день я въ 8 часовъ былъ уже въ Берси въ таможнѣ, но оказалось, что не только книги, но и платье мое получить не такъ легко. О книгахъ чиновники, собравшіеся едва послѣ 9 часовъ, сказали, что онѣ должны идти въ цензуру министерства внутреннихъ дѣлъ, а платье изъ сундука не хотѣли выдать, такъ какъ регламентъ запрещаетъ раздѣлять коли. Пробившись съ $1^1/_2$ часа, переговаривая съ чиновниками до шефа включительно, я едва послѣ 11 часовъ свое платье и бѣлье, — и, конечно, къ Тургеневу не могъ и думать ѣхать. Нашелъ я его послѣ завтрака въ залѣ засѣданія конгресса и разсказалъ свои невзгоды. Рѣшено было отложить докладъ о брошюрѣ до полученія ея изъ министерства внутреннихъ дѣлъ, а пока я и Тургеневъ раздавали болѣе симпатичнымъ членамъ конгресса то небольшое количество экземпляровъ брошюры, которое я вытребовалъ изъ Женевы rous bandes. Вообще же къ конгрессу я былъ совершенно равнодушенъ и ходилъ въ него рѣдко, а Тургеневъ явно иронизировалъ надъ нимъ въ разговорахъ съ русскими, которыхъ было, впрочемъ, очень немного. Тѣмъ не менѣе формально Тургеневъ былъ довольно занятъ конгрессомъ, въ засѣданіяхъ котораго часто предсѣдательствовалъ. Исполнялъ президентскія обязанности Тургеневъ плохо: онъ не показывалъ

Digitized by Google

никакой энергіи, обычной у французскихъ президентовъ, не зналъ даже формальностей и во всемъ слушался секретаря, одного изъ французскихъ бульварныхъ романистовъ. Секретарь и вообще бюро обращались съ Тургеневымъ даже съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ, но знаменитый русскій романистъ былъ нуженъ конгрессу какъ имя, для приданія международнаго характера конгрессу, въ сущности французскому, и состоявшему по большей части изъ второстепенностей, романистовъ и драматурговъ, а въ научной литературѣ изъ компиляторовъ. Но если манера обращенія нѣкоторыхъ французскихъ членовъ конгресса съ Тургеневымъ и общее положеніе послѣдняго на конгрессѣ могли возбудить неудовольство у русскихъ, то обращеніе съ Тургеневымъ одного французскаго литератора съ славянскимъ именемъ, можно сказать шестистепеннаго, и къ которому французы относятся съ ироніей,—было смѣшно, по крайней мѣрѣ для многихъ. Онъ постоянно ставилъ свое имя рядомъ съ именемъ Тургенева, жалуясь на то, какъ нарушаются его авторскія права, а въ антрактахъ между засѣданіями старался пройтись по залѣ подъ ручку съ Тургеневымъ, который совершалъ этотъ маршъ съ необыкновеннымъ добродушіемъ.

Разъ прихожу въ залу во время антракта. Тургеневъ съ первыхъ же словъ жалуется мнѣ на одного русскаго писателя: „вообразите, не дальше какъ ¼ часа назадъ, совсѣмъ распушилъ меня, какъ мальчишку: вы, говоритъ, не умѣете держать себя, позволяете третировать себя свысока всякой дряни, панибратствуете съ ***! и пошелъ и пошелъ!—Да что вы ко мнѣ пристали, говорю, съ ***?! Какой онъ мнѣ пріятель?! Да можете его...“ (тутъ Тургеневъ сказалъ довольно циническій глаголъ).

Однимъ утромъ я пріѣхалъ въ засѣданіе, въ которомъ предсѣдательствовалъ Тургеневъ. Въ залѣ я встрѣтился съ Мавро-Маки (Mauro-Machi). Этотъ итальянецъ, бывшій гарибальдійцемъ, одинъ изъ вицепрезидентовъ конгресса, прочиталъ мою брошюру, проникся сочувствіемъ и оказывалъ мнѣ всяческое вниманіе и покровительство, беря меня во время антрактовъ подъ руку и представляя меня болѣе извѣстнымъ членамъ конгресса и разсказывая по возможности содержаніе моего протеста.—„Тургеневъ говорилъ о вашей брошюрѣ“,—сказалъ

Digitized by Google

мнѣ Мавро-Маки.—Какъ говорилъ? да вѣдь мы условились, что докладъ будетъ, когда я буду въ состояніи роздать членамъ конгресса брошюру! говорю я Мавро-Маки, которому было извѣстна исторія моего сундука.—„Да, говорилъ. Разсказалъ содержаніе ея, но никакой резолюціи не предложилъ. Тогда я предложилъ воспроизвести вашу брошюру въ полныхъ протоколахъ конгресса".

Мнѣ оставалось только выразить моему покровителю mille grazzie, а потомъ, выручивши, наконецъ, и то какимъ-то чудомъ, свой сундукъ изъ канцеляріи макмагонскаго министерства, раздать мою брошюру членамъ конгресса, преимущественно иностранцамъ, и считать, что я еще сравнительно хорошо вышелъ изъ не совсѣмъ ловкаго положенія.

Между тѣмъ нужно было приготовлять общія резолюціи конгресса. Изъ дебатовъ выяснилось два направленія: французское, которое стремилось какъ можно болѣе строго и на дальній срокъ оградить право собственности авторовъ на литературныя произведенія, ихъ передѣлку, переводъ, представленія и т. п., и иностранное, особенно меньшихъ народовъ и болѣе отсталыхъ, которое хотѣло наибольшаго простора, по крайней мѣрѣ для переводовъ. Рѣшено было разбиться конгрессу на національныя группы и, выработавъ въ нихъ предложенія, представить ихъ на баллотировку общаго собранія, гдѣ, конечно, французы должны были подавить иностранцевъ огромнымъ большинствомъ. Славяне (нѣсколько поляковъ, одинъ-два чеха, меньше десятка русскихъ) должны были собраться въ квартирѣ Тургенева, rue Donai, 50. Въ назначенный часъ я засталъ тамъ членовъ конгресса. Языкъ для всеславянскихъ разговоровъ былъ принятъ французскій, конечно, ради поляковъ. Мы всѣ стояли за полную свободу переводовъ, изъявляя готовность огражденія авторскихъ правъ на оригиналы въ театрахъ, на передѣлки (adaptation) и т. п. Тургеневъ, соглашаясь съ нами въ принципахъ, говорилъ, что французы не согласятся и на такую уступку, а потому предлагалъ уступить имъ больше, признавъ право автора на дозволеніе перевода въ теченіе 2—5 лѣтъ, смотря по категоріямъ произведеній. Рѣшили принять проектъ резолюціи Тургенева, причемъ нѣкоторые члены заявили, что сохраняютъ за собою

Digitized by Google

право въ общемъ собраніи вотировать и за болѣе широкую свободу переводовъ.

Настало это общее собраніе. Предсѣдательствовалъ сначала Тургеневъ, а потомъ В. Гюго. Тургеневъ доложилъ свой проэктъ резолюціи о переводахъ. Французы накинулись на него съ явной злостію. Одинъ изъ романцевъ, кажется, португалецъ или румынъ, замѣтилъ въ поддержку предложенія Тургенева, что есть страны, гдѣ литература пока часто не даетъ никакого барыша, а даже требуетъ пожертвованія, а потому писатели изъ богатыхъ народовъ должны довольствоваться рекламой въ пользу ихъ произведеній въ такихъ странахъ.

— Пусть мнѣ заплатятъ хоть два су, закричалъ одинъ французъ,—да заплатятъ, по крайней мѣрѣ признаютъ мое право!

Это говорилъ компиляторъ, который самъ, или, лучше сказать, руками своихъ секретарей, не стѣснялся загребать чужую литературную собственность въ свои книгопеченія. Въ собраніи раздались апплодисменты.

Тургеневъ, защищая свое предложеніе, сказалъ между прочимъ и такой аргументъ: „въ Россіи переводами занимается главнымъ образомъ учащаяся молодежь“.

Когда дошло до вота, то громѣдное большинство французовъ провалило предложеніе Тургенева, противъ какихъ-нибудь 20—30 голосовъ, поданныхъ за него почти исключительно иностранцами. Одинъ французскій бульварный романистъ, принадлежавшій къ бюро, предложилъ, чтобъ въ протоколѣ было отмѣчено: какія націи вотировали противъ принципа литературной собственности? Это предложеніе было уже совсѣмъ не похоже на пресловутую французскую вѣжливость; В. Гюго взглянулъ искоса на автора предложенія съ тѣмъ выраженіемъ наблюденія, болѣе чѣмъ укора, съ какимъ смотрятъ на неумѣстныя выходки учениковъ очень респектабельные гувернеры,—и предложеніе не имѣло послѣдствій.

Вслѣдъ за освященіемъ права авторской собственности вотировано было предложеніе нѣсколькихъ французскихъ журналистовъ о томъ, чтобы печать вездѣ была избавлена отъ административнаго произвола, а подчинена была только суду. Это былъ вопросъ тоже въ сущности литературной собственности, такъ какъ полицейскій произволъ, напр., закрывающій

Digitized by Google

газету, уничтожалъ собственность, лишалъ заработка цѣлую массу людей и т. п. Но предложеніе это встрѣтило возраженія со стороны французовъ же, причемъ произошла довольно живая перепалка, почти перебранка, между бонапартистами и макмагонцами, составлявшими большинство, и немногими радикальными республиканцами. При подачѣ голосовъ почти всѣ иностранцы подали голосъ за предложеніе послѣднихъ, но французы огромнымъ большинствомъ провалили его, какъ неудобное въ виду того, какъ говорили нѣкоторые, что правительства, обидѣвшись резолюціей, ограничивающей ихъ власть надъ печатью, откажутъ въ своей поддержкѣ и проекту охраны авторской собственности, которая, охрана, и есть главная цѣль конгресса. При видѣ этого раздѣленія голосовъ можно было предложить внести въ протоколъ: „какая нація вотировала противъ свободы печати?", но никто изъ иностранцевъ не сдѣлалъ такого предложенія. Тургеневъ не поднялъ руки ни противъ, ни за по данному вопросу.

Конгрессъ окончился. Оставался только заключительный банкетъ. Тургеневъ сказалъ намъ, что онъ не явится на банкетъ. Конгрессъ, видимо, надоѣлъ ему, да и на банкетѣ пришлось бы опять говорить рѣчь, а на это Тургеневъ, видимо, былъ не мастеръ. На всѣ наши упрашиванія Тургеневъ отвѣтилъ послѣднимъ резономъ: „я обѣщалъ дамамъ провожать ихъ въ этотъ вечеръ въ Folies Bergères".

Кромѣ встрѣчъ по дѣлу съ конгрессомъ я имѣлъ еще два свиданія съ Тургеневымъ. Разъ онъ пригласилъ меня къ себѣ въ rue deDonai. „Приходите, потолкуемъ", сказалъ онъ. Я явился въ назначенный часъ въ его комнату.

Замѣчательно было у этого отъявленнаго „западника" постоянное скептическое отношеніе къ западнымъ европейцамъ, особенно къ французамъ, среди которыхъ онъ жилъ.

— Да вотъ вамъ образецъ, какъ они насъ понимаютъ, продолжалъ Тургеневъ.—На-дняхъ я встрѣтилъ N. N. (онъ назвалъ имя одного французскаго историка), онъ передалъ мнѣ свои впечатлѣнія отъ моей „Нови".—Я, говоритъ, совсѣмъ дезоріентировалъ насчетъ вашихъ нигилистовъ. Я столько слышалъ о нихъ дурного, что они отрицаютъ собственность, семью, мораль... А въ вашихъ романахъ нигилисты—единственные честные люди. Особенно поразило меня

Digitized by Google

ихъ цѣломудріе. Вѣдь ваши Марьяна и Неждановъ даже не поцѣловались другъ съ другомъ ни разу, хотя поселились въ уединеніи рядомъ. У насъ, французовъ, это вещь невозможная. И отъ чего это у васъ происходитъ? Отъ холодности темперамента?..“

Въ это свиданіе Тургеневъ завелъ со мной разговоръ и объ Украйнѣ и выражалъ сожалѣніе, что ему не удалось ближе познакомиться съ этой страной и населеніемъ ея, рѣдкія встрѣчи съ которымъ возбудили въ немъ горячія симпатіи; памятникомъ этихъ симпатій остаются въ его романахъ: Маша въ повѣсти „Затишье“ и Михалевичъ въ „Дворянскомъ гнѣздѣ“.—„У малороссовъ, говорилъ Тургеневъ, есть особый видъ идеализма и твердости, крайне симпатичный по сравненію съ утилитаризмомъ или распущенностью великороссійскаго. Я вотъ и изъ журналовъ нашихъ потому люблю больше всѣхъ „Вѣстникъ Европы“, что въ редакціи его мало великороссовъ, и въ немъ наименѣе нашей великороссійской распущенности: онъ беретъ вещи не широко, но отчетливо, и уже стоитъ на томъ, что говоритъ“.

Разговоръ нашъ былъ прерванъ какимъ-то новымъ визитомъ.

Черезъ нѣсколько времени я получилъ записку отъ Тургенева, въ которой онъ приглашалъ меня завтракать въ одинъ ресторанъ (онъ собственно жилъ въ то время въ Буживалѣ и только наѣзжалъ въ Парижъ). Оказалось, что кромѣ меня приглашены Лавровъ и Лопатинъ. Тургеневъ, очевидно, подбиралъ однородную компанію, но нѣсколько ошибся. Разговоръ за завтракомъ вышелъ довольно скучный, какъ бываетъ въ русскихъ обществахъ, котораго члены принадлежатъ къ разнымъ „кружкамъ“. У меня въ памяти ничего не осталось изъ банальностей, которыя мнѣ тогда пришлось слышать и говорить.

Я упоминаю объ этомъ завтракѣ, только какъ объ одномъ изъ доказательствъ, если не близости, то хорошаго знакомства Тургенева съ Лавровымъ, отъ котораго немного спустя Тургеневъ отрекся публично. Отреченіе это было однимъ изъ многихъ проявленій слабости характера у Тургенева, которая доходила до вещей поистинѣ изумительныхъ. Если позволено мнѣ высказаться о впечатлѣніи, какое на меня лично

Digitized by Google

производилъ Тургеневъ, то я скажу, что не видалъ я человѣка такой широты и свободы мыслей, такой разнородности интересовъ; съ этихъ сторонъ у Тургенева была поистинѣ „богоравная“ натура, какъ сказалъ бы древній грекъ. Необыкновенна была и доброта Тургенева, который вѣчно устраивалъ чьи-нибудь дѣла, часто людей, не имѣвшихъ на то никакого права. Но тамъ, гдѣ надо было показать какую-нибудь твердость характера, смѣлость, передъ политической ли властью, или передъ первымъ, кто просто накричитъ на Тургенева или посмѣется надъ человѣкомъ, съ которымъ, повидимому, Ив. Сергѣевичъ находится въ самыхъ пріятельскихъ отношеніяхъ, тамъ богоравный Тургеневъ пасовалъ и отрекался отъ мнѣній, отъ отношеній. Мнѣ довелось видѣть эти черты характера Тургенева и потому я чувствовалъ къ нему то „обожаніе“, близкое къ институтскому, то почти физическое отвращеніе.

Послѣднее чувство сильно развилось во мнѣ послѣ вѣстей о поведеніи Тургенева во время поѣздки его въ Россію въ 1879 г., особенно послѣ напечатанія письма его къ М. М. Стасюлевичу, гдѣ Тургеневъ объявилъ себя „либераломъ стараго покроя, ожидающимъ реформъ только свыше“. Печатая послѣ того особой брошюрой „Письмо Бѣлинскаго къ Гоголю“, я коснулся и этого письма Тургенева, указавъ его несообразности съ исторіей развитія идей его товарищей по 40-мъ годамъ, какъ, напр., Бѣлинскій, и съ исторіей англійскаго либерализма. Брошюру эту я послалъ Тургеневу, но никакого отъ него письма не получилъ. Скоро затѣмъ послѣдовало публичное въ „Le Temps“ отреченіе Тургенева отъ близкаго знакомства съ Лавровымъ. Вслѣдъ за тѣмъ мнѣ случилось быть въ Парижѣ. Одинъ общій знакомый передалъ мнѣ, что видѣлся на-дняхъ съ Тургеневымъ въ Буживалѣ и что тотъ говорилъ съ нимъ обо мнѣ и освѣдомлялся обо мнѣ. Я попросилъ знакомаго передать И. С. мой поклонъ, но поѣхать къ нему въ Буживаль не рѣшился.

Годъ спустя, получилъ отъ N. N., одного моего близкаго пріятеля и хорошаго знакомаго Тургенева, тогда уже сильно больного, письмо, въ которомъ N. N., отъ имени Тургенева, проситъ меня указать переводы на болѣе распространенные языки скандинавскихъ и славянскихъ народныхъ легендъ и

Digitized by Google

пѣсенъ. Я послалъ небольшой списокъ, но скоро затѣмъ мнѣ пришлось быть въ Парижѣ. При случаѣ, спрашиваю N. N., зачѣмъ Тургеневу понадобились легенды и пѣсни?—и узнаю, что нужны онѣ собственно для одного француза-музыканта, близкаго человѣка къ Тургеневу, какъ источникъ сюжета для ораторіи или для оперы. Смѣясь, я сказалъ, что я имѣю въ мысляхъ цѣлый сюжетъ для оперы, построенный изъ пѣсенъ украинскихъ, и что я его сообщилъ одному пріятелю музыканту украинцу и знакомому украинскому писателю, но послѣдній изуродовалъ сюжетъ, а первый не написалъ на него оперы, такъ я радъ былъ бы, если бъ французы выполнили мой планъ. Меня заставили разсказать этотъ планъ, и онъ понравился. Стали увѣрять, что онъ понравится и Тургеневу и рѣшили сообщить ему объ этомъ дѣлѣ. Черезъ нѣсколько времени Тургеневъ пригласилъ меня и двухъ посредниковъ (въ томъ числѣ Н. А. Герценъ) къ себѣ въ Буживаль.

Мы пріѣхали и застали И. С. въ его домикѣ флигелькѣ въ паркѣ г-жи Віардо. И. С., хотя и одѣтый, лежалъ на кровати. Онъ былъ страшно худъ, отчего, впрочемъ, его божественные глаза казались еще большими и производили чарующее впечатлѣніе. Но при худобѣ И. С. былъ страшно слабъ, говорилъ тихимъ голосомъ и скоро утомлялся отъ разговора. Послѣ первыхъ привѣтствій, онъ обратился ко мнѣ со словами: „что у насъ дѣлается въ Россіи?!“—и сталъ жаловаться на управленіе гр. Д. А. Толстого. Планъ оперы, который Тургеневъ меня заставилъ разсказать, ему очень понравился, и онъ просилъ меня пріѣхать къ нему въ другой разъ, чтобы сойтись вмѣстѣ съ французомъ-музыкантомъ и окончательно установить этотъ планъ. Довольно длинный и живой разговоръ утомилъ Тургенева и мы должны были выйти, а тѣмъ часомъ наступило время для разныхъ медицинскихъ манипуляцій надъ больнымъ, и мы уѣхали въ Парижъ. На другой или третій день я получилъ французское письмо, писанное дочерью г-жи Віардо и только подписанное дрожащею рукою И. С., а вслѣдъ затѣмъ телеграмму.

„Les Frênes Chalet. Le 29 Juin 1883.

Mon cher Monsieur

Je suis chargé par mon ami, Monsieur D., de vous faire savoir

Digitized by Google

qu'il se met à votre disposition pour toutes les heures qu'il vous plaira à partir de Samedi.

„Recevez mes meilleurs compliments

Ivan Tourgueneff".

Только подпись сдѣлана рукою Тургенева, который тогда былъ сильно боленъ и уже самъ не могъ много писать. Послѣ того я получилъ телеграмму отъ 3 іюля:

„Avez reçu ma lettre. Je vous attends demain

Tourgueneff".

Я опять поѣхалъ въ Буживаль, гдѣ и засталъ музыканта, пріятеля Тургенева. Тема для оперы понравилась и ему, я обѣщалъ прислать изъ Женевы переводы необходимыхъ украинскихъ пѣсенъ, а онъ обѣщалъ взяться за работу. Свиданіе съ И. С. было на этотъ разъ чрезвычайно короткое. Намъ сказали, что у него передъ тѣмъ былъ Лавровъ и что И. С. очень утомленъ. Я зналъ отъ N.N., съ которымъ ѣздилъ въ Буживаль, что Тургеневъ черезъ него просилъ Лаврова пріѣхать къ нему, не сердясь за письмо, которое Тургеневъ напечаталъ годъ тому назадъ въ „Le Temps". Я совершенно увѣренъ, что Тургеневъ не раздѣлялъ вполнѣ идей Лаврова никогда, а особенно въ тогдашній ихъ періодъ, но все-таки И. С., очевидно, стыдился своего письма въ „Le Temps" о Лавровѣ, такъ какъ долговременное знакомство Тургенева съ Лавровымъ было далеко не шапочнымъ [1]).

Немного времени спустя, я получилъ отъ своего спутника въ поѣздкахъ въ Буживаль телеграмму о смерти Тургенева. Я попросилъ его возложить на гробъ великаго покойника вѣнокъ отъ имени „украинской печати". Сдѣлалъ я это между прочимъ потому, что нѣкоторые украинцы, вспоминая Пигасова, повторяютъ печатно о томъ, будто бы Тургеневъ былъ нерасположенъ къ развитію украинской литературы.

Сообщилъ С. Сухонинъ.

---

[1]) Впрочемъ, этотъ вопросъ всего лучше былъ бы разъясненъ напечатаніемъ писемъ Тургенева къ Лаврову.

Digitized by Google

Викторъ Гюго.

(Къ столѣтней годовщинѣ его рожденія) [1]).

I.

Въ половинѣ мая 1885 года по Франціи разнеслась вѣсть о болѣзни Гюго. Маститому поэту было 83 года. Газеты ежедневно печатали бюллетень врачей: болѣзнь то будто ослабѣвала, то снова усиливалась. Никто, однако же, ни на минуту не сомнѣвался, что жизнь знаменитаго писателя кончалась. Дѣйствительно, черезъ недѣлю—22-го мая онъ угасъ.

„Викторъ Гюго умеръ!“ воскликнулъ, открывая въ тотъ день засѣданіе, президентъ сената, Ле Руайе. И по сенату прошло взволнованное движеніе. Всѣ почувствовали, что кто-то огромный и сильный покинулъ этотъ міръ, кто-то смѣлый и человѣчный ушелъ и точно унесъ за собою цѣлую эпоху, какъ онъ самъ, полную жара и блеска, какъ онъ самъ, отжившую, отошедшую въ вѣчность.

Глава тогдашняго министерства, г. Бриссонъ, заявилъ, что Виктору Гюго будутъ устроены національныя похороны. Одинъ изъ депутатовъ, не помню именно, кто, внесъ предложеніе о томъ, чтобы Гюго былъ погребенъ въ Пантеонѣ. Но Пантеонъ тогда еще назывался церковью Св. Женевьевы: декретомъ правительства эта церковь была, въ виду похоронъ Гюго, превращена въ родъ мавзолея для праха великихъ людей (впрочемъ, съ тѣхъ поръ и это назначеніе Пантеона измѣнилось: въ немъ похороненъ, какъ извѣстно, бывшій президентъ республики, Сади Карно; президентъ же республики, Сади Карно, былъ человѣкъ, обладавшій многими и прекрасными душевными качествами, но на званіе великаго человѣка даже и самъ онъ никогда не претендовалъ).

Парижскій архіепископъ въ длинномъ письмѣ, адресованномъ

---

[1]) Род. 26 февраля 1802 года.

Digitized by Google

тогдашнему министру исповѣданій, г. Гобле, сильно протестовалъ, но напрасно, противъ такого поступка относительно церкви Св. Женевьевы. Это было не первое письмо, написанное парижскимъ архіепископомъ по поводу Виктора Гюго: съ самаго же начала болѣзни послѣдняго онъ съ замѣчательною деликатностью написалъ его невѣсткѣ, г-жѣ Локруа, о томъ, что готовъ, дескать, явиться къ смертному одру поэта для исполненія обычныхъ религіозныхъ обрядностей; ему было отвѣчено, что Гюго выразилъ желаніе не видѣть возлѣ себя духовныхъ лицъ въ послѣднія мгновенія своей жизни. Все это, разумѣется, вызвало неизбѣжные споры среди газетной братіи, живущей и дышущей злобою дня.

Похороны были назначены на 1-е іюня. Цѣлыя сутки передъ тѣмъ гробъ Гюго былъ выставленъ на пышномъ и монументальномъ катафалкѣ подъ гигантской Тріумфальной Аркой, возвышающейся надъ Парижемъ съ площади Звѣзды. Сама арка была осѣнена драпировкой изъ траурнаго крепа.

1-го іюня, въ день похоронъ, съ шести часовъ утра улицы Парижа были полны народа. Множество любопытныхъ провели ночь въ Елисейскихъ поляхъ, чтобы заутра имѣть хорошее мѣсто на пути, по которому долженъ былъ слѣдовать погребальный кортежъ. На площади Согласія, въ семь часовъ утра, всѣ двѣнадцать статуй были увѣшены гроздьями людей; террасы Тюльерійскаго сада были переполнены толпою. Утро было сѣрое, темное; надъ Тріумфальной Аркой скользили черныя тучи, „смѣшивая,—говоритъ репортеръ, у котораго мы заимствуемъ эти свѣдѣнія,—свой трауръ съ трауромъ людей. Но опасенія дождя совершенно исчезли у всѣхъ при видѣ ласточекъ, рѣявшихъ высоко надъ этимъ монументомъ".

Къ десяти часамъ прибыли къ Аркѣ власти, затѣмъ делегаціи отъ разныхъ обществъ и близкіе Виктора Гюго.

Въ одиннадцать изъ Дворца Инвалидовъ раздался пушечный выстрѣлъ, а вслѣдъ затѣмъ военная музыка заиграла *Погребальный маршъ* Шопена.

Потомъ начались рѣчи. Рѣчи мы пропустимъ. Въ половинѣ двѣнадцатаго кортежъ тронулся въ направленіи къ Пантеону. Онъ состоялъ изъ ста слишкомъ тысячъ человѣкъ и проходилъ подъ взглядами милліона слишкомъ зрителей. Одиннадцать колесницъ, запряженныхъ четырьмя и шестью лошадьми, несли вѣнки и цвѣты: ихъ было болѣе чѣмъ на милліонъ франковъ, и они были посланы изъ различныхъ городовъ и странъ. Были цвѣты и изъ Россіи. Съ Россіей, впрочемъ, Гюго и при жизни былъ въ дружескихъ сношеніяхъ.

Позади этихъ великолѣпныхъ колесницъ, отягченныхъ цвѣтами, плелись скромныя дроги,—траурныя дроги бѣдныхъ (le corbillard des pauvres),—на которыхъ подвигался къ своей гробницѣ прикрытый однимъ лишь чернымъ сукномъ гробъ Виктора Гюго: такъ онъ самъ велѣлъ себя похоронить.

А за гробомъ шли въ своихъ расшитыхъ мундирахъ академики и дипломаты, судьи въ красныхъ мантіяхъ, гене-

Digitized by Google

ралы въ своихъ перьяхъ и мундирахъ, делегаціи съ ихъ знаменами и значками и толпа, толпа, толпа.

Около двухъ часовъ голова кортежа подошла, наконецъ, къ Пантеону. Здѣсь опять говорились рѣчи, и эти рѣчи мы опять пропустимъ. Гробъ былъ поставленъ на катафалкѣ у ступеней Пантеона, и передъ этимъ гробомъ прошелъ весь погребальный кортежъ. Это шествіе продолжалось восемь часовъ.

Затѣмъ гробъ былъ опущенъ въ гробницу, колесницы разъѣхались, люди разошлись, площади опустѣли, и все приняло свой обычный видъ. Только однимъ человѣкомъ на свѣтѣ меньше стало.

Правда, что этотъ человѣкъ былъ Викторъ Гюго.

II.

1.

„Моя жизнь", могъ бы сказать о себѣ Викторъ Гюго словами Лассаля,—„моя жизнь была велика, смѣла и блестяща". Съ самаго раннягодѣтства мальчикъ уже жилъ политическими чувствами. Его отецъ былъ генералъ Наполеоновской арміи и приверженецъ императора; его мать, родомъ изъ Вандеи, была горячею сторонницею Бурбоновъ. На Викторѣ Гюго должны были отразиться, не могли не отражаться разногласія его родителей. Наполеонъ палъ. Мать Виктора Гюго была рада необычайно, хотя это событіе непоправимо разбивало положеніе и карьеру ея мужа. Викторъ Гюго носилъ лиліи въ петлицѣ,—онъ былъ убѣжденъ, что поступаетъ хорошо, такъ какъ его мать этого хотѣла. Онъ находился подъ вліяніемъ матери, такъ какъ она, въ виду недосуга отца, занималась воспитаніемъ дѣтей. Въ глазахъ мальчика Наполеонъ былъ тираномъ, деспотомъ. И однимъ изъ первыхъ стихотвореній Виктора Гюго,—которому было тогда всего тринадцать лѣтъ—была политическая діатриба, брошенная Наполеону послѣ его пораженія при Ватерлоо.

Въ ней маленькій поэтъ между прочимъ восклицаетъ:

Tremble! voici l'instant où ta gloire odieuse
Subira du destin la main victorieuse.
Sombre, inquiet, en proie aux remords déchirants,
Aux remords qui toujours poursuivent les tyrans,
Tu voulus tout dompter dans ton brûlant délire,
Et pour mieux l'affermir, tu perdis ton empire;
Mais du sang des Français cimentant les malheurs,
Ta chute même, hélas! nous fit verser des pleurs.
O champs de Waterloo! bataille mémorable!
Jour à la fois pour nous heureux et déplorable! *)

Для тринадцатилѣтняго ребенка такіе стихи болѣе, чѣмъ замѣчательны: они изумляютъ и формой, и зрѣлостью выраженной въ нихъ мысли и силой выраженія. Относятся ли они дѣйствительно къ 1815 году? Вопросъ этотъ невольно самъ собою

*) Цитировано въ *Victor Hugo raconté par un témoin de sa vie.*

Digitized by Google

напрашивается на уста въ виду того, что на біографическія данныя, сообщаемыя книгой *Victor Hugo raconté par un témoin de sa vie*, книгой, изъ которой всѣ біографы Гюго берутъ свои свѣдѣнія, полагаться далеко нельзя. Эта книга была написана женою Виктора Гюго, „подъ диктовку мужа", говоритъ Эдмонъ Бирэ. А Викторъ Гюго, нужно сказать, никогда не отличался уваженіемъ къ исторической точности ни въ своихъ романахъ, ни въ своей автобіографіи. Эдмонъ Бирэ написалъ цѣлыхъ пять книгъ [1]), въ которыхъ, слѣдуя шагъ за шагомъ за авторомъ *Victor Hugo raconté*, методически и неуклонно раскрываетъ всѣ его вольныя и невольныя заблужденія, и въ общемъ выставляетъ Виктора Гюго въ чрезвычайно невыгодномъ свѣтѣ. Но Бире роялистъ, католикъ, консерваторъ. Онъ ненавидитъ Гюго за его республиканизмъ и за его свободомысліе, и его собственныя, Бире, показанія могли бы быть заподозрѣны. Существуютъ, однако же, и другія доказательства того, напримѣръ, что Викторъ Гюго подъ сравнительно поздними своими стихотвореніями подписывалъ очень раннія даты, молодя эти стихотворенія иногда на цѣлыхъ сорокъ лѣтъ, или что онъ разсказывалъ какіе-нибудь даже и пустяшные сами по себѣ случаи своей жизни такъ что они его окружали какой-то особой значительностью, тогда какъ они произошли самымъ обыкновеннымъ образомъ. Такъ, авторъ *Victor Hugo raconté* разсказываетъ, что Сентъ-Бевъ, явившись въ первый разъ къ Гюго, пришелъ чуть ли не на поклоненіе къ поэту. Самъ Сентъ-Бевъ говоритъ, что дѣло было значительно проще. Да и съ чего онъ поклонялся бы Гюго, который въ моментъ ихъ перваго знакомства былъ еще авторомъ *Odes et Ballades* не болѣе?

Какъ бы то ни было, но что поэтическое дарованіе Гюго было изъ исключительно раннихъ, видно изъ стихотворенія, написаннаго имъ въ 1817 году, на тему, заданную для конкурса Академіей. Стихотвореніе это оказалось лучшимъ изо всѣхъ представленныхъ на судъ академиковъ. Но поэтъ говоритъ въ немъ, что ему 15 лѣтъ, и это заставило академиковъ, боявшихся какой-нибудь шутки со стороны неизвѣстнаго автора, присудить награду другимъ. „Если, сказано въ докладѣ о присужденіи наградъ, г-ну Гюго *дѣйствительно* только 15 лѣтъ, Академія должна ему выразить поощреніе", и ему былъ данъ почетный отзывъ. И кто на мѣстѣ почтенныхъ членовъ Французской Академіи не выразилъ бы сомнѣнія насчетъ возраста автора при чтеніи такихъ стиховъ:

Loin du bruit, loin du trouble et loin de l'imposture,
Tu [2]) m'aides à sonder le sein de la nature,
Et ton flambeau sacré, pénetrant ses décrets,
A mes yeux étonnés dévoile ses secrets.
Quelquefois, déroulant les fastes de l'histoire,
Tu m'apprends à connaitre, à mériter la gloire,
Tu m'apprends à haïr, malgré leurs vains lauriers,

---

[1]) Edmond Biré. *Victor Hugo et la Restauration, Victor Hugo avant 1830, Victor Hugo après 1830*, 2 vol., *Victor Hugo après 1852*.

[2]) Поэтъ обращается къ наукѣ.

Digitized by Google

Les conquérants cruels, les farouches guerriers.
Quand du monde pour moi la carrière commence,
L'étude des vieux temps me sert d'expérience;
Chaque siècle écoulé trace à mon souvenir
Le tableau des écueils de ma vie à venir.
Et, dans leur nuit obscure interrogeant les âges,
Je m'apprête à braver le sort et ses orages,

. . . . . .

Si le ciel me lançant sur le torrent du monde,
Livre mon frêle esquif à la merci de l'onde,
Moi, qui, toujours fuyant les cités et les cours,
De trois lustres à peine ai vu finir le cours,
Qui pourra me guider? Quelle main courageuse
Dirigera ma nef sur la mer orageuse?

И т. д.

Стихотвореніе, выдержки изъ котораго только что сдѣланы, должно считаться литературнымъ дебютомъ Виктора Гюго. Въ самомъ дѣлѣ, „почетный отзывъ Академіи былъ въ тѣ времена событіемъ. Газеты заговорили о Гюго; онъ сталъ почти знаменитымъ“ [1]).

Въ теченіе пяти лѣтъ, отдѣляющихъ этотъ дебютъ отъ появленія сборника *Odes et Ballades* Гюго пишетъ много стиховъ, помѣщаетъ въ маленькомъ журналѣ, который онъ издавалъ вмѣстѣ со своими братьями, *Le Conservateur littéraire*, рядъ интересныхъ критическихъ статей о французскихъ и англійскихъ писателяхъ.

Но все это было только приготовленіемъ къ настоящей писательской дѣятельности, къ *Odes et Ballades*, и, еще пять лѣтъ спустя, къ знаменитому въ литературной исторіи Франціи и надѣлавшему въ свое время такого сильнаго шуму предисловію къ драмѣ *Cromwell*.

2.

Odes et Ballades появились въ 1822 году. Книжка обратила на себя всеобщее вниманіе. Къ ней отнесся съ большимъ сочувствіемъ Сентъ-Бевъ, также начинавшій тогда свою карьеру; ее замѣтилъ и король Людовикъ XVIII, который отыскалъ въ ней оду, посвященную ему лично, и въ этой одѣ строфу, противъ коей написалъ: Superbe! и приказалъ выдавать Виктору Гюго изъ своихъ личныхъ средствъ пенсію въ 1000 франковъ, увеличенную затѣмъ до 2000 франковъ.

Всѣ біографы Гюго, и даже самъ Бире, согласны, что пенсіи этой поэтъ не искалъ, ни даже не ожидалъ, но она пришла кстати. На ходъ нравственнаго развитія и личной политической эволюціи Гюго она во всякомъ случаѣ не оказала ни малѣйшаго вниманія. Если роялистскіе и религіозные стихи перваго сборника Виктора Гюго стяжали ему единодушныя похвалы, то романъ его, *Han d'Islande*, выпущенный черезъ годъ

[1]) *Victor Hugo raconté.*

Digitized by Google

послѣ *Odes et Ballades*, вызвалъ, напротивъ, со стороны критики того времени ожесточенныя нападки. И только кружокъ передовыхъ литераторовъ, во главѣ котораго находился Шарль Нодье, привѣтствовалъ съ восторгомъ оригинальное произведеніе новаго писателя. Нодье былъ однимъ изъ творцовъ и во всякомъ случаѣ однимъ изъ предтечъ романтическаго движенія во французской литературѣ. Статья, написанная имъ въ защиту *Han d'Islande* и съ силою направленная противъ классицизма, вызвала запальчивую полемику, и романъ вскорѣ послѣ появленія былъ изданъ вторично.

Въ слѣдующемъ, 1824-мъ, году вышло второе изданіе сборника *Odes et Ballades*, а затѣмъ въ 1826-мъ—третье. Въ предисловіи къ этому третьему изданію Виктора, Гюго уже чувствительно приближается къ романтикамъ, во главѣ которыхъ онъ съ такимъ блескомъ и такой рѣшительностью станетъ черезъ годъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ отдаляется отъ Бурбоновъ, дѣлается сторонникомъ Наполеона, т. е. либераломъ, такъ какъ въ тѣ времена быть почитателемъ Наполеона значило быть либераломъ, человѣкомъ оппозиціи. Въ февралѣ 1827 г. онъ написалъ знаменитую *Ode à la Colonne*, которая вооружила противъ него роялистовъ, оскорбленныхъ тѣмъ, что поэтъ воспѣлъ въ этой одѣ славу Наполеона. Гюго стали называть измѣнникомъ, перебѣжчикомъ. Крики и шумъ, которые вызывало его имя, усилились вскорѣ еще болѣе, хотя на этотъ разъ они исходили уже не отъ политической партіи, оставленной поэтомъ, а изъ литературныхъ сферъ, взволновавшихся при появленіи его драмы *Cromwell*. Предисловіе къ этой драмѣ произвело гораздо большую сенсацію, чѣмъ сама драма, потому что оно представляло собою манифестъ молодой романтической школы, презрительно отвергавшей всѣ почтенныя, святыя, узаконенныя стариннымъ обычаемъ правила классицизма и требовавшей для творчества полной, совершенной свободы.

Со стороны классиковъ на молодого драматурга посыпались рѣзкіе упреки, оскорбленія и брань. Зато артистическая молодежь, поэты, художники, журналисты, выражали Виктору Гюго пламенный восторгъ передъ этимъ предисловіемъ къ *Кромвелю*, которое, по выраженію Теофиля Готье, „сверкало лучами, какъ скрижали завѣта на Синаѣ".

Кромвель не былъ поставленъ на сценѣ за смертью Тальмы, для котораго эта драма была написана. Но съ нея, точнѣе сказать, съ предисловія къ ней начинается для Гюго та широкая и громкая слава, которая съ тѣхъ поръ не переставала окружать его имя.

3.

Гюго былъ, выражаясь словами одной южно французской пословицы, „палачемъ труда"; трудъ былъ функціей его организма, дѣйствовавшей съ такою же неустанною правильностью, съ какою работали его легкія, сердце и, если здѣсь позволительно вспомнить извѣстное сравненіе Тэна,—„печень". *Crom-*

Digitized by Google

well вышелъ въ свѣтъ въ началѣ 1828 года, а въ іюнѣ 1829 уже была готова другая драма *Marion de Lorme;* въ промежуткѣ между этими двумя пьесами Гюго выпустилъ свои ослѣпительныя *Orientales* и потомъ *Послѣдній день осужденнаго на казнь.* И *Les Orientales*, и *Le dernier jour d'un condamné* были событіями въ тогдашней литературѣ. Но сенсація, произведенная появленіемъ *Marion de Lorme*, затмила собою впечатлѣніе, вызванное двумя предыдущими книгами поэта. Пьеса репетировалась на сценѣ французской комедіи. Вдругъ, директоръ послѣдней получаетъ изъ цензуры увѣдомленіе, что драма запрещена. Гюго отправился къ министру; министръ ни за что не согласился разрѣшить пьесу. Гюго попросилъ и получилъ аудіенцію у Карла X; король также ни за что не соглашался позволить играть *Marion de Lorme.* Но, чтобы смягчить свой отказъ, онъ повысилъ пенсію Гюго съ 2000 до 6000 франковъ. Гюго тотчасъ же отвергъ эту прибавку. Отказъ поэта и запрещеніе пьесы подняли, разумѣется, отчаянную полемику между газетами, дружественными правительству и враждебными ему. Результатъ этого волненія былъ тотъ, что, когда Гюго представилъ въ цензуру въ томъ-же 1829 году другую драму, *Hernani*, запретить ее уже не рѣшились, хотя, какъ сказано въ докладѣ цензурной коммисіи, „эта пьеса полна неприличій всякаго рода. Король въ ней часто выражается какъ разбойникъ, разбойникъ обращается къ королю какъ къ грабителю". Цензура ограничилась тѣмъ, что потребовала измѣненія нѣсколькихъ фразъ, черезчуръ непочтительныхъ по отношенію къ королевскому сану.

25 февраля 1830 года состоялось первое представленіе *Hernani.* На него смотрятъ, какъ на день рѣшительнаго сраженія между романтизмомъ и классицизмомъ, день великаго гнѣва — dies irae, dies illa — классиковъ и день ихъ полнаго пораженія. Классики точно предчувствовали это и заблаговременно обратились съ петиціей къ Карлу X, прося его воспретить доступъ французской комедіи для пьесъ новаго направленія. Но на этотъ разъ король отвѣтилъ: „Въ дѣлѣ литературы у меня, господа, нѣтъ никакой власти, а только, какъ у каждаго изъ васъ, кресло въ партерѣ". Было замѣчено, что на репетиціяхъ въ темномъ уголку залы сидѣлъ постоянно какой-то старичекъ: — это оказался драматургъ-классикъ, записывавшій тѣ мѣста пьесы, которыя должны были быть освистаны друзьями классицизма. Этихъ мѣстъ оказалось много: Гюго, потомъ, съ рукописью въ рукѣ, пришелъ къ тому заключенію, что положительно ни одного полустиха драмы классики не пропустили безъ свистковъ, шиканья, гика и крика.

Со своей стороны и романтики не дремали. Гюго заранѣе принялъ свои мѣры. Онъ роздалъ пятьсотъ билетовъ своимъ друзьямъ, готовымъ, какъ выразился Теофиль Готье, „послѣдовать за нимъ на суровыя горы романтизма и мужественно защищать ихъ ущелья противъ нападеній классиковъ". Въ

Digitized by Google

числѣ этихъ молодыхъ людей было не мало такихъ, которые составили себѣ потомъ выдающееся имя въ литературѣ, живописи, музыкѣ и проч. Между ними были Бальзакъ и Берліозъ. Каждый изъ этой молодой и страстной толпы былъ снабженъ карточкой изъ красной бумаги съ испанскою надписью: *Hierro* (желѣзо, символъ силы, мужества и прямоты). *Молодой Франціи*, какъ называли эту толпу ироническіе классики, было предоставлено право входить въ театральную залу, начиная съ двухъ часовъ дня: она собралась къ двѣнадцати. Одѣтая въ эксцентрическіе костюмы, выдѣляясь среди спокойныхъ горожанъ экстравагантностью шевелюръ и бородъ, толпа эта, цѣлыхъ два часа ждавшая, чтобы открыли двери театра, привлекала вниманіе прохожихъ, вызывая изумленіе, негодованіе, ужасъ. Въ нее стали бросать всякаго рода грязью, капустными кочанами и проч.

Наконецъ двери отворились. *Молодая Франція* устремилась въ театръ. Тамъ она, дожидаясь начала представленія, закусывала, разговаривала, пѣла, спорила, шумѣла, хохотала. Зажглась люстра. Мало-по-малу стали собираться „филистимляне" — классики, „академики", „голые черепа которыхъ вымостили переднюю часть залы". Вскорѣ между ними и ихъ противниками завязались горячіе, запальчивые діалоги, перебранки, оскорбленія. Сдѣлавшійся потомъ знаменитымъ въ исторіи романтизма красный жилетъ Теофиля Готье привлекалъ собою почему-то съ особенною силою яростные взгляды классиковъ, выходившихъ изъ себя отъ гнѣва при видѣ этого багрянаго пятна.

Дѣло, говорятъ историки этого достопамятнаго вечера, дошло бы непремѣнно до драки, если бы занавѣсъ не взвился и не заставилъ всѣхъ обернуться къ сценѣ.

Но тутъ, съ первыхъ же стиховъ, война снова разгорѣлась. Романтики отстаивали отъ классиковъ пядь за пядью, стихъ за стихомъ, права новой техники—и въ концѣ концовъ отстояли. Этотъ вечеръ сталъ впослѣдствіи называться la bataille d'Hernani.

4.

Время было безпокойное, приготовлялась іюльская революція. Литература, даже когда она этого и не имѣла въ виду, мимовольно сплеталась съ политическими теченіями. Авторъ *Victor Hugo raconté* приводитъ выдержки изъ статьи одной изъ газетъ тогдашняго времени, — статьи, вызванной предстоявшимъ представленіемъ *Hernani*. „Каково бы, говоритъ газета, ни было значеніе *Hernani* для литературной республики,—французской монархіи нечего безпокоиться по поводу этой пьесы". Оказалось, что было чего безпокоиться.

Карлъ X палъ. Его замѣстилъ Луи-Филиппъ. Существенныхъ перемѣнъ не произошло никакихъ. Когда стало извѣстнымъ, что Гюго намѣренъ поставить на сценѣ французской комедіи свою драму *Le Roi s'amuse* (дѣло было осенью 1832 г.;

Digitized by Google

этой драмѣ предшествовалъ сборникъ стихотвореній *Feuilles d'Automne* и романъ *Notre-Dame de Paris*, появившіеся въ 1831 г.), министръ публичныхъ работъ, въ вѣдѣніи котораго состояли тогда театры, потребовалъ, чтобы ему была показана рукопись. Гюго отказался показать: іюльская революція упразднила цензуру. Тогда министръ пригласилъ его къ себѣ потолковать и спросилъ, правда ли, что личность Франциска I представляетъ намекъ на Луи-Филиппа. Гюго отвѣтилъ, что неправда. Министръ, повидимому, удовлетворился этимъ отвѣтомъ.

Обстоятельства, при которыхъ состоялось первое и единственное представленіе *Le Roi s'amuse*, въ общемъ схожи съ тѣми, какія сопровождали постановку *Hernani*. Молодые друзья Гюго на этотъ разъ, впрочемъ, пѣли передъ началомъ и въ антрактахъ марсельезу и карманьолу. Пьеса была освистана. На другой день она была запрещена подъ тѣмъ предлогомъ, что она безнравственна.

Гюго подалъ въ судъ на министра и, конечно, проигралъ процессъ.

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, въ началѣ 1833 года, *Lucrèce Borgia*, поставленная на сценѣ другого театра, имѣла необычайный успѣхъ. Еще нѣсколько мѣсяцевъ спустя въ концѣ того же 1833 года и съ такимъ же успѣхомъ была играна другая драма Гюго *Marie Tudor*.

Въ 1834 году Гюго выпустилъ сборникъ статей различнаго содержанія, озаглавленный *Littérature et Philosophie mêlées*. Статьи эти рисуютъ намъ эволюцію автора, совершавшуюся въ немъ въ теченіе 15 лѣтъ, съ 1819 до 1834 года, и доведшую его до революціонныхъ воззрѣній въ политикѣ и въ литературѣ. Въ томъ же году вышла его книга *Claude Gueux*, направленная противъ смертной казни.

За этими сочиненіями слѣдуетъ драма *Angelo*—въ 1835 году и въ томъ же году томъ стихотвореній *Les Chants du Crépuscule*.

Въ 1836 году въ дѣятельности Гюго замѣчается перерывъ: онъ не написалъ, по крайней мѣрѣ, не опубликовалъ ничего, кромѣ либретто для оперы *Esmeralda*, заимствованнаго изъ его же *Notre-Dame de Paris*.

Въ 1837 году появляются его стихотворенія *Les Voix intérieures* и драма *Ruy Blas*, выдержавшая представленій пятьдесятъ и, какъ водится, столько же разъ освистанная. Въ 1838 году Гюго печатаетъ новый томъ стихотвореній *Les Rayons et les Ombres*.

III.

Изъ перечисленнаго выше списка произведеній Гюго видно, съ какою систематичностью онъ работалъ: каждый годъ онъ печаталъ одинъ-два тома прозы или стиховъ. Нужно прибавить къ этому, что печаталъ онъ еще не все, что писалъ. Многія изъ его произведеній, относящихся къ этому времени, выходили въ свѣтъ потомъ гораздо позже.

Къ сорока годамъ онъ былъ самымъ замѣчательнымъ по-

Digitized by Google

этомъ своего времени, драматургомъ, пьесы котораго вызывали, какъ мы видѣли, самыя страстныя волненія въ тогдашней публикѣ и критикѣ, романистомъ, книги котораго читались нарасхватъ. Онъ былъ на высотѣ своей славы; у его дома собирались по вечерамъ толпы народа, чтобы на него посмотрѣть, и онъ часто показывался у оконъ своей квартиры, окруженный друзьями.

Однако это не помѣшало его драмѣ *Les Burgraves*, поставленной на сценѣ въ 1842 году, быть ошиканной по примѣру почти всѣхъ пьесъ, написанныхъ имъ раньше. *Les Burgraves*— послѣдняя попытка Гюго завоевать себѣ, какъ драматургъ, признаніе своихъ современниковъ. Онъ оставляетъ театръ, хотя въ его портфелѣ есть еще нѣсколько совершенно оконченныхъ пьесъ. Его начинаетъ привлекать другая область— политика.

Благодаря своимъ близкимъ, личнымъ отношеніямъ съ Луи-Филиппомъ, онъ дѣлается въ 1845 году пэромъ Франціи, а затѣмъ сенаторомъ. Но, какъ государственный дѣятель, Гюго никогда ничѣмъ не выдѣлялся, кромѣ развѣ напыщеннаго, театральнаго краснорѣчія. Его политическія воззрѣнія— неопредѣленны. Сначала онъ вступаетъ въ консервативную партію. Но иногда вотируетъ, какъ радикалъ. Въ 1849 году, уже будучи членомъ учредительнаго и потомъ законодательнаго собранія, Гюго вдругъ является республиканцемъ и соціалистомъ. Нѣкоторое время онъ отстаиваетъ, какъ, впрочемъ, и многіе другіе, противъ Кавэньяка кандидатуру будущаго Наполеона III на президентство республики. Затѣмъ онъ нападаетъ на этого послѣдняго, и послѣ переворота 2-го декабря онъ принужденъ бѣжать изъ Франціи, чтобы спастись отъ мщенія новаго правительства. Голова Гюго была оцѣнена: 25.000 франковъ были обѣщаны тому, кто задержитъ или даже убьетъ поэта.

Теперь Гюго является передъ нами въ новомъ видѣ: это памфлетистъ (*Napoléon le Petit*), гнѣвный сатирикъ (*Les Châtiments*), политическій публицистъ (*L'Histoire d'un Crime*). Со времени изгнанія популярность Виктора Гюго возрастаетъ еще болѣе. Его *Наполеонъ Малый*, его *Казни* расходятся во Франціи,—гдѣ обѣ книги, разумѣется, запрещены,—въ десяткахъ тысячъ экземпляровъ. Ихъ провозятъ изъ Бельгіи, гдѣ онѣ были напечатаны, скрытыми въ стѣнныхъ часахъ или въ гипсовыхъ бюстахъ, или въ жестяныхъ коробкахъ подъ видомъ будто бы консервовъ. Полиціи иногда удается арестовать эти книги на границѣ, но большая часть ихъ ускользаетъ отъ ея чутья.

Гюго далъ слово „не возвращаться во Францію, пока не вернется туда свобода". Онъ не воспользовался поэтому амнистіей 1859 года и прожилъ въ изгнаніи вплоть до паденія второй имперіи. За это время, кромѣ только что названныхъ произведеній, имъ были написаны и опубликованы сборники стихотвореній *Les Contemplations*—въ 1856 году и *La Légende*

Digitized by Google

des Siècles—въ 1859. Два года спустя выходитъ въ свѣтъ его знаменитый романъ *Les Misérables*, начатый еще въ 1848 году. Затѣмъ, новый томъ стихотвореній *Les Chansons des rues et des bois* появляется въ 1865 году, а за нимъ слѣдуютъ два романа: *Les Travailleurs de la Mer*,—въ 1866 году, и не менѣе знаменитый, чѣмъ *Les Misérables* и *Notre-Dame de Paris*,—*L'homme qui rit*,—въ 1869.

Послѣ возвращенія во Францію Гюго опять на нѣкоторое время, на этотъ разъ очень короткое, вмѣшивается въ политическія дѣла своей страны въ качествѣ члена національнаго собранія. Но, какъ и во всю жизнь, главнымъ образомъ онъ посвящаетъ свои усилія литературѣ. Можно даже подумать, что, несмотря на его глубокую старость — ему уже было 70 лѣтъ,—родина оживила его силы. Въ 1872 году онъ печатаетъ *L'Année terrible*—стихотворенія, внушенныя поэту событіями войны. Затѣмъ, въ 1874 г. появляется его романъ *Quatrevingttreize* и небольшое сочиненіе *Mes Fils*, посвященное его умершимъ сыновьямъ. Въ 1875 году выходятъ въ свѣтъ три тома автобіографическаго характера, *Actes et Paroles*: *avant, pendant et depuis l'exil*. Въ 1877 году—новая серія *Légende des Siècles*, и въ томъ же году—томъ прелестныхъ стихотвореній *L'Art d'être grand père*, вызванныхъ тихими обязанностями дѣда по отношенію къ Жоржу и Жаннѣ, внуку и внучкѣ Виктора Гюго. Къ 1877 году относится также и *L'Histoire d'un crime*, написанная 25 лѣтъ назадъ, но которую авторъ опубликовалъ только теперь, въ виду дѣйствій маршала Макъ-Магона, заставлявшихъ опасаться новаго государственнаго переворота.

Въ 1878 году Гюго публикуетъ религіозную и антиклерикальную поэму *Le Pape*, за ней идутъ книги—*La Pitié suprême* въ 1879 году и *Réligion et Réligions* въ 1880 году. Въ этомъ же, 1880 году, появляется и еще одна поэма *L'Âne*, въ которой Гюго попытался осмѣять педантизмъ. Въ 1881 году восьмидесятилѣтній поэтъ выпускаетъ новую книгу *Les Quatre vents de l'Esprit*. За этими стихами слѣдуетъ драма *Torquémada*,—въ 1882 году, и третья серія *Légende des Siècles*—въ 1883 году. Въ 1884 году появляется *Le Théatre en liberté*.

Смерть Гюго не прервала періодическаго появленія произведеній поэта. Послѣдній продолжаетъ еще какъ будто жить между нами. Въ 1886 году выходитъ въ свѣтъ поэма *La fin de Satan*, въ 1887 г.—*Choses vues*; въ 1888 г. появляется сборникъ неизданныхъ стихотвореній Гюго *Conte la lyre*, въ 1891 г.—поэма *Dieu*, въ 1893 г.—новая серія *Conte la lyre*; въ 1894 г.—*Océan*. Затѣмъ слѣдуютъ *En Voyage*, *Переписка* и т. д., и т. д. Посмертныя сочиненія Гюго выходятъ до сихъ поръ. Въ прошломъ году появились *Lettres à ma fiancée*, а въ нынѣшнемъ—*Post-scriptum de ma vie*. И рукописи, оставленныя Гюго, еще далеко, далеко не всѣ напечатаны!

Но если, такимъ образомъ, Викторъ Гюго еще живъ среди насъ, то, съ другой стороны, онъ пережилъ себя задолго до

Digitized by Google

своего конца: „онъ живымъ вступилъ въ безсмертіе“, какъ говорили о немъ его вѣжливые соотечественники. Время, когда онъ въ расцвѣтѣ молодости разрушалъ во имя свободы искусства условности предшествующей поры, не походило уже на ту эпоху, среди которой Гюго оказался по возвращеніи во Францію. То были дни безумія и упоенья, „когда—говоритъ Теофиль Готье,—соки новой жизни бурно струились въ жилахъ, когда все и зарождалось, и пускало почки, и разомъ расцвѣтало вдругъ, когда благоуханія, отъ которыхъ кружилась голова, шли отъ цвѣтовъ, когда воздухъ опьянялъ и люди безумно жаждали лиризма и искусства“ [1]). Прошло сорокъ лѣтъ, и явились другіе люди, которые смѣялись надъ своими романтическими дѣдами. Да и сорока лѣтъ еще не прошло. Реакція противъ романтизма обозначается гораздо раньше. Вскорѣ послѣ паденія драмы Гюго *Les Burgraves*, на сценѣ Одеона была поставлена съ огромнымъ успѣхомъ пьеса Понсара *Lucrèce*, являвшая собою первое отчетливое выраженіе того эклектическаго творчества, которое явилось на смѣну романтизма. Мы видѣли, что Гюго пришлось уже въ 1843 году уступить сцену другимъ.

Позднѣе явились другія теченія: Флоберъ кладетъ основаніе натуралистической школѣ въ 1857 году. Но и здѣсь опять, если натурализма не отдѣлять отъ реализма, то необходимо указать на то, что послѣдній, въ лицѣ Стендаля, подрываетъ основы романтизма еще раньше: въ 1840 году со своей *Chartreuse de Parme* и даже раньше еще—въ 1830 году, въ годъ торжества *Hernani*, съ своимъ романомъ *Le Rouge et le Noir*.

Стендаль, впрочемъ, безуспѣшно воевалъ съ романтизмомъ, однимъ изъ первыхъ сторонниковъ котораго онъ былъ сначала и самъ, если только предположить, что онъ въ самомъ дѣлѣ имѣлъ въ виду создать романъ въ духѣ, враждебномъ романтизму: на *Chartreuse de Parme* обратилъ вниманіе одинъ только Бальзакъ—одинъ только Бальзакъ въ 1840 году былъ способенъ оцѣнить это въ высшей степени замѣчательное произведеніе Стендаля. Къ тому же сама статья Бальзака прошла незамѣченною.

Но, когда приблизительно въ одно время съ появленіемъ *Madame Bovary* Флобера Тэнъ напишетъ свой этюдъ о Стендалѣ, читатель уже гораздо внимательнѣе отнесется къ этому послѣднему. Можно сказать, что къ этому времени, т. е. къ половинѣ 50-хъ годовъ, роль Гюго, какъ художника, была уже совершенно окончена. Романтизмъ исчезъ изъ жизни вмѣстѣ съ чахлой второй республикой, исчезъ онъ, строго говоря, и изъ искусства. *Les Misèrables*, появившіеся въ 1862 году, и *L'Homme qui rit*, вышедшій въ свѣтъ семь лѣтъ спустя, интересовали публику и мощью таланта, создавшаго ихъ, и, быть можетъ, въ особенности, личнымъ обаяніемъ написавшаго ихъ поэта-изгнанника. Но въ моментъ ихъ появленія эти романы представляли собою уже послѣдніе, хотя и сильные еще, отголоски отжившаго, отзвучавшаго искусства.

[1]) Th. Gautier. *L'Histoire du romantisme.*

Digitized by Google

Личность Гюго была окружена почетомъ и уваженіемъ. Но какъ надъ поэтомъ, какъ надъ художникомъ надъ нимъ уже стали подсмѣиваться. Когда въ 1880 году появилась его поэма *Осел*, Зола въ своей рецензіи о ней даетъ понять читателю, что настоящій-то осел есть въ сущности самъ Гюго. Зола, человѣкъ страстный, глубокій, сильный, былъ возмущенъ насмѣшками надъ наукой, которыя, какъ ему показалось, содержала поэма *L'Ane*, и онъ выступилъ въ защиту этой трезвой науки, осмѣянной будто бы романтизмомъ. Появляются другіе гонители романтической поэзіи—люди безъ идеаловъ, безъ опредѣленныхъ стремленій, безъ идей, безъ страстей, представители того будто бы скептицизма, который на мѣткомъ языкѣ здраваго смысла называется je m'en foutisme и превосходнымъ по полнотѣ выразителемъ котораго является Жюль Лемэтръ въ его литературной дѣятельности вообще и въ его статьѣ о Гюго, въ частности и въ особенности. Этимъ людямъ будутъ непонятны, странны и смѣшны и огромныя, жаркія чувства поэта, выражавшіяся въ грандіозныхъ образахъ, и его идеи, основанныя на одной лишь вѣрѣ, на одномъ лишь предчувствіи лучшаго будущаго,—идеи, не оправданныя дѣйствительностью и тѣмъ самымъ—въ глазахъ этихъ „скептиковъ"—осужденныя ею.

Но пройдетъ еще немного времени, и самъ натурализмъ долженъ будетъ въ свою очередь выдерживать насмѣшки, проклятія и нападенія. Что касается je m'en foutisme, мы увидимъ представителей его,—этихъ Лемэтровъ, этихъ Барресовъ—въ роли проповѣдниковъ и защитниковъ насилія и лжи.

А тотъ, кто съ 1820 года и до самой своей кончины неустанно писалъ стихи и печаталъ свои отважные романы, драмы и памфлеты, а Викторъ Гюго остается непоколебимымъ и вѣчнымъ, какъ мраморъ, какъ мѣдь. Что изъ того, что форма его произведеній устарѣла: содержаніе ихъ еще молодо, страсть, которою они дышутъ, еще не отжита, чувства, которыя они внушаютъ, еще двигаютъ людьми.

И 26 февраля 1902 года французы будутъ чествовать память человѣка, умершаго только физически, но душою еще живого и еще дѣйствующаго среди насъ. Если роль его какъ художника-романтика была кончена уже давно, его значеніе, какъ сѣятеля разумнаго, добраго, вѣчнаго, еще далеко не прекратилось. Мы попробуемъ оцѣнить и эту роль, и это значеніе во второй части нашей статьи. И мы увидимъ, что, несмотря на то, что жизнь Виктора Гюго была въ сущности бѣдна внѣшними, эффектными событіями, и что онъ почти ничего другого и не дѣлалъ, какъ только писалъ книги, что его біографія можетъ быть въ сущности резюмирована въ перечнѣ его сочиненій, сдѣланномъ выше,—жизнь его была дѣйствительно,—говоря словами Лассаля—„и велика, и смѣла, и блестяща".

Г. Савичъ.

Digitized by Google

Маленькіе разсказы.

ПОѢЗДКА.

Все случилось оттого, что однажды вечеромъ въ трактирѣ Тѣстова было выпито болѣе чѣмъ слѣдуетъ. Илья Ильичъ былъ въ хвастливомъ настроеніи, Аристархъ-же Пафнутьичъ со своею всегдашнею ехидною улыбочкою подтрунивалъ и подсмѣивался. На дворѣ стоялъ морозъ, стекла были въ узорахъ; разговоръ вдругъ коснулся погоды и кто-то замѣтилъ, что въ Ниццѣ и теперь тепло, не смотря на февраль мѣсяцъ.

Вотъ тутъ-то и лежитъ всему причина, будто чортъ дернулъ за ухо Илью Ильича, возьми онъ и гаркни: „Пожелаю—на эфтой недѣлѣ въ самой Ниццѣ пообѣдаю"—не соображалъ онъ съ пьяныхъ глазъ, что за Ницца такая, ресторанъ, думалъ, какой али трактиръ.

Услыхалъ тутъ похвальбу эту Аристархъ Пафнутьичъ и выговорилъ съ улыбочкой:—не видать тебѣ Ниццы этой, что своихъ ушей.

Весь вспыхнулъ Илья Ильичъ; какъ не видать? да, чтобъ ему—московскому купцу, чего нибудь не видать, ежели ножелаетъ. —Не бывать тому—заоралъ онъ,—жисть свою положу, а Ниццу повидаю.

— Ладно, — ухмыльнулся Аристархъ Пафнутьичъ, — что, братъ, давай объ закладъ, три тыщи желаешь?

— Желаю,—согласился Илья Ильичъ. Побились, по рукамъ ударили, розняли, все какъ слѣдуетъ, еще выпили и разошлись кто-куда.

Хотя и былъ Илья Ильичъ гораздо выпивши, а все очухавшись на слѣдующее утро первымъ дѣломъ о Ниццѣ вспомнилъ, закладъ вспомнилъ и все, какъ слѣдуетъ. Одѣлся онъ, умылся и пошелъ о Ниццѣ справки наводить. Спросилъ дворника.—почесалъ тотъ за ухомъ, отвѣтилъ что не знаетъ. Спро-

Digitized by Google

силъ извощика-лихача, посмотрѣлъ тотъ на небо, на каланчу, шапку поправилъ и сказалъ, что слыхать-то онъ слыхивалъ, но чтобы знать-то не знаетъ; должно новый шантанъ еще въ постройкѣ—не открытый, а вотъ откроютъ, то ужъ тогда, сколько Ильѣ Ильичу угодно будетъ—довезетъ. Спросилъ городоваго—пошелъ тотъ въ участокъ справиться, ничего не узналъ, вернулся, доложилъ:—что, молъ, ваше степенство такого заведенія у насъ не имѣется, ошибка, должно, какая.

Нечего дѣлать, поѣхалъ Илья Ильичъ къ самому Аристарху Пафнутьичу, а тотъ его съ улыбочкой встрѣтилъ, что молъ отъ Ниццы-то отказался, денежки привезъ.

Обозлился ИльяИльичъ закричалъ:—кой чортъ, ты братъ, деньги-то выкладывай, а только эфтой Ниццы нигдѣ сыскать не могу, къ тебѣ пріѣхалъ за указкой.

Смѣется Аристархъ Пафнутьевичъ, да и говоритъ съ присказочкой:—Ишь, что выдумалъ, Ницца то эта самая, сударь мой родименькій, не близко, не далеко, за тридесятъ земель, въ сороковомъ государствѣ—вотъ какъ—въ за-границѣ самой.

Какъ услышалъ Илья Ильичъ про заграницу, точно обухомъ его кто по головѣ хватилъ, глаза изъ орбитъ полезли, въ груди сперло, посмотрѣлъ онъ на своего противника, что звѣрь лютый и вымолвилъ:

— Ишь-ты, нехристь, адова душа, что выдумалъ.

Аристархъ Пафнутьичъ стоитъ да посмѣивается:—Пожалуй, братъ, три тыщи, закладъ-то проморгалъ.

Ушелъ отъ него не простившись Илья Ильичъ. И дернулаже нелегкая закладъ держать, вино до добра не доводитъ, каялся Илья Ильичъ, плакался, пить зарекался, а въ полдень съ обиды-ли, съ горя-ли, а снова напился.—И думалъ онъ идти, да деньги выложить, но упрямство, гордость не позволила; какъ чтобы, онъ, Илья Ильичъ, да заклада своего не выдержалъ. Думалъ онъ колебался, горевалъ, а въ концѣ концовъ ѣхать собрался.

Деньжищъ перевелъ черезъ банкъ, да съ собой прихватилъ; нашелъ интеллигента какого-то, что на всѣхъ языкахъ горазд, маленькій, щупленькій, на выпивку только плохъ, молебенъ отслужилъ, свѣчей ко всѣмъ иконамъ понаставилъ; напился какъ свинья, чтобы себя не помнить, когда въ вагонъ сажать будутъ, какъ изъ Москвы уѣзжать придется, со всѣми попрощался и покатилъ: а на платформѣ Аристархъ Пафнутьичъ стоялъ и ухмылялся, не вѣрилось ему, что попадетъ-таки Илья Ильичъ въ Ницу, не такъ-то это легко, какъ кажется, и заблудиться можно, и катастрофа, несчастіе—все бываетъ.

Долго-ли коротко-ли ѣхалъ Илья Ильичъ, хорошенько онъ не помнитъ, одно, что осталось у него въ головѣ это то, что пить и ѣсть вездѣ было въ волю, особенно послѣ того, какъ онъ помѣстился въ train de luxe, гдѣ кромѣ особеннаго купэ въ его распоряженіи имѣлся цѣлый вагонъ ресторанъ—ходячій трактиръ, какъ окрестилъ его Илья Ильичъ.—Это новоизобрѣтеніе пришлось ему какъ нельзя болѣе по вкусу

Digitized by Google

и онъ искренно сокрушался о томъ, что таковыхъ ходячихъ трактировъ не имѣется въ россійскихъ поѣздахъ и самымъ добродушнѣйшимъ образомъ просиживалъ въ вагонѣ-ресторанѣ съ утра до ночи къ великому удовольствію лакеевъ, къ удивленію всѣхъ пассажировъ и къ великой злобѣ своего спутника.

По выраженію этого послѣдняго во все время своего путешествія Илья Ильичъ велъ себя свинья-свиньей, ни о чемъ не думая, а только пилъ и кушалъ и, особенно, пилъ, обращая на себя всеобщее вниманіе.

Въ теченіе путешествія, интеллигентъ оставлялъ дремавшаго временами своего принципала, знакомился съ другими путешественниками, и искренно сокрушался и жаловался на разныхъ иностранныхъ языкахъ въ зависимости отъ національности собесѣдника на то, что капиталы въ Россіи отданы въ руки столь необразованныхъ животныхъ и ословъ, какъ его спутникъ, который хотя и похрапывалъ временами, но, тѣмъ не менѣе, преисправно платилъ за билеты перваго класса за себя и за спутника и за ѣду и питье безъ конца, относя все въ умѣ своемъ на счетъ своего супротивника Аристарха Панфнутьича и не разсуждая вовсе о томъ, что закладъ шелъ лишь о трехъ тысячахъ, а имъ было переведено, да захвачено съ собой въ басурманскій край про всякій случай около десяти тысячъ рублей.

Все шло, какъ нельзя лучше. Благодаря опытности своего спутника, Илья Ильичъ нигдѣ не заблудилъ, благодаря же благоустройству желѣзныхъ дорогъ—никакого несчастія или катастрофы не случилось.—Илья Ильичъ хотя и вспоминалъ временами о Москвѣ, мечтая то о поросенкѣ или щахъ, представлялъ себѣ временами стопу съ квасомъ, тѣмъ не менѣе благодушествовалъ и поглощалъ за неимѣніемъ ничего болѣе подходящаго шампанское въ количествѣ превосходящемъ всякое представленіе лакеевъ вагона-ресторана. Временами онъ поругивалъ Аристарха Панфнутьича за свое путешествіе, обзывалъ своего спутника мокрою курицею, языкомъ безъ костей и другими прозвищами весьма обидными для интеллигентнаго ума.

Какъ бы тамъ ни было, съ каждою минутою, съ каждымъ часомъ, Илья Ильичъ приближался къ Ниццѣ и, должно быть, путешествіе ему было очень по вкусу, ибо когда однажды утромъ сопровождавшій интеллигентъ сообщилъ ему, что черезъ часъ они будутъ въ Ниццѣ, онъ выразилъ нѣкоторое безпокойство, удивленіе и даже подозрѣніе, неужели же такъ скоро они могли столько проѣхать?—Затѣмъ впервые посмотрѣлъ въ окно, увидѣлъ сперва пальму и произнесъ:

— Ишь, чортова кукла, здѣсь такъ растетъ, а у насъ подай ея благородію оранжерею-съ.

Затѣмъ увидѣлъ сосну и захлебнулся отъ удовольствія: „мать моя,“ вскричалъ онъ, „Господи Іисусе,“ никакъ сосна, наша то сосна,—и его счастью, кажется, не было бы предѣла, если бы интеллигентъ со злобой въ голосѣ не замѣтилъ: „Обрадовались, сосна; здѣсь еще не то увидите“.

Digitized by Google

Когда же, наконецъ, Илья Ильичъ, покинулъ вагонъ и его огромная фигура очутилась на платформѣ вокзала Ниццы, то и тутъ онъ обратилъ на себя всеобщее вниманіе; нѣсколько пассажировъ переглянулись, одна дама даже вскрикнула, а какой то желѣзнодорожный служащій, отступивъ шага два произнесъ: „on amène ça surement pour l'arrivée du président, drôle de monument. Sera-t-il épaté?"

Сопровождаемый интеллигентомъ и носильщикомъ съ вещами Илья Ильичъ направился къ первому извощику, омнибусы отелей онъ старательно обошелъ, какъ нѣчто еще мало ему знакомое.

Помѣстившись въ первой коляскѣ, Илья Ильичъ обождалъ, чтобы въ слѣдующей были бы положены всѣ вещи и сѣлъ интеллигентъ. Когда все было готово онъ рѣшительно произнесъ нѣсколько разъ подрядъ „въ готель", извощикъ понялъ и они поѣхали.

Въ подъѣздѣ одной изъ лучшихъ гостинницъ города, Илья Ильичъ былъ встрѣченъ какъ самый обыкновенный посѣтитель, даже, если можно такъ выразиться, съ нѣкоторымъ недовѣріемъ: не въ свое, молъ, братъ, стойло полѣзъ.

Но стоило только Ильѣ Ильичу, несмотря на всѣ убѣжденія интеллигента, рѣшительно отказаться отъ услугъ лифта, по русски послать къ чорту директора гостинницы, который, какъ казалось Ильѣ Ильичу, имѣлъ желаніе насильно впихнуть его въ лифтъ и потребовать себѣ комнату въ низу, какъ вся окружающая прислуга прониклась къ его особѣ чѣмъ то вродѣ поклоненія и самъ не замѣтивъ того, Илья Ильичъ подъ руки былъ введенъ въ первый этажъ, въ одинъ изъ лучшихъ номеровъ и поставленъ на балконъ съ прекраснымъ видомъ на море.

Директоръ гостинницы, что-то расхваливалъ, прислуга разглядывала громадную фигуру, интеллигентъ еще поднимался въ лифтѣ, Илья Ильичъ созерцалъ море и удивлялся.

— Ишь-ты ширь, гладь-то какая! воды то, воды то, всю не выпьешь—обратился онъ къ директору.

— Oh, monsieur sera bien, monsieur ne manquera de rien, monsieur sera tranquille. Deux cents francs par jour, — лепеталъ онъ.

Илья Ильичъ кивалъ головой и продолжалъ созерцать, когда въ дверяхъ появилась голова интеллигента, Илья Ильичъ повернулся и сказалъ: „спроси этого мошенника", онъ ткнулъ пальцемъ на директора, „выпьетъ ли онъ всю эту воду".

Интеллигентъ презрительно улыбнулся и перевелъ: „Monsieur demande le prix de la chambre".

Номеръ понравился Ильѣ Ильичу и онъ остался въ немъ; самое же большое впечатлѣніе на него произвело море и онъ около часа простоялъ на балконѣ, созерцая безграничное растилавшееся передъ нимъ водное пространство. „Вотъ она штука то", произносилъ онъ время отъ времени, „ишь-ты набралось воды не то, что въ Москвѣ рѣкѣ".

Digitized by Google

Одѣвшись и умывшись Илья Ильичъ, въ сопровожденіи интеллигента, отправился на поиски трактира, завтракать въ гостинницѣ онъ не пожелалъ. Первый ресторанъ, вывѣску котораго замѣтилъ Илья Ильичъ и прочелъ интеллигентъ оказался Jetée Promenade.

Поохавъ и посѣтовавъ на то, что онъ стоитъ на столбахъ и на самой водѣ, Илья Ильичъ, который успѣлъ уже проголодаться, рѣшительно вторгнулся въ его помѣщеніе. — Усѣвшись за однимъ изъ столиковъ на терассѣ, обративъ на себя своимъ нѣсколько черезъ-чуръ громкимъ голосомъ всеобщее вниманіе, Илья Ильичъ потребовалъ кушать и пить.— Едва интеллигентъ успѣлъ взять въ руки карту и началъ переводить названія блюдъ, какъ метръ д'отель, догадавшись съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло, сдѣлалъ рукой какой то знакъ и столъ будто самъ-собою покрылся закускою и появилась бутылка русской водки Смирнова. Глаза Ильи Ильича раскрылись широко, онъ заключилъ въ свои мощныя руки бутылку и прерывающимся голосомъ произнесъ: „Она... она самая... Смирнова... матушка наша православная и какъ ты сюда попала страдалица, ужъ я тебя, я тебя, приговаривалъ онъ съ наслажденіемъ, опоражнивая рюмку за рюмкой.

Завтракъ подвигался, опорожненныя блюда уносили, пустыя бутылки занимали часть стола; Илья Ильичъ былъ доволенъ и кругомъ всѣ были довольны; метръ-д'отель улыбался, лакеи прислуживались, интеллигентъ возмущался.

Произошло нѣсколько инцидентовъ.—Во первыхъ Илья Ильичъ замѣтилъ человѣка въ формѣ русскаго студента и заоралъ на весь ресторанъ: „Господинъ студентъ, соотечественникъ, пожалуйте сюда, пью за образованность".

Студентъ было саркастически улыбнулся и намѣревался уйти, но вмѣсто того рѣшительно подошелъ къ Ильѣ Ильичу и представился. Теперь онъ былъ уже сильно выпивши и объяснялся въ любви съ какимъ то изящнымъ французомъ, который безъ всякаго разрѣшенія и приглашенія помѣстился за столъ Ильи Ильича—это разъ. Во вторыхъ. Илья Ильичъ услышалъ русскую рѣчь и обернувшись замѣтилъ трехъ мужчинъ, пившихъ чай. „Эй, русскіе—соотечественники", заоралъ онъ, „сюда милые люди, выпьемъ". Господа о чемъ то быстро заговорили между собой и одинъ изъ нихъ подошелъ къ Ильѣ Ильичу требовать объясненій и предложить удовлетвореніе; Илья Ильичъ рѣшительно отказывался его понимать и дѣло кончилось тѣмъ, что вмѣсто чая всѣ три господина пили шампанское, сидя по сторонамъ Ильи Ильича.

По французски Илья Ильичъ мало что зналъ, но отдѣльныя слова, которыя ему приходилось слышать при столкновеніяхъ съ женщинами-француженками и въ шансонеткахъ, онъ запомнилъ и потому, когда уже въ извѣстномъ градусѣ онъ почувствовалъ нѣкоторую тоску по женскому обществу, то подозвавъ метръ д'отеля рѣшительно произнесъ: „кокотъ,

Digitized by Google

фамъ". этого было довольно, его поняли, общество сразу увеличилось.

Интеллигентъ противъ своего обыкновенія слегка на веселѣ возмущался вслухъ: „Что за жизнь? Что за время препровожденіе? Вино и женщины, когда, если можно такъ выразиться, находишься въ такой тропической обстановкѣ.

Илья Ильичъ походилъ, какъ нельзя болѣе, на грѣющагося на солнцѣ кота, отдѣльныя басовыя ноты, слетавшія съ его губъ, мало чѣмъ отличались отъ мурлыканья.

Остальная компанія вела себя не столь прилично, сколь свободно. Часть публики изъ-за сосѣднихъ столиковъ ушла, шокируемая непристойнымъ поведеніемъ, другая, болѣе малочисленная наблюдала не то съ завистью, не то съ любопытствомъ.

Такъ началъ свой первый день въ Ниццѣ Илья Ильичъ.

Часовъ около четырехъ по полудни вся компанія поднялась и направилась къ выходу. Илья Ильичъ желалъ непремѣнно троекъ и тащилъ всѣхъ въ Стрѣльну, упустивъ совершенно изъ виду, что онъ не въ Москвѣ. Съ чувствомъ нѣкотораго неудовольствія по причинѣ полнаго отсутствія троекъ и отъ души поругивая подлыхъ французишекъ за подобное упущеніе, влезъ Илья Ильичъ въ ландо и занялъ собственной персоной все заднее сидѣнье экипажа. Всѣ спутники его размѣстились, кто въ кабріолетѣ, кто на извощикахъ и всѣ тронулись за городъ. Убаюкиваемый мѣрнымъ покачиваніемъ экипажа, Илья Ильичъ дремалъ и невозмутимо выносилъ всевозможныя выходки сопровождавшихъ дамъ.

Очнулся онъ только тогда, когда, около семи часовъ вечера, экипажъ его остановился у входа въ London House.

Между шассерами, лакеями и метръ д'отелями произошло нѣкоторое замѣшательство при появленіи столь многочисленной компаніи; первымъ движеніемъ ихъ было даже противостоять грудью столь грозному и разношерстному нашествію. — Но стоило Ильѣ Ильичу своимъ обыкновеннымъ голосомъ гаркнуть „шампанскаго двѣ дюжины", какъ положеніе сторонъ сразу измѣнилось, метръ д'отели кланялись, лакеи суетились, шассеры метались. Илья Ильичъ былъ учтиво взятъ подъ руки, кто то подталкивалъ его сзади и незамѣтно онъ очутился въ отдѣльномъ кабинетѣ на мягкомъ диванѣ; спутники его размѣстились кто-гдѣ. — Одна изъ дамъ обнимала Илью Ильича за шею, другая сидѣла у него на колѣняхъ. Шампанское было принесено, Илья Ильичъ пилъ во всю и обнималъ своихъ дамъ, метръ д'отель стоялъ передъ нимъ въ самой приниженной позѣ и заказывалъ самъ себѣ тонкій обѣдъ изъ самыхъ дорогихъ блюдъ, считая механическія киванья головой Ильи Ильича за знаки согласія.

Интеллигентъ ругался вслухъ, обзывая своего принципала обжорой и другими еще менѣе лестными прозвищами и тянулъ шампанское. Студентъ предлагалъ обратить деньги въ пользу голодающихъ и убѣждалъ въ этомъ сидѣвшую у него на ко-

Digitized by Google

лѣняхъ даму, ни слова не понимавшую по русски, съ искренностью человѣка на все готоваго. Остальная компанія была въ различныхъ положеніяхъ и на различныхъ градусахъ. Такъ провелъ Илья Ильичъ свой первый вечеръ.

На слѣдующее утро онъ диктовалъ телеграмму въ Москву своему пріятелю Аристарху Панфнутьичу. Илья Ильичъ сидѣлъ въ ночной рубашкѣ у стола, на которомъ стояло нѣсколько сифоновъ съ сельтерской водой, въ комнатѣ былъ полный безпорядокъ—смѣшеніе вещей мужскаго и дамскаго туалета. Интеллигентъ съ суровымъ выраженіемъ лица и повязанной мокрымъ полотенцемъ головой сидѣлъ у стола и приготовлялся писать, изъ сосѣдней комнаты изрѣдка доносились женскіе голоса.

Илья Ильичъ диктовалъ: „Аристархъ, дуля тебѣ подъ носъ—вотъ что".

— Такую телеграмму писать нельзя,—завизжалъ интеллигентъ, не примутъ.

— Разсказывай, они тутъ по русски не понимаютъ, катай дальше—сижу въ Ниццѣ, пью русскую водку, ѣмъ и...—здѣсь Илья Ильичъ пустилъ такое словечко, что интеллигентъ швырнулъ перо въ сторону, вскочилъ и закричалъ:

— Это ужъ, какъ угодно, обращайтесь куда желаете, а я не могу, понимаете ли, не могу писать такихъ вещей, такой-съ ерунды-съ.

Илья Ильичъ поднялъ на него глаза, открылъ ихъ, закрылъ и вымолвилъ:

— Эка-ты, братъ, штука. Ну, не хошь не пиши—твое дѣло. А что закладъ-то нашъ обязательно значь, да сообщи, что водку пили, блины ѣли и что самая эта Ницца намъ премного нравится по всякой части, а также и насчетъ женскаго пола... да.

Интеллегентъ нервными шагами ходилъ взадъ и впередъ и ворчалъ себѣ подъ носъ:—и свяжетъ же судьба съ такимъ идіотомъ, пью и ѣмъ, ѣмъ и пью и ничего больше.

— Ну, пиши, что-ль, мокрая,—заворчалъ Илья Ильичъ,—чего расхорохорился, самъ-то большая что-ль птица.

— Необразованный вы—вотъ что, не понимаете, какъ съ людьми говорить, „неделикатны", вдругъ завизжалъ интеллигентъ,—достоинство человѣческое унижаете, вы... вы... мужикъ.

— Купецъ, добродушно поправилъ его Илья Ильичъ,—а насчетъ достоинства не разсуждай, ты—что. Вотъ кичишься образованность, а въ карманѣ—шишъ—дѣлать-то ничего не умѣешь, развѣ языкомъ болтать. А я—что—мужикъ, говоришь, такъ чтожъ, а въ карманѣ тыщи и все, братъ, самъ сдѣлалъ, все самъ; отъ отца ни гроша, ни копѣечки не имѣлъ... да.

Интеллигентъ не слушалъ, онъ присѣлъ къ столу, написалъ телеграмму по французски и протянулъ ее Ильѣ Ильичу, тотъ взялъ ее, посмотрѣлъ, повертѣлъ и съ удивленіемъ взглянулъ на своего спутника.

Digitized by Google

— Здѣсь по русски писать нельзя, не принимаютъ,—сказалъ интеллигентъ.

Илья Ильичъ поводилъ губами, покачалъ головой и произнесъ:—а какъ же Аристархъ Панфнутьичъ ее тамъ разберетъ, онъ-то, по французски, я чай, не гораздъ.

— Что-жъ переведутъ, иначе нельзя,—рѣшительно произнесъ интеллигентъ и Илья Ильичъ покорился.

Такимъ образомъ нѣсколько дней провелъ Илья Ильичъ въ Ниццѣ; но скоро стало ему не въ моготу и потянуло домой, да съ такой силой, что даже тоска взяла и пить отказался. Дорога назадъ показалась ему долгой, ничто не развлекало; все время онъ охалъ, вздыхалъ и ворчалъ; въ вагонъ-ресторанъ почти не заходилъ.

За то ужъ подъѣзжая къ Москвѣ, такая радость его охватила, что всѣхъ перецѣловалъ бы.

На вокзалѣ Илью Ильича встрѣчали пріятели и ужъ обнимался и цѣловался онъ съ ними, какъ никогда въ жизни, даже съ Аристархомъ Панфнутьичемъ и съ тѣмъ примирился. Не выдержалъ только и вымолвилъ:—Ну и подвелъ же ты меня, сударь мой, прокатилъ, что называется.

Съ вокзала поѣхали прямо къ Тѣстову, поздравляли съ благополучнымъ возвращеніемъ, пили за здоровье Ильи Ильича, разспрашивали. Однимъ словомъ Илья Ильичъ былъ героемъ дня. Степенно и послѣдовательно съ передышками разсказалъ онъ пріятелямъ про сосну и про пальму. Затѣмъ перешелъ къ напиткамъ и пищѣ и сдѣлалъ даже слѣдующее разсужденіе:—велика, молъ, сила народная, коли водка русская родимая по всему свѣту разошлась, вспомнилъ о блинахъ и икрѣ и облизнулся, когда же разговоръ перешелъ на женщинъ то Илья Ильичъ только руками разводилъ, глаза то закрывалъ, то открывалъ. Когда же онъ наконецъ собрался съ духомъ и сообщилъ обо всемъ и о сущности, то зависти пріятелей не было предѣловъ и у многихъ явилось даже желаніе прокатиться пообѣдать въ Ниццу. Больше никакихъ достопримѣчательностей Илья Ильичъ не замѣтилъ и закончилъ свой разсказъ тѣмъ, что объявилъ, что за недостаткомъ времени осмотрѣться не успѣлъ, но кажется ему, однако, что все въ эфтомъ Ниццѣ какъ у насъ, развѣ что троекъ нѣтъ, половые иначе одѣты и горъ, какъ будто бы, побольше.

Въ заключенье Илья Ильичъ поблагодарилъ Аристарха Панфнутьича за доставленное ему развлеченіе, которое стоило ему только то, что онъ выигралъ отъ своего противника и сказалъ:—Вотъ и въ Ниццѣ побывать сподобился, свѣту Божьяго повидать, иностранца посмотрѣть, всякой штучки попробовать и все твоей милости ради, Арастархъ Панфнутьичъ, спасибо тебѣ, сударь мой и за денежки твои, что мнѣ прозакладывалъ.

В. Даринъ.

Digitized by Google

СОЧУВСТВІЕ.

Санины довольно крупные помѣщики. Семейство Саниныхъ не многочисленное — мужъ, жена двое сыновей въ возрастѣ до десяти лѣтъ и шестимѣсячная дочь. Санины, по отзывамъ всѣхъ сосѣдей, — люди гостепріимнее и радушнѣйшіе, когда ни пожалуешь — вечеромъ, утромъ, ночью — голоднымъ не уѣдешь. Марья Петровна симпатичнѣйшая женщина, въ мѣру высокая и полная; кромѣ своего хозяйства и воспитанія дѣтей, занятая мѣстною благотворительностью, помощью неимущимъ и страждущимъ, она—любитель, диллетантъ, докторъ и аптекарь. Семенъ Ивановичъ Санинъ—добрѣйшей души человѣкъ, весь на распашку, высокъ, полонъ, въ мѣру безтолковъ; хозяйство, однако, любитъ, кое-какъ его ведетъ, охотникъ-же и коннозаводчикъ страстный. Сыновья Саниныхъ—Сеня и Вася —мальчики славные, достаточно откормленные и не вполнѣ непослушные. Шестимѣсячная ихъ дочь—появленіе которой во всемъ домѣ чаяли, что манны небесной и чего чего только не продѣлывали, чтобы заполучить ее—и доктора, и молебны, и монастыри—существо безсловесное, но очень крикливое.

У Саниныхъ большое несчастіе. Шестимѣсячная ихъ дочь послѣ тяжелой, но краткой болѣзни скончалась несмотря на старанія нѣсколькихъ докторовъ, кои всѣми силами своихъ знаній и практики препятствовали столь роковой развязкѣ. Марья Ивановна даже плакать не можетъ, ходитъ, словно тѣнь, кругомъ ничего не видитъ. Семенъ Ивановичъ отъ горя стонетъ точно раненый звѣрь; мальчишки притихли, по угламъ сидятъ, да плачутъ.

Въ деревнѣ дѣло извѣстное,—умеръ кто въ усадьбѣ—все село сейчасъ знаетъ, а не пройдетъ и полчаса, какъ и по всему округу новость разнесется, всякому узнать интересно, какъ и почему и отчего; своихъ новостей мало, поневолѣ чужими интересуешься.

Несчастіе это случилось у Саниныхъ около шести часовъ утра, а потому неудивительно, что около десяти по аллеѣ, ведущей къ усадьбѣ, раздался стукъ колесъ и звонъ колокольчика, не прошло и пяти минутъ, какъ у подъѣзда Санинскаго дома остановилась коляска четверкой. Изъ экипажа вышла небольшая, круглая, съ небольшой-же, на короткой шеѣ, головкой дама—княгиня Кучкова, ближайшая сосѣдка всего въ верстахъ пяти. Изъ дверей дома выскочилъ лакей, бросился было къ княгинѣ, затѣмъ къ экипажу, метнулся направо, на лѣво и, наконецъ, остановился съ выраженіемъ полнаго тупоумія на своемъ и безъ того уже не умномъ лицѣ. Княгиня подняла и опустила вѣки на глазахъ—это ея любимая привычка и промолвила: Баринъ дома?

—Дома-съ, только-съ у насъ..... началъ было лакей.

Digitized by Google

— Знаю, перебила княгиня, доложи и она вошла въ переднюю.

На встрѣчу къ ней выбѣжалъ самъ Санинъ, ему очень хотѣлось придать своему лицу любезное выраженіе, и онъ старался сложить губы въ привѣтливую улыбку, но вмѣсто того выходила гримаса самаго не подходящаго значенія.

— Ah, mon cher. mon pauvre Семенъ Ивановичъ, запѣла княгиня своимъ груднымъ голосомъ съ чисто-русскимъ чуть-чуть на „о" выговоромъ, „какое несчастіе, какой ребенокъ и вдругъ, только что узнала, мнѣ Даша горничная моя, знаете ее, сказала, а ей ключникъ Архипъ, а Архипушкѣ—кучеръ Василій.... дда.... а онъ какъ узналъ — не знаю. Этакое горе.... и такъ... и княгиня прижимала къ плечу голову прикладывавшагося ей къ ручкѣ Санина и цѣловала его въ лобъ

— Oh, мой Богъ, quel malheur. —

— Милости просимъ, княгиня, въ гостиную, приглашалъ Санинъ.

У крыльца снова раздался стукъ подъѣхавшаго экипажа и донесся громовой голосъ одного изъ сосѣдей—Добрушкина Петра Петровича.

— А, княгиня. уже здѣсь, всегда раньше всѣхъ, что баринъ допрашивалъ онъ лакея, отвѣтовъ котораго слышно не было. Ага, того, значитъ улетѣла пташечка... ндда, братъ, всякое дѣло бываетъ..... и младъ и старъ и средняго вѣка человѣкъ смерти подверженъ.

— Только что узнала, ужъ раньше не могла, говорила между тѣмъ усаживаясь княгиня, какъ, думаю, такое несчастіе chez mon cher Семенъ Ивановичъ, ну и приказала заложить.

Въ дверяхъ гостиной появилась громадная фигура Добрушкина.

— Родной, ты мой, Семенъ Ивановичъ, вопіялъ онъ вотъ не гадалъ, не предполагалъ такъ скоро увидѣться и по такому, должно сказать, несчастному и прискорбному случаю. Сочувствую, глубоко сочувствую, хотя самъ и не отецъ. А, княгинюшка, и вы здѣсь, вотъ, можно выразиться, препріятнѣйшая и неожиданнѣйшая встрѣча, никакъ не ожидалъ.

И Петръ Петровичъ обнималъ Санина и цѣловалъ ручку княгини. Только что господинъ Добрушкинъ намѣревался сѣсть, какъ въ дверяхъ показался мѣстный священникъ, плотный человѣкъ средняго роста съ весьма благообразнымъ лицомъ и весьма обильною роскошною шевелюрою и бородой. Движенья его были разсчитаны и плавны, голосъ звучалъ отчетливо и ясно.

— Узнавъ,—началъ онъ въ дверяхъ—о посылаемомъ вамъ и супругѣ вашей и семьѣ вашей Всемогущимъ Богомъ великомъ испытаніи о смерти возлюбленной дщери вашей Анны, пришелъ выразить вамъ и всѣмъ вашимъ мое глубокое сочув-

Digitized by Google

ствіе и горе по сему скорбному событію, которое, яко отецъ самъ и пастырь сугубо понимаю.

Священникъ крѣпко пожалъ руку Санину, поздоровался съ княгиней и Добрушинымъ и спросилъ:—а что же супруга ваша, можетъ быть она нуждается въ пастырскомъ утѣшеніи. Да не печалится мать, а возрадуется, ибо Всеблагій знаетъ, что творитъ.

— Садитесь, батюшка,—перебилъ его Санинъ,—жена сейчасъ выйдетъ, она ужасно убита.

— И такъ это понятно и иначе быть не можетъ,—вставила княгиня,—Марія Петровна c'est une sainte femme—и она подняла и опустила вѣки.

— Примѣрная, можно сказать, женщина, мать, хозяйка—прогремѣлъ Добрушкинъ.

— Добрѣйшая особа, благотворительница,—подтвердилъ священникъ.

Опять раздался стукъ подъѣхавшаго экипажа и чрезъ нѣсколько минутъ въ гостиной появились Надежда Степановна Головкова съ супругомъ Александромъ Васильевичемъ.

— Только что узнала и сейчасъ же къ вамъ; помилуйте, а я то думала моему Сашенькѣ невѣста,—кудахтала она, устремляясь къ Санину.—Горе-то какое, несчастіе,—продолжала она, разводя руками

— Горе-то, несчастіе,—подтвердилъ супругъ.

— Дѣвочка такая была чудная, красавица, не унималась Надежда Петровна.

— Красавица была покойница,—считалъ долгомъ подтвердить супругъ.

Прошло еще нѣсколько времени и гостиная была переполнена народомъ; были здѣсь почти всѣ ближайшіе сосѣди, принимать которыхъ такъ любили въ обыкновенное время Санины.

Бекетовъ, молодой человѣкъ, только что окончившій одно изъ привиллегированныхъ высшихъ заведеній, одѣтый, какъ картинка, пріѣхавшій послѣ выпуска отдохнуть къ себѣ въ имѣніе; онъ и самъ хорошенько не понималъ, какимъ образомъ онъ вдругъ, узнавъ о случившемся, приказалъ заложить экипажъ и очутился у Саниныхъ, должно-быть какъ и остальные онъ подчинился тому же деревенскому настроенію, ѣхать поскорѣе, узнать что и какъ, посмотрѣть, посочувствовать.—Найдя здѣсь столь многочисленное общество, онъ обозвалъ мысленно всѣхъ собравшихся,—провинціалами, ослами, не понимающими чужаго горя и собирался какъ нибудь ретироваться, какъ вдругъ появились Вассацкіе мать и дочь, очень хорошенькая дѣвушка, къ которой у Бекетова было нѣсколько особенное отношеніе и онъ остался.

Были здѣсь уѣздный исправникъ Прытковъ, по дѣламъ службы бывшій невдалекѣ и совершенно случайно узнавшій о таковомъ роковомъ ударѣ судьбы; еще изъ мелкопомѣстныхъ постоянныхъ соохотниковъ и соярмарочниковъ Санина, Быстрю-

Digitized by Google

ковъ, славный малый и пьяница, Синеглазкинъ, барышникъ въ душѣ и ловкій человѣкъ и Дѣдуховъ, изъ раззорившихся, когда то очень богатыхъ помѣщиковъ — фантазеръ и резонеръ.—Всѣ они сочли своею священною обязанностію и долгомъ засвидѣтельствовать, какъ выразился за всѣхъ троихъ Дѣдуховъ, ихъ искреннее сочувствіе и соболѣзнованіе по столь непредвидѣнно и неожиданно понесенной незамѣнимой утратѣ и пожелать достойнѣйшему Семену Ивановичу утѣшенія возможно скоро и не горевать ужъ чрезмѣрно, ибо ничего такого нѣтъ, что не замѣняется и весьма возможно, что Господу Богу будетъ благоугодно наградить его въ будущемъ не только одною, но и двумя дочерьми.

Санинъ всѣхъ ихъ терпѣливо, выслушивалъ благодарилъ за участіе, временами отворачивался, чтобы скрыть набѣгавшую на глаза слезу, старался быть любезнымъ и привѣтливымъ.

Наконецъ въ дверяхъ показалась Марія Петровна, всѣ бросились къ ней,—Ma chère, mon enfant, говорила обнимая ее княгиня, мужайтесь, имѣйте терпѣніе.

— У васъ еще два мальчика, они утѣшатъ васъ,—шептала ей Вассацкая.

— А я-то думала, надѣялась, дѣвочка ваша, чудная такая,—лепетала Головкова.

— Пріимите со смиреніемъ испытаніе, посылаемое вамъ Господомъ Богомъ и не взропщите,—произнесъ священникъ.

— Марья Петровна, мать моя,—гремѣлъ Добрушкинъ,— не убивайтесь, себя пожалѣйте.

Бекетовъ переминался съ ноги на ногу и не находилъ ничего подходящаго, дабы вставить и свое слово.

Исправникъ потиралъ руки и бормоталъ про себя:—позвольте и мнѣ, и мнѣ принести...

Быстрюковъ рыдалъ, какъ ребенокъ. Синеглазкинъ съ самымъ мрачнымъ выраженіемъ лица стоялъ въ углу и глухимъ голосомъ произносилъ вслухъ, но для себя:—царствіе ей небесное, со святыми упокой...

Дѣдуховъ, на котораго никто не обращалъ вниманія шепталъ себѣ подъ носъ рѣчь, которую онъ собирался произнести на могилѣ новопредставленной Анны, дочери высокочтимыхъ Маріи Петровны и Семена Ивановича.

Марія Петровна сперва кое-какъ держалась, но потомъ разрыдалась чуть ли не до истерики; дамы подхватили ее подъ руки и увели въ сосѣднюю комнату, откуда-то явился докторъ, гдѣ-то скрывавшійся первое время послѣ роковой развязки. Марью Петровну уложили, чѣмъ-то отпаивали, около нея хлопотали.

Хозяинъ ушелъ распорядиться закуской и обѣдомъ.

Мужчины остались одни и у всѣхъ будто гора съ плечъ свалилась.

— Тяжело бываетъ на чужое горе смотрѣть,—вырвалось у Добрушкина.

Digitized by Google

— Не легко-съ,—съ улыбкой подтвердилъ исправникъ.

— Да-съ,—произнесъ Головковъ.

— Ежели оно выражается такъ искренно и глубоко, какъ у высокочтимаго Семена Ивановича и добрѣйшей Марьи Петровны,—замѣтилъ священникъ.

Быстрюковъ только вздохнулъ, Синеглазкинъ еще разъ громогласно произнесъ—царствіе ей небесное.

Дѣдуховъ началъ было свою рѣчь и приложивъ руку къ груди и отставивъ одну ногу слегка впередъ сказалъ:—Милостивые Государи.... но Добрушкинъ не далъ ему кончить:—Заткнись, анаѳема,—прогремѣлъ онъ.

Разговоръ скоро перешелъ на предметы посторонніе. Добрушкинъ подтрунивалъ надъ Головковымъ, называя его жениной юбкой, башмакомъ; Бекетовъ у окна мечталъ о чемъ-то; исправникъ, Быстрюковъ и Синеглазкинъ препирались на счетъ достоинствъ какого-то рыжаго жеребца „Амулета", священникъ и Дѣдуховъ разсуждали на тему безсмертія души и загробной жизни.

Около трехъ часовъ по-полудни все общество перешло въ столовую; изъ чувства ли гостепріимства или просто по привычкѣ, Семенъ Ивановичъ рѣшительно никого не отпустилъ уѣхать, не отвѣдавъ его хлѣба-соли.—Нѣсколько развлеченная разнообразными хозяйскими хлопотами, Марья Петровна явилась къ обѣду уже почти успокоенной. Самъ же Санинъ, хотя и смотрѣлъ по сторонамъ угрюмо, но послѣ второй рюмку водки глядѣлъ на вещи менѣе мрачно и временами даже вмѣшивался въ общій разговоръ.

Княгиня, сидѣвшая по правую руку отъ Марьи Петровны съ удовольствіемъ отвѣдывала подаваемаго блюда и нѣтъ-нѣтъ, то опускала, то подымала вѣки. Она любила покушать и каждое ѣденіе, по какому бы поводу и въ какой бы обстановкѣ ни происходило, доставляло ей не малое удовольствіе.—Въ періодъ между блюдами княгиня наклонялась въ сторону хозяйки и, мѣшая французскую рѣчь съ русской, говорила:—Ah, un bon cuisinier или что нибудь въ этомъ родѣ и потомъ какъ будто спохватившись—mais mangez donc, нельзя же такъ, ничего не кушать. Ну, горе-горемъ, и такъ сказать, c'est vrai, но у васъ же еще есть дѣти, мужъ, вы должны сохранять себя для нихъ. Ваша дѣвочка.... elle est maintenant près du trône du Grand Dieu.

— Она смотритъ теперь на васъ и радуется, замѣчала Васацкая—вообразите—мечтательно прибавляла она,—vorte fille elle est maintenant un petit ange, съ бѣлыми крылышками, съ длинными свѣтлыми волосами. Oh. elle est si belle.

Головкова тоже спѣшила сказать что-нибудь:—О, это былъ такой чудный ребенокъ, выкрикивала она,—такой послушный, увѣряю васъ, я не встрѣчала ничего подобнаго.

— Я не встрѣчалъ ничего подобнаго, съ другого конца стола подтверждалъ супругъ.

Digitized by Google

— Ахъ, ты, тетушкина туфля, шепотомъ на весь столъ басилъ Добруткинъ.

Бекетовъ сидѣлъ рядомъ съ барышней Васацкой и горячо говорилъ:—Поставьте себя на мѣсто несчастной матери, представьте, вѣдь и у насъ могутъ быть дѣти, вѣдь, можетъ быть, и вамъ суждено потерять одного изъ нихъ.

— Ахъ, что вы говорите, оставьте, перебила его дѣвушка,—говорите о чемъ-нибудь другомъ. Вы скоро думаете уѣзжать изъ деревни.

— Сочувствую ли я? вопрошалъ священника Дѣдуховъ,—понимаю ли? представляю ли я себѣ?

— Сочувствуете ли и понимаете ли, переспрашивалъ батюшка,—полагаю, что да.

— У него-съ, если вамъ угодно знать, не спорьте со мной, горячился Синеглазкинъ,—я его какъ свои пять пальцевъ знаю, у него-съ подсѣды, да-съ... вотъ-что...

— У него, у „Амулета" подсѣды, вышелъ изъ себя исправникъ,—да вы, да вы, милостивый государь, послѣ этого сумасшедшій фанфаронъ-съ.

— Я ему всегда это говорилъ—фанфаронъ, подтвердилъ Быстрюковъ,—выпьемте, господа, красненькаго по стаканчику.

Изъ всѣхъ присутствовавшихъ болѣе или менѣе молчаливыми были только сами хозяева. Семенъ Ивановичъ сдѣлалъ развѣ одно-два замѣчанія насчетъ Амулета, справился о цѣнахъ и урожаѣ у Головкова и временами предлагалъ гостямъ выкушать или выпить чего-нибудь, да Марья Петровна просила княгиню или Вассацкую положить на тарелочки то одного, то другого. Обѣдъ медленно, но все-таки подходилъ къ концу, разговоръ перешелъ на вещи совсѣмъ постороннія. Наконецъ, встали изъ-за стола и почти сейчасъ же гости начали прощаться.

— Очень мнѣ пріятно, говорилъ, откланиваясь, исправникъ,—что непредвидѣнный случай далъ мнѣ возможность засвидѣтельствовать вамъ, хотя и по столь непріятному обстоятельству, мою преданность и сочувствіе.

Быстрюковъ и Синеглазкинъ тоже прощались: — Ужъ вы сообщите, когда похороны, мы пріѣдемъ, всенепремѣнно пріѣдемъ, нельзя-съ иначе.

Дѣдуховъ предлагалъ священнику заставить хоръ разучить вѣчную память на какой-то другой весьма тоскливый, скорбный мотивъ, котораго безъ слезъ ни одинъ человѣкъ слышать не можетъ.

Священникъ справлялся о времени панихидъ и говорилъ, что все устроитъ самъ, чтобы высокоуважаемый Семенъ Ивановичъ не безпокоился.

Вассацкая и Бекетовъ уѣхали вмѣстѣ, прося Марью Ивановну еще разъ вѣрить въ искренность ихъ чувствъ и считать ихъ между лучшими друзьями.

Головковы прощались дольше всѣхъ, но въ концѣ концовъ тоже уѣхали.

Кучеръ княгини какимъ-то образомъ оказался пьянымъ настолько, что былъ не въ состояніи запречь лошадей и по-

Digitized by Google

дать экипажъ, въ чемъ, однако, княгиня увидѣла только указанія судьбы и сказала:—И сама-то я и такъ хотѣла остаться у васъ, а тутъ оказія эта, судьба, значитъ, указываетъ, вотъ и хорошо. Я съ вами поживу.

Добрушкинъ крѣпко обнялъ Санина, слова не сказалъ и уѣхалъ.

Когда всѣ уѣхали и въ гостиной остались хозяева и княгиня, то она тихо молвила: — C'est vrai, это большое горе. Mais такое сочувствіе очень утѣшительно. Je vois qu'on vous aime—и она подняла и опустила вѣки нѣсколько разъ подъ рядъ.

В. Даринъ.

Digitized by Google

Женское образованіе въ Россіи *).

I.

Исторію женскаго образованія въ Россіи слѣдовало бы начать съ царствованія Екатерины II. О состояніи просвѣщенія въ допетровской Руси вообще существуютъ два мнѣнія: одни считаютъ существованіе школъ до Петра рѣдкимъ исключеніемъ, другіе, наоборотъ, покрываютъ всю Московскую Русь цѣлой сѣтью церковно-приходскихъ училищъ. Одни признаютъ древнюю Россію чуть ли не поголовно безграмотной, другіе готовы считать распространеніе грамотности обязательнымъ и повсемѣстнымъ. По мнѣнію однихъ, вся наука нашихъ предковъ ограничивалась часословомъ и псалтиремъ, между тѣмъ какъ, по мнѣнію другихъ, на Руси преподавалась вся средневѣковая энциклопедія свободныхъ знаній. Весь контекстъ явленій русской культуры заставляетъ, однако, скорѣе присоединиться къ первому взгляду. Просвѣщеніе въ Московской Руси никогда не достигало той всеобъемлющей широты, которая свойственна была схоластической наукѣ Западной Европы съ ея septem artes liberales. Оно обычно не заходило за предѣлы грамотности и начитанности въ божественныхъ книгахъ. Въ этихъ же предѣлахъ оно было доступно не только мужчинамъ, но и женщинамъ. Разсадниками грамотности служили, разумѣется, монастыри. О существованіи среди монахинь женщинъ высокообразованныхъ можно встрѣтить многочисленныя указанія въ «Житіяхъ святыхъ» и въ «Степенной книгѣ». Авторъ житія Ефросиніи Суздальской, дочери черниговскаго князя Михаила Всеволодовича, основавшей въ началѣ XIII в. въ Суздалѣ женское училище, приписываетъ ей даже знаніе «аѳинской премудрости»: «аще и не въ Аѳинѣхъ учися блаженная, но аѳинѣйски премудрости изучи: философію же и риторію, и всю грамматикію, числа и круговъ обхожденія, и вся премудрости». Конечно, женщины съ такими познаніями являлись исключеніями, и притомъ большая часть ихъ относится къ женщинамъ высокаго происхожденія—княжнамъ и княгинямъ.

---

*) *Е. . Лихачева.* Матерьялы для исторіи женскаго образованія въ Россіи. 4 т. 1890—1901.

Digitized by Google

При Петрѣ русское просвѣщеніе пошло по новому руслу, утративъ свой прежній исключительно религіозный характеръ и пересадивъ къ намъ западно-европейскую школу. Однако, практическая цѣль, съ какою Петръ заводилъ училища,—именно создать для государственныхъ потребностей разнообразныхъ техниковъ и чиновниковъ, не давала ему времени подумать о женскомъ образованіи.

Даже и то обстоятельство, что послѣ Петра на престолѣ почти непрерывно были женщины, сердцу которыхъ дѣло это, казалось, должно было быть близкимъ, не измѣняло положенія. Лишь съ того момента, когда Екатерина II, по выраженію поэта, «на ветхія тогда ступени трона ступила безтрепетной ногой», дѣлу женскаго образованія данъ былъ сильный толчекъ. Будучи сама воспитана въ направленіи философіи XVIII в., придававшей главное значеніе развитію ума и беззавѣтно вѣрившей въ его могущество, Екатерина II не могла, конечно, не обратить вниманія на то, что въ ея новомъ отечествѣ образованіе женской половины ея подданныхъ находится въ полномъ пренебреженіи. Еще будучи великой княгиней, она мечтала о созданіи въ Россіи учрежденія, подобнаго Сенъ-Сиру, основанному г-жей Мэнтенонъ въ 1686 г. По вступленіи на престолъ Екатерина не замедлила привести свою идею въ исполненіе. 5-го мая 1764 г. былъ объявленъ именной указъ «о воспитаніи благородныхъ дѣвицъ въ С.-Петербургѣ при Воскресенскомъ монастырѣ». Къ указу были приложены уставъ и штатъ «Воспитательнаго общества благородныхъ дѣвицъ». Въ основаніи устава лежало составленное И. И. Бецкимъ «Генеральное учрежденіе о воспитаніи обоего пола юношества», конфирмованное императрицей 12-го марта 1764 г. Идея Бецкаго заключалась въ томъ, чтобы путемъ воспитанія въ закрытыхъ учебныхъ заведеніяхъ «создать новую породу отцовъ и матерей».

Съ учрежденія «Воспитательнаго общества благородныхъ дѣвицъ» начинается активная дѣятельность правительства на пользу женскаго образованія. Долгое время правительству пришлось дѣйствовать совершенно одиноко. Учрежденіе общественнаго учебнаго заведенія для знатныхъ дѣвушекъ не встрѣтило, особенно вначалѣ, сочувствія, а вызвало скорѣе изумленіе. «Можно съ увѣренностью сказать, говоритъ въ объясненіе этого обстоятельства г-жа Лихачева, что при учрежденіи общества кромѣ императрицы и Бецкаго, едва ли нашелся бы еще десятокъ лицъ во всей Россіи, которыя понимали бы цѣль, съ которою оно основывается, и еще менѣе такихъ, которыя сочувствовали бы этой цѣли». Желающихъ отдавать своихъ дѣтей въ новое учебное заведеніе оказывалось мало, да и тѣ, повидимому, привлекались сюда даровымъ содержаніемъ. Въ наказахъ, привезенныхъ съ собой депутатами Екатерининской комиссіи 1767 г. для сочиненія проекта новаго уложенія, въ которыхъ, вообще говоря, съ достаточной полнотой выразились стремленія и желанія тогдашняго общества, почти не встрѣчается указаній на необходимость учрежденія женскихъ учебныхъ заведеній. Только въ трехъ наказахъ отъ шляхетства Малороссійской губерніи высказана мысль, что «и женскій полъ имѣетъ необходимую нужду въ воспитаніи», вслѣдствіе чего шляхетство проситъ императрицу

Digitized by Google

«устроить на казенный счетъ, гдѣ покажется за благо, особливый домъ воспитанія, къ которому присовокупить ученіе всего имъ надобнаго и полезнаго». А въ наказѣ, данномъ Малороссійской коллегіей депутату Натальину, признается нужнымъ «для воспитанія и ученія обоего пола благородныхъ, и для такого же обоего пола сирыхъ, обратить по одному монастырю мужскому и дѣвичьему». Указаніе на монастыри, какъ на наиболѣе пригодныя для обученія и воспитанія учрежденія, свидѣтельствуетъ о наличности прежней точки зрѣнія, объединявшей воспитаніе и обученіе съ призрѣніемъ, какъ богоугоднымъ, благотворительнымъ дѣломъ.

Несмотря на индифферентизмъ общества, правительство не оставляло дѣла женскаго образованія. Екатерина II достигла въ этомъ отношеніи значительныхъ результатовъ. Образованіе при ней распространялось не только въ высшемъ сословіи, но и среди мѣщанъ. При ея вступленіи на престолъ въ Россіи не было ни одного женскаго учебнаго заведенія, кромѣ нѣсколькихъ плохихъ частныхъ пансіоновъ; въ годъ ея смерти, кромѣ воспитательнаго общества для 200 благородныхъ дѣвицъ и при немъ училища для 240 мѣщанскихъ дѣвушекъ, насчитывалось еще 1121 учащихся дѣвочекъ въ народныхъ училищахъ разныхъ губерній. За все же время существованія при ней народныхъ училищъ, всѣхъ учившихся въ нихъ дѣвочекъ показано за всѣ года 12.595. Дѣло, начатое Екатериной II, попало послѣ ея смерти въ хорошія руки. Екатерина скончалась 6-го ноября 1796 г., а уже 12-го ноября послѣдовало повелѣніе императора Павла императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ начальствовать надъ воспитательнымъ обществомъ благородныхъ дѣвицъ.

Своею дѣятельностью въ этомъ направленіи, Марія Ѳеодоровна, по справедливому замѣчанію біографа ея, Е. С. Шумигорскаго, вписала свое имя крупными чертами въ исторію русскаго просвѣщенія. Современники императрицы видѣли въ ней администратора и выдающагося государственнаго человѣка. Карамзинъ выражалъ мнѣніе, что Марія Ѳеодоровна была бы лучшимъ министромъ просвѣщенія въ Россіи. Плетневъ называлъ ее министромъ благотворительности *). Иначе относилась къ ней свекровь ея, Екатерина II. «Будь у меня десять внучекъ, писала она Гримму, я бы назвала ихъ всѣхъ именемъ святой Дѣвы Маріи; тогда, по моему, онѣ держались бы прямо, заботились бы о своей тальѣ и цвѣтѣ лица, ѣли бы за четверыхъ и, наконецъ, достигли бы того, что вездѣ, гдѣ бы онѣ ни жили, ихъ называли бы превосходными гражданками». Дѣйствительно, разница въ характерахъ и въ самомъ направленіи ума между Екатериной и ея невѣсткой была слишкомъ сильна, чтобы онѣ могли сойтись и понять другъ друга. Въ дѣлѣ женскаго образованія главное вниманіе Екатерины было обращено на развитіе ума воспитанницъ, для чего особенно рекомендовала она «приваживать ихъ къ чтенію книгъ, которое образуетъ вкусъ, сердце и умъ». При Маріи Ѳеодоровнѣ, напротивъ, центръ тяжести перемѣстился

*) *Е. С. Шумигорскій*. „Императрица Марія Ѳеодоровна". Спб., 1892 г., т. I, стр. VI.

Digitized by Google

въ сторону воспитанія семейныхъ добродѣтелей. Марія Ѳеодоровна, повидимому, вполнѣ усвоила относительно женскаго образованія взгляды своей матери, принцессы Доротеи, прекрасно выраженные въ одномъ коротенькомъ стихотвореніи, занесенномъ въ дневникъ этой принцессы подъ заглавіемъ «Philosophie de femmes»:

«Il n'est pas honnête et pour beaucoup de causes
Qu'une femme étudie et sache tant de choses
Former aux bonnes moeurs l'esprit de ses enfants,
Faire aller son menage, avoir l'oeil sur les gens
Et régler la dépense avec économie
Doit être son étude et sa philosophie» *).

Въ этомъ стихотвореніи заключается цѣлая программа воспитанія, и нужно замѣтить, что она значительно уже екатерининской. На самомъ дѣлѣ и она оказалась невыполненной. Ставить цѣлью воспитанія подготовку къ семейной жизни и при этомъ отрывать дѣтей на все время воспитанія отъ семьи и держать ихъ въ закрытыхъ учебныхъ заведеніяхъ—было слишкомъ непослѣдовательно. Исторія доказала ошибочность этой системы. Результатомъ ея было появленіе на русской почвѣ типа «кисейныхъ барышень», совершенно не подготовленныхъ къ жизни. Тѣмъ не менѣе, институты до второй половины XIX в. оставались почти единственнымъ типомъ женскихъ учебныхъ заведеній и всегда пользовались особымъ вниманіемъ правительства. Согласно указанному общему направленію институтскаго образованія въ періодъ завѣдыванія имъ императрицей Маріей Ѳеодоровной программы общеобразовательныхъ предметовъ подвергаются нѣкоторому сокращенію. Уже въ 1797 г. въ Смольномъ институтѣ была введена новая программа, по которой усилено преподаваніе Закона Божія и поставлены на первый планъ новые языки. Самое преподаваніе многихъ предметовъ (исторіи, географіи, физики) велось на французскомъ языкѣ, что особенно затрудняло подысканіе преподавателей. Дѣятельность самой императрицы проявлялась, главнымъ образомъ, въ наблюденіи за воспитаніемъ и содержаніемъ институтокъ, и въ этомъ отношеніи ея заботливость прямо трогательна. Въ этомъ можно убѣдиться, читая ея переписку съ начальницами институтовъ, многочисленныя выдержки изъ которой приводитъ г-жа Лихачева. Самыя мелкія явленія въ жизни институтокъ неизмѣнно доводились до ея свѣдѣнія. «Жаль, говоритъ г-жа Лихачева, что воспитанницамъ нечитали и что онѣ не знали того, какъ сердечно говорила императрица о нихъ въ своихъ письмахъ къ начальницамъ, и какъ ярко въ этихъ письмахъ высказывалась ея любовь къ нимъ, ея дѣйствительно материнская заботливость о мельчайшихъ ихъ нуждахъ». Въ общемъ, надо сказать, что въ эпоху управленія Маріи Ѳеодоровны женское образованіе не углубляется, но расширяется, въ смыслѣ увеличенія самого числа институтовъ. На помощь правительству начинаетъ понемногу приходить и общество. Въ 1805 г. тверской губернскій предводитель дворянства представилъ министру внутреннихъ дѣлъ единогласное постановленіе тверского дворянства

*) *Шумиорскій*. Op. Cit., т. I, стр. 26.

Digitized by Google

учредить въ Твери институтъ благородныхъ дѣвицъ. Въ 1812 г. харьковское общество благотворенія основало такой институтъ въ Харьковѣ и выработало для него уставъ. Какъ наиболѣе раннее проявленіе самостоятельной инициативы русскаго общества, уставъ этотъ представляетъ, конечно, большой интересъ. Существеннымъ отличіемъ его отъ правилъ, дѣйствовавшихъ во всѣхъ институтахъ, было допущеніе, рядомъ съ пансіонерками, и полупансіонерокъ, и приходящихъ, «дабы заведеніе сіе сдѣлать болѣе общественнымъ». Не менѣе важную особенность харьковскаго устава представляло нарушеніе сословнаго начала, строго проводившагося при Маріи Ѳеодоровнѣ. Уставъ допускаетъ въ институтъ наравнѣ съ дворянками дувушекъ и изъ купечества, и другихъ званій, кромѣ крестьянскаго и мѣщанскаго сословій. Наконецъ, роль начальницы была значительно ограничена. Эти отступленія свидѣтельствуютъ о томъ, что общество не только сознавало необходимость женскаго образованія, но и видѣло недостатки господствовавшей системы. Вслѣдъ за харьковскимъ институтомъ, также на средства дворянства, былъ открытъ, въ 1818 г., институтъ въ Полтавѣ. Наконецъ, незадолго до смерти Маріи Ѳеодоровны, подъ ея покровительство поступили еще два института, казанскій и одесскій.

Такимъ образомъ, Марія Ѳеодоровна оставила дѣло женскаго образованія вполнѣ налаженнымъ. Послѣ ея кончины, въ 1828 г., оказалось, что вѣдомство, находившееся подъ ея покровительствомъ, настолько разрослось, что потребовалось для него создать особое центральное учрежденіе, которое Николай I наименовалъ IV отдѣленіемъ собственной канцеляріи. Въ этомъ обособленіи женскаго образованія отъ министерства народнаго просвѣщенія слѣдуетъ видѣть отголосокъ прежнихъ воззрѣній, что женское образованіе есть дѣло филантропіи, наряду съ призрѣніемъ бѣдныхъ. Дѣла управленія вѣдомствомъ императрицы Маріи не суть въ собственномъ смыслѣ дѣла государственнаго управленія, а скорѣе дѣла царской благотворительности [1]). Затѣмъ, вплоть до 1856 г., женское образованіе продолжало развиваться въ прежнихъ рамкахъ. Число институтовъ увеличивалось, но характеръ ихъ оставался неизмѣннымъ. Сознаніе недостатковъ институтской системы, къ концу этого періода сдѣлалось общимъ. Почти во всѣхъ замѣткахъ, появлявшихся въ литературѣ 40-хъ и 50-хъ годовъ по вопросу о положеніи женщинъ въ семьѣ и въ обществѣ, высказывалось неудовлетвореніе ихъ тогдашнему воспитанію и образованію, въ которомъ иностранные языки оттѣсняли изученіе русскаго, и главное вниманіе обращалось на развитіе памяти, а не мышленія, послѣдствіемъ чего являлась тупость ума и отвращеніе къ наукамъ.

Въ шестидесятыхъ годахъ, въ эпоху пробужденія русскаго общества, всплылъ вопросъ и о реформѣ женскаго образованія. Само правительство, въ лицѣ министра народнаго просвѣщенія А. С. Норова, признало, что «учрежденіе открытыхъ школъ для дѣвицъ

[1]) П. М. Коркуновъ „Русское государственное право“ т. II, стр. 170.

Digitized by Google

въ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ и даже въ большихъ селеніяхъ было бы величайшимъ благодѣяніемъ для отечества и, такъ сказать, довершило бы великую и стройную систему народнаго образованія, обнимая собой всеобщія и спеціальныя нужды всѣхъ состояній».

По этому докладу министра, 5 марта 1856 г., послѣдовало высочайшее повелѣніе «приступить къ соображеніямъ объ устройствѣ на первый разъ въ губернскихъ городахъ женскихъ школъ, приближенныхъ по курсу къ гимназіямъ, по мѣрѣ способовъ, которые къ тому могутъ представиться». 28 марта того же года попечителямъ учебныхъ округовъ былъ разосланъ циркуляръ, въ которомъ министръ просилъ ихъ представить свои соображенія объ устройствѣ открытыхъ женскихъ учебныхъ заведеній для средняго класса. Изъ отвѣтовъ нѣкоторыхъ попечителей видно, что для нихъ самая идея такихъ учебныхъ заведеній казалась странной. Такъ, по мнѣнію попечителя Кіевскаго округа, система закрытыхъ женскихъ учебныхъ заведеній вызывается самымъ существомъ нравственнаго воспитанія женщины. Въ случаѣ устройства открытыхъ училищъ потребовались бы, вѣроятно, понудительныя мѣры со стороны правительства, чтобы заставить родителей посылать въ нихъ дочерей. Относительно программъ большинство попечителей высказалось за сохраненіе институтскихъ программъ въ новыхъ учебныхъ заведеніяхъ. Наконецъ, по вопросу о средствахъ, интересенъ отвѣтъ министра внутреннихъ дѣлъ С. С. Ланского, писавшаго, что надѣяться на дворянство и городскія общества нельзя, ибо дворянство жертвуетъ на институты и въ случаѣ новыхъ пожертвованій потребуетъ, конечно, учрежденія такихъ же заведеній. Что же касается городскихъ обществъ, то «при весьма низкой степени развитія и благосостоянія въ нихъ» эти пожертвованія будутъ весьма незначительны, да и то въ немногихъ городахъ.

Несмотря на такое пессимистическое отношеніе министра внутреннихъ дѣлъ, въ отдѣльныхъ городахъ были произведены сборы и подписки, губернское начальство обращалось къ дворянству и купечеству, но общество, занятое вопросомъ крестьянской реформы, не проявило особой щедрости. Только благодаря отдѣльному крупному жертвователю, помѣщику Григорову, было основано въ Костромѣ, въ 1858 г., первое въ Россіи всесословное женское училище для приходящихъ, переименованное въ 1860 г. въ гимназію. Заслуживаетъ упоминанія попытка кружка полтавской интеллигенціи устроить женское училище исключительно общественными силами. Нѣсколько дамъ безвозмездно приняли на себя обязанности классныхъ дамъ, учителя гимназіи и кадетскаго корпуса обязались преподавать въ училищѣ даромъ первыя шесть лѣтъ. Купечество обѣщало свое содѣйствіе. Полтавское училище было открыто въ 1860 г.

Слабость иниціативы, къ проявленію которой русское общество не успѣло еще привыкнуть, настоятельно указывала на необходимость сильной правительственной поддержки. Къ счастью для дѣла, такая поддержка явилась во время. 19-го февраля 1858 г. принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій представилъ государю и импе-

Digitized by Google

ратрицѣ проектъ отдѣльнаго женскаго всесословнаго училища, составленной инспекторомъ классовъ Павловскаго института, профессоромъ Вышнеградскимъ. Проектъ этотъ былъ переданъ на разсмотрѣніе главнаго совѣта женскихъ учебныхъ заведеній, и уже 22-го марта 1858 г. состоялся именной указъ совѣту объ устройствѣ Маріинскаго женскаго училища. Поразительная быстрота, говоритъ по этому поводу г-жа Лихачева, съ которою была принята въ правительственныхъ сферахъ и осуществилась въ столицѣ идея открытой всесословной женской школы, составляетъ огромную заслугу передъ русскимъ общество покойнаго Н. А. Вышнеградскаго. Послѣдній, по свидѣтельству ближайшихъ его сотрудниковъ по устройству Маріинскаго училища, обладалъ замѣчательно свѣтлымъ умомъ, педагогическимъ талантомъ, умѣлъ увлекать своихъ слушателей, привязывать къ себѣ дѣтей и владѣлъ даромъ организатора дѣла. Умѣньемъ привлекать людей онъ склонилъ на сторону своей идеи принца Ольденбургскаго, завоевалъ расположеніе къ новому типу женскихъ учебныхъ заведеній въ высшихъ сферахъ, и въ среднемъ классѣ, изъ котораго вышли первыя воспитанницы новаго училища. Торжественное открытіе училища въ присутствіи императрицы Маріи Александровны, состоялось 19-го апрѣля 1858 г. Такъ какъ въ теченіе лѣта къ Вышнеградскому поступило множество заявленій отъ родителей, желавшихъ отдать своихъ дочерей, то съ осени было открыто кромѣ Маріинскаго еще три училища Коломенское, Васильевское и Петербургское, общій надзоръ за которыми сохранилъ Вышнеградскій.

Такимъ образомъ, въ Петербургѣ женскія открытыя учебныя заведенія были созданы тѣмъ же самымъ вѣдомствомъ учрежденій императрицы Маріи, которое и до сихъ поръ заботится о женскомъ образованіи. Въ провинціи, на основаніи положенія о женскихъ училищахъ министерства народнаго просвѣщенія, высочайше утвержденнаго 30-го мая 1858 г., они должны были открываться въ городахъ, жители которыхъ наиболѣе нуждаются въ способахъ для образованія своихъ дочерей, и гдѣ представится возможность дать училищу необходимыя для открытія и существованія его средства отъ правительства, отъ разныхъ вѣдомствъ и сословій и отъ частныхъ пожертвованій. Прежде другихъ были открыты по этому положенію училища въ Твери — 11-го августа 1858 г., и затѣмъ въ Вышнемъ-Волочкѣ. Характерно, что вышневолоцкое купечество, установивъ обязательный сборъ въ пользу училища съ купцовъ всѣхъ гильдій, поставило непремѣннымъ условіемъ своего содѣйствія, чтобы новое училище было подчинено не министерству народнаго просвѣщенія, а главному совѣту женскихъ учебныхъ заведеній, подъ попечительствомъ принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго и подъ начальствомъ Н. А. Вышнеградскаго. Очевидно, что просвѣтительная дѣятельность послѣдняго уже успѣла создать широкую популярность и ему, и вѣдомству, въ которомъ онъ служилъ. Желаніе вышневолоцкаго купечества, несмотря на его противорѣчіе новому положенію, было съ высочайшаго соизволенія удовлетворено, и училище названо Маріинскимъ. Но вообще, какъ и предсказывалъ министръ внутреннихъ дѣлъ Ланской, далеко не

Digitized by Google

вездѣ общество выказало готовность идти навстрѣчу начинаніямъ правительства. Такъ, несмотря на настойчивыя предложенія мѣстной администраціи, херсонское общество всѣхъ сословій не изъявило согласія на пожертвованія для женскихъ школъ. Отъ ярославской дирекціи поступило сообщеніе, что дворяне воспитываютъ своихъ дочерей въ пансіонахъ и институтахъ, купцы, мѣщане и ремесленники считаютъ излишнимъ давать образованіе дочерямъ, находя его безполезнымъ, если не вреднымъ. При открытіи въ 1860 г. Фундуклеевскаго училища въ Кіевѣ, начальникъ его, адъюнктъ-профессоръ Линиченко, между прочимъ, сказалъ: «къ сожалѣнію и къ стыду нашему, никто не положилъ ленты въ сокровищницу на пользу просвѣщенія. Всякій извинился обстоятельствами: село купивъ, жену поихъ... народъ не жертвовалъ по бѣдности, купечество, дворянство и другія сословія не обратили вниманія на важность женскаго училища». О равнодушіи общества къ женскимъ училищамъ много говорилось и въ печати. Одни объясняли его тѣмъ, что наше общество слишкомъ привыкло къ опекѣ и ждетъ всего отъ правительства; другіе, наоборотъ, приписывали слабость интереса слишкомъ малому вліянію и участію, которое отводилось обществу новымъ положеніемъ 1860 г., предоставившимъ частнымъ лицамъ единственное право — жертвовать деньги. Во всякомъ случаѣ слабость общественнаго содѣйствія и проистекающая отсюда скудость средствъ обратили на себя вниманіе правительства, въ лицѣ назначеннаго въ апрѣлѣ 1866 г. министромъ народнаго просвѣщенія графа Д. А. Толстого, которому послѣ долгихъ хлопотъ удалось, наконецъ, въ 1870 г. добиться установленія ежегоднаго дополнительнаго кредита министерству въ суммѣ отъ 50 до 150 тысячъ рублей на воспособленіе женскимъ учебнымъ заведеніямъ. Такимъ образомъ, общій расходъ министерства на женское образованіе былъ въ 1870 г. немногимъ болѣе 200 тысячъ рублей.

Но не только скудость средствъ и равнодушіе общества составляли препятствіе для правильнаго развитія женскаго образованія. Пробужденіе общественнаго самосознанія въ шестидесятыхъ годахъ, сопровождавшееся неизбѣжными крайними увлеченіями, вызвало съ другой стороны усиленную бдительность. Наука, просвѣщеніе приравнивались къ огню, съ которымъ играть опасно. Особенно воспламеняющій составъ приписывался естественнымъ наукамъ, интересъ къ которымъ, дѣйствительно, чрезвычайно усилился въ обществѣ. Такое подозрительное отношеніе къ наукѣ не было, конечно, новостью. Русское общество, и въ особенности его молодое поколѣніе, стараясь разрѣшить волнующіе его вопросы, всегда искало отвѣта въ наукѣ. Какая отрасль наукъ пользовалась наибольшимъ довѣріемъ, это зависѣло, конечно, отъ состоянія знаній въ Западной Европѣ. Въ 30-хъ и 40-хъ годахъ русское общество погружалось въ дебри метафизической философіи, усердно изучая Шеллинга и Гегеля. Въ 60-хъ и 70-хъ годахъ такую же роль играли науки естественныя, мѣсто Шеллинга и Гегеля заняли Бюхнеръ и Молешоттъ. Наконецъ, въ настоящій моментъ мы переживаемъ увлеченіе экономическими науками. Всѣ эти науки

Digitized by Google

оказывали, конечно, каждая въ свое время, огромное вліяніе и на выработку міровоззрѣнія, и на все направленіе практической дѣятельности. И, такъ какъ это направленіе не всегда шло въ параллель съ оффиціальнымъ, то немудрено, что оно вскорѣ вызывало подозрѣніе, которое затѣмъ переходило на самую науку. Характернымъ примѣромъ такого отношенія къ наукѣ можетъ служить исторія, повлекшая за собой оставленіе Н. А. Вышнеградскимъ должности начальника женскихъ гимназій. Дѣло въ томъ, что на учрежденныхъ въ 1863 г. при Маріинской женской гимназіи педагогическихъ курсахъ Вышнеградскій допустилъ преподаваніе естественныхъ наукъ. Онъ полагалъ, что для женщины, какъ матери и воспитательницы, необходимо знаніе физической и нравственной природы ребенка, и что это знаніе обусловливается знакомствомъ со строеніемъ и постепеннымъ развитіемъ его внутреннихъ и внѣшнихъ органовъ, т. е. съ анатоміей и съ физіологіей. Конечно, говоритъ по этому поводу г-жа Лихачева, Вышнеградскій руководствовался при этомъ не желаніемъ угодить моднымъ увлеченіямъ молодежи, а желалъ поставить дѣло правильно. Однако, со втораго же года учрежденія курсовъ ему пришлось убѣдиться, что такое нововведеніе вызываетъ въ нѣкоторой части общества не только вредное и злобное, но и прямо опасное для дѣла раздраженіе. По поводу преподаванія на курсахъ анатоміи и физіологіи явились обвиненія, что курсы пропагандируютъ нигилизмъ и безнравственность. Передъ такими обвиненіями волей-неволей приходилось отступать. По предложенію Вышнеградскаго, конференція курсовъ пересмотрѣла программу по естественнымъ наукамъ. Въ результатѣ было вовсе уничтожено преподаваніе эмбріологіи, и вообще постановлено, что «изложеніе всѣхъ предметовъ, независимо отъ научнаго образованія молодыхъ дѣвушекъ, должно быть тщательно примѣняемо къ особенностямъ ихъ пола, и поэтому подробности, могущія оскорбить дѣвическую стыдливость, должны быть внимательно обходимы». Въ то же самое время попечитель женскихъ гимназій, принцъ Ольденбургскій, въ разосланномъ по гимназіямъ циркулярѣ обращалъ вниманіе начальствующихъ лицъ на то, чтобы «естественныя науки преподавались не иначе, какъ со всегдашнимъ указаніемъ на премудрость Божію, какъ на единственный источникъ блага». Продолжавшіяся нападки на педагогическіе курсы заставили вовсе исключить въ 1865 г. изъ программы анатомію и физіологію. Положеніе Вышнеградскаго, вслѣдствіе многочисленныхъ заявленій, поступавшихъ на него, сдѣлалось невыносимымъ. Въ маѣ 1866 г. онъ обратился къ принцу съ просьбой назначить ревизіонную комиссію, которая разслѣдовала бы его образъ дѣйствій и положила бы конецъ нареканіямъ на него и на курсы. Такая комиссія, дѣйствительно, была назначена и состояла изъ представителей вѣдомства учрежденій императрицы Маріи, министерства народнаго просвѣщенія и духовнаго вѣдомства. Комиссія потребовала къ себѣ списки всѣхъ руководствъ, употреблявшихся въ женскихъ гимназіяхъ и на курсахъ, всѣхъ стихотвореній, выученныхъ воспитанницами, и тетради съ ихъ сочиненіями. Мнѣнія членовъ ко-

Digitized by Google

миссіи раздѣлились. Представители IV отдѣленія (Чистяковъ, Тибо де-Бриньоль и Тимофеевъ) вынесли, въ общемъ, отрадное впечатлѣніе и отъ гимназіи и отъ курсовъ. Даже преподаваніе естественныхъ наукъ не нарушало этого впечатлѣнія. «На экзаменахъ по анатоміи и химіи, заявилъ Тибо де-Бриньоль, дѣвицы отвѣчали такъ отчетливо, опредѣленно и сознательно, какъ это рѣдко бываетъ въ университетѣ. Видно, что онѣ занимались этими предметами съ любовью и увлеченіемъ. А такое серьезное занятіе наукою не можетъ не облагораживать каждаго». Иначе отнеслись къ дѣлу представитель министерства народнаго просвѣщенія Лемоніусъ и представитель духовнаго вѣдомства, священникъ Барсовъ. Въ общемъ, коммиссія признала, что собственно въ гимназическомъ преподаваніи ничего вреднаго для религіи и нравственности не было. Однако, преподаваніе на педагогическихъ курсахъ нѣкоторыхъ предметовъ, сопровождаемое диссекціей труповъ животныхъ и соотвѣтствующими при семъ объясненіями, было найдено несообразнымъ съ потребностями женскаго воспитанія. Результатомъ дѣятельности комиссіи было, съ одной стороны, оставленіе Вышнеградскимъ должности начальника женскихъ гимназій, причемъ на его мѣсто былъ назначенъ одинъ изъ представителей духовнаго вѣдомства въ комиссіи, профессоръ петербургской духовной академіи, И. Т. Осининъ, съ другой стороны, анатомія и физіологія были окончательно исключены изъ программы педагогическихъ курсовъ и замѣнены русской грамматикой, географіей и элементарнымъ курсомъ естественной исторіи.

Педагогическіе курсы, по плану Вышнеградскаго, носили, несомнѣнно, характеръ высшаго учебнаго заведенія. Послѣ его ухода они потеряли этотъ характеръ. Такимъ образомъ, первая попытка создать высшее женское учебное заведеніе кончилась неудачно. Причина неудачи, какъ справедливо говоритъ г-жа Лихачева, заключалась не въ ошибочности самой идеи, а въ условіяхъ того переходнаго, исключительнаго, крайне тревожнаго времени, которое русское общество переживало въ серединѣ шестидесятыхъ годовъ. Идея же о необходимости высшаго образованія и для женщинъ уже носилась въ воздухѣ и вскорѣ, несмотря на всѣ препятствія, получила осуществленіе.

Исторія высшаго женскаго образованія въ Россіи заслуживаетъ особаго вниманія, какъ совершенно оригинальное явленіе въ жизни русскаго общества. Послѣднее постоянно, и не безъ основанія, подвергается упрекамъ въ отсутствіи самодѣятельности, предпріимчивости, въ слабости частной иниціативы. Справедливость требуетъ признать, однако, что въ данномъ случаѣ, въ дѣлѣ созданія высшихъ женскихъ учебныхъ заведеній, иниціатива шла отъ общества, и самое осуществленіе этой идеи принадлежитъ тому же обществу, въ лицѣ его наиболѣе просвѣщенныхъ представителей.

Уже въ 1859 г. въ Петербургскомъ университетѣ, и нѣсколько позже въ Харьковскомъ, Кіевскомъ и въ Одесскомъ, женщины стали посѣщать лекціи въ качествѣ вольнослушательницъ. Въ Петербургѣ большинство ихъ ходило только на лекціи извѣстныхъ профессоровъ—Костомарова, Стасюлевича, Спасовича, но три женщины по-

Digitized by Google

сѣщали всѣ лекціи избраннаго ими факультета и намѣревались держать кандидатскій экзаменъ. Женщины посѣщали также и лекціи въ медико-хирургической академіи. Возможность посѣщенія университета женщинами не была предусмотрѣна уставомъ 1835 г. Поэтому, при составленіи проекта новаго устава, въ 1861 г., вопросъ этотъ, въ числѣ прочихъ, былъ предложенъ на разсмотрѣніе совѣтамъ университетовъ. Избранная по этому поводу петербургскимъ совѣтомъ комиссія подъ предсѣдательствомъ Савича изъ профессоровъ Кавелина, Голстунскаго и Стасюлевича единогласно пришла къ заключенію, что допущеніе женщинъ къ совмѣстному со студентами, по какому бы то ни было факультету, слушанію университетскихъ лекцій не только представляетъ какого-либо препятствія, но было бы справедливымъ и полезнымъ. Комиссія полагала возможнымъ также разрѣшить женщинамъ подвергаться испытаніямъ на всѣ ученыя степени и получать дипломъ, который давалъ бы имъ права на штатныя учительскія и воспитательныя должности въ женскихъ учебныхъ и воспитательныхъ заведеніяхъ на медицинскую практику. Въ такомъ же смыслѣ высказались совѣты казанскій, харьковскій, отчасти и кіевскій. Только совѣтъ Московскаго университета рѣшилъ не допускать совмѣстнаго слушанія женщинъ со студентами ни подъ какимъ предлогомъ, ибо это можетъ имѣть вредное вліяніе на успѣшный ходъ занятій молодыхъ людей, обучающихся въ университетѣ.

Событія 1861 года повліяли на рѣшеніе вопроса о допущеніи женщинъ въ университетъ въ отрицательномъ смыслѣ. Несмотря на благопріятное заключеніе ученаго комитета главнаго правленія училищъ, изъ проекта устава было исключено примѣчаніе къ § 100, которымъ женщинамъ разрѣшалось посѣщать университетъ. Неудачный исходъ этого дѣла не могъ, конечно, уничтожить назрѣвшую уже тогда потребность въ высшемъ образованіи женщинъ. Но тревожныя обстоятельства того времени, отразившіяся и на неудачѣ попытки Н. А. Вышнеградскаго, отсрочили рѣшеніе вопроса на нѣсколько лѣтъ. Въ 1868 г., на первомъ съѣздѣ русскихъ естествоиспытателей въ С.-Петербургѣ было прочитано заявленіе Е. И. Конради, въ которомъ она обращалась къ съѣзду съ просьбой ходатайствовать передъ правительствомъ о проведеніи въ жизнь той или другой мѣры, которую оно сочтетъ наилучшею для того, чтобы сдѣлать русскихъ матерей не номинальными, но дѣйствительными руководительницами первоначальнаго образованія ихъ дѣтей, насколько образованіе это соприкасается со спеціальною отраслью знанія, составляющею цѣль самого съѣзда. По мнѣнію особаго педагогическаго отдѣла, съѣздъ не вошелъ въ обсужденіе этого заявленія. Тогда обсужденіе его перешло въ отдѣльные дамскіе кружки, въ одномъ изъ которыхъ пришли къ рѣшенію подать ректору Петербургскаго университета прошеніе о томъ, чтобы въ стѣнахъ университета, въ свободные отъ занятій студентовъ часы, или въ другомъ зданіи, гдѣ имѣются тѣ же учебныя пособія, профессора читали лекціи для женщинъ по предметамъ историко-филологическихъ и естественныхъ наукъ. Подъ этимъ прошеніемъ, поданнымъ ректору 11-го мая 1868 г., подписались

Digitized by Google

около 400 женщинъ, въ числѣ которыхъ были и дамы высшаго общества: жена и дочь военнаго министра Д. А. Милютина, графиня Толстая, графиня Ростовцева etc. Совѣтъ университета, разсмотрѣвъ прошеніе въ особой комиссіи, постановилъ: выразить полное сочувствіе стремленію организовать правильные, дѣльные, но отнюдь не популярные курсы по филологическимъ и естественнымъ наукамъ; признать неудобнымъ предоставленіе для этой цѣли университетскихъ аудиторій; предоставивъ матеріальную часть организаціи курсовъ самимъ просительницамъ обѣщать полное содѣйствіе совѣта какъ по пересмотру этого плана, такъ и по устройству учебной части. Въ виду такого, въ общемъ благопріятнаго отвѣта, кружокъ дамъ, изъ котораго исходило прошеніе, рѣшилъ подать осенью того же года министру народнаго просвѣщенія прошеніе о разрѣшеніи открыть предположенные профессорами курсы и въ то же время избрать комиссію для организаціи матеріальной стороны дѣла. Осенью состоялось засѣданіе этой комиссіи подъ предсѣдательствомъ президента медико-хирургической академіи Нарановича и при участіи 43 профессоровъ, на сочувствіе которыхъ новому дѣлу можно было разсчитывать. Когда выяснилось, что средствъ для открытія курсовъ, кромѣ ожидаемой платы за слушаніе лекцій, въ размѣрѣ 6000 р. въ годъ, не предвидится, то профессора предложили съ своей стороны первый годъ работать безвозмездно. Затѣмъ, 27-го ноября 1868 г., депутація, состоявшая изъ проф. А. Н. Бекетова, Н. В. Стасовой и Е. Н. Ворониной, была у министра народнаго просвѣщенія, графа Д. А. Толстого. Послѣдній прежде всего указалъ учредительницамъ на отсутствіе матеріальныхъ средствъ, причемъ замѣтилъ, что министерство съ своей стороны никакой субсидіи дать не можетъ. Это заявленіе министра станетъ намъ понятно, если мы вспомнимъ, какихъ трудовъ стоило ему добиться ассигнованія ежегоднаго пособія министерству на женскія учебныя заведенія, въ суммѣ 150000 р., которое было получено лишь въ 1870 г. Съ другой стороны, министръ выразилъ сомнѣніе и въ самой необходимости высшаго образованія для женщинъ. По его мнѣнію, это было затѣей маленькаго кружка высшаго образованія женщинѣ вовсе не надо, такъ какъ она выйдетъ замужъ и всѣ науки бросить въ сторону. Черезъ нѣсколько времени, въ своемъ оффиціальномъ отвѣтѣ, изложенномъ въ видѣ письма къ А. П. Философовой, графъ Толстой сообщилъ мнѣніе попечителя Петербургскаго учебнаго округа, признававшаго женщинъ неподготовленными къ слушанію университетскихъ курсовъ и рекомендовавшаго, во всякомъ случаѣ, обратиться съ своимъ ходатайствомъ въ вѣдомство учрежденій императрицы Маріи. Къ этому графъ Толстой присовокупилъ съ своей стороны, что, сочувствуя стремленію женщинъ получить высшее образованіе, онъ полагалъ бы наиболѣе удобнымъ устроить для сего общія публичныя лекціи. Получивъ такой отвѣтъ, учредительницы рѣшили принять предложеніе министра, въ надеждѣ, что со временемъ можно будетъ добиться желаемаго. 20-го января 1870 г. были открыты петербургскіе публичные курсы, на которые заранѣе записалось около 900 человѣкъ, изъ нихъ 767 женщинъ. Лекторами явились профессора Бестужевъ-Рюминъ, Менделѣевъ, Петрушевскій, Овсянниковъ, Бе-

Digitized by Google

кетовъ и др. Лекціи читались по вечерамъ, четыре раза въ недѣлю. Благодаря частнымъ пожертвованіямъ, матеріальная сторона курсовъ была въ хорошемъ состояніи.

Начатое въ Петербургѣ движеніе въ пользу высшаго женскаго образованія быстро распространилось по всей Россіи. Въ университетскихъ городахъ женщины, естественно, стремились разрѣшить вопросъ о высшемъ образованіи, пользуясь силами и средствами университетовъ. Въ этомъ смыслѣ подано было графу Д. А. Толстому ходатайство московскими дамами. Получивъ отъ него такой же отвѣтъ, какъ и петербургскія, просительницы также рѣшили согласиться на устройство публичныхъ лекцій. Но, не надѣясь на содѣйствіе профессоровъ, онѣ обратились къ директору 2-й мужской гимназіи, Ф. Н. Королеву, съ просьбой устроить для нихъ такіе курсы, которые служили бы дополненіемъ къ получаемому дѣвушками въ женскихъ среднихъ заведеніяхъ образованію. Въ виду того, что здѣсь не было рѣчи о созданіи женскаго университета, и программы были значительно уже петербургскихъ, оказалось возможнымъ приспособить публичныя лекціи исключительно для женщинъ. Курсы эти, получившіе названіе Лубянскихъ, были открыты осенью 1869 г. Такіе же среднеучебные курсы, но имѣющіе спеціальною цѣлью подготовку къ ожидавшимся публичнымъ лекціямъ въ университетскомъ объемѣ, были открыты въ томъ же году, и также по иниціативѣ группы женщинъ, желавшихъ заниматься наукой, и въ Петербургѣ. Курсами этими завѣдывалъ извѣстный педагогъ І. Паульсонъ, и въ нихъ принимали участіе лучшія педагогическія силы того времени — Гердъ, Евтушевскій, Рашевскій, Страннолюбскій и Краевичъ. Курсы эти извѣстны были въ обществѣ подъ названіемъ Аларчинскихъ. Что касается Москвы, то Лубянскіе курсы по своей элементарной программѣ (въ объемѣ курса мужскихъ гимназій), конечно, не могли удовлетворить стремленія къ высшему образованію. И среди профессоровъ Московскаго университета явились безкорыстные ревнители высшаго женскаго образованія. Въ февралѣ 1871 г. проф. Герье обратился къ попечителю московскаго учебнаго округа, съ просьбой разрѣшить ему открытіе систематическихъ научныхъ курсовъ для женщинъ. Свою просьбу проф. Герье мотивировалъ тѣмъ, что высочайшимъ повелѣніемъ 14-го января 1871 г., министру народнаго просвѣщенія разрѣшено расширять въ случаѣ возможности педагогическую дѣятельность женщинъ. Между тѣмъ, онѣ по своему образованію къ ней недостаточно подготовлены. Проектируемые курсы и имѣли въ виду поднять уровень образованія и развитія женщинъ. Курсы были разрѣшены министерствомъ, въ видѣ опыта, на три года, причемъ никакихъ правъ оканчивавшимъ не было предоставлено. Срокъ ученія на курсахъ былъ опредѣленъ двухлѣтній. Открытіе курсовъ проф. Герье состоялось 1-го ноября 1872 г. Менѣе успѣшны оказались попытки сторонниковъ женскаго движенія въ Кіевѣ и въ Харьковѣ. Ходатайство кіевскихъ профессоровъ объ открытіи спеціально для женщинъ платныхъ публичныхъ лекцій при университетѣ въ 1874 г. было оставлено министерствомъ безъ отвѣта. Также неудовлетвореннымъ осталось ходатайство, поданное графу Д. А. Толстому при проѣздѣ его черезъ Харьковъ

Digitized by Google

въ 1870 г. и покрытое 263 подписями, «о преобразованіи среднихъ женскихъ учебныхъ заведеній въ реальныя, съ программой, приноровленной къ университетскому курсу, и о допущеніи женщинъ въ университетъ».

Всѣ эти ходатайства свидѣтельствовали о несомнѣнной наличности стремленій женщинъ къ высшему образованію. Невозможность удовлетворить эти стремленія на мѣстѣ побуждала ихъ отправляться за границу, преимущественно въ Швейцарію, для поступленія въ тамошніе университеты. Число отъѣзжавшихъ было настолько значительно, что правительство вынуждено было обратить на него вниманіе. Въ 1873 г. по высочайшему повелѣнію была образована комиссія изъ министровъ народнаго просвѣщенія и внутреннихъ дѣлъ, начальника III отдѣленія собственной Е. И. В. канцеляріи и товарища главноуправляющаго IV отдѣленіемъ ея для обсужденія вопроса о мѣрахъ, вызывающихъ постоянное возрастаніе отъѣзда женщинъ за границу. По мнѣнію комиссіи, причины этого возрастанія заключаются отчасти въ положеніи у насъ женскаго образованія. Комиссія нашла существенно необходимымъ учрежденіе высшихъ женскихъ учебныхъ заведеній со строго опредѣленнымъ и законченнымъ курсомъ, основаннымъ на изученіи историко-филологическихъ предметовъ, по образцу высшихъ женскихъ училищъ въ Берлинѣ. Въ правительственномъ сообщеніи 21-го мая 1873 г. было указано на ненормальность постоянной эмиграціи учащихся женщинъ за границу, на проистекающія изъ этого опасности въ политическомъ отношеніи, такъ какъ большинство ихъ увлекается революціонной пропагандой, и было обѣщано, что правительство озаботится учрежденіемъ высшихъ женскихъ учебныхъ заведеній сначала въ Петербургѣ и въ Москвѣ, а затѣмъ, по мѣрѣ изысканія средствъ, и въ другихъ университетскихъ городахъ. Такимъ образомъ, правительство признало и высшее женское образованіе дѣломъ государственнымъ и рѣшило пойти навстрѣчу желаніямъ общества. Это было уже огромнымъ шагомъ впередъ, ибо только три года тому назадъ, въ 1870 г., министръ народнаго просвѣщенія, графъ Толстой, въ отвѣтъ на ходатайство, поданное ему въ Харьковѣ, сказалъ относительно высшаго женскаго образованія, что «за отсутствіемъ въ немъ надобности для общихъ государственныхъ цѣлей и въ виду крайне ограниченнаго числа лицъ женскаго пола, серьезно стремящихся къ такому высшему образованію и достаточно къ тому подготовленныхъ, правительство не можетъ взять на себя ни заботъ о немъ, ни издержекъ на него». За три года точка зрѣнія на этотъ вопросъ успѣла измѣниться. Но, собственно, моментомъ начала активнаго содѣйствія правительства созданію особыхъ женскихъ высшихъ учебныхъ заведеній слѣдуетъ считать 1872 г. Осенью этого года были открыты женскіе врачебные курсы въ Петербургѣ. Въ цитированномъ уже выше высочайшемъ повелѣніи 14-го января 1871 г. первымъ пунктомъ было постановлено всѣми мѣрами содѣйствовать распространенію и преуспѣянію правильно устроенныхъ, отдѣльныхъ для женщинъ курсовъ акушерскихъ наукъ и привлеченію на оные какъ можно болѣе слушательницъ. Въ 1872 г. дочь полковника, А. А. Родственна, пожертвовала 50 тысячъ рублей на

Digitized by Google

устройство женскихъ врачебныхъ курсовъ въ Петербургѣ. Пожертвованіе это дало возможность тогдашнему военному министру, Д. А. Милютину, горячо сочувствовавшему дѣлу высшаго женскаго образованія, войти къ государю съ докладомъ, въ которомъ онъ просилъ разрѣшить устроить такіе курсы при медико-хирургической академіи, причемъ текущіе расходы покрывать изъ платы за слушаніе лекцій. Первоначально предполагалось, что курсы будутъ выпускать ученыхъ акушерокъ, степень, значеніе которой надо было еще опредѣлить въ законодательномъ порядкѣ. Но такъ какъ всѣ курсы слушались женщинами наравнѣ со студентами академіи, то оказалось несправедливымъ ограничивать ихъ права, тѣмъ болѣе, что въ послѣдовавшую русско-турецкую войну женщины наглядно доказали свое знаніе дѣла и умѣніе работать. Комиссія, образованная при военномъ министерствѣ подъ предсѣдательствомъ генералъ-адъютанта Исакова для разсмотрѣнія вопроса о правахъ медицинской практики женщинъ въ 1878 г., пришла къ заключенію, что женскіе врачебные курсы представляютъ учрежденіе необходимое и полезное для общества и государства, и потому должны быть сохранены и получить окончательное утвержденіе законодательнымъ порядкомъ. Коммиссія полагала нужнымъ предоставить окончившимъ право самостоятельной практики безъ ограниченія ея женскимъ поломъ и дѣтскимъ возрастомъ. 14-го іюня 1880 г. Высочайшимъ повелѣніемъ окончившимъ на врачебныхъ курсахъ женщинамъ былъ дарованъ нагрудный знакъ отличія на право самостоятельной врачебной практики. Такимъ образомъ, открытые въ 1872 г. врачебные курсы были первымъ и единственнымъ высшимъ женскимъ учебнымъ заведеніемъ, предоставлявшимъ окончившимъ права наравнѣ съ оканчивающими курсъ въ университетахъ. Къ сожалѣнію, неопредѣленное положеніе, которое занимали курсы въ военномъ министерствѣ, привело къ тому, что когда въ 1882 г. понадобилось освободить Николаевскій военный госпиталь для помѣщенія въ немъ клиникъ военно-медицинской академіи, то, несмотря на признанную самимъ военнымъ министромъ, ген.-ад. П. С. Ванновскимъ, желательность поддержки медицинскихъ курсовъ на пользу обществу, пріемъ на курсы былъ прекращенъ, и самые курсы вскорѣ упразднены. Возстановленія ихъ, подъ названіемъ женскаго медицинскаго института, русскому обществу удалось дождаться лишь въ настоящее царствованіе, въ 1897 г. Послѣ указаннаго правительственнаго сообщенія 21-го мая 1873 г. дѣло высшаго женскаго образованія вступаетъ на правильный путь. Общественная инициатива въ дѣлѣ устройства высшихъ женскихъ учебныхъ заведеній встрѣчаетъ правительственную поддержку. Въ 1876 году министерствомъ народнаго просвѣщенія были выработаны общія положенія, на основаніи которыхъ могли открываться высшіе женскіе курсы. Въ слѣдующемъ году ученый комитетъ министерства разсматривалъ проектъ устава петербургскихъ курсовъ, составленный проф. К. Н. Бестужевымъ-Рюминымъ, московскихъ, составленный проф. Герье, кіевскихъ и казанскихъ. Всѣ эти проекты были съ нѣкоторыми поправками утверждены. Въ 1879 г. были открыты курсы и въ Одессѣ, такъ что къ 1880 г., на которомъ останавливается изслѣдованіе Е. И. Лихачевой, не

Digitized by Google

было курсовъ изъ университетскихъ городовъ только въ Харьковѣ и въ Дерптѣ. Правда, провинціальные курсы оказались недолговѣчными и въ восьмидесятыхъ годахъ, уцѣлѣли только Бестужевскіе курсы въ Петербургѣ и курсы проф. Герье въ Москвѣ.

Особый интересъ представляетъ исторія петербургскихъ курсовъ. Г-жа Лихачева, сама принимавшая дѣятельное участіе въ ихъ организаціи, останавливается на ней особенно подробно. Курсы были открыты 20-го сентября 1878 г., при 795 слушательницахъ (изъ нихъ 526 постоянныхъ). Капиталъ курсовъ къ этому времени составлялъ 222 р. Затѣмъ, благодаря образовавшемуся обществу для доставленія средствъ высшимъ женскимъ курсамъ, платѣ за слушанье лекцій и, наконецъ, субсидіи министерства (съ 1879 г. по три тысячи рублей), матеріальное положеніе курсовъ понемногу окрѣпло. Ежегодная стоимость ихъ была около 60000 рублей. Еще труднѣе, чѣмъ обезпечить курсы съ матеріальной стороны, было защищать ихъ отъ многочисленныхъ враговъ женскаго просвѣщенія. Раздраженные успѣхомъ новаго дѣла противники его не останавливались въ своихъ дѣйствіяхъ и курсы, можетъ быть, были бы закрыты, если бы на защиту ихъ не выступилъ графъ Д. А. Толстой. Онъ утверждалъ, что ничего выходящаго изъ ряда со времени открытія курсовъ не было. Только благодаря этому заступничеству курсы были спасены. Вопросъ о правахъ слушательницъ, окончившихъ курсы, остался открытымъ. По проекту Бестужева-Рюмина имъ предполагалось выдавать аттестаты на право преимущественно передъ окончившими ученіе въ пансіонахъ и институтахъ и вообще въ среднихъ заведеніяхъ, преподавать въ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Ученый комитетъ не согласился съ этимъ предположеніемъ, боясь, что вслѣдствіе преобладанія женщинъ преподавательницъ, менѣе подготовленныхъ, чѣмъ мужчины, понизится общій уровень женскаго образованія.

Существованіе массы желающихъ учиться и при этомъ условіи, переполненіе курсовъ съѣзжающеюся со всѣхъ концовъ Россіи женскою молодежью можно объяснить только безкорыстной любовью къ знанію, исканіемъ истины.

Въ настоящемъ бѣгломъ очеркѣ мы намѣтили только въ общихъ чертахъ постепенный ростъ средняго и высшаго образованія, оставивъ совершенно въ сторонѣ все, что касалось элементарнаго обученія, профессіональнаго образованія и спеціальныхъ женскихъ учебныхъ заведеній, напримѣръ, духовнаго вѣдомства, относительно которыхъ интересующіеся могутъ найти много новыхъ данныхъ въ трудѣ Е. І. Лихачевой. Мы видѣли, что начало правильному и систематическому женскому образованію положено было у насъ правительствомъ, въ лицѣ Екатерины II. Общество отнеслось къ ея попыткѣ довольно индифферентно. Цѣня въ просвѣщеніи только утилитарную сторону, общество не видѣло необходимости давать образованіе женщинамъ, ибо не предполагало возможности вернуть затраченные на него капиталы. Лишь благодаря настойчивости правительства, сознаніе пользы и необходимости женскихъ учебныхъ заведеній распространилось въ первой половинѣ XIX в., по крайней мѣрѣ среди

Digitized by Google

дворянства, такъ что большинство институтовъ въ этотъ періодъ возникло по ходатайству дворянства и на его средства. Реформы Александра II дали толчекъ и дѣлу женскаго образованія. Съ одной стороны, выдвинувшіеся впередъ интересы средняго сословія побудили правительство создать рядомъ съ чисто сословными учебными заведеніями, институтами, заведенія новаго типа, гимназіи. Затѣмъ, женщины, какъ средняго сословія, такъ и принадлежащія къ обѣднѣвшему дворянству, стали естественно стремиться къ заработку, добиваться интеллигентнаго труда наравнѣ съ мужчинами. Наконецъ, всеобщее оживленіе, тотъ подъемъ духа, который характеризуетъ общественное настроеніе 60-хъ годовъ, пробудили въ русской женщинѣ дремавшую въ ней жажду знанія, утолить которую не въ силахъ были ни институты, ни гимназіи. На этой почвѣ выросло женское движеніе, требовавшее полнаго уравненія женщинъ въ правахъ съ мужчинами, эмансипаціи, и прежде всего доступа къ высшему образованію. Правительство относилось вначалѣ недовѣрчиво къ этому движенію, считая его дѣломъ весьма небольшой группы болѣе передовыхъ женщинъ. Но когда, вслѣдствіе отсутствія у насъ высшихъ женскихъ учебныхъ заведеній, наплывъ русскихъ женщинъ въ заграничные университеты сталъ возрастать, правительство признало необходимость оказать поддержку обществу въ его стремленіи къ созданію высшихъ женскихъ учебныхъ заведеній въ Россіи. Результатами совмѣстной работы правительства и общества въ этомъ направленіи Россія справедливо можетъ гордиться: къ началу восьмидесятыхъ годовъ, говоритъ г-жа Лихачева, хотя почти во всѣхъ европейскихъ государствахъ женщины допускались въ университеты, но ни въ одномъ изъ нихъ не было такихъ самостоятельныхъ, широко въ послѣдніе годы поставленныхъ учрежденій, какъ наши медицинскіе курсы при медико-хирургической академіи, и даже какъ наши высшіе курсы въ Петербургѣ *).

Въ послѣднее время поступательное движеніе въ этой области возобновилось. Достаточно вспомнить открытіе женскаго медицинскаго института, преобразованіе московскихъ курсовъ проф. Герье въ московскіе высшіе женскіе курсы и, наконецъ, Высочайшее повелѣніе, состоявшееся въ августѣ прошлаго года о допущеніи женщинъ въ Александровскій университетъ въ Гельсингфорсѣ.

В. Матвѣевъ.

---

*) Матеріалы, 1850—1880 г., стр. 616.

Digitized by Google

Каторжникъ.

(ИЗЪ ЗАПИСОКЪ РУССКОЙ БОГЕМЫ).

Въ 1869 г., когда я проживалъ на подмосковной дачѣ, случай свелъ меня съ горемыкой-художникомъ Р—имъ, который послѣ того нѣкоторое время и квартировалъ у меня, періодически то пропадая на нѣсколько дней и даже недѣль, то снова возвращаясь. Р—ій былъ неисправимый алкоголикъ, и эта болѣзнь погубила его талантъ. Ко мнѣ онъ явился чуть не прямо изъ Рима, гдѣ, по несчастью, совершилъ преступленіе и отбывалъ каторжныя работы. Объ этомъ эпизодѣ онъ не любилъ распространяться.

— О, это длинная исторія, всегда отвѣчалъ Р—ій на мои разспросы, но однажды добавилъ:—если васъ мои приключенія интересуютъ, хотите, я вамъ дамъ мои записки, онѣ у меня сохранились; я ихъ въ картузъ зашилъ, онѣ тамъ такъ и остались. Сначала я было хотѣлъ изорвать ихъ и бросить, потомъ раздумалъ, вотъ онѣ и пригодились.

Говоря это, Р—ій досталъ изъ-подъ дивана свой старый картузъ и, распоровъ подкладку, вручилъ мнѣ свертокъ очень засаленной бумаги. Я взялъ дневникъ Р—аго, отправился къ себѣ и сталъ читать. Меня поразило, отъ какой случайности погибъ талантливый, молодой человѣкъ. Каторга его погубила и изъ скромнаго застѣнчиваго юноши, едва выпивавшаго въ компаніи стаканъ пива, сдѣлала горькимъ пьяницей. Все лѣто я тщетно боролся съ недугомъ Р—аго, употреблялъ всевозможныя средства, чтобы удержать его отъ пагубной страсти, но изъ этого ровно ничего не вышло. Поздно осенью я уѣхалъ за границу, поручивъ Р—аго заботамъ моего

Digitized by Google

управляющаго. Возвратившись весной въ Москву, я узналъ, что Р—ій въ началѣ ноября, по обыкновенію, исчезъ изъ дома и болѣе уже не возвращался. Конечно, мой управляющій далъ знать въ полицію, но и полиція не могла разрѣшить вопроса, куда дѣвался Р—ій: замерзъ ли онъ пьяный гдѣ-нибудь подъ заборомъ огорода, или его убили. Всѣ эти свѣдѣнія, сообщенныя мнѣ моимъ управляющимъ, для меня были крайне печальны.

Долго записки Р—аго лежали между моими старыми бумагами, я было и забылъ о нихъ, но недавно одинъ знакомый мнѣ старый художникъ, знавшій Р—аго, напомнилъ мнѣ о немъ. Я взялъ записки Р—аго, перечиталъ ихъ и рѣшилъ напечатать исторію его похожденій такъ, какъ онъ самъ описалъ ее въ дневникѣ, безъ малѣйшаго измѣненія.

Въ 1859 г. я отправился изъ П—ой академіи въ Италію, для усовершенствованія, какъ тогда меня увѣряли, моего недюжиннаго таланта. Путешествіе мое до Милана не сопровождалось ничѣмъ особеннымъ; я благополучно прибылъ въ столицу Ломбардіи и началъ осматривать ея достопримѣчательности. Миланъ тогда представлялъ собой политическое бродило и агентство для артистовъ, по преимуществу пѣвцовъ и пѣвицъ; но, такъ какъ политикой я не занимался, то и подвиги *храбраго* Радецкаго въ Венеціи и Ломбардіи, а равно *скритуры* всѣхъ пѣвцовъ и пѣвицъ меня нимало не занимали. Въ Миланѣ я не работалъ, а только фланировалъ и ко всему приглядывался, осматривалъ музеи, церкви, картинныя галлереи и даже посѣтилъ кладбище. Конечно, больше всего меня поразилъ соборъ Дуомо,—это кружево изъ мрамора, какъ его назвалъ одинъ американскій архитекторъ. Заложенный въ XI вѣкѣ, соборъ Дуомо и въ 1859 г. еще не былъ совсѣмъ готовъ, тѣмъ не менѣе путешественники съ любопытствомъ осматривали причудливую архитектуру собора и четыре тысячи святыхъ во весь ростъ, лучшихъ итальянскихъ скульпторовъ, поставленныхъ на его кровлѣ. Внутренность храма не представляетъ собой ничего особеннаго, но наружный фасадъ миланскаго собора Дуомо справедливо пользуется всемірной славой.

Вообще же все то, что я осматривалъ въ Миланѣ, мнѣ показалось болѣе достойнымъ вниманія скульптора и археолога, чѣмъ начинающаго художника-живописца. Изъ Милана

Digitized by Google

я поѣхалъ въ Венецію, тамъ для моей спеціальности было болѣе обширное поприще. Французамъ Наполеона I и австрійскимъ солдатамъ не удалось разграбить всѣхъ художественныхъ шедевровъ, ихъ осталось еще много во дворцѣ дожей, въ соборѣ св. Марка, въ церквахъ и музеяхъ.

Меня прежде всего поразилъ самый городъ своей художественной оригинальностію: траурныя гондолы, скользящія по каналамъ, гранитные дворцы, угрюмо смотрящіеся въ Большой каналъ, вдали широко раскинувшаяся Адріатика, какого-то особеннаго бирюзоваго цвѣта, невольно переносили мысль къ минувшимъ вѣкамъ, когда Венеція была царицей морей. Но эта мертвая тишина, время отъ времени нарушаемая стукомъ шаговъ австрійскихъ солдатъ по площади св. Марка, и жерла пушекъ, направленныя на площадь съ того берега Большого канала, гдѣ австрійцы преобразили монастырь IX столѣтія въ цитадель, наводили на душу тоску невыразимую; работа не шла на умъ, и голова была занята совершенно иными мыслями. Я недолго оставался въ Венеціи, поѣхалъ во Флоренцію, Неаполь и, наконецъ, остановился въ Римѣ, гдѣ и началъ мою работу.

Римъ въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, управляемый Піемъ IX-мъ, папой-королемъ, былъ дѣйствительно столицей католицизма. Все находилось въ рукахъ духовенства: политика, судопроизводство, административная и военная части. Папа Пій IX также, какъ и его предшественники, поощрялъ искусство; для художника были открыты двери: Ватикана, Сикстинской капеллы, храма св. Петра, церквей, монастырей, музеевъ, кладбищъ и пр. Въ Римъ стекались художники и скульпторы со всѣхъ странъ свѣта, устраивали студіи и свободно работали, гдѣ имъ было угодно, подъ однимъ условіемъ: отнюдь не заниматься политикой. Въ ту эпоху благочестивые отцы католической церкви сильно начали побаиваться карбонаровъ, маззиневской молодой Италіи, неаполитанскихъ заговоровъ, гарибальдійскихъ движеній, но политикой, какъ замѣчено мною выше, я не интересовался, а потому и не обращалъ на себя вниманія полиціи. Подобно моимъ соотечественникамъ и я въ Римѣ, также какъ въ другихъ городахъ Италіи, избѣгалъ знакомиться съ русскими, хотя въ то время въ Римѣ ихъ было множество. Работая въ Сикстинской капеллѣ Ватикана, я познакомился съ итальянскимъ художникомъ нѣкіимъ Гастано Вимеркатти; намъ пришлось копировать одинъ и тотъ же образъ. Вимеркатти былъ молодой человѣкъ почти

Digitized by Google

однихъ лѣтъ со мною, работа насъ сблизила, и между нами мало-по-малу возникли дружескія отношенія; мы почти не разставались: вмѣстѣ работали, гуляли, посѣщали студіи извѣстныхъ художниковъ, церкви, музеи, картинныя галлереи и всегда вмѣстѣ обѣдали въ знаменитой въ то время остеріи „Виноградной лозы“: я говорю знаменитой потому, что въ ту эпоху въ остеріи „Виноградной лозы“ служила одна дѣвушка изъ Витербо, привлекавшая своей необыкновенной красотой всю свѣтскую и духовную братію Вѣчнаго города, а также фланирующихъ форестьеровъ. Посѣтители иначе не называли Терезу (имя прислужницы), какъ „la bella Cantadina“, и она дѣйствительно была прекрасна. Выше средняго роста, стройная, совершенная брюнетка, съ лицомъ нѣсколько продолговатымъ, матоваго цвѣта, большими черными, какъ уголь, глазами, обѣщавшими блаженство paradiso и муки inferno, съ небольшимъ, точно выточеннымъ носомъ съ маленькой горбинкой по срединѣ, что придавало ея лицу выраженіе гордости и энергіи; вообще семнадцатилѣтнюю красавицу Терезу можно было назвать чистокровной, породистой римлянкой, что, сказать по правдѣ, большая рѣдкость въ Римѣ, который посѣщаетъ масса иностранцевъ, пользующихся вниманіемъ туземныхъ красавицъ. Крестьянскій нарядъ къ Терезѣ необыкновенно шелъ. Бархатный спензеръ, съ круглыми металлическими пуговицами, стягивалъ ея стройную талію и немного выпуклую грудь, а коротенькая юбочка позволяла любоваться маленькими ножками, обутыми въ башмачки со свѣтлыми стальными пряжками. Благочестивые патеры, посѣщавшіе остерію якобы для продовольствія своихъ особъ макаронами, ризотами и пеперонами, заглядывались на красавицу Терезу и наперерывъ приглашали ее къ себѣ на исповѣдь, но молодая дѣвушка была глуха къ этимъ приглашеніямъ, предпочитая исповѣдываться у стараго и строгаго отца Родриго, одного изъ священниковъ храма св. Петра. Фланирующіе иностранцы также не могли похвастаться особеннымъ вниманіемъ Терезы: она подавала имъ разныя кушанья, вино и фрукты, но на предложенія ухаживателей прокатиться по улицѣ Корсо или въ Пинчіо согласія не давала. И патеры, и форестьеры удивлялись такой несговорчивости Терезы, получавшей всего пятнадцать лиръ въ мѣсяцъ (3 р. 75 к.). Я и мой товарищъ, конечно, заинтересовались Терезой. Вимеркатти съ перваго же раза сталъ за ней ухаживать и говорить ей комплименты. Молодая дѣвушка и съ нимъ вела себя такъ же, какъ съ другими: очень мило

Digitized by Google

прислуживала, вѣжливо отвѣчала на вопросы и только. Собственно, я съ перваго же раза заинтересовался красавицей, но велъ себя далеко не такъ развязно, какъ мой товарищъ. Коробки конфектъ, которыя я покупалъ, всегда отдавалъ Терезѣ Вимеркатти, деньги за обѣдъ также платилъ онъ и по моей просьбѣ никогда не бралъ сдачи. У меня духа не хватало предлагать Терезѣ конфекты или давать ей деньги. Вскорѣ я замѣтилъ, что Тереза поняла кой образъ дѣйствій; принимая конфекты отъ Вимеркатти, она хотя и говорила ему grazie signore, но на меня смотрѣла очень пристально и лукаво улыбалась, точно хотѣла сказать: знаю, отъ кого эти подарки.

Вимеркатти этого не замѣчалъ и все болѣе и болѣе ухаживалъ за Терезой, наконецъ, дошелъ до того, что позволялъ себѣ и нѣкоторыя фамильярности: порывался обнять ея талію, пожать руку выше локтя, посылалъ воздушные поцѣлуи и говорилъ двусмысленности. Молодая красавица удивительно ловко и граціозно парировала всѣ жесты горячаго итальянца, а на воздушные поцѣлуи и двусмысленности не обращала ни малѣйшаго вниманія. Пылкій и, сказать правду, нѣсколько грубый Вимеркатти, наконецъ, сталъ понимать, что всѣ его ухаживанья не встрѣчаютъ сочувствія въ Терезѣ, а, напротивъ, возбуждаютъ въ ней отвращеніе. А когда Тереза наотрѣзъ отказалась погулять съ нимъ послѣ того, какъ въ остеріи прекратится торговля, Вимеркатти не на шутку озлился и вскричалъ:

— Accidente sta porca di Viterbo (чортъ возьми эту свинку изъ Витербо). Ведетъ себя, какъ какая-нибудь дукесса, рыло воротитъ и не хочетъ принять никакихъ предложеній. Скажите, какая добродѣтель! говорилъ онъ злобно,—крестьянка, да еще и служитъ въ кабакѣ!

— Почему же ты не допускаешь, что и въ крестьянкѣ могутъ быть такія же чувства, какъ въ герцогинѣ? возражалъ я.

— Этого никогда не было, да и не могло быть, горячился Вимеркатти,—иначе она бы не служила въ остеріи, гдѣ всякій норовитъ ее облапить.

— Ну, вотъ, какъ видишь, Тереза составляетъ исключеніе, продолжалъ я,—ее не такъ-то легко, какъ ты выражаешься, облапить.

— Да, она тонкая кокетка; несмотря на то, что мужичка, а, какъ видно, цѣну себѣ знаетъ, говорилъ Вимеркатти.

— Я не понимаю, почему ты сознаніе собственнаго достоинства называешь кокетствомъ? возразилъ я.—Какъ по отно-

Digitized by Google

шенію насъ, такъ и по отношенію всѣхъ посѣтителей остеріи, Тереза ведетъ себя чрезвычайно порядочно и съ большимъ тактомъ. Я не замѣтилъ, чтобы она кого-нибудь завлекала. Нельзя назвать кокетствомъ, если она подходитъ къ столикамъ, когда посѣтители ее зовутъ; это ея обязанность. Костюмъ ея также ровно ничего не доказываетъ, кромѣ того, что она привыкла чисто одѣваться.

— Чисто одѣваться! Нѣтъ, это далеко не то, нетерпѣливо возразилъ Вимеркатти:—замѣтилъ ли ты, какъ она всегда къ лицу одѣта? Каждый локонъ, бантикъ, пуговка, пряжечка вовсе не доказываютъ привычки къ чистотѣ, а все это приложено именно для того, чтобы себя украсить, понравиться.

— Но, милый мой, ты уже впадаешь въ крайности, замѣчалъ я:—какъ же ты хочешь, чтобы молодая дѣвушка старалась себя обезобразить? Мнѣ кажется, такихъ оригиналокъ и среди старыхъ нельзя найти.

— Ну, что съ тобой толковать, по всему видно, что ты идеалистъ, злобствовалъ мой пріятель, махнувъ на меня рукой.

Нерѣдко неудача ухаживанія была причиной того, что Вимеркатти прямо начиналъ ругаться и бросалъ комы грязи въ ничѣмъ неповинную дѣвушку. Въ такихъ случаяхъ я прекращалъ разговоръ и брался за шляпу. Вимеркатти успокаивался и молча провожалъ меня до моей квартиры.

Такъ проходило время. Мой пріятель сердился, что его ухаживанія за Терезой не имѣютъ желаннаго результата, а я, напротивъ, все болѣе и болѣе находилъ интересною гордую римлянку и, сознаюсь, грѣшный человѣкъ, въ концѣ концовъ влюбился въ нее безъ ума и безъ памяти. Тереза мнѣ казалась какимъ-то свѣтлымъ идеаломъ, о которомъ я сталъ мечтать днемъ и ночью. Прислужница въ остеріи, простая бѣдная крестьянка, она въ глазахъ моихъ была я вленіемъ, какого я никогда во всю мою жизнь не встрѣчалъ. Получая грошевое жалованье, она отклоняла самыя выгодныя предложенія: этотъ фактъ всего болѣе поражалъ Вимеркатти, осуждавшаго Терезу за то, что она, какъ онъ выражался рыло, воротила отъ всѣхъ, когда ей дѣлали самыя лестныя предложенія многіе богатые синьоры и даже кардиналы. Именно это и возвышало въ моихъ глазахъ молодую дѣвушку. Какъ въ Россіи, такъ и за границей я видѣлъ, что передъ золотомъ все преклоняется, а тутъ простая бѣдная крестьянка съ презрѣніемъ отворачивается отъ роскоши, охраняя свое достоинство. Отсюда является весьма понятнымъ, почему я такъ вы-

Digitized by Google

соко ставилъ Терезу. Не надо было быть идеалистомъ, чтобы не признать бѣдную дѣвушку, отказывавшуюся отъ денегъ, чуть не феноменомъ и не влюбиться въ нее. Къ счастью, послѣдняго мой пріятель не замѣчалъ; онъ, хотя и считалъ меня идеалистомъ, но не допускалъ возможности влюбиться въ крестьянку. Мое поведеніе относительно Терезы онъ приписывалъ свойству моего характера, что я, какъ идеалистъ и притомъ застѣнчивый, неспособенъ фамильярничать съ ней, какъ это дѣлаетъ онъ, Вимеркатти, а конфекты и деньги для передачи Терезѣ я предоставляю ему, Вимеркатти, изъ пріязни, для того, чтобы его ухаживанія за хорошенькой дѣвушкой имѣли благопріятный для него результатъ. Такъ незамѣтно проходило время. Тереза съ чуткостью женщины поняла меня, она увидала, что произвела на меня глубокое впечатлѣніе. Иногда ея взглядъ, брошенный на меня, былъ краснорѣчивѣе всякихъ словъ. При этомъ я, разумѣется, краснѣлъ и спѣшилъ опустить глаза, а она улыбалась, но какъ улыбалась! Я не забуду этой улыбки никогда въ цѣлую мою жизнь. Если существовала на землѣ когда-либо чистая платоническая любовь, то и смѣло могу сказать, что въ то время полюбилъ Терезу платонически. Вимеркатти, ослѣпленный своей животной страстью и злобой на Терезу, не замѣчалъ, что я и она давно уже полюбили другъ друга безъ всякихъ словесныхъ объясненій. Тереза мастерски умѣла пользоваться моментомъ. Когда Вимеркатти читалъ газету или занимался поданнымъ ему кушаньемъ, глаза красавицы, брошенные на меня, загорались страстью и говорили мнѣ о сочувствіи. Я уже не могъ сомнѣваться, что Тереза меня любитъ.

Въ такомъ положеніи были дѣла впродолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, и не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что мои отношенія къ Терезѣ не измѣнились бы и въ болѣе продолжительный срокъ, потому что я, по моей крайней застѣнчивости, никогда бы не рѣшился сдѣлать смѣлый шагъ, если бы не случай, этотъ вѣчный покровитель всѣхъ влюбленныхъ, не помогъ мнѣ. Разъ Вимеркатти почему-то не пришелъ на работу въ Ватиканъ, и я отправился въ остерію „Виноградной лозы" одинъ. При моемъ появленіи Тереза, ставившая приборы на столъ, за которымъ сидѣли какіе-то двое патеровъ, повернула голову въ мою сторону и ея глаза какъ-то особенно сверкнули, а на губахъ показалась самодовольная улыбка.

Я занялъ мѣсто въ углу зала за маленькимъ столикомъ.

Digitized by Google

Тереза тотчасъ же отправилась къ буфету, взяла посуду и подошла къ моему столику.

— Почему вы одинъ безъ вашего товарища? спросила она, ставя приборъ передо мной.

— Не знаю, почему Вимеркатти не пришелъ, отвѣчалъ я,— мнѣ пришлось работать одному.

— Я очень рада, что вашъ товарищъ не пришелъ, тихо сказала она,—мнѣ давно хотѣлось поговорить съ вами объ одномъ очень важномъ дѣлѣ.

Я превратился въ слухъ.

— Вы, кажется, серьезно меня полюбили, продолжала она,— я это давно замѣтила, пожалуйста, не краснѣйте, мнѣ кажется, что тутъ ничего нѣтъ дурного; а лучше вы мнѣ скажите, знаете ли вы, гдѣ находятся развалины Колизея и можете ли вы туда прійти завтра въ 11 часовъ вечера?

Сердце мое замерло отъ восторга и я шепотомъ отвѣчалъ:

— Недалеко отъ Колизея я живу, на площади Трояна.

— И прекрасно, а прійти можете? спрашивала меня Тереза.

— Конечно, приду, что за вопросъ, тихо проговорилъ я.

— Если придете, то и узнаете, люблю ли я васъ, сказала, улыбаясь, Тереза,—а теперь пока кушайте вашу минестру, прибавила она, отходя отъ моего столика.

Но мнѣ было не до минестры. Ложка дрожала въ моихъ рукахъ и я не въ силахъ былъ проглотить куска, всѣ фибры моего организма были напряжены. Мнѣ бы хотѣлось передать то, что я тогда чувствовалъ, но едва ли я сумѣю это сдѣлать. Я былъ молодъ и первый разъ любилъ. Предложеніе Терезы прійти на свиданіе вскипятило всю мою кровь и вскружило голову. Я вышелъ изъ остеріи и побрелъ, какъ пьяный, куда глаза глядятъ. Сначала я отправился на квартиру болѣе по привычкѣ, чѣмъ сознательно. Но дома не находилъ мѣста, не былъ въ силахъ ничѣмъ заняться. Образъ красавицы Терезы заслонялъ собой всѣ набросанные мною на полотнѣ сюжеты. Вмѣсто Медеи я видѣлъ Терезу съ ея очаровательной улыбкой, Тайная вечеря, снятіе съ креста, воскресеніе Христово, вообще всѣ копіи въ моей студіи для меня не существовали. Я видѣлъ всюду только одну Терезу и мое пламенное воображеніе уже рисовало мнѣ картины блаженства завтрашняго свиданья. Эту ночь я, конечно, не спалъ, до утра бродилъ по улицамъ Рима. Часу въ девятомъ, возвратясь на квартиру, я взялъ все необходимое для работы и по обыкновенію отправился въ Ватиканъ. Вимеркатти былъ уже тамъ и работалъ.

Digitized by Google

Здороваясь со мной и пожимая мнѣ руку, онъ спросилъ:

— Что съ тобой, здоровъ ли ты, какой ты блѣдный?

— Я здоровъ, спалъ не совсѣмъ покойно, отвѣчалъ я.

— Смотри, братъ, не подхвати римскую малярію, прибавилъ мой пріятель.

— Богъ милостивъ, сказалъ я, принимаясь за работу.

До полудня мы проработали молча, лишь время отъ времени перекидываясь незначительными фразами. Сначала я было рѣшилъ въ умѣ не идти обѣдать въ остерію „Виноградной лозы", отговориться нездоровьемъ, но потомъ отдумалъ и мы въ часъ пополудни отправились обѣдать. Припоминая этотъ эпизодъ изъ моей жизни, я не могу забыть того глубокаго изумленія, которое было со мной въ этотъ день при встрѣчѣ съ Терезой. Я давно слышалъ, что женщины вообще чрезвычайныя мастерицы себя маскировать, но никогда себѣ не могъ представить, чтобы было возможно такъ искусно скрывать свои чувства, какъ скрывала ихъ въ этотъ день Тереза. Во все время нашего обѣда она даже на меня ни разу и не взглянула. По моей впечатлительности мнѣ пришло въ голову, ужъ не раздумала ли она идти на свиданіе. Но, когда мы собрались уходить и Вимеркатти подошелъ къ окну, чтобы взять шляпу, Тереза вдругъ точно обожгла меня своимъ взглядомъ и выразительно кивнула мнѣ головой. Я точно ожилъ и убѣдился, что Тереза не перемѣнила своего рѣшенія.

Придя на квартиру, я было хотѣлъ чѣмъ-нибудь заняться, но и на этотъ разъ ни рисовать, ни читать ничего не могъ. Пробѣгавъ изъ угла въ уголъ и выпивъ цѣлый графинъ воды, я надѣлъ шляпу и вышелъ на улицу. Сначала направилъ шаги мои въ Пинчіо, тамъ, выбравъ уединенную скамейку, сѣлъ и предался сладостнымъ мечтаніямъ. Рука не подымается, чтобы передать бумагѣ всю нелѣпость воздушныхъ замковъ, которые я, страстно влюбленный, тогда строилъ. Мечтательный отъ природы, я возвелъ предметъ моего обожанія на недосягаемую высоту: Тереза казалась мнѣ какимъ-то божествомъ, существомъ не отъ міра сего. Въ то время мнѣ хотѣлось быть міровой знаменитостью, зарабатывать милліоны и ихъ сложить у ногъ моей богини. Но мечтанія, несмотря на ихъ радужность и очевидную нелѣпость, не совсѣмъ затемнили мой разумъ: я сознавалъ, что мнѣ до знаменитости далеко, что прежде всего мнѣ надо учиться и учиться. Нѣкоторыя копіи, заказанныя мнѣ, за которыя я могъ получить деньги, не были еще готовы, я вспомнилъ объ этомъ и побѣжалъ обратно на квар-

Digitized by Google

тиру. Пріѣдя домой, я съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ бросился къ полотну, взялъ кисть и сталъ кончать одну изъ копій, но, увы, послѣ выпитаго стакана воды я увидѣлъ, что не окончилъ мою картину, а лишь испортилъ ее; чуть ли не со слезами я кинулъ кисть и бросился изъ дома. Не знаю, какъ я попалъ на мостъ св. Ангела. Мрачно глядѣла крѣпость, откуда несчастные шли на висѣлицу или на каторгу. Заходящіе лучи солнца падали на мутныя волны Тибра, шумно разбивающіяся у подножія угловыхъ башенъ крѣпости. Я остановился на мосту и, точно очарованный, уставилъ глаза на это страшное зданіе, исторія котораго полна ужасами. Тяжелое чувство легло на мою душу, въ глазахъ потемнѣло и мнѣ вдругъ показалось, будто я вижу Терезу въ глубокомъ траурѣ. Увы! то было нехорошее предчувствіе. Постоявъ нѣкоторое время, я поспѣшилъ уйти съ моста и повернулъ направо на улицу Корсо. Тамъ двигалась толпа людей, туда и сюда проѣзжали экипажи, но все это движеніе нимало не отвѣчало моему настроенію духа; мнѣ хотѣлось быть одному и свободно предаться сладостной мечтѣ о предстоящемъ блаженствѣ. Но остаться одному мнѣ не удалось. Свернувъ на Piazza Colonna, я вошелъ въ одну изъ кофеенъ и, занявъ мѣсто въ углу за маленькимъ столикомъ, сталъ смотрѣть на сидѣвшихъ и входившихъ посѣтителей. И здѣсь, въ кофейнѣ, какъ и повсюду въ Римѣ, на всемъ лежало католическое благочестіе. Надъ буфетомъ висѣли не часы, какъ это бываетъ обыкновенно, а большой черный крестъ съ распятымъ Христомъ, выточеннымъ изъ слоновой кости, кругомъ разставленные столики были покрыты черной клеенкой.

Посѣтители, духовные, статскіе и военные, молча сидѣли за своими столиками, скромно опустивъ глаза въ чашки кофе, разговоръ между ними происходилъ чуть не шопотомъ, они точно боялись собственныхъ своихъ голосовъ. Глядя на всѣхъ этихъ благочестивыхъ католиковъ, смиренно сидящихъ кругомъ, мнѣ почему-то пришли на умъ слова Христа Спасителя: „горе вамъ, книжники, фарисеи и лицемѣры“. Не допивъ своего кофе, я поспѣшилъ выйти на улицу. Въ этотъ день я исходилъ весь Римъ вдоль и поперекъ. Передъ закатомъ солнца я опять воротился домой, тамъ мнѣ сказали, что Вимеркатти былъ и спрашивалъ, куда я пошелъ, но ему отвѣчали незнаніемъ. Такая любезность моего пріятеля мнѣ совсѣмъ не понравилась; его визитъ именно въ тотъ день, когда я долженъ былъ идти на свиданіе съ Терезой, былъ положи-

Digitized by Google

тельно не котати. Я легъ на диванъ и сталъ глядѣть въ потолокъ. Мысли мои путались, я рѣшительно не могъ ни о чемъ думать, кромѣ предстоящаго свиданія. Время, какъ мнѣ казалось, тянулось нестерпимо долго. Наконецъ, солнце сѣло. Въ комнатѣ стало темно, я пролежалъ еще нѣкоторое время на диванѣ, опять сталъ мѣрить мою комнату и, несмотря на то, что еще не было и девяти часовъ, вышелъ изъ дома. Пройдя площадь Троянa, я свернулъ въ узкій переулокъ, ведущій въ маленькій крытый рынокъ, и потомъ по каменной лѣстницѣ вышелъ на знаменитый холмъ, у подножія котораго рисовался силуэтъ развалившагося громаднаго зданія, древняго величія и вмѣстѣ съ тѣмъ вѣчнаго позора языческаго Рима— Колизея. Въ ночное время, при лунномъ свѣтѣ въ особенности, это полуразвалившееся зданіе имѣетъ какой-то фантастическій, таинственный видъ. Острыя верхушки лапъ и башенъ, освѣщенныя блѣдными лучами мѣсяца, подымаясь къ небу, точно молятъ его простить великимъ злодѣямъ совершенныя ими преступленія въ продолженіе ряда вѣковъ; тамъ, внизу, на аренѣ Колизея, куда не проникаетъ лучъ солнца, откуда и въ наше время христіанскаго Рима будто слышатся стоны гладіаторовъ, умирающихъ для забавы безчувственной толпы, рыканье голодныхъ звѣрей и священные гимны христіанскихъ праведниковъ, обреченныхъ на страшную смерть. Арена Колизея, насыщенная кровью, давно уже заросла крапивой и лопухомъ, ложа цезаря, передъ которой останавливались съ привѣтствіями гладіаторы, обреченные на смерть, ради потѣхи римскихъ гражданъ, развалилась и клѣтки дикихъ звѣрей завалены мусоромъ. Развалины Колизея до сихъ поръ пугаютъ суевѣрныхъ римскихъ гражданъ, имъ кажется, что души замученныхъ людей въ ночное время бродятъ среди развалинъ. Католическіе священники, желая поселить въ народѣ отвращеніе къ языческому Риму, поддерживаютъ этотъ суевѣрный страхъ. Въ своихъ проповѣдяхъ они иначе не называютъ Колизей, какъ проклятымъ мѣстомъ, гдѣ въ ночное время бродятъ души растерзанныхъ звѣрями христіанъ и убитыхъ гладіаторовъ, а въ полночь прилетаютъ вѣдьмы и на аренѣ устраиваютъ шабашъ. Толпа вѣритъ благочестивымъ пастырямъ и ночью далеко обходитъ Колизей. Воры и грабители пользуются этой дурной славой о Колизеѣ и нерѣдко зимой въ ночное время разводятъ огонь на аренѣ. Полицейскіе далеко видятъ эти огни, но, получивъ строгое приказаніе отъ начальствующихъ епископовъ и архіеписко-

Digitized by Google

повъ не касаться чертовщины, они не трогаются съ мѣста. Въ эпоху папъ-королей въ Римѣ бороться съ нечистой силой имѣли право только духовныя лица. Въ виду всего этого прохожіе, замѣтивъ ночью въ Колизеѣ огонь, далеко обходили проклятыя развалины.

Лучшаго мѣста для свиданія Тереза не могла выбрать. Ей не разъ приходилось слышать отъ патеровъ разные ужасы о Колизеѣ, но она, какъ дѣвушка умная, не вѣрила этимъ сказкамъ.

Тереза, назначивъ мнѣ свиданіе въ Колизеѣ ночью, не могла подвергнуться нескромнымъ взглядамъ; а бандитовъ, которые иногда устраивали свиданіе въ Колизеѣ, она не боялась. Бандиты и влюбленные никогда не мѣшали другъ другу. Этимъ послѣднимъ обстоятельствомъ и объясняется предпочтеніе влюбленныхъ Колизея всѣмъ римскимъ садамъ и паркамъ.

Когда я подошелъ къ Колизею, луна уже показалась на темномъ небѣ и городской шумъ мало-по-малу сталъ стихать. Подойдя къ входу, я невольно остановился, этотъ мракъ наводилъ на меня какой-то ужасъ. Въ головѣ быстро смѣнялись мысли одна другой мрачнѣе. Исторія Колизея въ мигъ пришла мнѣ на память и я чувствовалъ, что могу дойти до галлюцинацій.

Сдѣлавъ нѣсколько туровъ по холму, я сталъ всматриваться вдаль. Мало-по-малу глаза мои стали различать предметы. Я, конечно, сосредоточилъ все мое вниманіе на тѣхъ мѣстахъ, по которымъ должна была проходить Тереза. Долго я всматривался и ничего не могъ различить, кромѣ кровель, домовъ и куполовъ церквей, слабо освѣщенныхъ блѣдными лучами мѣсяца. Наконецъ, отъ площади св. Петра я увидалъ отдѣлившуюся и движущуюся точку, она постоянно увеличивалась и я ясно увидалъ идущую фигуру. Сердце мое замерло отъ восторга, дыханіе прекращалось въ груди. Прислонившись къ стѣнѣ, я продолжалъ ожидать; фигура спустилась съ холма и для меня уже не было сомнѣнія, что она прямо идетъ къ развалинамъ. Тереза была такъ тщательно закутана въ мантилью, что узнать ее не было никакой возможности.

Сбросивъ съ головы капюшонъ мантильи, она быстро подошла ко мнѣ и, молча взявъ меня подъ руку, повела къ входу Колизея. Я молча слѣдовалъ за ней, какъ послушный ребенокъ. Подойдя къ угловой башнѣ, она повернула въ коридоръ, заваленный мусоромъ, и поднялась къ ложамъ второго этажа. Въ одной изъ нихъ она сѣла на каменное возвышеніе и указала мнѣ мѣсто возлѣ себя. Она еще болѣе откинула

Digitized by Google

назадъ капюшонъ, взглянула на меня и улыбнулась; до сихъ поръ мы не перемолвились ни однимъ словомъ. Я уставилъ на нее мои глаза и замиралъ отъ восторга. Лучи мѣсяца освѣщали ея лицо матоваго цвѣта, ея глаза горѣли, какъ двѣ свѣчки. Она мнѣ казалась красивѣе, чѣмъ когда-нибудь. Я совсѣмъ растерялся и не въ силахъ былъ вымолвить слова, точно у меня языкъ отнялся отъ восторга. Тереза видѣла все это и любовалась моимъ смущеніемъ. Промолчавъ еще немного, она улыбнулась и прошептала:

— Отчего вы не такой, какъ всѣ?

Я еще болѣе сконфузился и, конечно, не могъ отвѣчать на ея вопросъ.

Тереза продолжала:

— Знаете, зачѣмъ я васъ сюда пригласила? Чтобы сказать, какъ я васъ люблю.

Съ этими словами она обняла меня и точно обожгла мои губы поцѣлуемъ.

Я совсѣмъ потерялъ голову, обезумѣлъ отъ счастья, сжалъ ее въ своихъ объятіяхъ и замеръ.

— Да, да, я люблю тебя, шептала Тереза,—ты возвысилъ меня въ моихъ собственныхъ глазахъ. Ты первый показалъ мнѣ, что я человѣкъ, а не вещь, которую можно купить для забавы. За это я тебя полюбила и готова для тебя сдѣлать все, что ты захочешь.

Я что-то лепеталъ непонятное, но что именно, не знаю, до сихъ поръ не могу сообразить.

Тереза, немного отклонивъ назадъ голову, говорила:

— Знаешь, когда я въ первый разъ увидала тебя, не скрою, ты мнѣ очень понравился, показался мнѣ такимъ красивымъ съ своей шапкой русыхъ кудрей и дѣтскимъ румянцемъ на щекахъ, но я, признаться, не обратила на тебя особеннаго вниманія: мало ли у насъ въ остеріи бываетъ красивыхъ юношей. Но впослѣдствіи ты меня прямо поразилъ. Я никогда не могла себѣ представить, чтобы на свѣтѣ могли быть такіе мужчины, какъ ты, я всѣхъ судила по нашимъ итальянцамъ. У нихъ вѣчно одно на умѣ, они не допускаютъ ничего человѣческаго въ женщинѣ, въ особенности, если она бѣдна. Они воображаютъ, что каждую дѣвушку можно склонить на все, если дѣлать ей подарки (regale). Ты же, напротивъ, всегда конфузился, когда Вимеркатти давалъ мнѣ твои конфекты и не бралъ у меня сдачи. Мнѣ вовсе не трудно было догадаться, что и то и другое принадлежитъ тебѣ, а не твоему товарищу.

Digitized by Google

Все это я поняла и оцѣнила тебя, ты сразу выросъ въ моихъ глазахъ и сталъ интереснымъ. Я видѣла, какъ ты страдалъ отъ пошлой фамильярности со мной Вимеркатти, хотя всѣ эти заигрыванія твоего пріятеля со мной возбуждали во мнѣ отвращеніе, а иногда и смѣхъ. Отъ грубости Вимеркатти, ты кажется, болѣе страдалъ, чѣмъ я. Мнѣ пора привыкнуть къ такимъ маневрамъ моихъ милыхъ соотечественниковъ; я уже семь мѣсяцевъ служу въ остеріи „Виноградной лозы", мнѣ предлагали и золото, и почетъ, и райское блаженство на небѣ; все это я уже слышала и не одинъ разъ. Аристократы и капиталисты посылали мнѣ кошельки съ золотомъ, князья церкви, т. е. кардиналы, приглашали меня къ себѣ на ужины, а благочестивые патеры звали меня къ себѣ на исповѣдь. Не скрою отъ тебя, что и мой хозяинъ синьоръ Кирьяни, владѣтель остеріи, заинтересованъ былъ во всѣхъ этихъ подступахъ и всегда мнѣ говорилъ: да вы, Тереза, просто сумасшедшая (mata), что не соглашаетесь на предложеніе кардинала или барона, вы не хотите понять своего счастья и т. д., и т. д. Все это возбуждало во мнѣ омерзеніе и смѣхъ.

Эта разумная и трезвая рѣчь моей очаровательной собесѣдницы благодѣтельно подѣйствовала на меня, я сталъ приходить въ себя, опьяненіе нѣсколько разсѣялось и я сказалъ:

— Тереза, я люблю тебя искренно, горячо, не могу жить безъ тебя, брось ты свою остерію и будь моей женой.

— О, другъ мой, вскричала, обнимая меня, Тереза,—я всегда готова принадлежать тебѣ, когда ты захочешь, хоть сейчасъ!

— Нѣтъ, моя милая, отвѣчалъ я, окончательно опомнившись,—теперь, въ эту минуту я не имѣю права давать волю моимъ чувствамъ, я не пошлый ухаживатель, а искренно, глубоко любящій тебя человѣкъ. Какъ скоро я окончу заказанную мнѣ копію „Снятія съ креста" и получу деньги, какъ мнѣ обѣщали, мы обвѣнчаемся и уѣдемъ въ Россію.

— Вези меня въ свою Сибирь женой или любовницей, какъ ты хочешь, я на все согласна, потому что ты хорошій и я люблю тебя, говорила Тереза, прижимаясь ко мнѣ.

— Почему ты думаешь, что я тебя повезу въ Сибирь?

— Ты же въ Россію хочешь ѣхать со мною? отвѣчала она.

— Да, въ Петербургъ, но не въ Сибирь, улыбаясь, сказалъ я.

— Развѣ Петербургъ не въ Сибири? удивленно спросила Тереза.

Я постарался разувѣрить ее въ этомъ глупомъ предраз-

Digitized by Google

судкѣ, которымъ страдаютъ всѣ иностранцы, въ особенности итальянцы.

— Вотъ какъ! удивилась Тереза,—а мнѣ говорили, что ваша Santa Russia Сибирь, и что тамъ вѣчные морозы, и что вы русскіе... при этомъ она замолчала и потупила глаза.

— Ну, доканчивай же, что ты хотѣла сказать, спросилъ я.

— Я боюсь, ты, пожалуй, разсердишься, тихо сказала Тереза.

— Даю тебѣ слово не разсердиться, увѣрялъ я ее.

— Мнѣ разсказывали, будто русскіе тамъ у себя въ Сибири ѣдятъ маленькихъ дѣтей, еле слышно прибавила Тереза.

Я отъ души расхохотался и спросилъ ее:

— И ты повѣрила такимъ нелѣпостямъ?

— Да, мнѣ это говорили многіе и даже мой духовникъ, отецъ Родриго. Когда я на исповѣди призналась ему, что полюбила тебя, онъ мнѣ сказалъ: „смотри, дочь моя, будь осторожна, русскіе у себя въ Сибири ѣдятъ маленькихъ дѣтей и тебя заставятъ дѣлать то же самое".

Я опять разсмѣялся и вмѣсто отвѣта крѣпко поцѣловалъ этого чуднаго, наивнаго ребенка; Тереза своимъ дѣтскимъ довѣріемъ обезоруживала мою страсть, спасала меня отъ многихъ бѣдъ. У меня никогда не доставало духа нарушить чистоту, нашихъ отношеній. Въ развалинахъ Колизея, въ темную ночь, когда мы были одни, я съ такимъ же благоговѣйнымъ восторгомъ относился къ Терезѣ, какъ и въ остеріи „Виноградной лозы" при Вимеркатти и большомъ обществѣ, окружавшемъ насъ. Наши свиданія въ Колизеѣ устраивались каждый день. Мы сидѣли, обнявшись, говорили о нашей свадьбѣ, строили воздушные замки, я разсказывалъ Терезѣ о Россіи, о Петербургѣ, конечно, лепетали разный любовный вздоръ и безпрестанно цѣловались. Наши свиданія были каждый день въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль. Мнѣ не было надобности просить объ этомъ Терезу, она, въ свою очередь, прощаясь со мной, никогда не говорила мнѣ, чтобы я приходилъ на другой день. Мы оба аккуратно являлись къ Колизею въ 11 часовъ ночи. Не явиться на свиданіе, для насъ казалось невозможнымъ. Долгіе часы мы проводили вмѣстѣ и нерѣдко поцѣлуй потемнялъ мой разсудокъ, впрочемъ, не до такой степени, чтобы я окончательно забылся. Тереза, несмотря на ея итальянскій пылъ, цѣнила во мнѣ эту сдержанность. Такъ мы наслаждались въ продолженіе долгаго времени. Какъ вдругъ надъ нашими головами разразилась бѣда, которую не ожидалъ ни я, ни Тереза. Къ несчастью, всему былъ причиной наглый

Digitized by Google

цинизмъ моего пріятеля Вимеркатти. Наружныя мои отношенія къ нему, разумѣется, были прежнія, я не показывалъ вида, что сблизился съ Терезой. Мы работали вмѣстѣ и, по обыкновенію, каждый день ходили обѣдать въ остерію „Виноградной лозы". Вимеркатти, какъ было видно, не отчаявался покорить сердце Теревы, продолжалъ съ ней фамильярничать, говорилъ ей разныя двусмысленныя пошлости, порывался обнять ея талію, что, какъ и прежде, ему никогда не удавалось. Я велъ себя особенно сдержанно, не выказывалъ сердечной боли, глядя и слушая моего пріятеля. Тереза также вела себя превосходно, ни мало-мальски не измѣняя себѣ, она точно такъ же обращалась со мной, какъ и прежде. Вимеркатти никоимъ образомъ не могъ догадаться о нашихъ свиданіяхъ. Моя сдержанность показалась ему равнодушіемъ къ Терезѣ, такъ что одинъ разъ онъ мнѣ сказалъ:

— Неужели тебѣ не нравится эта миловидная крестьяночка?

На такіе вопросы я никогда не отвѣчалъ, только улыбался. Вимеркатти относилъ все это къ моему равнодушію къ Терезѣ, а несговорчивость молодой дѣвушки и ея отвращеніе къ нему перетолковывалъ по-своему, будто молодая красавица не желаетъ заняться имъ, бѣднымъ художникомъ, разсчитывая попасть на содержаніе къ какому-нибудь барону или князю церкви. Все это меня крайне возмущало, но, повторяю, я сдерживался и слушалъ совѣты Терезы не обращать вниманія на фарсы, какъ она называла Вимеркатти, этого сумасшедшаго дурака.

Въ такомъ положеніи были дѣла въ продолженіе нѣкотораго времени, когда, наконецъ, терпѣніе мое лопнуло и я прорвался самымъ роковымъ для меня образомъ.

Разъ Тереза по случаю легкаго нездоровья не пришла въ остерію, ея мѣсто заняла другая прислужница.

— Почему Терезы нѣтъ? спросилъ Вимеркатти.

— Она нездорова, отвѣчала новая прислужница.

— Знаемъ мы это нездоровье, сказалъ Вимеркатти,—она, вѣроятно, *занята*.

Меня сильно покоробилъ цинизмъ итальянца, я не утерпѣлъ и спросилъ его:

— Скажи мнѣ, пожалуйста, по какому поводу ты дѣлаешь такія обидныя заключенія?

— По какому поводу! вскричалъ Вимеркатти,—вотъ странный вопросъ. Молодая красивая крестьянка служитъ въ остеріи, кажется, нетрудно понять, почему она отсутствуетъ.

Я начиналъ окончательно терять терпѣніе, мое дыханіе

Digitized by Google

точно задерживалось въ груди, горловая спазма душила меня какъ клещами.

— Тебѣ, кажется, болѣе, чѣмъ кому-нибудь, сказалъ я,— слѣдовало бы воздержаться отъ грязныхъ заключеній о поведеніи Терезы.

— Я понимаю, другъ мой, на что ты намекаешь, отвѣчалъ Вимеркатти, злобно сверкнувъ глазами,—но вѣдь мой неуспѣхъ у Терезы происходитъ вовсе не отъ ея добродѣтели, какъ ты наивно думаешь, а потому, что я недостаточно богатъ.

— Ты вздоръ говоришь! вскричалъ я,—и мнѣ непріятно тебя слушать.

— Ты можешь меня не слушать, но отъ этого добродѣтель *синьорины* Терезы не прибавится, она будетъ продолжать свое выгодное ремесло, расхохотался Вимеркатти.

— Что ты этимъ хочешь сказать, спросилъ я, совсѣмъ задыхаясь отъ волненія.

— Неужели тебѣ не понятно? Ты желаешь, чтобы я тебѣ объяснилъ? Изволь, милый другъ, продолжалъ въ томъ же тонѣ мой пріятель.—Всѣ дѣвушки, прислуживающія въ остеріяхъ, если онѣ молоды и хороши собою, привлекаютъ публику и почти всегда бываютъ весьма выгодной статьей дохода, какъ для себя, такъ и для хозяевъ такихъ заведеній. Почему ты думаешь, что красавица Тереза должна быть исключеніе? Отъ меня она рыло воротитъ по причинѣ весьма понятной, она не разсчитываетъ получить хорошее вознагражденіе за свою благосклонность ко мнѣ; иное дѣло именитый кардиналъ или богатый баронъ, о! съ ними она, конечно, болѣе любезна, чѣмъ со мной, бѣднымъ художникомъ.

— Уши вянутъ отъ вздора, который ты мелешь! вскричалъ я внѣ себя отъ негодованія.

Вимеркатти громко расхохотался, отшатнулся на спинку стула, какъ-то особенно выразительно зашипѣлъ, пристально посмотрѣлъ на меня и сказалъ:

— Ба! ба! ба! господинъ идеалистъ, какъ ты близко къ сердцу принимаешь репутацію *синьорины* Терезы, все это становится подозрительнымъ, ужъ не удалось ли и тебѣ быть въ числѣ ея кліентовъ?!

— Подлецъ! вскричалъ я, вставая.

— О, если ругаешься, то можно уже навѣрное сказать, что ты былъ любовникомъ Терезы, отвѣчалъ Вимеркатти, нагло мѣряя меня глазами.

— Я былъ любовникомъ Терезы, я?! Повтори, негодяй, что ты сказалъ, кричалъ я, окончательно выходя изъ себя.

Digitized by Google

— И повторю, сто разъ повторю, если ты такъ защищаешь Терезу, значитъ не можетъ быть сомнѣнія, что ты былъ ея любовникомъ. Я готовъ это закричать среди площади, при всемъ честномъ народѣ, продолжалъ кричать Вимеркатти.

Наши объясненія происходили громко. Всѣ присутствовавшіе въ остеріи обратили на насъ вниманіе; на многихъ лицахъ появились ироническія улыбки.

Я окончательно потерялъ голову.

— А, если такъ, задыхаясь, сказалъ я,—то вотъ же тебѣ, негодяй!

Съ этими словами я схватилъ стоявшую на столѣ бутылку и ударилъ ею по головѣ Вимеркатти. Къ несчастью, ударъ пришелся какъ разъ по виску и произошло совершенно для меня неожиданное обстоятельство. Вимеркатти пошатнулся въ сторону и грузно упалъ, обливаясь кровью. Всѣ всполошились и бросились къ нашему столику; нѣкоторые стали поднимать Вимеркатти, начали прикладывать къ его головѣ мокрыя салфетки. Между тѣмъ одинъ патеръ подошелъ къ раненому, приложилъ руку къ его сердцу и, обращаясь ко всѣмъ присутствовавшимъ, сказалъ:

— Всѣ ваши хлопоты лишнія, онъ умеръ, пошлите за полиціей.

Вскорѣ явились карабинеры и меня арестовали.

Меня тотчасъ же отправили въ крѣпость св. Ангела. Тамъ, послѣ краткаго опроса въ святой офиціи, меня посадили въ маленькій казематъ съ толстой желѣзной рѣшеткой въ окнѣ, выходившемъ на Тибръ. Въ казематѣ не было никакой мебели, кромѣ кровати съ матрасомъ, набитымъ болотной травой, застланнымъ грубымъ суконнымъ одѣяломъ, деревяннаго табурета и небольшого столика, на которомъ стояла глиняная кружка съ водой и лежала библія.

Въ первые часы ареста голова моя была точно въ туманѣ, я ничего не могъ сообразить, будто все это со мной совершилось во снѣ. Остерія „Виноградной лозы", убитый мною Вимеркатти, Панчіо, Колизей, Тереза, все это перепуталось въ моей головѣ. Когда тюремный сторожъ привелъ меня въ казематъ и захлопнулъ дверь, я легъ на постель, точно утомившись послѣ трудной, тяжелой работы. Уставивъ глаза въ потолокъ, я думалъ о прошломъ, повторяю, безъ малѣйшей связи. Ко мнѣ сознаніе пришло лишь въ то время, когда желѣзные запоры загремѣли въ моей двери и появился сторожъ съ кускомъ хлѣба въ рукахъ и миской какого-то варева; это былъ мой

Digitized by Google

ужинъ. Первый лучъ сознанія, освѣтившій мой мозгъ, былъ причиною моего глубокаго горя, я повернулъ лицо къ подушкѣ и заплакалъ, какъ маленькій ребенокъ; сознаніе, что я убилъ человѣка, приводило меня въ ужасъ. Къ моему великомусчастью, я долго плакалъ, слезы какъ бы размягчили тотъ камень, который давилъ мнѣ грудь. Я почувствовалъ себя значительно лучше, хотя сознаніе всего ужаса моего положенія причиняло мнѣ жгучую боль сердца. Прежде всего я, конечно, думалъ о Терезѣ, какъ подѣйствуетъ на нее мой поступокъ. Я зналъ навѣрное, что Тереза меня осудитъ, она постоянно была противъ моихъ вспышекъ, когда Вимеркатти позволялъ себѣ пошлости съ ней. Тереза всегда мнѣ говорила, что не слѣдуетъ принимать близко къ сердцу грубыя выходки Вимеркатти, но вмѣстѣ съ тѣмъ я утѣшалъ себя надеждой, зная разсудительность Терезы. Неужели, думалъ я, она не пойметъ, что я не имѣлъ намѣренія убить Вимеркатти, этотъ грѣхъ случился противъ моей воли. Затѣмъ мнѣ была извѣстна вся строгость уголовныхъ законовъ папской области. Я приходилъ въ ужасъ отъ мысли предстоявшей мнѣ кары. За послѣднее время въ Римѣ осуждали на каторгу или вѣшали за самыя ничтожныя преступленія. Правда, всѣ эти преступленія имѣли политическую окраску, но у страха глаза велики, мнѣ казалось, что и мое преступленіе судьи подведутъ подъ общія положенія уголовнаго кодекса.

Первые дней десять меня не требовали къ допросу, точно обо мнѣ забыли, потомъ явился ко мнѣ тюремщикъ и объявилъ мнѣ, что меня требуютъ въ святую офицію. Приведя въ возможный порядокъ мой черезчуръ небрежный туалетъ, я послѣдовалъ за тюремщикомъ. Мы прошли длинный корридоръ, дворъ, опять корридоръ, длинный и мрачный, въ концѣ котораго была дверь, ведущая въ святую офицію. Тюремщикъ ввелъ меня туда и громко прокричалъ мою фамилію или скорѣе № каземата, гдѣ я сидѣлъ.

— Avanti! т. е. приближьтесь, важно сказалъ попъ, сидѣвшій за столомъ, покрытымъ чернымъ сукномъ.

Я посмотрѣлъ на распятіе, висѣвшее надъ столомъ, и, поручивъ себя милосердію Бога, приблизился къ столу.

— Кто вы такой, ваше имя, фамилія и вѣроисповѣданіе? задалъ мнѣ гнусавымъ голосомъ вопросъ патеръ-слѣдователь.

Я сказалъ.

— Давно ли вы живете въ Римѣ? продолжалъ слѣдователь.

— Одиннадцатый мѣсяцъ, отвѣчалъ я.

Digitized by Google

— Ваша профессія?

— Художникъ.

— Откуда вы пріѣхали въ Римъ? спрашивалъ патеръ.

— Изъ Петербурга, отвѣчалъ я.

— Въ Туринѣ и Флоренціи были?

— Былъ только проѣздомъ.

— У васъ есть тамъ знакомые? допытывался слѣдователь.

— Да, среди моихъ соотечественниковъ русскихъ.

— Вы имѣете знакомыхъ во Флоренціи?—спрашивалъ патеръ.

— Очень мало.

— При дворѣ короля Виктора Эммануила вамъ случалось бывать?

— Никогда не бывалъ.

— А между итальянскими дипломатами у васъ есть знакомые?

— Никого изъ нихъ я не знаю.

— Съ министромъ Кавуромъ вамъ случалось бесѣдовать?

— Нѣтъ.

— А скажите мнѣ, вскинулъ на меня пытливый взглядъ благочестивый патеръ,—а на островъ Капрери вы ѣздили?

— Никогда не былъ тамъ.

— Но вы со всѣми вашими соотечественниками, проживающими въ Италіи, знакомы?

— Только съ тѣми, которые пріѣхали въ Италію для изученія искусства.

— Ну, а съ М—вымъ и съ П—вымъ вы, вѣроятно, знакомы, продолжалъ слѣдователь.

— Я ихъ не знаю, чѣмъ они занимаются?

— Они пристали къ бандѣ извѣстнаго корсара Гарибальди и пользуются популярностью въ извѣстномъ кружкѣ такъ называемыхъ либераловъ Италіи.

— Я политикой никогда не занимался, а потому и не принадлежалъ ни къ либеральной, ни къ консервативной партіямъ. Путешествуя по итальянскимъ городамъ Милану, Венеціи, Флоренціи, Неаполю, я посѣщалъ только картинныя галлереи, музеи, церкви, копировалъ произведенія великихъ художниковъ, не обращая ни малѣйшаго вниманія на совершающуюся кругомъ меня агитацію, въ какую бы сторону она ни клонилась.

— Да, вы политикой не занимались, согласился со мной слѣдователь,—мы это видѣли изъ всего того, что взято на вашей квартирѣ.

Digitized by Google

Меня крайне удивилъ подробный допросъ слѣдователя—откуда я пріѣхалъ и съ кѣмъ былъ знакомъ, и весьма поверхностный допросъ собственно о моемъ преступленіи. Лишь впослѣдствіи я разрѣшилъ эту загадку. Правительство папы съ кардиналомъ Антонелли во главѣ, въ концѣ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годовъ, не шутя напуганные Маззини и Гарибальди, положившихъ для себя главной задачей отнять Римъ у папы, все свое вниманіе сосредоточило на политической агитаціи, которая, несмотря на всѣ строгости, стала проникать въ Римъ, даже въ Ватиканъ. На разбои, убійства, грабежи, воровства благочестивые отцы католической церкви, управлявшіе папской областью, смотрѣли сквозь пальцы или наказывали весьма слабо. Въ эпоху папъ-королей подъ Римомъ и въ самомъ Римѣ расплодилось такое множество бандитовъ, что сельскіе жители и горожане принуждены были платить имъ дань для того, чтобы быть покойнымъ у себя дома и не быть убитымъ и ограбленнымъ на улицѣ. Полиція знала обо всемъ этомъ и не принимала никакихъ мѣръ противъ бандитовъ. Между тѣмъ малѣйшая политическая неблагонадежность вела къ висѣлицѣ или самое меньшее къ каторжнымъ работамъ.

Слѣдователь, убѣдившись, что я не участвовалъ въ *проискахъ* либераловъ, сталъ мнѣ задавать весьма поверхностные вопросы о моемъ преступленіи.

— Скажите, за что вы убили этого несчастнаго Вимеркатти? спросилъ онъ меня.

Не желая вмѣшивать Терезу въ слѣдствіе, я отвѣчалъ, что ссора наша произошла изъ-за того, что Вимеркатти позволилъ себѣ дурно относиться о моемъ отечествѣ Россіи, но этотъ мой маневръ мнѣ не удался.

— Вы говорите неправду, лѣниво возразилъ мнѣ слѣдователь,—вы убили Вимеркатти изъ ревности. Онъ также ухаживалъ за прислужницей остеріи Терезой, какъ и вы, и вамъ это не понравилось.

— Вы говорите о дѣвицѣ, которая прислуживала намъ въ остеріи „Виноградной лозы" спросилъ я.

— Да, о крестьянкѣ изъ Витербо Терезѣ.

— Я долженъ заявить вамъ, г. слѣдователь, что никогда не ухаживалъ за дѣвицей Терезой это первое, а второе и самое главное—поведеніе дѣвицы Терезы по отношенію всѣхъ посѣтителей остеріи было настолько прилично, что оно ни въ комъ не могло возбудить ревности, сказалъ я.

Digitized by Google

— Однако, чѣмъ же объяснить вашу горячую защиту Терезы и ссору изъ-за нея съ Вимеркатти. По поводу этого у насъ имѣются показанія нѣсколькихъ свидѣтелей, присутствовавшихъ въ остеріи въ то время, когда произошла ссора между вами и Вимеркатти. Нѣтъ, вы лучше не запутывайте вашего дѣла, для васъ же хуже будетъ, прибавилъ слѣдователь,—не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что вы убили Вимеркатти изъ ревности.

— Но я протестую всѣми силами моей души противъ такого обвиненія, вскричалъ я,—дѣвица Тереза, повторяю, не могла возбудить ревности.

— Полноте, апатично возразилъ слѣдователь,—противъ васъ будутъ всѣ свидѣтели.

— Я не скрываю, что цинизмъ Вимеркатти возмутилъ меня, но это была не ревность.

— А что же по-вашему? улыбнулся слѣдователь.

— Мнѣ просто было гадко слушать, какъ Вимеркатти чернилъ честную дѣвушку.

— И вы вступились за ея честь?

— Да, вступился.

— Это за честь крестьянки-то, служащей въ остеріи? Но, ради Бога, кто же вамъ повѣритъ, расхохотался слѣдователь.—Лучше подпишите-ка протоколъ и покончимъ эти разговоры.

Съ послѣднимъ я долженъ былъ согласиться. Господинъ слѣдователь также, какъ и всѣ его соотечественники, не допускалъ возможности вступиться за честь крестьянки. Я подписалъ протоколъ. Патеръ-слѣдователь позвонилъ, явился тюремщикъ.

— Проводите синьора въ его помѣщеніе, сказалъ слѣдователь, обращаясь къ тюремщику. Нѣсколько ободренный благодушіемъ патера-слѣдователя я сталъ просить его позволить мнѣ писать мой дневникъ.

— А писемъ къ либераламъ писать вы не будете?—улыбаясь, спросилъ меня патеръ.

— Конечно, не буду отвѣчалъ я,—потому что не знаю ни одного либерала.

— Хорошо, я отдамъ приказаніе, чтобы вамъ дали бумагу перо и чернилъ, кивнулъ головой слѣдователь, давая этимъ знать, чтобы меня обратно отвели въ казематъ.

На этотъ разъ обо мнѣ опять забыли и забыли надолго. Благочестивымъ отцамъ католической церкви, какъ я впо-

Digitized by Google

слѣдствіи узналъ, было не до меня, обвинявшагося въ убійствѣ не съ политической цѣлью. Всѣ святыя офиціи были завалены дѣлами о карбонарахъ, маззинистахъ, гарибальдійцахъ и т. д. Съ тѣхъ поръ, какъ было дознано, что я не принадлежалъ ни къ какой политической партіи и не имѣлъ сношенія съ флорентійскими либералами, мое положеніе сдѣлалось значительно сноснѣе. Каждый день утромъ меня выпускали гулять на тюремный дворъ и я свободно писалъ мой дневникъ. Затѣмъ всѣ слухи о нечистотѣ и обиліи насѣкомыхъ въ казематокъ крѣпости св. Ангела оказались прямо несправедливыми. Не знаю какъ было въ другихъ этажахъ, но тамъ, гдѣ я былъ помѣщенъ, чистота соблюдалась самымъ старательнымъ образомъ. Каждый день утромъ, когда меня выпускали гулять, сторожъ мелъ мою камеру и наверху отворялъ форточку для очищенія воздуха. Одно для меня было крайне непріятно, это пища. Меня кормили минестрой и саломъ, а въ постные дни гороховой похлебкой; вино, которое мнѣ приносили, я не могъ пить, даже съ водой, до такой степени оно было кисло. Я просилъ, чтобы мнѣ позволили докончить начатыя копіи картинъ, но на это разрѣшенія не послѣдовало. За все время слѣдствія, продолжавшагося мѣсяцевъ восемь, меня водили къ допросу раза три не болѣе. Собственно объ убійствѣ меня мало спрашивали, слѣдователь уже рѣшилъ, что я убилъ Вимеркатти изъ ревности. А такъ какъ покойный, также какъ и я, не принадлежалъ ни къ какой политической партіи, то слѣдователь и судъ весьма равнодушно отнеслись къ его трагической кончинѣ. Убійства изъ ревности совершались въ Римѣ чуть ни ежедневно, судьи уже привыкли къ такимъ казусамъ. хотя законъ въ папской области каралъ очень строго всякаго рода убійство.

Наконецъ, моя участь была рѣшена. Послѣ восьмимѣсячной процедуры слѣдствіе было окончено и судъ. на основаніи закона, существовавшаго въ папской области, приговорилъ меня къ смертной казни черезъ повѣшеніе, но, принимая во вниманіе, что въ моемъ дѣлѣ не было ничего политическаго и что убійство совершено мною не съ корыстной цѣлью. а изъ ревности, нашелъ возможнымъ ходатайствовать передъ его святѣйшествомъ о смягченіи мнѣ наказанія, замѣною пятнадцатилѣтнею каторгой смертную казнь. Папа Пій IX уважилъ ходатайство суда, значительно смягчивъ его приговоръ, назначивъ мнѣ девятилѣтнюю каторгу.

По выходѣ изъ тюрьмы св. Ангела я узналъ отъ тюремнаго сторожа, что какая-то молодая синьора просила допустить

Digitized by Google

ее видѣться со мной, раза три она была въ святой офиціи, но ей свиданія не разрѣшили, такъ какъ съ подслѣдственными арестантами тюрьмы св. Ангела свиданія запрещены закономъ. Я, конечно, догадался, кто была эта молодая синьора, и образъ моей прелестной Терезы не покидалъ моего воображенія во все время каторги.

Кончать мой дневникъ или, правильнѣе, описаніе моихъ злосчастныхъ похожденій мнѣ пришлось уже по отбытіи срока каторжныхъ работъ въ Римѣ, гдѣ я тогда прожилъ трое сутокъ, и въ Кіевопечерской лаврѣ—въ Кіевѣ. Римъ въ то время страшно измѣнился, я его не узнавалъ. Событія въ Сициліи и Неаполѣ и въ особенности послѣдняя римская экспедиція гарибальдійцевъ сильно встревожили святѣйшаго отца папу Пія IX и всѣхъ благочестивыхъ отцовъ католической церкви. Всеобщія волненія въ Италіи и заговоры въ Римѣ не прекращались и послѣ битвы подъ Ментоной. Гарибальди наводилъ ужасъ на папу и его перваго секретаря кардинала Антонелли. За всякое неосторожное слово, при малѣйшемъ подозрѣніи въ либерализмѣ гражданъ хватали и бросали въ нижніе этажи тюрьмы св. Ангела. По разсказамъ, эти казематы для политическихъ были ужасны: сырые, вонючіе, темные. По выходѣ изъ тюрьмы мой первый визитъ былъ, конечно, въ остерію „Виноградной лозы". Но тамъ я уже никого не засталъ изъ прежнихъ, отъ хозяина до прислуги всѣ были новые. При всемъ моемъ желаніи узнать, хотя что-нибудь, о Терезѣ, я не могъ, даже по имени ее никто не зналъ. Тогда мнѣ пришло на мысль послѣднее средство. Я сталъ узнавать, гдѣ живетъ духовникъ Терезы, священникъ Родриго. Къ счастью моему, старикъ былъ живъ. Я прямо отправился къ нему. Онъ жилъ недалеко отъ церкви св. Петра въ маленькомъ одноэтажномъ домикѣ, занимая двѣ комнаты. Постучавъ молоткомъ въ дверь, которую мнѣ отворила какая-то старуха, я вошелъ въ пріемную съ обстановкой болѣе чѣмъ скромной. Кругомъ стояли пять деревянныхъ стульевъ топорной работы, столъ, покрытый черной клеенкой и только на стѣнахъ висѣли картины или, правильнѣе, образа святыхъ католической церкви и надъ ними въ переднемъ углу распятіе. Старушка, отворившая мнѣ дверь, пошла доложить о моемъ приходѣ. Вскорѣ изъ другой комнаты вышелъ бѣлый, какъ лунь, священникъ, это и былъ отецъ Родриго.

Узнавъ, кто я такой, онъ печально покачалъ головой и прошепталъ, глядя на меня:

Digitized by Google

— Poveretto, poveretto! (бѣдненькій, бѣдненькій).

— Клянусь вамъ святой отецъ, я не хотѣлъ убивать Вимеркатти, сказалъ я, какъ бы оправдываясь.

— Знаю, сынъ мой, знаю, отвѣчалъ старикъ,—мнѣ все сказала Тереза, но зачѣмъ было такъ горячо принимать къ сердцу глупыя слова Вимеркатти, вотъ тебя Господь и наказалъ.

— О, я искупилъ мое преступленіе, вырвалось у меня,— я много выстрадалъ въ эти девять лѣтъ и къ довершенію моего несчастья лишился моей невѣсты, Тереза для меня погибла навсегда. Скажите, святой отецъ, гдѣ она теперь находится; я о ней не могъ ничего узнать.

— Да, сынъ мой, печально отвѣчалъ Родриго.—Тереза для тебя погибла навсегда, она вышла замужъ за виноторговца Бергамини и уѣхала въ Ломбардію. Она долго скучала, все ходила въ офицію крѣпости св. Ангела, хотѣла видѣться съ тобой, но ее не допустили.

Я слушалъ съ ужасомъ этотъ разсказъ и дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ.

— Наконецъ, я вотъ еще что тебѣ скажу, продолжалъ отецъ Родриго,—года два спустя, когда ты съ партіей былъ отправленъ для прорытія канавъ на Понтейскихъ болотахъ, слухъ прошелъ, что ты умеръ отъ маляріи, Тереза просила меня навести справки, правда ли, что ты умеръ, но я ничего не могъ узнать, потому что всѣ каторжные числились по нумерамъ, а не по фамиліямъ. И послѣ этого Тереза болѣе года скучала; службу въ остеріи Виноградной лозы она бросила и поступила въ сидѣлки больницы св. Августина, тамъ ее увидалъ Бергамини, она ему очень понравилась, долго онъ за ней ухаживалъ, наконецъ, сдѣлалъ предложеніе и получилъ согласіе. Передъ отъѣздомъ въ Миланъ она заходила ко мнѣ проститься и, заливаясь слезами, сказала мнѣ, что будетъ вѣрной женой Бергамини, но что тебя не забудетъ до гробовой доски. Вотъ тебѣ, сынъ мой, самыя вѣрныя свѣдѣнія о твоей бывшей невѣстѣ, забудь о ней, но молись Богу, чтобы она была счастлива, въ заключеніе сказалъ старикъ.

Я молча слушалъ рѣчь священника и противъ моей воли слезы градомъ капали изъ глазъ.

— Не плачь, на все воля Божья, утѣшалъ меня священникъ.—Думаешь ли ты остаться въ Римѣ или уѣдешь? спросилъ онъ меня.

— Нѣтъ, сказалъ я, вставая,—не въ силахъ я остаться

Digitized by Google

въ Римѣ, уѣду къ себѣ на родину; благослови меня, святой отецъ.

— Господь тебя благословитъ, иди съ Богомъ, а деньги-то у тебя есть спросилъ онъ,—вѣдь путь не ближній.

— Есть нѣсколько сольди, отвѣчалъ я.

Отецъ Родриго вышелъ въ другую комнату и, вскорѣ возвратившись, сказалъ, вручая мнѣ десять лиръ:

— Возьми это, сынъ мой, не брезгай скудной лептой старика, я далъ бы тебѣ болѣе, но это все, что у меня есть, и съ этими словами онъ благословилъ меня.

Я горячо поцѣловалъ его руку и вышелъ.

Въ тотъ же день я отправился пѣшкомъ по дорогѣ къ Тосканской границѣ. Пока деньги были, я заходилъ въ харчевни, потомъ находилъ пріютъ у крестьянъ, эти простые добрые люди ничего не брали съ меня за ночлегъ, кусокъ поленты и крынку молока. Въ папской области въ то время въ народѣ царило всеобщее уныніе, неудача послѣдней попытки Гарибальди взять Римъ, какъ видно было дѣйствовала на всѣхъ угнетающимъ образомъ, въ Тосканѣ же, напротивъ, былъ страшный подъемъ духа, по городамъ и деревнямъ народъ толпами ходилъ по улицамъ съ музыкой и пѣніемъ, безпрестанно слышались крики: „да здравствуетъ Гарибальди! Римъ или смерть!“ и т. д. Во Флоренціи движеніе было въ особенности сильно. Полиція не только не препятствовала уличнымъ демонстраціямъ, но даже сама имъ, повидимому, покровительствовала. Въ остеріяхъ, кофейняхъ. на площадяхъ произносились рѣчи самаго замѣчательнаго характера, пили за здоровье народнаго кумира Гарибальди, проклинали патеровъ, министра Ратацци и Наполеона III. Вообще въ ту эпоху всеобщее возбужденіе дошло до своего апогея, можно было безъошибочно заключить, что присоединеніе Рима къ Италіи не есть воля одного Гарибальди или Маззини, а цѣлаго народа. Дальнѣйшее мое путешествіе по сѣверной Италіи убѣдило меня. что Римъ рано или поздно будетъ присоединенъ къ Италіи. Въ Австріи нѣмцы очень сурово ко мнѣ относились и, если бы не славяне, я бы умеръ съ голода.

Я не буду описывать римской каторги. Замѣчу лишь одно, что жестокости каторжныхъ работъ въ папской области превосходили всякое вѣроятіе. Голодные, на длинныхъ цѣпяхъ, съ тяжелыми желѣзными шарами на ногахъ, помѣщенные въ какихъ-то болотныхъ ямахъ, каторжные умирали, какъ осеннія мухи, отъ страшной маляріи. Попы, разумѣется, не обратили бы

Digitized by Google

на это ни малѣйшаго вниманія, если бы вмѣстѣ съ каторжными не умирали и караулившіе ихъ карабинеры. Пришлось разстаться съ мыслью осушенія Понтейскихъ болотъ.

Въ Римѣ, какъ замѣчено мною, я пробылъ только три дня. Полицейскіе, присматривавшіе за мной, мнѣ говорили: уходи ты поскорѣе, тутъ не до тебя, ты самъ видишь всѣ головы потеряли лучше, иди ты съ Богомъ; я и пошелъ, Христовымъ именемъ добрался я до Кіева. Въ Кіевѣ въ общей трапезѣ въ лаврѣ довелось мнѣ за обѣдомъ разговориться съ однимъ изъ послушниковъ.

— Ты откуда? спросилъ онъ меня.

Я сказалъ.

— Какъ изъ самаго Рима, гдѣ папа живетъ? удивился послушникъ.

— Да, оттуда, отвѣчалъ я.

— Что же ты тамъ дѣлалъ? допытывался послушникъ.

— Рисовать учился, говорилъ я.

— Стало быть и иконы писать умѣешь? спрашивалъ послушникъ.

— Когда-то умѣлъ, теперь не знаю, отвѣчалъ я.

— Ты долго ли у насъ въ Кіевѣ-то пробудешь? спросилъ послушникъ.

— Нѣсколько дней пробуду, сказалъ я, — мнѣ спѣшить некуда.

— Погоди, другъ, надо сказать о тебѣ казначею, продолжалъ послушникъ,—онъ, знать, дастъ тебѣ работу, у насъ въ средней церкви хотятъ икону написать; казначей ищетъ живописца.

Послѣ обѣда послушникъ пошелъ къ отцу казначею и, вскорѣ возвратившись пригласилъ меня слѣдовать за нимъ. Мы отправились. Около соборной церкви въ самой серединѣ лавры казначей жилъ въ маленькой уютной кельѣ. Это былъ старикъ лѣтъ подъ шестьдесятъ, высокій, худой, съ жиденькой бородкой и очень живыми глазами.

Разспросивъ меня, и кто я такой, откуда и куда я иду отецъ казначей предложилъ мнѣ нарисовать образъ архангела Гавріила на царскихъ дверяхъ собора. Я, разумѣется, согласился и даже цѣны не назначилъ за эту работу. На другой день мнѣ было дано все необходимое для рисованія, какъ-то: краски, кисти и пр. и я принялся за дѣло. Моя работа понравилась настоятелю и мнѣ было предложено распи-

Digitized by Google

сать херувимами потолокъ въ другой церкви, но дѣло не состоялось по моей слабости. Получивъ сорокъ рублей за мою работу, я ушелъ изъ лавры и, разумѣется, запилъ. Деньги мои отчасти я пропилъ, отчасти ихъ у меня вытащили, осталось въ карманѣ только семнадцать копѣекъ, съ которыми я и отправился опять христовымъ именемъ въ Москву...

Н. Поповъ.

Digitized by Google

Письма изъ-за границы.

ПИСЬМО ВТОРОЕ.

(*Продолженіе*).

III.

Парижъ.

Русское студенчество въ Парижѣ состоитъ почти исключительно изъ людей совершенно необезпеченныхъ; далеко не многіе имѣютъ регулярно получаемую субсидію съ родины и эти деньги, такъ сказать, у счастливцевъ являются фондомъ здѣшняго существованія, остальная, большая часть, довольствуется временными пособіями и ищетъ заработка, который здѣсь достается съ величайшимъ трудомъ. Переписка, переводы, наконецъ, литературныя занятія въ русскихъ журналахъ—можно получить только изрѣдка, поэтому приходится не брезгать какой бы то ни было работой, напримѣръ, ручнымъ трудомъ, службой проводникомъ по Парижу пріѣзжихъ русскихъ и т. д. Сообразно съ финансовымъ положеніемъ студенчества равна и вся остальная ихъ жизнь. Въ то время, какъ французская молодежь Латинскаго квартала проводитъ, въ большинствѣ случаевъ, вечера въ кафэ, театрахъ, Bullier и т. д., русскихъ учащихся тамъ очень рѣдко можно встрѣтить.

Русская молодежь ютится въ маленькихъ комнаткахъ высшихъ этажей домовъ Латинскаго квартала, утромъ посѣщаетъ лекціи въ русской школѣ, днемъ слушаетъ французскихъ профессоровъ, часто по вечерамъ отъ 8 до 10 час. снова лекціи въ русской школѣ.

Остальное время студенты проводятъ за занятіями, чтеніемъ, собраніями, на которыхъ обсуждаются какіе-либо интересующіе студенчество вопросы, собираются, обыкновенно,

Digitized by Google

у кого-нибудь по нѣсколько человѣкъ (больше нельзя, помѣщеніе не позволяетъ, а идти въ кафэ стоитъ денегъ), вмѣстѣ читаютъ или занимаются. Однимъ изъ любимыхъ занятій—посѣщеніе всевозможныхъ конференцій и рефератовъ, которые здѣсь, по всевозможнымъ вопросамъ, происходятъ почти ежедневно.

„Иногда бываетъ такъ, говорилъ мнѣ одинъ студентъ,—дома сидѣть силъ нѣтъ—холодно, печку топить дорого, истопишь каминъ, дома сидѣть можно только когда онъ горитъ, тогда тепло, придвинешь письменный столъ къ самому огню и работаешь. Прогоритъ уголь или коксъ,—снова станетъ холодно, комната сейчасъ же выстываетъ. Идешь въ Женевьеву [1]), тамъ тепло... часами сидишь... занимаешься, читаешь или письма пишешь. Вернешься домой—снова стужа, чтобы раздѣться и лечь въ постель—надо набираться храбрости... Зубъ на зубъ не попадаетъ, пока, наконецъ, согрѣешься подъ одѣяломъ... а утромъ вставать еще того хуже... встать съ кровати—все равно, что въ прорубь окунуться... иногда подъ одѣяломъ начинаешь одѣваться и вотъ такъ живешь изо-дня въ день... лѣтомъ, конечно, легче, по крайней мѣрѣ не приходится терпѣть отъ стужи..."

Завтракаетъ и обѣдаетъ большинство въ такъ называемомъ table d'hôte russe—на rue flatters № 10. Маленькая комната, въ первомъ этажѣ, рядомъ кухня—это студенческая столовая. Вывѣски на улицѣ нѣтъ. Столовую содержатъ сами же студенты. Дежурный подаетъ обѣдающимъ, никакой прислуги нѣтъ, все, такъ сказать, по-семейному. Одна изъ студентокъ завѣдуетъ хозяйствомъ, ей платятъ за съѣденное. Пища достаточно вкусно приготовлена, порціи сытны и стоимость ихъ доведена до минимума. Хозяйство столовой не разсчитано на барыши, „администрація" не только кредитуетъ обѣдами неимѣющихъ возможности немедленно расплачиваться, но вовсе неимущимъ отпускаетъ обѣды даже безплатно. Когда получается какой-либо незначительный барышъ, то „администрація" столовой увеличиваетъ число безплатныхъ порцій и вообще старается улучшить ихъ качество и уменьшить стоимость. Въ самомъ помѣщеніи столовой находится читальня; по окончаніи обѣденнаго времени, со столовъ убираются скатерти, раскладываются имѣющіеся газеты и журналы и за чтеніемъ ихъ студенты проводятъ свободное время. Библіотека не богата, такъ какъ средствъ на выписку изданій недостаточно. Крайне желательно, чтобы періодическая пресса пришла на помощь высылкой своихъ изданій. Прочитать русское печатное слово, идущее съ далекой родины, съ вѣстями иногда близкими сердцу — доставляетъ большое удовольствіе на чужбинѣ.

Кромѣ этой читальни, имѣется еще другая, при Тургеневской библіотекѣ. Помѣщается она совсѣмъ на окраинѣ города, въ маленькихъ комнаткахъ одного изъ верхнихъ этажей дома

[1]) Библіотека.

Digitized by Google

на второмъ дворѣ въ № 326 улицы S'Jaques. Во время моего посѣщенія библіотеки я засталъ тамъ, вечеромъ, въ читальнѣ, нѣсколькихъ русскихъ рабочихъ, въ блузахъ. Люди эти читали газеты, сочиненія Тургенева, Достоевскаго, Пушкина.

Присмотръ за изданіями лежитъ на самихъ читателяхъ, послѣдній, остающійся въ читальнѣ, долженъ погасить газъ, запереть квартиру и ключъ отдать консіержу. Библіотека достаточно богата, съ большимъ выборомъ книгъ беллетристическихъ и научныхъ по всевозможнымъ вопросамъ. Книги, при представленіи залога, даются на домъ, открыта она, для перемѣны книгъ, три раза въ недѣлю отъ $7^1/_2$ до $8^1/_2$ часовъ вечера.

При необходимости много заниматься, а главное заниматься совершенно самостоятельно, такъ какъ въ русской школѣ нѣтъ не только обязательнаго посѣщенія лекцій, но никакихъ репетицій или экзаменовъ [1]), студенты поставлены въ трудное положеніе, благодаря отсутствію достаточнаго числа необходимыхъ учебныхъ книгъ, курсовъ и научныхъ сочиненій. Приходится довольствоваться имѣющимися немногими экземплярами, передавать ихъ другъ другу, записывать лекціи профессоровъ. Выписка нужныхъ пособій стоитъ дорого и огромному большинству не подъ силу.

Желающій получить удостовѣреніе, никакихъ нигдѣ правъ или преимуществъ не дающее, о прослушаніи имъ курса въ высшей школѣ, долженъ по какому-либо предмету написать сочиненіе и публично его защитить.

Вотъ въ краткихъ чертахъ, насколько возможно для бѣглой журнальной замѣтки, эскизъ положенія вновь открытой русской школы въ Парижѣ, и учащейся молодежи, которая устремилась сюда, на далекую чужбину, перенося невзгоды бѣдности, исключительно затѣмъ чтобы искать свѣта науки и знанія...

Въ вечеръ подъ новый годъ русскіе студенты устроили благотворительный спектакль, состоявшій изъ малороссійской пьесы „По Ревызіи" Кропивницкаго, второго акта драмы Т. Шевченко „Назаръ Стодоля" (Вечорницы) и сценки „Подъ Новый годъ". Любители очень удачно справились со своими ролями, а во второй пьесѣ недурно пѣлъ малороссійскія пѣсни студенческій хоръ. Публики въ Salle des Mille Colonnes, гдѣ давали спектакль, набралась такая масса, что многимъ пришлось, за недостаткомъ мѣста, стоять во время представленія. Вечеръ закончился оживленными танцами... Странно было въ Парижѣ всюду слышать русскую рѣчь, слышать со сцены малороссійскіе мотивы, видѣть паробковъ, горилку, пить чай изъ огромнаго самовара, поставленнаго на столѣ... Словомъ, все окружающее показывало, что находишься не въ Парижѣ, а на студенческомъ вечерѣ одного изъ русскихъ городовъ.

---

[1]) Въ непродолжительномъ будущемъ, подъ руководствомъ профессоровъ, предполагаются практическія занятія.

Digitized by Google

журналахъ, въ отдѣлахъ обозрѣнія иностранной литературы, отведено достаточное мѣсто русской литературѣ.

Лабори, Натансонъ, Фино и другіе директора журналовъ [1]), съ которыми мнѣ пришлось познакомиться, относятся съ величайшимъ интересомъ не только къ Толстому, но даже къ второстепеннымъ русскимъ писателямъ.

— Ваша литература вноситъ такъ много новаго и настолько интересуетъ нашу публику, что мы съ живѣйшимъ интересомъ слѣдимъ за русскими журналами, говорилъ мнѣ Лабори, директоръ „Grande revue", бывшій адвокатъ Дрейфуса.

— Русская литература настолько своеобразна, настолько тонка по своей психологіи, чужда, въ большинствѣ случаевъ, интриги, на одномъ адюльтерѣ основанной, что вліяніе ея на читателей должно являться самымъ благотворнымъ, высказывалъ Фино, директоръ „La Revue".

Послѣдній журналъ ввелъ у себя особое обозрѣніе русской литературы и русскихъ журналовъ. Этотъ интересный отдѣлъ ведетъ русскій, постоянный сотрудникъ „Вѣстника Всемірной Исторіи", Г. С. Савичъ.

Въ окнахъ книжныхъ магазиновъ всюду виднѣются переводы даже второстепенныхъ современныхъ русскихъ писателей. „La Presse" печатаетъ въ фельетонахъ переводъ романа г. Потапенко, а „Le Journal"—повѣсть Горькаго „Трое". Въ театрѣ „Ренессансъ" готовится къ постановкѣ, въ переводѣ нашего сотрудника „Свадьба Кречинскаго" Сухово Кобылина. Если французское общество до сихъ поръ имѣетъ очень скудное представленіе о Россіи вообще, объ ея внутренней жизни и т. д., то, насколько я могъ убѣдиться, оно хорошо знакомо съ русской литературой, въ особенности съ беллетристикой. При отсутствіи у французовъ вообще интереса къ чему-либо иностранному, это является большимъ, съ нашей стороны, успѣхомъ.

VI.

Близость наступленія карнавала была оповѣщена огромными афишами, всюду появившимися въ Парижѣ въ началѣ января съ объявленіемъ о первомъ балѣ-маскарадѣ въ Большой оперѣ въ субботу 11 января.

Маскарады въ оперѣ, усердно посѣщаются публикой, отличаются особымъ оживленіемъ и происходятъ не болѣе 4—5 разъ въ годъ. За нѣсколько дней всюду въ ресторанахъ, кафе и т. д. предлагаютъ билеты со скидкой съ входной цѣны (20 франковъ). Это такъ называемые почетные именные билеты, разсылаемые дирекціей оперы разнымъ лицамъ, которыя не стѣсняются перепродавать ихъ.

Къ покупкѣ билетовъ съ уступкой надо относиться осто-

[1]) Во Франціи редакторъ называется директоромъ (directeur) журнала (revue), а сотрудникъ, ведущій какой-либо отдѣлъ, редакторомъ (redacteur).

Digitized by Google

Въ одинъ изъ предыдущихъ моихъ пріѣздовъ въ Парижъ мнѣ понадобилось отыскать лицо, адресъ котораго я позабылъ, и, не зная какъ поступить, я обратился къ полицейскому съ просьбой научить, что мнѣ слѣдуетъ сдѣлать для полученія нужныхъ мнѣ свѣдѣній.

— Подайте прошеніе на имя префекта полиціи, сообщите имя и фамилію лица, котораго адресъ вы желаете получить, изложите, причины по которымъ вы его желаете видѣть, оставьте въ полиція свой адресъ; мы разыщемъ нужное вамъ лицо, передадимъ ваше заявленіе, и если это лицо пожелаетъ вамъ сообщить свой адресъ, ваше прошеніе будетъ удовлетворено.

Сохраненіе полнаго инкогнито домашняго очага—вещь крайне желательная, но это остается только въ теоріи—такъ какъ за деньги всегда все можно разузнать. Къ сожалѣнію, въ настоящее время за деньги въ Парижѣ можно имѣть еще иное: помѣщать почти во всѣхъ газетахъ, за исключеніемъ, можетъ быть, двухъ, трехъ, какъ, напр., „Le temps", "Journal des debats" статьи и статьи-рекламы о чемъ угодно. Парижская пресса поставлена въ такія условія: газеты вслѣдствіе конкурренціи должны выпускать ежедневно не менѣе шести печатныхъ страницъ, причемъ № долженъ стоить не болѣе одного су (5 сантимовъ). Совмѣщеніе этихъ двухъ необходимыхъ условій является фактически, невозможнымъ, такъ какъ только бумага и печать стоятъ дороже, поэтому редакціи помѣщаютъ обыкновенно на страницахъ газетъ телеграммы, одну, двѣ статьи, нѣсколько репортерскихъ замѣтокъ все же остальное оплачивается авторами статей, причемъ цѣна очень высока, она колеблется приблизительно отъ 15 до 50 франковъ за строчку и зависитъ отъ распространенности изданія, мѣста помѣщенія замѣтки и шрифта. Такого рода „сотрудничество" является безъ всякаго стѣсненія; я видѣлъ въ редакціяхъ гише для пріема подобныхъ „статей", въ этихъ „гише" сообщаютъ цѣны за строчку, отдѣльныя какъ у насъ цѣны за объявленія. Повидимому, въ непродолжительномъ времени газеты вынуждены будутъ увеличить свой форматъ до 8 страницъ въ день. Къ какимъ мѣрамъ прибѣгнутъ онѣ для увеличенія доходовъ—трудно напередъ сказать. Какимъ образомъ пришла ежедневная печать въ такое положеніе, я въ своихъ краткихъ замѣткахъ передавать не буду, потому что объ этомъ, въ интересной статьѣ, подробно сообщитъ одинъ изъ сотрудниковъ „Вѣстника Всемірной Исторіи".

Особенно жалки во всѣхъ почти газетахъ сообщенія изъ Россіи, которой обыкновенно отводится мѣсто наряду съ Венецуэлой, Аргентинской республикой, Аравіей, Марокко и т. п. мелкими государствами; сплошь и рядомъ эти сообщенія состоятъ изъ наглой лжи и выдумокъ въ родѣ сообщенія газеты „Patrie" въ началѣ января, всполошившаго всю русскую колонію въ Парижѣ.

Гораздо съ большимъ интересомъ относятся къ Россіи и русской литературѣ ежемѣсячные журналы. Почти во всѣхъ

Digitized by Google

довъ, ея доходъ. Однажды я купилъ афишу, проходя между рядами креселъ, у другой капельдинерши. Боже мой, какъ разсердилась та, которая считала своимъ „правомъ" продать мнѣ программу. На меня посыпался цѣлый градъ упрековъ! Гнѣвъ былъ столь силенъ, будто я нанесъ ей кровную обиду. Пришлось уплатить 30 сантимовъ, чтобы успокоить расходившуюся оскорбленную невинность.

Афиши продаютъ въ двухъ мѣстахъ—при входѣ и въ залѣ театра, въ первомъ мѣстѣ покупать не слѣдуетъ, о чемъ заявляетъ публикѣ дирекція, такъ какъ программа продается неизвѣстными лицами, часто старая и неполная. Любопытно, что подобная продажа, совершенно открыто практикуемая, не преслѣдуется вовсе, о ней только предостерегаютъ... когда вы уже вошли въ залу!..

Капельдинерши позволяютъ себѣ обходить въ послѣднемъ антрактѣ публику, выпрашивая на чай, независимо отъ того, что имъ уже было дано; особенно онѣ назойливы въ théatre des Capucines (въ единственномъ театрѣ, гдѣ капельдинерши молоденькія и хорошенькія). Выдавая платье, ни одна не поможетъ его надѣть, *это* онѣ считаютъ ниже своего достоинства. Вообще, начиная съ неистовой, надоѣдливой кляки и т. д. и кончая невозможно узкими проходами между креслами (приходится вставать, сидѣнье поднимается и только такимъ образомъ можно пропустить проходящаго), отсутствіе достаточнаго количества выходовъ—въ случаѣ пожара страшная катастрофа человѣческихъ жертвъ неминуема, — слѣдуетъ сказать, что порядка въ парижскихъ театрахъ куда меньше, чѣмъ въ петербургскихъ. Говоря о театрѣ, слѣдуетъ сказать, что во Франціи существуетъ цензура только для театральныхъ зрѣлищъ. Иногда цензура запрещаетъ какую, нибудь пьесу къ постановкѣ, въ такомъ случаѣ пьеса печатается въ огромномъ количествѣ экземпляровъ съ особымъ аншлагомъ: пьеса запрещенная цензурой, объ этомъ ея качествѣ камло усердно выкрикиваютъ на бульварѣ и изданіе быстро распродается. Мнѣ передавали, что нѣкоторые авторы, не надѣясь на возможность постановки пьесы, нарочно добиваются ея запрещенія, чтобы извлечь выгоду изъ изданія. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что театральная цензура доживаетъ послѣдніе дни, являясь предметомъ постоянныхъ насмѣшекъ всей прессы, общество, повидимому, также рѣшительно требуется ея полнаго уничтоженія. По этому поводу вносится запросъ въ парламентъ и, нѣтъ сомнѣнія, остатокъ „дореформенной" эпохи, скоро будетъ уничтоженъ.

Я увлекся и отошелъ въ сторону. Буду продолжать начатое описаніе вечера 11 января.

Въ вечеръ маскарада площадь Большой оперы, всегда оживленная, отличалась особымъ движеніемъ. Масса любопытныхъ толпилась на самой площади, вокругъ театра и на углахъ сосѣднихъ улицъ. Балконъ оперы ярко освѣщенъ краснымъ бенгальскимъ огнемъ. Въ нишахъ стоятъ музыканты, издавая

Digitized by Google

громкіе звуки въ длинныя трубы, подобно такимъ, какъ въ оперѣ „Аида“.

Съѣздъ начался въ 11 часовъ. Ежеминутно подкатывали къ подъѣзду кареты, изъ которыхъ выходили изящныя маски и домино. Въ 12 часовъ трудно было пробраться въ зданіе. Весь вестибюль, лѣстница, корридоры сплошь были усѣяны публикой — море головъ! Дамы только въ костюмахъ или въ домино. Всюду смѣхъ, крики, громкій говоръ! Какая разница между маскарадами въ Большой Парижской оперѣ и въ Маріинскомъ театрѣ! Въ то время, когда въ Grande Opera за шумомъ и смѣхомъ толпы часто трудно разслышать слова своего сосѣда—въ Петербургѣ чопорная, надутая, зѣвающая толпа, въ большинствѣ случаевъ состоящая изъ однихъ только мужчинъ, мѣрно движется, будто слѣдуетъ за похоронною процессіею...

— Посмотрите, какъ мнѣ скучно! Зачѣмъ я попалъ сюда! какъ будто написано на лбу у каждаго „веселящагося“ петербуржца. А засмѣется кто-нибудь тотчасъ же замолкнетъ, звукъ его голоса дико, какъ въ склепѣ прозвучитъ по залѣ, окружающіе съ удивленіемъ посмотрятъ на оригинала, которому вдругъ стало весело.

Не мѣсто у насъ солнцу, веселью и смѣху!..

Странное впечатлѣніе производятъ они у насъ, являясь какими-то чуждыми пришельцами среди чиновной публики. Усердіе, молчаніе, почтительный видъ, низкій поклонъ „особѣ“— петербургская атмосфера, съ нею наша публика вполнѣ освоилась и, повидимому, ею довольна...

Огромная зала Grande Opera блестяще освѣщена. Три оркестра гремятъ безостановочно. Всѣ ложи полны, въ нихъ много знакомыхъ петербуржцамъ лицъ — Гуэреро, Кавальери и т. д. Особенно оживленно около ложъ. Здѣсь занятіе довольно своеобразное: дамы держатъ въ рукахъ удочки, на которыя насажены цвѣты, въ партерѣ кавалеры стараются схватить „приманку съ удочки“. Только что думаешь что удалось—смотришь, а цвѣточекъ выскользнулъ изъ рукъ. Около ложъ подпрыгивающая толпа кавалеровъ... Радостный крикъ раздается, когда кому-либо удается схватить „приманку“. Посрединѣ залы происходятъ танцы. Мужчины не только не снимаютъ шляпъ въ залѣ но и танцуютъ съ цилиндромъ на головѣ.

Въ разныхъ углахъ залы наемныя танцовщицы изъ Moulin-rouge пляшутъ самый отчаянный канканъ. Не рѣдкость увидѣть такія сцены: идетъ кавалеръ, а на плечахъ у него, ногами обнявъ шею, сидитъ дама. Вообще нравы на маскарадѣ самые вольные: обнять любую даму, похлопать по трико нисколько не возбраняется. Въ четвертомъ часу утра начался разъѣздъ. Всѣ лучшіе рестораны въ эту ночь не закрывались вовсе. Маскарадъ въ Grande Opera—первый вѣстникъ приближенія карнавала.

На другой день по Парижу были расклеены огромныя

Digitized by Google

таніи, мандариновыя рощи съ деревьями, усѣянными плодами. Ландшафтъ ежеминутно мѣняется, одна картина волшебной фееріи превращается въ другую и чѣмъ дальше, тѣмъ красивѣе, больше и больше зелени и цвѣтовъ. Промелькнули райскіе уголки St. Rapael, Antibes, Cannes, Juan-les-Pins, наконецъ, показалась утопающая въ зелени, яркимъ солнцемъ залитая красавица Ницца, жемчужина Ривьеры.

Городъ дѣятельно готовится къ празднествамъ. Улицы застроены щитами, транспарантами, всюду столбы для флаговъ, магазины заполнены масками, костюмами. Переходя такъ сказать, отъ поэзіи къ прозѣ, я долженъ сказать, что жизнь въ Ниццѣ съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе дорожаетъ. Въ промежутокъ десяти лѣтъ я третій разъ пріѣзжаю въ Ниццу и возрастаніе цѣнъ для меня очень замѣтно.

Чтобы дать о нихъ понятіе, скажу только, что въ одномъ отелѣ, гдѣ я предполагалъ остановиться и куда пріѣхалъ прямо съ вокзала, расположенномъ не даже на берегу моря, съ меня спросили за помѣщеніе въ третьемъ этажѣ, состоявшее изъ небольшой гостиной и двухъ маленькихъ спаленъ, 60 франковъ въ сутки безъ пансіона, т. е. только за комнаты!

Ницца очень оживлена. Улицы полны народомъ, всѣ въ лѣтнемъ, по утрамъ на набережной большинство дамъ въ свѣтлыхъ туалетахъ.

Южное солнце, несмотря на половину января, яркими, теплыми лучами оживляетъ пеструю толпу.

На улицахъ всюду продаютъ розы, фіалки... Счастливый, благодатный край, не знающій мороза, тумановъ, дневной тьмы, слякоти и другихъ аттрибутовъ, въ изобиліи судьбой одарившей насъ, жителей Петербурга...

Черезъ нѣсколько дней—карнавалъ такъ, сказать, кульминаціонный пунктъ сезона. Представители прессы здѣсь пользуются съ особымъ вниманіемъ. На другой же день по пріѣздѣ получилъ отъ любезнаго мэра города Ниццы билеты на всѣ предстоящія празднества—въѣздъ карнавала, балы, маскарады, битвы цвѣтовъ, конфетти и т. д.

Объ этихъ празднествахъ, вообще жизни въ Ниццѣ, ея окрестностяхъ, на Ривьерѣ, объ игрѣ въ рулетку въ Монте-Карло, а также объ островахъ св. Маргариты, гдѣ въ тюрьмѣ былъ заключенъ знаменитый узникъ „Желѣзная маска", я подробно разскажу въ слѣдующемъ письмѣ.

Digitized by Google

VII.

Лицамъ, впервые отправляющимся за границу или не желающимъ напрасно тратить деньги, передъ тѣмъ, чтобы купить желѣзнодорожный билетъ, я совѣтую зайти въ двѣ-три спеціально желѣзнодорожныя конторы и разузнать о возможно болѣе дешевой покупкѣ билета.

Вслѣдствіе праздника карнавала въ Ниццѣ особое объявленіе гласило объ удешевленныхъ обратныхъ билетахъ, дѣйствительныхъ на 20 дней, за 182 фр. 60 сант. въ I классѣ съ правомъ продолжить срокъ дѣйствія, платя за каждые 10 дней 10%. Предполагая пробыть въ Ниццѣ 3—4 недѣли, мнѣ пришлось бы такимъ образомъ заплатить около 200 франковъ. Другая контора предложила мнѣ болѣе выгодную комбинацію—взять билетъ за 170 франковъ въ I классѣ, дѣйствительный въ теченіе 60 дней слѣдующаго пути: Парижъ, Ліонъ, Марсель, Ницца, Генуя, Туринъ, Ліонъ, Парижъ. Этотъ билетъ стоитъ дешевле и даетъ возможность совершить небольшую экскурсію по Италіи.

Въ третьей конторѣ желѣзной дороги Paris—Lyon—Mediterrannée, или, какъ ее здѣсь сокращенно называютъ, P. L. M., мнѣ указали иной, еще болѣе дешевый путь, Парижъ, Марсель, Ницца, и обратно—Ницца, Марсель, Нимъ, Клермонъ—Ферранъ, Парижъ въ I классѣ за 158 франковъ 10 сант., дѣйствительный на 45 дней. Изъ сопоставленія цѣнъ видно, что за одно и то же путешествіе въ Ниццу и обратно можно заплатить 200 фр. и 158 фр.! Все дѣло заключается въ изученіи условій путешествія. Общество P. L. M. недавно выстроило превосходный вокзалъ съ поразительно роскошнымъ помѣщеніемъ для буфета, а вагоны попрежнему оставила очень и очень неважными, главное неудобство которыхъ состоитъ въ томъ, что они принаровлены къ дневному путешествію и на ночь спинки дивановъ не поднимаются, такимъ образомъ нежелающіе дѣлать колоссальной приплаты въ 50 франковъ за одну ночь въ спальномъ вагонѣ, вынуждены спать сидя.

Движеніе по желѣзнымъ дорогамъ въ настоящее время огромное. Днемъ отходятъ нѣсколько поѣздовъ въ Ниццу, а вечеромъ вмѣсто двухъ отправилось четыре trains rapides, черезъ ¼ часа одинъ за другимъ, состоящія только изъ вагоновъ I класса, причемъ всѣ вагоны во всѣхъ поѣздахъ были переполнены.

На утро картина сразу измѣнилась—всюду виднѣются пальмы латаніи, большинство пассажировъ отъ Марселя одѣта полѣтнему.

Шестой разъ я дѣлаю переѣздъ отъ Марселя до Ниццы и постоянно этотъ путь производитъ на меня сильное впечатлѣніе красотами природы. Поѣздъ почти все время идетъ берегомъ Средиземнаго моря. Быстро смѣняются города и деревушки, утопающія въ зелени... Всюду пальмы, кактусы, ла

Digitized by Google

Оперетка, дитя парижскихъ бульваровъ—совершенно пала, новаго или интереснаго въ этой области также нѣтъ совсѣмъ: въ Gaité даютъ—„дочь M-me Анго", въ Шатлэ—„Путешествіе Сюзетты", въ Буффѣ—„Мадамъ Аршидюкъ", даже маленькіе бульварные опереточные театры пробавляются такими новинками какъ „Корневильскіе колокола..." Я думаю, что достаточно приведеннаго, чтобы видѣть, что игривое дитя Оффенбаха повидимому умерло вмѣстѣ съ своимъ создателемъ, по крайней мѣрѣ преемниковъ его нѣтъ въ настоящее время.

Слѣдующій родъ развлеченія комедія-буффъ находитъ пріютъ въ театрахъ: Folie-Dramatique, Dejazet, Cluny, Palais-Royal. Въ первомъ даютъ „Le billet be logement" довольно забавный водевиль, всю соль котораго составляютъ скабрезныя словечки въ достаточной мѣрѣ и всюду разсыпанныя, во второмъ „La tortue", старая заграная пьеса, дававшаяся въ прошломъ году, въ совершенно искаженномъ видѣ въ Петербургѣ на сценѣ Михайловскаго театра, состоящая главнымъ образомъ изъ раздѣваній и переодѣваній, въ третьемъ „Le Fils surnaturel" довольно забавный водевиль но и только, и, наконецъ, въ четвертомъ „L'affaire Matieu". Я шелъ въ „Palais Royal", вспоминая свои прежнія посѣщенія его, надѣясь не только смѣяться до слезъ весь вечеръ, но улыбаться и послѣ вспоминая нѣкоторыя сцены... „L'affaire" до нѣкоторой степени забавна и больше ничего. То, что я увидѣлъ въ „Palais Royal'ѣ" далеко отъ прежняго, далеко отъ того неудержимаго порыва смѣха, который царствовалъ въ театрѣ... слова актеровъ иногда заглушались раскатами смѣха всего театра. Въ теченіе цѣлаго акта приходилось утирать слезы на глазахъ... теперь не то, въ „Palais Royal'ѣ" нѣтъ ни прежняго юмора, ни прежняго веселья...

Въ Парижѣ имѣется не одинъ десятокъ маленькихъ театровъ, многіе изъ которыхъ, какъ напр., „des Capucines" представляютъ изъ себя чрезвычайно изящную бомбоньерку, наполненную элегантной публикой (всѣ во фракахъ, дамы въ свѣтлыхъ туалетахъ). Въ этихъ театрахъ даютъ обыкновенно очень интересныя одноактныя пьесы. Въ нихъ у насъ постоянно чувствуется недостатокъ и я обращаю вниманіе г.г. переводчиковъ на эти театры, въ нихъ можно найти значительное число очень интересныхъ пьесъ. Другой жанръ маленькихъ театровъ, какъ бы представителемъ котораго я возьму theatre Sans-gêne, гдѣ такъ сказать „гвоздь" вечера составляетъ пантомима. Въ названномъ театрѣ какая—„Le coucher d'Yvette". Содержаніе ея состоитъ въ томъ, что въ спальню входитъ пріѣхавшая съ вечера хорошенькая женщина, раздѣвается и ложится спать. Больше ничего. Все дѣло въ изяществѣ исполнительницы и ея туалетовъ. Сцена ведется съ чисто парижской граціей, поучиться которой нашимъ дамамъ [1])

[1]) Pardon mes dames, за постоянную откровенность. *С.*

Digitized by Google

не мѣшало бы. Туалеты, отъ бальнаго и. . до ночнаго капота и рубашки, верхъ изящества и вкуса. Парижанки не только умѣютъ одѣваться, но и... раздѣваться такъ, что залюбуешься...

Замѣтку о театрѣ я долженъ закончить посѣщеніемъ народныхъ театровъ, которыхъ въ изобиліи въ Парижѣ, въ каждомъ кварталѣ по нѣсколько. Я остановлюсь на, такъ сказать, типичныхъ представителяхъ, помѣщающихся въ противоположныхъ концахъ города: въ Бельвилѣ—théatre Belleville. Афиши этого театра, краснаго цвѣта, большими черными буквами возвѣщаютъ представленіе драмы „Анархистъ". Пьеса, по своему содержанію, обычная бульварная мелодрама, переполненная всевозможными и невозможными ужасами. Публика смотритъ представленіе съ захватывающимъ интересомъ, вся превращаясь въ слухъ и зрѣніе и въ самыхъ патетическихъ мѣстахъ возгласами принимаетъ горячее участіе въ происходящемъ на сценѣ.

Другой театръ Gaité Montparnasse въ кварталѣ монпарнассъ. Здѣсь даютъ дивертиссементъ и затѣмъ пьесу. Послѣдняя въ противоположность репертуару народныхъ русскихъ театровъ представляетъ изъ себя цѣлый рядъ самыхъ скабрезныхъ сценъ, идущихъ подъ общій хохотъ публики, большинство которой въ блузахъ. Въ томъ же родѣ и дивертиссементъ. „Рискованные" куплеты перемѣшиваются съ соціалистическими возваніями самаго крайняго элемента.

Этимъ я закончу обзоръ театровъ и перейду къ другимъ зрѣлищамъ.

IX.

Кафе-Концерты.

Кафе-Концертовъ въ Парижѣ очень много, болѣе двадцати изъ нихъ печатаютъ анонсы въ газетахъ, другіе рекламируются при посредствѣ такъ называемыхъ homme sandwich человѣка у котораго къ спинѣ придѣлано большое объявленіе о театрѣ, въ рукахъ палка съ большимъ щитомъ съ такимъ же объявленіемъ или еще инымъ способомъ, какъ я видѣлъ въ латинскомъ кварталѣ: по тротуару идутъ человѣка 4—6 одинаково и довольно экстраординарно одѣтыхъ и кричащихъ въ одинъ голосъ—идите сегодня туда то, тамъ будетъ такое то представленіе, есть такіе, которые совсѣмъ не рекламируются, всего я полагаю, наберется не менѣе сотни. Я не стану повторять извѣстнаго: — устройства ихъ поражающаго въ однихъ своей роскошью, а въ другихъ полнымъ ея отсутствіемъ, скажу только что во всѣхъ кафе-концертахъ надо брать мѣста или въ первыхъ рядахъ креселъ или въ тѣхъ же,—на балконѣ, иначе ничего не видно, такъ какъ, даже во время представленія, не только дамы сидятъ въ шляпахъ но и мужчины не снимаютъ цилиндры (единственный общепринятый головной уборъ въ Лондонѣ и Па-

Digitized by Google

рижѣ). Шляпу носятъ на головѣ въ антрактахъ оперы, гуляютъ въ фойэ театровъ, въ пальто и шляпѣ сидятъ въ пріемной министровъ.

Совершенно справедливо считается для цилиндра самое удобное мѣсто быть на головѣ его обладателя, что является какъ разъ обратнымъ Петербургу, гдѣ необходимо обнажать голову, какъ бы подчасъ это неудобно ни было, напримѣръ, на почтѣ, въ хвостѣ передъ столомъ чиновника, держа въ рукахъ деньги, пакетъ, часто зонтикъ, вы должны держать въ рукахъ цилиндръ, который при давкѣ, постоянно у насъ существующей, благодаря слишкомъ малому для Петербурга числу почтовыхъ отдѣленій [1]), и раннему ихъ ежедневному закрытію, или въ маленькихъ ресторанахъ, гдѣ мнѣ разъ не хотѣли дать рюмку водки до тѣхъ поръ, пока я не снялъ шляпы, несмотря на то, что въ одной рукѣ у меня находились покупки и палка, слѣдовательно свободной оставалась только другая. Мнѣ пришлось сложить всѣ вещи на окно, всѣ столики были заняты, и только тогда, снявъ шляпу получилъ рюмку водки и бутербродъ. Насколько я помню, въ Петербургѣ только у одного Доминика, посѣтители пользуются правомъ быть въ шляпахъ. Однако я отошелъ въ сторону, перехожу непосредственно къ взятой мной темѣ: въ „Folies-Bergère'ѣ" элегантнѣйшемъ парижскомъ кафе-концертѣ представленіе состоитъ изъ нѣсколькихъ №№ дивертиссемента, среди которыхъ имѣютъ особый успѣхъ красавица испанка Гуэрреро, бывавшая въ Петербургѣ и Léonidas, съ его собаками и кошками. Это превосходный дрессировщикъ животныхъ, которыя у него продѣлываютъ невѣроятныя вещи. Я еще не видывалъ столь хорошо выдрессированныхъ животныхъ.

Затѣмъ выходитъ на сцену... Анна Жюдикъ... Старушку, которая, говорятъ, проглотила въ Петербургѣ въ свое время достаточное количество выкупныхъ свидѣтельствъ, помнящую золотыя времена Егарева, Дорота, Буффа и т. д.—едва уже слышно... Пора бы ей перестать желать плѣнять публику, со временемъ борьба невозможна... Изъ уваженія къ прошлому, ей хлопаютъ...

Clou вечера составляетъ небольшой въ 3-хъ картинахъ балетъ „Lorenza" съ Клео де-Мерод. Балетъ, состоящій почти исключительно изъ танцовщицъ (что существуетъ во всѣхъ театрахъ—мужчины играютъ только комическія роли—обманутаго старика-мужа, полицейскаго или разбойниковъ), поражающихъ богатствомъ, роскошью и разнообразіемъ очень откровенныхъ костюмовъ, имѣетъ большой успѣхъ.

Въ антрактахъ, въ залѣ, подъ музыку, гуляетъ многочисленная публика, среди которой масса элегантныхъ petites parisiennes, улыбающихся при встрѣчѣ и готовыхъ развлечь скучающаго или одинокаго...

[1]) См. объ этомъ мою статью въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ" въ ноябрѣ 1900 года.

Digitized by Google

Въ Casino de Paus спектакль состоитъ изъ обычнаго, ничѣмъ не выдающагося дивертиссемента, балета-пантомимы „La camargo", хорошо поставленнаго, съ роскошными костюмами танцовщицъ, недурной заглавной исполнительницей Angèle Héraud и борьбы между разными чемпіонами. Въ общемъ интереснѣе спектакля антракты съ такой же публикой, какъ въ „Фоли".

Въ отдѣльномъ помѣщеніи находится маленькая сцена, спеціально посвященная danse de ventre'у. Поддѣльныя мавританки пляшутъ довольно недурно, но все таки ясно видна фальсификація... Какъ ни плавны движенія, а все-таки далеко не то, что я видѣлъ въ Алжирѣ на знаменитой Казьбѣ [1])... здѣсь нѣтъ настоящей, восточной нѣги...

Въ „Olympia" превосходный балетъ „Праздникъ въ Севильѣ", имѣющій большой успѣхъ, также какъ давнишняя петербургская знакомая Отеро. Балетъ поставленъ роскошно, костюмы и декораціи очень хороши.

Къ числу кафэ-концертовъ я отнесу театры, гдѣ привился родъ развлеченія, наиболѣе въ настоящее время имѣющій успѣхъ въ Парижѣ—обозрѣніе всевозможныхъ событій текущаго года. Спектакль обыкновенно состоитъ изъ дивертиссемента, въ большинствѣ случаевъ, очень зауряднаго, а послѣ него обозрѣнія, въ которомъ передъ зрителемъ, въ каррикатурномъ видѣ, проходятъ всѣ злобы дня текущаго года—политическія, литературныя, театральныя и т. д. Обозрѣнія выдерживаютъ десятки представленій при переполненныхъ сборахъ, ставятся, въ особенности въ отношеніи костюмовъ, съ большой роскошью; ни одно дѣйствующее лицо дважды въ одномъ и томъ же костюмѣ не появляется на сцену. Въ „обозрѣніи" почти всѣ роли исполняются женщинами, появляющимися одѣтыми очень фантастически и въ то же время откровенно—дальше настоящаго положенія дѣла, въ этомъ вопросѣ, мнѣ кажется, идти некуда. Очень часто весь костюмъ стоитъ, повидимому, очень недорого, такъ какъ состоитъ изъ одного только трико, даже безъ фиговаго листка... Весь вечеръ передъ вами, какъ въ калейдоскопѣ, ежеминутно мѣняясь, ласкаютъ глаза женскія группы, создаваемыя причудливой фантазіей режиссера. Невозможно передать содержаніе обозрѣнія—это рядъ картинъ, пересыпанныхъ куплетами, остротами, скабрезными словечками, — французъ буквально все умѣетъ обратить въ насмѣшку, преподносимую въ самой блестящей обстановкѣ.

Подобныя пьесы можно ставить только во Франціи, гдѣ женщины умѣютъ быть элегантными, — искусство, вѣроятно, съ молокомъ матери или, въ большинствѣ случаевъ, кормилицы, всасывающееся въ ихъ кровь. Онѣ умѣютъ и одѣться и... раздѣться. Все это выходитъ у нихъ мило и

[1]) См. мою статью „Путешествіе по Сѣверной Африкѣ"—журналъ „Сѣверъ"., 1895 г.

Digitized by Google

изящно. Passez moi le mot, mesdames, у насъ всегда какъ-то „отдаетъ“ бабой... Нужно быть изящной съ начала до конца, во всѣхъ движеніяхъ, манерахъ, если хотите — изломанной, тогда самые рискованные костюмы и позы не шокируютъ.. На это способны однѣ француженки и больше никто.

Въ театрѣ „Parisiana“ даютъ revue въ 6 картинахъ—„Tout en l'air!“ Калейдоскопъ политическихъ злобъ дня, воспроизводимыхъ цѣлымъ полкомъ фантастически раздѣтыхъ женщинъ, среди которыхъ выдѣляется своимъ сложеніемъ и красотой въ scènes plastiques Gaby Garter, весь костюмъ которой составляютъ... трико и башмаки...

Въ театрѣ „La Cigale“ въ дивертиссементѣ особымъ успѣхомъ пользуется пѣсенка Max'a Morel.—Почему я сталъ республиканцемъ?—потому что, благодаря революціи, снесена Бастилія и на мѣстѣ ея устроена площадь, на которой я могъ дважды прибить мою тещу (belle-mère и здѣсь, какъ всюду, является справедливой мишенью для остротъ, нѣтъ, кажется, уголка на земномъ шарѣ, гдѣ бы эти почтенныя особы не отравляли человѣческую жизнь). Затѣмъ, благодаря республикѣ, царитъ свобода,—въ ресторанѣ я имѣю полное право выбора бѣлаго или краснаго вина, въ кафэ могу говорить, что мнѣ вздумается, хотя, благодаря предоставленію этого права всѣмъ и каждому, никто никого не слушаетъ, наконецъ, во времена имперіи, я неоднократно попадалъ въ полицію за крикъ на улицѣ „да здравствуетъ республика“, а теперь, при республикѣ, можно кричать все, что кому угодно—да здравствуетъ республика, король, императоръ, нельзя только закричать одного: „да здравствуетъ градоначальникъ“ [1]). Я это разъ попробовалъ и за то былъ немедленно избитъ толпой.

Послѣ дивертиссемента идетъ въ 8 картинахъ обозрѣніе „A nous la veine“, въ которомъ удивительно хороша J. Bloch въ роли безобразной мадагаскарской королевы, пріѣхавшей въ Парижъ на всемірную выставку. О самой пьесѣ можно только повторить сказанное о предыдущей — остроумно, скабрезно, рядъ разнообразныхъ картинъ, главнымъ образомъ представляющихъ каррикатуры на политическую злобу дня, цензуру и полицію. Бѣдный г. Лепинъ (префектъ парижской полиціи), въ сотнѣ кафэ-концертахъ по нѣсколько разъ въ вечеръ ему жестоко достается! Женскіе костюмы въ обозрѣніи роскошны, всѣ въ такъ называемомъ новомъ стилѣ (главнымъ образомъ они состоятъ изъ трико, башмаковъ и шляпы).

Обозрѣніе заканчивается сценой въ военномъ дортуарѣ, куда являются подруги солдатъ. Происходитъ рядъ самыхъ скабрезныхъ сценъ, танцы, причемъ мужчины изображаютъ лошадей, а дамы — всадниковъ и многое другое...

Обозрѣнія даются въ десяткѣ театровъ: Scala, Eldorado, не буду ихъ перечислять, скажу только, что наиболѣе эффектны — въ Варіэтэ, гдѣ передъ вами весь вечеръ дефилируетъ

[1]) Vive le prefect de police!

Digitized by Google

букетъ хорошенькихъ женщинъ, но наиболѣе изъ всѣхъ остроумнымъ мнѣ показалось обозрѣніе въ маленькомъ театрѣ у С.-Лазарскаго вокзала — Pepinière, гдѣ даютъ revue подъ названіемъ „A la poile de Kock". Въ числѣ уморительныхъ сценъ нельзя не упомянуть, — слѣдствіе новаго закона о духовныхъ конгрегаціяхъ, — отбытіе членами ихъ воинской повинности — обученіе на сценѣ фронту и ружейнымъ пріемамъ монаховъ, эволюціи и парадъ кокотокъ всѣхъ національностей подъ звуки гимна споръ, сосьетеровъ французской комедіи объ отмѣнѣ наполеоновскаго московскаго декрета. Въ разгаръ спора на сцену выходитъ Наполеонъ I. Онъ говоритъ, что на этотъ разъ онъ пришелъ въ Парижъ, чтобы посмотрѣть, какъ изображаютъ въ „Орленкѣ" его сына; онъ одного только не понимаетъ, гдѣ же его сынъ? Повидимому, Ростанъ думаетъ, что Наполеонъ I былъ отцомъ Сарры Бернаръ... Сцена кончается оживленнымъ канканомъ сосьетеровъ.

Въ танцѣ Наполеонъ принимаетъ, къ дикому восторгу публики, самое горячее участіе. Излишне прибавлять, что префектъ полиціи, городовые и министерство постоянно являются темой для самыхъ ядовитыхъ остротъ, сопровождаемыхъ громомъ апплодисментовъ публики, именно публики, а не кляки, какъ то принято въ парижскихъ театрахъ, гдѣ кляка всюду царствуетъ и своими апплодисментами, часто совсѣмъ не кстати, мѣшаетъ слушать пьесу или оперу.

На этомъ бѣгломъ обзорѣ я кончу набросокъ о кафэ-концертахъ, такъ какъ упоминаніе о десяткѣ остальныхъ было бы повтореніемъ уже сказаннаго мной, и перейду къ другого рода зрѣлищамъ.

X.

CABARETS.

I.

Латинскій кварталъ.

Латинскій кварталъ, обиталище французскихъ студентовъ, студентокъ и вымирающаго типа—гризетокъ—спокойный, серьезный, съ обычнымъ для Парижа движеніемъ на бульварахъ, съ наступленіемъ вечера и ночи измѣняетъ свой видъ. По улицамъ встрѣчаются толпы молодежи, всѣ кафэ, не говоря о наиболѣе любимыхъ на Boul' Mich' [1]—Panthéon, François d'Harcourt, La Source, Soufflet, Iachette, Lorraine, переполняются публикой, столики берутся чуть не съ бою, крикъ, смѣхъ, шутки царятъ въ воздухѣ...

Поздно ночью столики сдвигаются въ сторону, начинаются самые непринужденные танцы. Мѣста въ кафэ не хватаетъ— танцующіе переходятъ на улицу, въ бѣшеномъ grand rond'ѣ несутся вокругъ мирно стоящихъ стражей порядка...

[1]) Boulevard Sant-Michel.

Digitized by Google

Въ этомъ кварталѣ есть свой спеціальный органъ „L' etudiant", посвященный студенческимъ дѣламъ и кокоткамъ квартала. Въ газетѣ обсуждается съ полной откровенностью все, происходящее въ Quartier, любимое мѣсто жителей котораго—названныя кафэ. Cabarets — не многоl Noctambules,—большая зала, уставленная столиками, съ самыми откровенными картинами по стѣнамъ. Главными артистами-исполнителями являются поэты и музыканты Латинскаго квартала, одѣтые въ рабочія блузы съ огромными артистическими галстуками „Barbiche 1830". Пѣсни ихъ, какъ говорятъ французы, „trés decoltè". Припѣвъ обыкновенно подхватывается всѣми присутствующими. То же происходитъ на rue Cujas въ Grillon. Артисты не стѣсняются темами не только анекдотовъ, ими разсказываемыхъ съ маленькой эстрады около рояля, но и пѣсенокъ. Здѣсь мало касаются политики и министерства, въ большинствѣ случаевъ высмѣиваются различныя происшествія самого квартала.

Я не помню названія еще одного характернаго кафэ, въ которомъ исполнителями являются сами присутствующіе, въ большинствѣ случаевъ, повидимому, другъ друга знающіе.

Довольно большая зала, по обыкновенію заставленная столиками, биткомъ набита самой разнообразной публикой—сидящей въ непринужденныхъ позахъ. Обнять свою даму, посадить къ себѣ на колѣни или поцѣловать ее при всѣхъ—вещь вполнѣ обычная, никого не удивляющая. Время отъ времени кто-нибудь выкрикнетъ фамилію одного или одной изъ присутствующихъ, это имя подхватывается другими и, если остальными поддерживается апплодисментами, вызываемый встаетъ на стулъ или на столъ и начинаетъ пѣть, декламировать или разсказывать анекдоты. Здѣсь, въ этихъ сборищахъ, пріобрѣтается извѣстность публики часто будущими знаменитостями. Артисты-литераторы съ именами, съ положеніемъ, приходятъ сюда, чтобы лишній разъ напомнить о себѣ. Я помню, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, я былъ въ этомъ же кафэ. Присутствующіе начали кричать: Верленъ, Верленъ – и на столъ вагромоздился пожилой человѣкъ, давно не бритый, въ грязномъ платьѣ, съ какой-то косынкой на шеѣ и началъ декламировать свои стихи. Это былъ Поль Верленъ, имя котораго хорошо извѣстно нашей читающей публикѣ. Декламаторъ былъ, повидимому, тронутъ пріемомъ, ему оказаннымъ и прочелъ цѣлую серію стихотвореній.

Теперь тоже, иные выкрикиваемые имена встрѣчаются громомъ аплодисментовъ—это будущіе любимцы толпы,—другіе сопровождаются смѣхомъ, шиканьемъ. Это неудачники, по по крайней мѣрѣ, въ настоящую минуту. Я не буду говорить объ остальныхъ увеселеніяхъ этого рода квартала, одно учрежденіе похоже на другое по своей программѣ и публикѣ, я упомяну только о слѣдующемъ. Однажды, довольно поздно вечеромъ мнѣ пришлось идти по бульвару Michel и на Avenue de l'observatorie, я увидѣлъ Bullier [1]), блестяще освѣщенное

[1]) Я въ своихъ бѣглыхъ набросках очень о многомъ не говорю,

Digitized by Google

въ необычный для него день. (Балы въ Bullier производятъ по воскресеньямъ средамъ и субботамъ) и хотѣлъ подойти къ кассѣ узнать въ чемъ дѣло. Въ это время ко мнѣ приблизился полицейскій и сказалъ, что я не имѣю права входа, такъ какъ въ Bullier сегодня допускаются только костюмированные студенты, высшихъ школъ Парижа. Во время разговора къ намъ подошелъ распорядитель, который узнавъ, что я русскій журналистъ [1]), пригласилъ меня войти. Я очутился въ огромной толпѣ. Описаніе костюмовъ, (костюмированными были рѣшительно всѣ, чего у насъ также въ нашихъ скучнѣйшихъ маскарадахъ не бываетъ, гдѣ бродятъ сонные мухи во фракахъ) я не буду дѣлать, это была смѣсь всевозможныхъ нарядовъ, кончая до самыхъ откровенныхъ. Въ залѣ стоялъ гулъ тысячи голосовъ, за которыми едва былъ слышенъ оркестръ. Танцы отличались оживленіемъ, положительно вся зала принимала въ нихъ участіе. Видно, что люди пришли затѣмъ, чтобы веселиться а не ходить надувшись съ тупымъ выраженіемъ лица всякому встрѣчному, знакомому надоѣдая сообщеніями о своей прирожденной чисто петербургской скукѣ.

Былъ поздній часъ. Публика покидала Bullier направляясь ужинать. Всѣ рестораны и кафе квартала въ эту ночь не закрывались совсѣмъ. Разряженная толпа, безъ всякихъ накидокъ, въ маскарадныхъ костюмахъ, направлялась въ рестораны. Улица напоминала собою карнавалъ въ Ниццѣ. Въ кафе невозможно достать столикъ. Шумъ, смѣхъ заглушали слова, заглушали стукъ ножей и вилокъ...

Какая разница съ Петербургомъ! Тамъ въ залѣ застоликами сидятъ живыя муміи. Разговоръ идетъ полушепотомъ. Смѣха не услышишь—это неприлично, „общественную тишину и спокойствіе" нарушаютъ румыны визжащей, дѣйствующей на нервы, музыкой... Кончатъ играть, перестанутъ шевелиться ихъ лица съ усами, какъ у таракана, глазами масляно смотрящими на столы съ бутылками и опять „общественная тишина и спокойствіе" погружается какъ бы въ какой-то летаргическій сонъ, окутывающій присутствующихъ точно осенній туманъ холодную столицу... Скучно, скучно у насъ, также скучно, какъ здѣсь весело, также снотворно и молчаливо, какъ здѣсь оживленно и громко...

Лишь утромъ, когда Парижъ вставалъ, на улицахъ появлялись разнощики, армія метельщиковъ выходила чистить и мыть тротуары, разряженная толпа покидала рестораны. Начинался день съ его нуждами, его интересами...

такъ какъ въ особенности латинскій кварталъ достаточно извѣстенъ нашей публикѣ. Балы въ Bullier неоднократно были описаны во всѣхъ подробностяхъ „непринужденнаго" въ нихъ время препровожденія молодежи. С. С.

[1]) За границей званіе журналиста—лучшій ключь, которымъ можно отпереть любую дверь. Журналисты, въ противоположность нашимъ порядкамъ вездѣ имѣютъ доступъ и лучшіе мѣста. С. С.

Digitized by Google

II.

Монмартръ.

Монмартръ—священный холмъ, возвышающійся надъ Парижемъ. На вершинѣ его церковь, а ниже ея—центръ интеллектуальнаго и артистическаго сосредоточія Парижа. Нѣкогда знаменитый Рудольфъ Салисъ основалъ здѣсь свой cabaret Chat Noir, съ тѣхъ поръ Монмартръ представляетъ центръ развлеченій и удовольствій. Нѣкогда здѣсь были мельницы—теперешнія мельницы (moulien ronge, moulin de la galette) ничего общаго съ прежними не имѣютъ. Монмартръ—центръ чисто парижскихъ развлеченій, здѣсь вы встрѣтите золотую молодежь, отсюда выходятъ литературныя и артистическія знаменитости, здѣсь мѣсто жительства художественнаго міра и обиталище богемы и арміи кокотокъ...

О многихъ театрахъ я уже говорилъ, нѣкоторые изъ нихъ находятся на Монмартрѣ, теперь я буду говорить о cabarets. Я не стану ихъ даже перечислять, возьму только характерныхъ представителей.

„Cote d'azur". Вы входите въ большую залу. Страшно накурено. Масса публики. На сценѣ разные артисты поютъ куплеты. Публика подхватываетъ припѣвъ, кто чѣмъ можетъ, иные поютъ, другіе въ тактъ стучатъ палками.

— L'amour-oh,—là, là, пѣла публика, когда я вошелъ въ залу.

— Oh-là-là, кричалъ garçon, подавая мнѣ кофе.

— Il faut chanter, mon bon homme, обратился онъ ко мнѣ, хлопнувъ меня рукой по плечу.

Нравы на Монмартрѣ—мѣстные.

Самыя скабрезныя шансонетки чередуются съ поэтическими полными меланхоліи:

„Adieu, madame la lune" несется со сцены грустный романсъ...

Особый успѣхъ имѣютъ патріотическія пѣсенки, когда на сцену выходитъ артистъ, одѣтый солдатомъ. Онъ поетъ о могуществѣ Франціи, объ ея будущей славѣ...

— „Если погромъ (1870 г.) нуженъ былъ намъ для свободы, для великихъ идей первой революціи, для освященія и крестинъ сильной республики, то я привѣтствую его. онъ заря свободы, первый камень зданія, надпись на фронтонѣ котораго—свобода, равенство, братство".

Публика приходитъ въ неистовый восторгъ!..

Восторгъ этотъ доходитъ до послѣднихъ предѣловъ, когда на экранѣ появляются изображенія Наполеона I или президента Карно... Всѣ, какъ одинъ человѣкъ, вскакиваютъ съ мѣстъ, въ залѣ поднимается невообразимый шумъ, крики „vive la France" заглушаютъ марсельезу оркестра...

Неподалеку находятся три учрежденія „Le cabaret du ciel", „Le cabaret de l'enfer" и „Le cabaret du néant".

Первое изъ нихъ на улицѣ освѣщено голубоватымъ огнемъ

Digitized by Google

фасадъ представляетъ небо, звѣздами усѣянное. Двери подобны входу въ церковь. Швейцаръ одѣтъ ангеломъ.

Въ большой залѣ, со столомъ по срединѣ, убранство соотвѣтствуетъ названію. Служатъ „серафимы", въ бѣлыхъ парикахъ, съ вѣнками изъ розъ, съ крыльями на спинѣ... Послѣ небольшого представленія, даваемаго „жителями неба", вы поднимаетесь во второй этажъ. Въ лазоревомъ гротѣ помѣщается сцена. Здѣсь рай Магомета. Занавѣсъ поднимается и опускается нѣсколько разъ—предъ вами является рой хорошенькихъ женщинъ въ одномъ трико, во всевозможныхъ позахъ...

Сосѣдній кабачекъ освѣщенъ краснымъ огнемъ. У входа стоятъ скелеты, швейцаръ въ костюмѣ мефистофеля.

— Entrez, chers damm's, говоритъ онъ входящимъ.

— Avancez, belles impures, asseyez-vous, charmantes pécheresses, vous serez flambées d'un côté comme de l'outres такъ привѣтствуютъ черти входящихъ въ длинную залу, уставленную столами, освѣщаемыми краснымъ пламенемъ Изъ гротовъ вылѣзаютъ змѣи, ящерицы (конечно искусственныя) при фантастическомъ освѣщеніи — эффектъ достигается довольно значительный.

Далѣе вы идете черезъ „l'antre de Satan" во второй этажъ—полутемный гротъ, съ ярко краснымъ огнемъ освѣщенной сценой. Здѣсь—происходитъ рядъ живыхъ картинъ— „раздѣваніе женщины", „семь смертныхъ грѣховъ", и т. д. изображаемыхъ также женщинами въ одномъ трико.

Третій cabaret, напротивъ первыхъ двухъ, задрапированъ снаружи чернымъ съ бѣлыми полосами. При входѣ два швейцара, одѣтые факельщиками.

Похоронный маршъ слышится изнутри...

Вы входите въ большую комнату. Скелеты по угламъ, люстры изъ череповъ и костей. Столы сдѣланы въ видѣ гробовъ. Всюду изображенія смерти...

— Voici les microbes de la mort, buvez les avec résignation", говоритъ факельщикъ, подавая пиво, налитое въ стаканъ, сдѣланный изъ черепа.

Рядомъ съ вами въ сосѣднемъ креслѣ посаженъ скелетъ. Картина довольно оригинальная!..

— Allez mourir! кричитъ одинъ, одѣтый палачемъ...

Всѣ поднимаются во второй этажъ, гдѣ, въ совершенно темной комнатѣ, на сценѣ—гробъ, бокомъ поставленный, какъ будто вы смотрите внизъ, въ могилу. Желающему предлагаютъ немедленно умереть.

Кандидата не находится...

Тогда идетъ „мѣстный", становится въ гробъ (для зрителей онъ имѣетъ видъ лежащаго покойника). Укрываютъ саваномъ и при посредствѣ ряда электрическихъ эффектовъ достигается отвратительнѣйшая картина—полнаго разложенія трупа до превращенія его въ скелетъ. Затѣмъ происходитъ „воскресеніе". Трупъ оживаетъ и превращается въ человѣка.

Digitized by Google

При выходѣ предлагаютъ взглянуть въ маленькое отверстіе въ стѣнѣ. Здѣсь вы увидите эффектъ, достигаемый при помощи ряда извѣстнымъ способомъ установленныхъ зеркалъ и приспособленій — самого себя, съ закрытыми глазами, лежащимъ въ гробу, одѣтаго въ бѣлый саванъ, усыпанный цвѣтами.

Недалеко отъ названныхъ учрежденій находится „Le Quatz-arts", кабачекъ, содержимый монмартрскими поэтами и музыкантами. Онъ состоитъ изъ двухъ комнатъ. Во второй, довольно большой, въ углу стоитъ пьянино и маленькая эстрада. Здѣсь читаютъ стихи, поютъ пѣсенки скабрезнаго и по большей части, политическаго содержанія. Нѣтъ такого факта въ текущей жизни не только Франціи, но и чуть ли не всего свѣта, мѣсто которому не было бы удѣлено на этой эстрадѣ.

Многія пѣсни поражаютъ своимъ остроуміемъ, игривостью мотива. Изъ цѣлаго ряда мною прослушанныхъ, я думаю, что *только* двѣ можно будетъ привести, что я и дѣлаю. Объ остальныхъ придется помолчать.

La guerre du Transwaal raconté par ma Concierge.

AIR: Ah! mes enfants

J' sais pas si v's êt's comm' moi, ma bonn' madam' Tapoire,
Mais j' comprends pas grand chose à toutes leurs histoires,
Ah! mes enfants!
Qu'i's racont'nt à présent tons les jours dans l'jornal,
Et qu'i's appell'nt comm' ça la guerr' du... du Stranval!
Ah! mes enfants!
Mon homm' qu'est très calé sur les mathématiques
M'a dit que ce Stranval c'est du côté d' l'Afrique,
Ah! mes enfants!
C'est vous dir' censément, qu' c'est pas tout près d'ici,
C'est même encor plus loin qu' Levallois ou Passy...
Ah! mes enfants!
Y a là-bas des sauvag's qui sav'nt mêm' pas seul'ment
S'i's s'appellent Boërs, Bours, Beurs, ou autrement,
Ah! mes enfants!
Et dans ce pays-là, l' mond' sont rich's à millions...
L'or y pouss' comm' qui dirait des champignons!
Ah! mes enfants!
Alors comm' vous savez, l' princ' de Gall's qu'a des dettes
Chez tous les troquets de Montmarte et d' la Vilette,
Ah! mes enfants!
S'a dit tout par un jour: „Maman n'veut plus marcher!
A' n' mes fous plus un rond, elle a les pieds nick'lés!...
Ah! mes enfants!
C' serait p't'-être un' bonne affaire, et plus j'y réfléchis,
Plus je comprends que... qui paye mes dett's m'enrichis!"
Ah! mes enfants!
Là-dssus, i' va trouver un monsieur très malin,
Un typ' qui la connais, du nom de Chamberlain....
Ah! mes enfants!
Après... j' sais plus très bien... J' sais seulement qu' l'Angleterre
Par pure humanité a déclaré la guerre...
Ah! mes enfants!
Qu' les Anglais voulaient avoir le Boër et t' manger...
Et pis qu'on les a vus s'embarquer... pour changer!
Ah! mes enfants!

Digitized by Google

Seul'ment, paraît qu' ça n' va pas comm' sur des roulettes,
Et qu'i's r'çoiv'nt un'... bourrée qu'est pas dans un' musette!
Ah! mes enfants!
Eux qui gueulaient si fort en partant pour là-bas
L' Pèr' la Victoire, et l' Rule-ta-boss'-Britannia!
Ah! mes enfants!
Moi, j' pourrais pas vous dire au juste ou ça en est,
Ces gens-là, voyez-vous, connaiss'nt mêm' pas l' français!
Ah! mes enfants!
I's vous ont d' c'es tas d' mots qu'il faut que vous cherchiez...
Moi, quand j' demande à m'n homme, i' m' répond qu' je l' fais... [rire!
Ah! mes enfants!
On parl' d'un' Ladysmitt d'un' valeur sans égale,
C'est pour sûr, une ancienn' maitress' du princ' de Galles...
Ah! mes enfants!
Y a l' Vas-y-voir Office, qui blagu' tout à son aise:
On m'a dit qu' c'est un' fabriqu' de carott's anglaises!
Ah! mes enfants!
I's pratiqu'nt l'espionag' là-bas, comme en Europ'
Mêm' que, y a quelque temps, on pris l'espion Kop!
Ah! mes enfants!
Cett' guerre, à mon avis, c'est c' que j'ai dit toujours
On la fait pour de l'or, c'est une affair' de Bours'!
Ah! mes enfants!
Bref, j' sais pas trop comment qu'ça finira, ma chère,
Mais pour moi, les Anglais sont dans de sâl's affaires!
Ah! mes enfants!
Et c' monsieur Chamberlain qui m'a l'air d'un crâneur,
N'a pas core éventé le fil à couper l'Boer!...
Ah! mes enfants!

LA PLUIE EN PROVENCE.

Monologue.

Quand ils reçoiv'nt le Président,
Les gens du Nord pavois'nt leurs villes
Illuminent leurs monuments
Et c'est tout! C'est pas difficile,
Té! Des drapeaux et des lampions
Pour le chef d'Etat de la France?
Mazett'! C'est minc' comm' réception!
On fait mieux les chos's en Provence.

Nous autres, quand le Président
S'est amené dans nos parages,
On a voulu, naturell'ment,
Pour qu'il soit content d' son voyage,
Lui montrer quèqu' chos' d'imprévu
De nouveau, d'inconnu en France
Et voilà pourquoi qu'il a vu
Tomber de la pluie en Provence!

Ah! pécaïre! Il en est tombé,
A rendr' jalous' la capitale!
Tout l' cortège était inondé!
Une averse phénoménale
Mon bon! Non jamais, c'est certain.

Digitized by Google

On n' vit pareil déluge en France!
Sa cravat' blanche en a déteint!...
Zuze un peu! D' la pluie de Provence!

Le Président était trempé!
„Vé! qu'il dit, si c'est pas d' la pluie
„C'est bougrement bien imité!
„Bonn Dious! La bell' cérémonie!
„Coquin d' sort! Ces gens du midi
„N' regardent pas à la dépense!
„Ils font bien les choses, qu'il dit:
„Qué! On a du cœur en Provence!"

Le pauvre! quand il est parti
Il était ému jusqu'aux larmes?
Il a décoré tout l' pays
Tant il y a trouvé de charmes!
Et mêm' qu'avant de s'en r'venir,
Il a voulu, en r'connaissance,
Emporter, comme souvenir,
Un litre d'eau d' pluie de Provence!

Въ такомъ же родѣ—„La boite ae fursy", находящаяся въ бывшемъ помѣщеніи Chat Noir'a. La boite состоитъ изъ двухъ залъ—первая имѣетъ видъ таверны втораго акта изъ оперы „Карменъ", вторая зрительная. Здѣсь поютъ пѣсенки исключительно политическаго содержанія. У дверей „La boite" есть входъ въ пивную „le gourbi", гдѣ танцуютъ „danse du ventre".

Этотъ же танецъ на Монмартрѣ процвѣтаетъ въ Moulin-rouge, въ особомъ домикѣ, сдѣланномъ въ видѣ слона, въ одной изъ ногъ котораго лѣстница, ведущая въ зрительный залъ. Я не буду говорить о Moulin-rouge и другомъ въ этомъ родѣ. О довольно скабрезныхъ ихъ „живыхъ картинахъ" скажу только, что канканъ въ этихъ учрежденіяхъ попрежнему процвѣтаетъ, причемъ, я помню, въ былые годы, танцорокъ такъ сдавливала толпа, что имъ мѣста не оставалось. Теперь больше простору для танцевъ, толпу раздвигаютъ, чтобы не мѣшать канкану... полицейскіе!!...

Не останавливаясь на цѣломъ рядѣ разныхъ cabarets, мы войдемъ въ маленькій кафэ-концертъ со страннымъ названіемъ „L'ane rouge". Этотъ „Красный оселъ" имѣетъ небольшую комнату, всѣ стѣны которой увѣшаны кощунственными изображеніями священнаго писанія. Надъ кассой большая вывѣска: „Ici pour conserver ses amis ne fait pas credit".

Пѣсенки, соотвѣтствующія обстановкѣ...

Чтобы окончить бѣглый взглядъ на монмартрскіе cabarets, слѣдуетъ упомянуть о трехъ почти однородныхъ учрежденіяхъ: Bruyant, Conservatoir de Monmartre и Cabaret Réaliste (Александра Брюана) (на Большихъ бульварахъ). Это особаго рода cabaret. Я буду говорить подробнѣе, какъ наиболѣе интереснымъ, о послѣднемъ, все то же можно отнести и къ остальнымъ. Основателемъ этого рода cabaret былъ знаменитый Aristide Bruant, нынѣшніе владѣльцы—его ученики.

Digitized by Google

У входа въ cabaret стоитъ швейцаръ-уродецъ. Онъ стучитъ, дверь отворяется. Предъ вами значительныхъ размѣровъ комната, наполненная публикой. Поднимается крикъ съ обычнымъ припѣвомъ:

„Holà... là! Ah! C'te queule, c'te binette!
Holà... la! Ah! C'te queule qu'il a!"

Общій взрывъ ругательствъ встрѣчаетъ входящаго... таково обычное привѣтствіе.

— F... toi aux fauteuils d'orchestre, обращается къ посѣтителю лакей съ огромной шляпой на головѣ...

— Voilà un maquereau! привѣтствуютъ другого входящаго.

— Voyez vous les pucelles, кричатъ дамамъ...

— J'ai l'hohneur de vous présenter deux cochers de fiacre avec leur jument и т. д

Входящій долженъ „за любезность" отвѣтить подобной же „любезностью".

— Tais-toi, salaud! кричатъ ему, если отвѣтъ неудаченъ...

Стѣны cabaret покрыты всевозможными изображеніями. Здѣсь маски знаменитыхъ убійцъ—Carrara, Pranzini, Eyrault, Camahut, Henry, стихи въ честь убійцы президента Карно, карикатуры на политическихъ дѣятелей, въ углу стоитъ гильотина, съ надписью надъ ней: „liberté", въ другомъ кровать изъ камеры тюрьмы Рокеттъ [1]) и т. д. въ такомъ же родѣ.

Bruant, одѣтый въ бархатный костюмъ, ходитъ по срединѣ залы и поетъ пѣсню, подъ рояль.

Alexandre Bruant превосходный артистъ и мимикъ, его можно съ большимъ удовольствіемъ слушать. На смѣну ему выступаютъ другіе, то хоръ пѣвцовъ, исполняющихъ свои NN прогуливаясь между столиками. Пѣсни, по большей части политическаго содержанія. Одну изъ нихъ, описывающую Cabaret, я приведу:

Lors-qu'un badaud, ou bien futur Hoche,
Passe devant mon busant cabaret,
S'il veut entrer on fait tinter la cloche,
Pour l'annoncer au suisse guilleret.
La porte s'ouvre et tout le monde entonne
Un frais refrain pour sa réception
Et l'arrivant, fier du mot de Cambronne
Me paye un franc. Sa consommation.

Chez L'bruyant Alexandre,
Alexandre L'bruyant
Nouvel Anaximandre
Tout est fort attrayant
Chez L'bryant Alexandre,
Alexandre Bruyant
Nouvel Anaximandre
Tout est fort attrayant.

L'on est surpris lorsque je dévisage,
En m'exprimant harmonieusement,

[1]) Теперь эта тюрьма срыта съ земли.

Digitized by Google

L'hôte charmant, tout à son avantage,
Le plus souvent un bel accouplemen.
Il n'en est pas que je ne complimente
En lui donnant son véritable nom;
Aussi chez moi jamais ne se tourmente
Le bon client qui fait tout mon romen. Ref.

Mon cabaret ne ressemble à nul autre,
On est à l'aise, on est vraiment chez soi.
A sa façon chacun de nous se vautre,
Car en payant voici quelle est la loi:
De Pranzini l'on admire la face,
La guillotine et son adroit couteau,
Du fort Chabrol, quand on est perspicace,
L'on voit la gloire au fond d'un pot plein...d'eau! Re .

Tous nos chanteurs ont une voix puissante,
Et leurs chansons sont des morceaux choisis
Notre musique est fringante, enivrante,
Et vous transporte au paradis promis...
Aussi, voyez, je vais faire fortune,
Grâce à vous tous, intelligents pierrots,
Ne m'en gardez pas la moindre rancune
Si je vous prends pour niais ou pour sots. Ref.

Chers parisiens, à ma reconnaissance,
Je vous le jure, un jour, vous aurez droit.
Voilà pourquoi, le soir, on vous encence,
Quand vous partez, d'un refrain fort adroit.
Revenez donc nous faire une visite,
Au doux retour des grands bains de mer d'Eu,
Accompagnés d'une belle Aphrodite
Au nez spongieux, brillanté d'un caïeu! Ref.

Многія пѣсни удивительно остроумны, а монологи читаются съ настоящимъ драматическимъ искусствомъ. Я очень жалѣю, что не могу хотя нѣкоторыхъ привести здѣсь.

Уходящихъ также провожаютъ криками или пѣніемъ, въ родѣ слѣдующаго:

Tout ceux qui s'en vont
Sont des cochons и т. д.

Я не буду говорить о цѣломъ рядѣ различныхъ кафэ въ родѣ тѣхъ, гдѣ собираются почти исключительно женщины, гдѣ на представителей сильнаго пола мало обращаютъ вниманія, о brasseries съ болѣе или менѣе костюмированной прислугой — собесѣдницами и т. д. Только съ восходомъ солнца кончаетъ Монмартръ свой вечеръ; изъ театровъ, cabarets и т. д. переселяясь въ рестораны „Le rat mort", „Le tréteau du Tabarin", „La Capitole" и десятки другихъ, переполняющихъ собой всѣ улицы. Послѣ трехъ часовъ ночи въ нихъ „столпо вореніе вавилонское творится", стонъ въ воздухѣ стоитъ. Самый комфортабельный послѣдній, въ изящной залѣ-палаткѣ вы ужинаете въ цвѣтникѣ элегантныхъ „petites parisiennes", среди которыхъ много очень хорошенькихъ. Здѣсь же на эстрадѣ поютъ куплеты.

Давно уже утро на дворѣ, а ужинъ лишь къ концу подходитъ... Поздно ложится спать шумный Монмартръ.

Digitized by Google

XI.

Ночь на Рождество.

Бурный, живой, шумный Парижъ даже и для его постояннаго жителя принимаетъ замѣтно необычную физіономію, начиная съ 20 декабря.

Всюду на улицахъ выстроены деревянные шалаши-лавочки, балаганы, карусели, особыя трибуны для продавцовъ, съ которыхъ послѣдніе обращаются съ цѣлыми рѣчами къ проходящей публикѣ, расхваливая качество своего товара. Издали будто трибунъ говоритъ съ огромной толпой—подойдешь, торговецъ рекламируетъ какую-нибудь дрянь въ родѣ помады для рощенія волосъ...

По улицамъ, всегда шумнымъ, оживленнымъ, наполненнымъ безконечной толпой, трудно двигаться. Всюду крики камло, продавцовъ газетъ, брошюръ, разной дряни, здѣсь же даютъ представленія клоуны, акробаты, фокусники, гремятъ шарманки, визжатъ фонографы и т. д. Кафэ переполнены, мѣста нельзя достать. Оживленіе достигаетъ апогея въ день 24 декабря, когда весь Парижъ отъ мала до велика тѣснится по бульварамъ.

Надо быть поэтомъ чтобы передать все то, что въ этотъ день, который можно сравнить съ днемъ національнаго праздника 14 іюля, происходитъ на бульварахъ. Всѣ театры переполненныя публикой, спектакли даютъ два раза въ день, у кассы по часу приходится дежурить, чтобы получить мѣсто.

Апогей оживленія—ночь на Рождество—Reveillon. Нѣтъ парижанина, который бы ни провелъ ее болѣе или менѣе шумно. Въ этотъ день уже нельзя было *записаться*, чтобы получить столикъ для ужина въ ресторанѣ. Меня очень интересовалъ общій coup d'oeil во всѣхъ центрахъ и въ ночь на Рождество я объѣхалъ всѣ большіе кафе и рестораны, я побывалъ у Максима, у Duran, Larue, Lucas, Cafe de la Paix, Cafe Americain, Paillard, Cafe de Paris, Marguery, Taverne Olympia—всюду залы залиты свѣтомъ, столы украшены цвѣтами, нѣтъ свободнаго уголка, туалеты... ихъ трудно описать человѣку, привыкшему къ чисто петербургскимъ „сѣренькимъ" нарядамъ... Всюду шумно, разнообразно, не шепчутся, а громко говорятъ, громко смѣются и этотъ смѣхъ, оживленный, искренній замѣняетъ музыку... Я нигдѣ не замѣтилъ ни выпившихъ, ни нарушеннаго порядка, искреннее веселье повидимому не нуждается ни во взвинчиваніи нервовъ алкоголемъ, или визгомъ румынскаго оркестра, ни въ особомъ спеціально-игривомъ состояніи духа непосредственно требующемъ составленія протокола.

Ночь на Рождество отчасти можно сравнить съ нашей ночью на Свѣтлый праздникъ, разумѣется, принявъ въ соображенія: Петербургъ и Парижъ, масштабъ нашъ и здѣшній...

Digitized by Google

Чтобы закончить свое третье письмо изъ Парижа, я посвящу нѣсколько словъ другой сторонѣ здѣшней жизни, которую я наблюдалъ въ теченіе нѣсколькихъ ночей—жизни трущобъ.

Впечатлѣнію ихъ, я посвящу описанію одной изъ ночей, проведенныхъ мною въ трущобахъ Парижа.

XII.

Трущобы.

Одѣтый въ мягкую старую шляпу, сильно подержанное пальто, въ сапогахъ подбитыхъ большими гвоздями на подошвѣ, я вмѣстѣ съ г. В. нѣсколько ночей посвятили осмотру парижскихъ трущобъ.

Поздно вечеромъ мы сѣли на носъ парохода идущаго внизъ по Сенѣ. Красивая панорама раскрывалась предъ нашими взорами! тысячами огней блестѣлъ Парижъ. Вотъ промелькнулъ Аустерлицкій мостъ. Вдали, облитая слабымъ луннымъ свѣтомъ, въ туманѣ зимней ночи, показалась мрачная громада,—Соборъ Парижской Богоматери. Высоко темнѣли на синемъ небѣ его башни...

Пароходъ подошелъ къ пристани. Мы сошли, направились по набережной и, наконецъ, приблизились къ длинному, темному одноэтажному зданію.

Это былъ моргъ.

Посрединѣ дома, въ видѣ купола, возвышается потолокъ. Мы поднялись на нѣсколько ступеней и черезъ широкую дверь вошли въ довольно большую комнату, слабо освѣщенную нѣсколькими тускло горящими керосиновыми лампами...

Страшная картина явилась предъ нами.

Прямо, противъ входа, за большой многостекольной рамой, на покатыхъ ложахъ, лежало распростертыхъ четырнадцать покойниковъ...

Четырнадцать страшныхъ, отвратительныхъ, ужасъ внушающихъ труповъ...

Только нѣкоторые изъ нихъ сохранили человѣческое подобіе... одинъ зіялъ глубокими ранами на головѣ, другой весь почернѣлъ гніеніемъ превращаясь въ прахъ, третій съ распухшимъ лицомъ, страшными, полными ужаса широко раскрытыми глазами смотрѣлъ куда-то въ даль...

Это несчастные, найденные трупы, выставлены на показъ, чтобы кѣмъ-нибудь быть узнанными. Одинъ трупъ, совершенно черный, со слѣзающимъ съ костей мясомъ уже цѣлый мѣсяцъ здѣсь... Ничего болѣе потрясающаго и вмѣстѣ съ тѣмъ отвратительнаго, я еще не видывалъ... Никому, даже людямъ съ самыми крѣпкими нервами, я не совѣтую, заходить сюда...

Изъ Морга, мы направились по глухимъ закоулкамъ, къ Центральному рынку (Halles).

Въ одномъ изъ переулковъ этого квартала, по странной

Digitized by Google

причинѣ носящему названіе rue des Innocents, помѣщается воровской притонъ...

Розыскивая его, мы обратились къ уличному продавцу каштановъ съ просьбой указать, гдѣ именно помѣщается это caveau.

— Ah, messieurs, vous cherchez, cabaret des assasins— tenez—voilà!

Онъ указалъ вдали на одно окно, въ которомъ, сквозь темно красную занавѣску, виднѣлся свѣтъ.

Мы подошли къ двери, раскрыли ее и очутились въ довольно большой комнатѣ, уставленной столами, за которыми десятки людей, въ лохмотья одѣтыя, ѣли.

Сюда, повидимому, для поздняго ужина собираются самыя поддонки Парижа. Трудно описать эти испитыя, измозженныя лица, рубища, которымъ прикрыта страшная худоба тѣла...

Пища съ жадностью съѣдалась, видно, что ею потребители не были избалованы.

Въ углу комнаты винтовая лѣстница.

— Entrez messieurs, par là, обратилась къ намъ хозяйка притона.

Мы спустились.

Подземное помѣщеніе состояло изъ нѣсколькихъ маленькихъ сводчатыхъ конуръ, въ которыхъ только посрединѣ комнаты можно стоять во весь ростъ, почти доставая головой потолокъ. Видали-ли вы когда-нибудь венеціанскія тюрьмы?— маленькія берлоги, безъ оконъ, пять шаговъ въ длину и столько же въ ширину, безъ воздуха, съ давящимъ потолкомъ и мрачными каменными стѣнами? Если видѣли, то имѣете полное представленіе помѣщенія, о которомъ говорю.

Всѣ стѣны крупно испещрены различными надписями: „Vive les petites femmes!“ „Mort à qui me la prendra“, „Nenest à toi pour la vie!“, „Mort aux vaches“[1]), „Mort aux filles infidèles“ и т. д. Стихи въ честь „жертвъ“ Дейблера [2]), имена всевозможныхъ „знаменитыхъ“ убійцъ и воровъ, каторжниковъ и т. д.

Въ комнатахъ разставлены столы и скамейки. Мужчины и женщины пьютъ пиво, играютъ въ кости и карты, обнимаются, поютъ пѣсни. Въ одной изъ комнатъ помѣщается маленькая эстрада, гдѣ желающіе могутъ забавлять публику, кто чѣмъ можетъ...

Пьяные голоса, ужасный воздухъ, растерзанныя женщины, звѣрскія лица мужчинъ производятъ тяжелое впечатлѣніе.. Небольшой контрастъ между только что видѣнной смертью въ моргѣ и жизнью здѣсь... Да и что лучше, — трудно рѣшить....

Отсюда мы отправились бродить по старому Парижу. Rue de venise, Quincampoix, Brise-Miche и т. д.—немногіе остатки минувшаго. Узкія улицы, гдѣ троимъ въ рядъ нельзя идти, едва освѣщенныя, съ наглухо закрытыми ставнями, за кото-

---

[1]) Vcahe на воровскомъ нарѣчіи—городовой.

[2]) Парижскій палачъ.

Digitized by Google

рыми изрѣдка слышится какой-то сдавленный, чахоточный кашель... Гулко отдаются шаги по улицѣ-корридору... Никого вокругъ... Здѣсь когда-то строились баррикады... Удобнѣе ничего нельзя придумать, забаррикадировать такую узкую улицу нетрудно. Дома стоятъ зигзагами, съ очень удобными мѣстами для засадъ, часто первый этажъ выступаетъ предъ остальными... Кажется, будто сидишь въ театрѣ, смотря на декорацію средневѣковаго города, а не идешь по Парижу въ двадцатомъ вѣкѣ... На другихъ, такихъ же, улицахъ помѣщаются ночлежные дома. Здѣсь изрѣдка можно встрѣтить дрожащаго отъ стужи человѣка, который проситъ 2—3 су на ночлегъ и хлѣбъ...

Въ углу одной изъ улицъ я увидѣлъ освѣщенную луной характерную картину: въ огромной кучѣ мусора рылись человѣкъ и огромная собака... Одинъ не мѣшалъ другому, каждый искалъ въ кучѣ мусора то, что ему было нужно...

Пройдя нѣсколько темныхъ пустынныхъ улицъ, мы очутились на узкой, но свѣтлой... Здѣсь цѣлый рядъ такъ называемыхъ blasseries des femmes самаго низкаго разбора. Не останавливаясь на нихъ по понятнымъ причинамъ, я перейду въ другой кварталъ стараго Парижа, совершенно исчезающій... Осталось только немного маленькихъ, узкихъ улицъ, которыя вели къ описанному Викторомъ Гюго въ романѣ Notre Dame de Paris знаменитому Cour de Miracle'ю. Самого Cour de Miracle'a уже не существуетъ.

Отсюда мы перебросились въ другой кварталъ Парижа, къ самому Sacre Coeur на Монмартрѣ.

Чудная картина представляется съ высоты холма на раскинувшійся, милліонами огней сверкающій, городъ.

За церковью улицы снова становятся узкими, снова трудно себѣ представить, что находишься въ столицѣ міра, а не въ какомъ-нибудь маленькомъ итальянскомъ городкѣ

Въ пустынныхъ, совершенно не освѣщенныхъ улицахъ, гдѣ часто дома выходятъ окнами во дворъ, а сплошной стѣной на улицу, есть нѣсколько притоновъ, куда собираются макро съ ихъ подругами и другіе монмартрскіе поддонки. На глухой улицѣ, rue des Saulles, въ саду стоитъ небольшой домъ. Это cabaret „Le lapin agil".

Во второмъ этажѣ—общая зала. Стѣны ея увѣшаны картинами самаго кощунственнаго или неприличнаго содержанія. Посреди комнаты стоятъ столы и скамейки, въ углу піанино и маленькая эстрада. Масса народа. Накурено, душно...

Желающіе забавляютъ присутствующихъ пѣніемъ самыхъ вульгарныхъ пѣсенъ... Это cabaret можетъ служить мѣстомъ наблюденія за самыми темными представителями обоего пола. Здѣсь они у себя и не стѣсняются.

Отсюда мы вновь направились на лѣвую сторону Сены. Былъ уже четвертый часъ утра. „Время" для посѣщенія кабака „Le Père Lunette", единственнаго уцѣлѣвшаго поблизости отъ извѣстнаго Château-Rouge на не менѣе нѣкогда извѣстной Place Maub (la place Maubert).

Digitized by Google

Въ крошечной грязной улицѣ des Anglais помѣщается маленькая на видъ лавочка, выкрашенная въ красную краску съ бѣлыми на окнахъ занавѣсками... Это артистическій кабачекъ подпонковъ улицы... Черезъ винную лавку входъ въ cabaret, который представляетъ изъ себя небольшую комнату, уставленную столами и скамейками. Всѣ стѣны разрисованы масляными красками, на нихъ цѣлый рядъ неприличныхъ картинъ, портретовъ, каррикатуръ. Здѣсь вы видите Гамбетту, Діогена, Поля Кассаньяка, Золя, Чемберлена и т. д. Кабачекъ биткомъ набитъ народомъ, который вторитъ отвратительной старухѣ, стоящей на стулѣ и съ манерами настоящей voyon, горланящей, на воровскомъ нарѣчіи, пѣсни... У Père Lunette'a имѣется „гидъ", который дастъ „объясненія" изображеніямъ на стѣнахъ.

Кабачекъ этотъ представляетъ типичный образчикъ разгула самой низкой богемы.

Подъ утро „публика" раздѣляется. Болѣе состоятельные идутъ на rue du Pont Heuf въ трактиръ подъ страннымъ названіемъ „Le chien qui fume", другая часть идетъ на маленькую улицу Pironette въ кабачекъ подъ названіемъ „L'ange Gabriel". Въ первомъ этажѣ этого учрежденія, который является проходнымъ, виситъ большая картина, изображающая за столомъ пиръ свиней со всѣми послѣдствіями чрезмѣрнаго злоупотребленія пищей и виномъ.

По винтовой лѣстницѣ поднимаются во второй этажъ, гдѣ большое помѣщеніе, на стѣнахъ изображенія самаго кощунственнаго характера. Мнѣ даже затруднительно дать понятіе о томъ, что именно изображаютъ украшенія залы....

Комната биткомъ набита мужчинами и женщинами. Я уже достаточно говорилъ о нихъ, здѣсь то же „непринужденное" времяпрепровожденіе...

Хочется на улицу, вздохнуть, наконецъ, свѣжимъ воздухомъ. Цѣлая ночь среди существъ, потерявшихъ всякій человѣческій обликъ, кладетъ тяжелое впечатлѣніе.

Мы выходимъ на улицу. Напротивъ Halles.

Жизнь уже кипитъ. Со всѣхъ сторонъ идутъ поѣзда, фургоны, тачки, возы со всевозможною провизіею, царитъ полное утреннее оживленіе, озаряемое восходящимъ солнцемъ.

Я не буду говорить о дальнѣйшихъ нашихъ знакомствахъ съ ночной богемой. Многое явилось бы повтореніемъ изложеннаго а другое, пожалуй, и неудобно было бы печатать...

Размѣры журнальныхъ замѣтокъ заставляютъ меня перейти къ другому.

На этомъ, вѣроятно, я закончу наброски изъ Парижа и приглашу читателей, для перемѣны впечатлѣній, поѣхать со мной на берега лазореваго моря, гдѣ вѣчное лѣто царитъ, солнце ярко свѣтитъ, навѣстить мою давнишнюю знакомую, красавицу - Ницу, какъ здѣсь говорятъ, „навстрѣчу его величеству карнавалу". С. Сухонинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Digitized by Google

Бѣлый Терроръ.

(Разсказъ изъ временъ реставраціи).

I.

Въ началѣ мая 1798 г. по новымъ бульварамъ Парижа быстро ѣхала карета. Двое мужчинъ сидѣли въ ней. Въ одномъ изъ нихъ по его задумчивому лицу и огненному, выразительному взгляду тотчасъ можно было узнать молодого, популярнаго генерала Бонапарта, покрывшаго себя славою итальянскимъ походомъ 1796—1797 гг. Въ то время уже вся Европа смотрѣла на него съ изумленіемъ. Рядомъ съ нимъ сидѣлъ человѣкъ лѣтъ тридцати, толстый, маленькій и крайне некрасивый. Вся фигура его изображала нѣчто комичное. Это былъ Антуанъ Лавалеттъ, его адъютантъ.

Лавалеттъ былъ сынъ негоціанта. Будучи національнымъ гвардейцемъ во время революціи, онъ въ день крушенія монархіи отважно защищалъ Людовика XVI. Въ 1794 г. принималъ участіе въ итальянской кампаніи въ качествѣ волонтера, а затѣмъ, когда Бонапартъ былъ назначенъ главнокомандующимъ итальянской арміей въ походѣ 1796—1797 гг., совершилъ всю кампанію подъ его начальствомъ. Выдающіяся способности Лавалетта, умъ и блестящее образованіе обратили на него вниманіе генерала Бонапарта и онъ взялъ его къ себѣ въ адъютанты.

Бонапартъ и Лавалеттъ, сидя въ каретѣ, молчали. Оба были погружены въ глубокое раздумье. Но вдругъ Бонапартъ, словно пробужденный внезапно пришедшей ему въ голову мыслью, прерываетъ молчаніе:

— Лавалеттъ! говоритъ онъ своему адъютанту, —я не могу васъ сдѣлать эскадроннымъ командиромъ... но я хочу женить васъ!

Лавалеттъ, ни ожидая ничего подобнаго, съ свойственной его характеру веселостью, громко расхохотался.

— Я хочу женить васъ, продолжалъ Бонапартъ, — на Эмиліи Жозефинѣ Богарне. Она красива, воспитана... Вы видѣли ее?

Digitized by Google

— Я видѣлъ ее два раза, отвѣчалъ Лавалеттъ,—но, генералъ, у меня нѣтъ состоянія, и мы на-дняхъ отправляемся въ Египетъ, меня могутъ убить, что будетъ тогда съ бѣдной вдовой? но, кромѣ этого, я вовсе не расположенъ жениться.

— Жениться надо, возразилъ Бонапартъ, — надо имѣть потомство,—это великая цѣль жизни. Быть убитымъ это весьма возможно, ну, такъ что жъ? Она будетъ вдовою одного изъ моихъ адъютантовъ, защитника отечества, будетъ получать пенсію и впослѣдствіи можетъ даже хорошо пристроиться, а теперь, какъ на дочери эмигранта, никто не захочетъ на ней жениться.

Лавалеттъ снова расхохотался.

— Надо скорѣй кончить это дѣло, замѣтилъ Бонапартъ.—Переговорите сегодня же вечеромъ съ моей женой, а мать молодой дѣвушки сейчасъ дастъ свое согласіе. Черезъ недѣлю свадьба, а тамъ я вамъ дамъ еще двѣ недѣли, по прошествіи которыхъ вы пріѣдете ко мнѣ въ Тулонъ.

— Хорошо, сказалъ Лавалеттъ — я готовъ исполнить ваше желаніе, но тутъ еще вопросъ, пожелаетъ ли молодая дѣвушка—идти за меня замужъ, я не хочу, чтобы ее принуждали.

— Да вѣдь это дитя, скучающее въ своемъ пансіонѣ, возразилъ Бонапартъ, — къ тому же ея жизнь у матери далеко не будетъ привлекательна. Во время вашего отсутствія она будетъ жить у своего дѣда въ Фонтенбло... Но вы не будете убиты и черезъ два года вернетесь къ ней...

Карета остановилась у подъѣзда и, выходя, Бонапартъ рѣшительнымъ тономъ сказалъ: «Итакъ это дѣло рѣшеное!» *).

Лавалеттъ былъ совершенно озадаченъ. Бракъ, совершаемый по приказанію начальства, казался ему нѣсколько страннымъ, не менѣе страннымъ казалось ему эта быстрота и двухлѣтняя разлука съ молодой женой. Но, не взирая на это, онъ все-таки въ тотъ же вечеръ отправился къ г-жѣ Жозефинѣ Бонапартъ. Жозефина энергично взялась за это дѣло и на слѣдующій день Лавалеттъ очутился въ пансіонѣ г-жи Кампанъ, гдѣ воспитывалась его невѣста. Ей было тогда 17 лѣтъ. Поговоривъ съ ней, Лавалеттъ, совершенно очарованный ея красотою и умомъ, тутъ же сдѣлалъ ей предложеніе. Молодая дѣвушка сильно смутилась, но, покорная волѣ своихъ родственниковъ, дала согласіе. Ровно черезъ недѣлю была свадьба Лавалетта съ Эмиліей Жозефиной Богарне, а недѣли черезъ двѣ онъ уже отправлялся въ экспедицію, снаряженную директоріей, подъ начальствомъ Бонапарта, для завоеванія Египта. Молодая жена его поселилась у своего дѣда въ Фонтенбло.

II.

Эмилія Жозефина Богарне была родною племянницею перваго мужа Жозефины, графа Богарне, дочерью его старшаго брата, маркиза Богарне, женатаго на Фани Мушаръ (поэтессы). Этотъ бракъ былъ крайне несчастливъ, и ея дѣтство было самое грустное. Ей

*) Mémoires du comte de Lavalette.

Digitized by Google

приходилось быть постоянно свидѣтельницей раздоровъ своихъ родителей, къ тому же мать совсѣмъ не занималась ею и она росла совершенно брошенной. Этотъ несчастный бракъ кончился разводомъ. Когда настала революція, маркизъ Богарне эмигрировалъ въ Германію, гдѣ вскорѣ женился вторично. Во время террора ея мать, вмѣстѣ съ другими дамами аристократіи, была заключена въ тюрьму св. Пелагіи. Выпущенная оттуда послѣ паденія Робеспьера, она въ свою очередь вышла замужъ.

Бѣдной дѣвочкѣ приходилось впослѣдствіи постоянно ладить между матерью и женою своего отца. Жозефина сжалилась надъ нею, взяла ее подъ свое покровительство и помѣстила въ пансіонъ г-жи Кампанъ. Когда Жозефина вышла замужъ за Бонапарта, она продолжала заботиться о ней и была очень рада выдать ее замужъ за адъютанта своего мужа. Молодая дѣвушка была красива, изящна и граціозна. Людовикъ Бонапартъ очень ухаживалъ за ней, но Наполеонъ неодобрительно относился къ этому ухаживанію. Жизнь молодой дѣвушки была вообще не радостна и ее даже не пришлось очень уговаривать выйти замужъ за некрасиваго Лавалетта, она охотно шла за него. Въ отсутствіе мужа она жила въ Фонтенбло уединенно. Но тутъ съ ней случилась бѣда. Она заболѣла оспой, измѣнившей ея красивое лицо. Первое время это приводило ее въ отчаяніе, но, когда красныя пятна стали исчезать, она совершенно покорилась этой невзгодѣ.

По прошествіи двухъ лѣтъ, Лавалеттъ вернулся здравъ и невредимъ. Изъ восьми адъютантовъ Бонапарта четыре были убиты и двое тяжело ранены. При встрѣчѣ съ женою Лавалеттъ былъ нѣсколько смущенъ, не найдя въ ней ея прежней красоты, но онъ скоро примирился съ этимъ. У ней остались ея чудные глаза, ея изящество и грація и онъ горячо любилъ ее. Цѣлью его жизни было составить ея счастье. И, не взирая на совершенную противоположность характеровъ, они были вполнѣ счастливы. Лавалеттъ былъ постоянно веселъ, остроуменъ, разговорчивъ, а молодая жена его была молчалива, серьезна, задумчива. Тяжелые дни юности наложили на всемъ существѣ ея отпечатокъ какой-то затаенной грусти.

III.

Бонапартъ, получивъ въ Египтѣ извѣстіе, что въ Италіи дѣла французовъ идутъ плохо, тайно покинулъ Египетъ 9 октября 1799 г. и прямо направился въ Парижъ. Другой генералъ былъ бы привлеченъ къ отвѣтственности, но Бонапартъ былъ слишкомъ увѣренъ въ своей популярности. Вся Франція восторженно привѣтствовала его возвращеніе. Честолюбивый полководецъ понялъ, что наступило время для той роли, о которой онъ давно мечталъ. Директорія стала ненавистной всѣмъ партіямъ и Бонапартъ, разсчитывая на это недовольство и свою популярность, сталъ дѣйствовать энергично для захвата власти. Онъ сблизился съ директоромъ, аббатомъ Сіэсомъ, и результатомъ этого сближенія былъ государственный переворотъ 18 брюмера (9 ноября) 1799 г., а на другой день надъ представителями народа было совершено военное насиліе. Дирек-

Digitized by Google

торія была отмѣнена и правительственная власть временно передана тремъ консуламъ, Бонапарту, Сейсу и Роже-Дюко.

Въ это время Лавалеттъ оставилъ военную службу и въ награду за оказанныя услуги 18 брюмера былъ назначенъ посломъ въ Германію.

Новая конституція, составленная консулами, была республиканскою только по имени. Съ принятіемъ этой конституціи народомъ, Бонапартъ былъ провозглашенъ первымъ консуломъ. Люневильскій миръ 1801 г. положилъ начало господству Франціи не только въ Италіи, но и въ Германіи, и, опьяненные успѣхами Бонапарта, французы признали его пожизненнымъ консуломъ, что еще болѣе усилило его власть. Такимъ образомъ Франція стала превращаться въ настоящую монархію. Первый консулъ переселился въ Тюллирійскій дворецъ и окружилъ себя блестящимъ дворомъ, при которомъ стали появляться и многіе возвратившіеся эмигранты.

Лавалеттъ вернулся въ Парижъ въ 1801 г. и вскорѣ получилъ назначеніе директора почтъ. Какъ человѣкъ умный и дѣятельный организаторъ, онъ отлично выполнялъ свои многотрудныя обязанности. Жена его состояла при консульскомъ дворѣ. Но жизнь среди свѣтской суеты не соотвѣтствовала складу характера Лавалеттъ. Она не пользовалась своимъ положеніемъ племянницы Жозефины, а держала себя большею частью вдали отъ окружающаго ее со всѣхъ сторонъ блеска. Къ тому же Жозефина относилась къ ней съ покровительственнымъ тономъ. Это положеніе бѣдной родственницы вмѣстѣ съ какою-то рабскою зависимостью крайне оскорбляло ея самолюбіе. Въ 1802 году Лавалеттъ сдѣлалась матерью. Роды были тяжелые и совершенно разрушили ея слабое здоровье. Она уже не была въ состояніи выносить придворной жизни и всѣ условія этикета. Все это утомляло ее и нерѣдко утомленіе и скука были написаны на ея лицѣ. Печальное выраженіе ея лица вызывало много ядовитыхъ насмѣшекъ при консульскомъ дворѣ.

Когда настала имперія, роль Лавалеттъ при императорскомъ дворѣ стала еще тяжелѣе. Въ качествѣ родственницы императрицы, она могла разсчитывать на лучшее положеніе, а между тѣмъ она должна была довольствоваться скромною ролью хранительницы гардероба. Но и эта роль, какъ незначительна она ни была, могла бы имѣть нѣкоторое значеніе, если бъ возможно было удержать Жозефину отъ безумной расточительности. Лавалеттъ постоянно подвергалась непріятностямъ и разнымъ тревогамъ. Громадныя суммы, которыя Жозефина тратила на туалетъ, вызывали сильный гнѣвъ Наполеона. Наполеонъ бранилъ Лавалеттъ за эти безумные расходы, а Жозефина бранила ее за экономію. По своему кроткому характеру и отсутствію энергіи она не въ состояніи была бороться съ этими невзгодами, тѣмъ болѣе, что была въ полной зависимости отъ своей царственной тетки, которая терпѣть не могла, чтобы вмѣшивались въ ея туалетъ. Несмотря на всѣ свои протесты, каждый день являлись торговцы и Жозефина дѣлала новые заказы. Наконецъ, Лавалеттъ просила Наполеона замѣнить ее болѣе энергичной личностью. Наполеонъ назначилъ ей въ помощницы даму изъ аристократіи, которой хорошо

Digitized by Google

были извѣстны прежнія порядки королевскаго двора и которая могла вліять на императрицу и обуздывать ея безумныя траты на гардеробъ. Выборъ палъ на г-жу Гамеленъ, которая скоро сошлась съ Жозефиной и они вмѣстѣ стали прибѣгать къ всевозможнымъ хитростямъ и уловкамъ, чтобы обманывать Лавалеттъ. Дѣлали долги у ростовщиковъ и продолжали покупать и заказывать. Лавалеттъ была возмущена поступками своей помощницы и между ними происходили частныя столкновенія, результатомъ которыхъ было то, что Гамеленъ совершенно отстранила ее отъ дѣла. Жозефина была одна изъ самыхъ расточительныхъ государынь. Гардеробъ ея представлялъ нѣчто невѣроятное. Бархатныхъ, шелковыхъ и шерстяныхъ платьевъ насчитывалось сотнями, не говоря уже объ остальныхъ предметахъ На все это она бросила безумныя деньги *).

Лавалеттъ, утомленная всѣми этими непріятностями, отказалась отъ своей должности и очень рѣдко являлась ко двору. Назначенная помощницей статсъ-дамы г-жи де-ла-Рошфуко, она лишь замѣняла ее, когда та была въ отлучкѣ или больна.

Въ 1808 году Лавалеттъ получилъ титулъ графа Имперіи и орденъ Почетнаго Легіона, сохраняя въ то же время должность директора почтъ.

Послѣ развода Наполеона въ 1809 г. г-жа Лавалеттъ совершенно оставляетъ дворъ и всецѣло предается воспитанію своей дочери.

До этихъ поръ жизнь Лавалеттъ крайне безцвѣтна, роль ея совершенно пассивна, но впослѣдствіи трагическія событія ея жизни совершили цѣлый переворотъ въ ея характерѣ, и эта слабая, болѣзненная, апатичная женщина превращается въ дѣятельную, энергичную—въ настоящую героиню.

IV.

Наполеонъ, убѣжденный, что французамъ нужна слава, а не свобода, господствовалъ надъ ними какъ самовластный повелитель. Народный избранникъ возстановилъ всѣ существенныя черты стараго порядка—деспотизмъ, но, зная, что революціонные принципы постоянно бродили въ умахъ французовъ, сильно опасался народнаго движенія и всякія проявленія свободомыслія строго подавлялись. Передъ походомъ 1812 г. недовольство императоромъ стало уже сильно обнаруживаться въ народныхъ массахъ. Неудачи въ Италіи много содѣйствовали этому недовольству. Съ этого года начинается упадокъ военнаго могущества Наполеона. За пораженіемъ великой арміи въ Россіи въ 1812 г. послѣдовало въ 1813 г. возстаніе въ Германіи противъ владычества Наполеона и вторженіе союзниковъ во Францію въ 1814 г. Потерпѣвъ пораженіе въ Россіи и Германіи, Наполеонъ потерпѣлъ пораженіе и въ самой Франціи. Хотя народная масса еще вѣрила въ его непобѣдимость, но высшее и среднее сословія утратили совершенно эту вѣру. Оппози-

*) Frederic Masson. Joséphine Impératrice et Reine. Ch. I.

Digitized by Google

ционное настроеніе становилось все сильнѣе и, когда союзныя войска вступили въ Парижъ, сенатъ объявилъ Наполеона низложеннымъ. Союзники потребовали его полнаго отреченія. Наполеонъ отправился на островъ Эльбу. Населеніе городовъ, черезъ которые онъ проѣзжалъ, встрѣчало его крайне враждебно. Такимъ образомъ имперія рушилась, союзныя государства занялись водвореніемъ Бурбоновъ и 3 мая Людовикъ XVIII торжественно въѣхалъ въ Парижъ.

Съ водвореніемъ Бурбоновъ Лавалеттъ немедленно оставилъ свой постъ. Его замѣнилъ эмигрантъ, старый графъ Ферронъ, вѣрный другъ королевской семьи, ярый роялистъ-фанатикъ. Это былъ человѣкъ весьма ограниченный, неспособный и неопытный и не могъ справиться съ этой трудной дѣятельностью. Подчиненные, вспоминая любимаго ими Лавалетта, ненавидѣли Феррана. Лавалеттъ, подобно многимъ облагодѣтельствованнымъ Наполеономъ, никакъ не могъ примириться съ новымъ правительствомъ и во время первой реставраціи совершенно удалился отъ свѣта, жилъ въ полнѣйшемъ уединеніи и не вмѣшивался въ политику. Не сообщался даже съ тѣми, которые обольщали себя бонапартистскими надеждами, хотя въ глубинѣ души сохранялъ всегда благоговѣйный культъ къ Наполеону.

Съ возстановленіемъ во Франціи древняго королевскаго рода снова началась борьба демократическаго принципа съ аристократическими привиллегіями. О новой конституціи Людовикъ XVIII и слышать не хотѣлъ и обѣщанія, данныя имъ императору Александру I, были сдѣланы безъ намѣренія исполнить ихъ. Съ первой же минуты король сталъ дѣйствовать по принципамъ, несогласнымъ съ тогдашними принципами націи. На разныя должности, какъ военныя, такъ и гражданскія, назначали эмигрантовъ. Все это возбуждало націю и создавало массу недовольныхъ. Скоро стали убѣждаться, что власть Бурбоновъ невозможна. На островъ Эльбу приходили извѣстія изъ Франціи о крайнемъ неудовольствіи противъ новаго правительства. Все, казалось, благопріятствовало смѣлому предпріятію Наполеона возвратиться во Францію и овладѣть властью съ помощью недовольныхъ. Между тѣмъ его приверженцы не бездѣйствовали, стараясь повсемѣстно возбудить въ народной массѣ воспоминанія о народномъ кумирѣ. Наполеонъ воспользовался настроеніемъ Франціи и раздорами, начавшимися на Вѣнскомъ конгрессѣ, и тайно покинулъ Эльбу. 1 марта 1815 г. онъ высадился на югѣ Франціи. Герцогиня Ангулемская (дочь Людовика XVI), находясь тамъ съ мужемъ, тщетно старалась поднять Бордо. Обаяніе Наполеона было еще велико, и она была вынуждена поспѣшно отправиться въ Англію. Возвращеніе Наполеона въ Парижѣ былъ тріумфальнымъ шествіемъ.

Едва только пролетѣла вѣсть, что императоръ отплылъ изъ острова Эльбы, какъ Лавалеттъ устремился въ зданіе почтъ. Не удаляя Феррана, онъ началъ распоряжаться самовольно. Немедленно разослалъ по всѣмъ департаментамъ курьеровъ и циркуляры. 20 марта король Людовикъ XVIII былъ принужденъ бѣжать изъ Парижа, а вечеромъ того же дня Наполеонъ вступилъ въ Парижъ. Ферранъ на слѣдующій день явился къ Лавалетту за паспортомъ.

Digitized by Google

еще ни ходить, ни ѣздить и ее въ креслѣ носильщики приносили въ Консіержери.

V.

20 ноября былъ назначенъ судъ надъ Лавалеттомъ. Онъ явился туда съ орденомъ Почетнаго Легіона. Обвинительный актъ былъ составленъ въ крайне жестокой формѣ. Обвиненіе главнымъ образомъ опиралось на самовольномъ захватѣ власти въ зданіи почтоваго вѣдомства. Обвиняли его и въ покушеніи противъ особы короля, и въ сообщничествѣ въ заговорѣ съ цѣлью возвращенія узурпатора и въ низверженіи королевскаго правительства. Обвинитель доказывалъ, что захватъ общественной должности Лавалеттомъ подтверждается слѣдующими фактами: онъ будто явился въ зданіе почты и отъ имени императора занялъ постъ директора и что онъ по всему государству разослалъ слѣдующіе циркуляры: «Императоръ будетъ въ Парижѣ черезъ два часа, столица ликуетъ! Да здравствуетъ императоръ». Лавалеттъ не отрицалъ, что такіе циркуляры были составлены имъ, но объяснилъ, что это было сдѣлано съ цѣлью устранить могущія возникнуть волненія, вслѣдствіе неизвѣстности. Обвиненіе же относительно покушенія и участія въ заговорѣ съ бонапартистами онъ совершенно отрицалъ. Большинство свидѣтелей показали въ пользу его. Клеветали на него лишь аристократы, а главнымъ образомъ Ферранъ, сильно раздраженный противъ него. Представитель обвинительной власти, въ надеждѣ на будущую блестящую карьеру, въ свою очередь не щадилъ его. Явныхъ уликъ не было никакихъ и представитель обвинительной власти, не имѣя никакихъ фактическихъ данныхъ для обвиненія, въ своей рѣчи указывалъ на *намѣренія* и что въ государственныхъ преступленіяхъ намѣреніе должно считаться преступленіемъ. «Намѣреніе, говорилъ онъ,—создаетъ преступленіе». Лавалеттъ прекрасно защищалъ себя, хороша была и рѣчь его защитника Трипье. Оказанныя услуги монархіи и его защита Тюльерійскаго дворца въ 1792 г. не были приняты во вниманіе. Онъ былъ адъютантомъ Наполеона, родственникомъ Жозефины и занималъ видный постъ во время имперіи, этого было достаточно, чтобы обвинить его въ содѣйствіи возвращенію Наполеона. Но такъ какъ этого доказать не могли, то основывали обвиненіе на личномъ своемъ убѣжденіи, что онъ виновенъ въ преступномъ *намѣреніи*. Противъ аргументовъ ожесточенныхъ роялистовъ защита становилась безсильной. Когда присяжные удалились для совѣщанія, Лавалетта увели въ Консіержери. Тамъ ожидали его друзья, не опасавшіеся навѣщать его постоянно во время его заключенія. Это были Таше де Сентъ-Розъ, ла-Рошфуко, Фигіеръ, Карвоазенъ и другіе. Всѣ они были убѣждены, что онъ будетъ оправданъ. Лавалеттъ спокойно сѣлъ играть въ шахматы съ Таше. Въ 10 часовъ вечера друзья должны были удалиться. Оставшись одинъ, Лавалеттъ упалъ духомъ и зарыдалъ, какъ ребенокъ. Ему пришлось ждать еще цѣлыхъ два томительныхъ часа, пока совѣщались присяжные. Ихъ совѣщаніе длилось 6 часовъ, они спорили горячо и шумно. Въ полночь послали за Лавалеттомъ. Въ залѣ суда былъ полумракъ, царило мертвое молчаніе. Онъ старался узнать

Digitized by Google

обязанъ, что вполнѣ бы извиняло его образъ дѣйствій, онъ лишь протестовалъ противъ своихъ сношеній съ островомъ Эльбой, какъ бы желая отстранить отъ себя гнѣвъ роялистовъ. Лавалеттъ былъ заключенъ въ тюрьму Консіержери, куда вскорѣ заключили маршала Нея. Друзья навѣщали его. Недалеко отъ его камеры находилась камера королевы Маріи-Антуанетты, она теперь служила пріемной для привиллегированныхъ посѣтителей заключенныхъ. «Сколько разъ,—говоритъ Лавалеттъ въ своихъ мемуарахъ,—я ходилъ туда, когда падалъ духомъ и тоска и грусть одолѣвали меня. Тамъ я набирался твердости, мнѣ стыдно было жаловаться на судьбу при воспоминаніи о страшной участи несчастной королевы Франціи». Камера Лавалетта находилась подъ камерой маршала Нея. Нею по его просьбѣ было разрѣшено играть на флейтѣ, что нѣсколько развлекало и Лавалетта, но впослѣдствіи это развлеченіе было запрещено Нею. Ней былъ однимъ изъ талантливѣйшихъ полководцевъ Наполеона. сынъ ремесленника, онъ въ 1788 г. поступилъ въ военную службу рядовымъ, а въ 1796 г. былъ уже бригаднымъ генераломъ. При провозглашеніи имперіи получилъ маршальскій жезлъ. Рѣшивъ участь сраженія при Фидландѣ въ 1807 г., онъ заслужилъ названіе «храбраго изъ храбрыхъ». Послѣ взятія Парижа уговорилъ Наполеона отречься отъ престола. Людовикъ XVIII сдѣлалъ его членомъ военнаго совѣта и перомъ Франціи и поручилъ ему начальство надъ 6 дивизіей. Когда Наполеонъ возвратился съ острова Эльбы. Ней съ своимъ войскомъ перешелъ на его сторону и тѣмъ рѣшилъ паденіе Бурбоновъ. Послѣ сраженія при Ватерлоо, въ которомъ онъ съ необыкновенною храбростью принималъ участіе, онъ вернулся въ Парижъ и въ палатѣ перовъ совѣтовалъ призвать Бурбоновъ обратно. Но Бурбоны и роялисты не простили ему его измѣны. Онъ рѣшился спасаться бѣгствомъ въ Швейцарію. но былъ арестованъ, привезенъ въ Парижъ и преданъ суду. Военный судъ не призналъ себя компетентнымъ въ рѣшеніи его участи и процессъ его перешелъ въ палату перовъ. гдѣ значительное большинство признало его виновнымъ въ государственной измѣнѣ.

Съ замираніемъ сердца слѣдилъ Лавалеттъ за процессомъ Нея. Наконецъ, насталъ роковой день. Вошелъ тюремщикъ и Лавалеттъ съ тревогой спрашиваетъ его объ участи Нея. Тюремщикъ грустно взглянулъ на него и ничего не отвѣтилъ. Онъ не рѣшился сказать, что «храбрый изъ храбрыхъ» былъ казненъ. Но Лавалеттъ понялъ. «Ужели на эшафотѣ?» воскликнулъ онъ. «Нѣтъ, отвѣчалъ тюремщикъ,—его разстрѣляли». «Такъ онъ еще счастливъ!» замѣтилъ Лавалеттъ. Мысль, что ему, пожалуй, суждено будетъ умереть на эшафотѣ. мучала его. Ужели онъ, храбрый солдатъ, погибнетъ на эшафотѣ, какъ обыкновенный преступникъ, и онъ сталъ просить, чтобы его судили военнымъ судомъ. но въ этой просьбѣ ему было отказано. Вскорѣ онъ узналъ и о казни ла-Бедоера. Все это было не утѣшительно. Къ тому же его тревожило положеніе жены, разрѣшившейся отъ бремени мертвымъ младенцемъ и находящейся въ опасности. Но несчастіе возбудило въ г-жѣ Лавалеттъ необыкновенную нравственную силу, и едва она оправилась отъ тяжкой болѣзни, какъ уже каждый день навѣщаетъ мужа. Но она не въ состояніи

Digitized by Google

еще не ходить, не ѣздить и ее въ креслѣ носильщики приносили въ Консіержери.

V.

20 ноября былъ назначенъ судъ надъ Лавалеттомъ. Онъ явился туда съ орденомъ Почетнаго Легіона. Обвинительный актъ былъ составленъ въ крайне жестокой формѣ. Обвиненіе главнымъ образомъ опиралось на самовольномъ захватѣ власти въ зданіи почтоваго вѣдомства. Обвиняли его и въ покушеніи противъ особы короля, и въ сообщничествѣ въ заговорѣ съ цѣлью возвращенія узурпатора и въ низверженіи королевскаго правительства. Обвинитель доказывалъ, что захватъ общественной должности Лавалеттомъ подтверждается слѣдующими фактами: онъ будто явился въ зданіе почты и отъ имени императора занялъ постъ директора и что онъ по всему государству разослалъ слѣдующіе циркуляры: «Императоръ будетъ въ Парижѣ черезъ два часа, столица ликуетъ! Да здравствуетъ императоръ». Лавалеттъ не отрицалъ, что такіе циркуляры были составлены имъ, но объяснилъ, что это было сдѣлано съ цѣлью устранить могущія возникнуть волненія, вслѣдствіе неизвѣстности. Обвиненіе же относительно покушенія и участія въ заговорѣ съ бонапартистами онъ совершенно отрицалъ. Большинство свидѣтелей показали въ пользу его. Клеветали на него лишь аристократы, а главнымъ образомъ Ферранъ, сильно раздраженный противъ него. Представитель обвинительной власти, въ надеждѣ на будущую блестящую карьеру, въ свою очередь не щадилъ его. Явныхъ уликъ не было никакихъ и представитель обвинительной власти, не имѣя никакихъ фактическихъ данныхъ для обвиненія, въ своей рѣчи указывалъ на *намѣренія* и что въ государственныхъ преступленіяхъ намѣреніе должно считаться преступленіемъ. «Намѣреніе, говорилъ онъ,—создаетъ преступленіе». Лавалеттъ прекрасно защищалъ себя, хороша была и рѣчь его защитника Трипье. Оказанныя услуги монархіи и его защита Тюльерійскаго дворца въ 1792 г. не были приняты во вниманіе. Онъ былъ адъютантомъ Наполеона, родственникомъ Жозефины и занималъ видный постъ во время имперіи, этого было достаточно, чтобы обвинить его въ содѣйствіи возвращенію Наполеона. Но такъ какъ этого доказать не могли, то основывали обвиненіе на личномъ своемъ убѣжденіи, что онъ виновенъ въ преступномъ *намѣреніи*. Противъ аргументовъ ожесточенныхъ роялистовъ защита становилась безсильной. Когда присяжные удалились для совѣщанія, Лавалетта увели въ Консіержери. Тамъ ожидали его друзья, не опасавшіеся навѣщать его постоянно во время его заключенія. Это были Таше де Сентъ-Розъ, ла-Рошфуко, Фигіеръ, Карвоазенъ и другіе. Всѣ они были убѣждены, что онъ будетъ оправданъ. Лавалеттъ спокойно сѣлъ играть въ шахматы съ Таше. Въ 10 часовъ вечера друзья должны были удалиться. Оставшись одинъ, Лавалеттъ упалъ духомъ и зарыдалъ, какъ ребенокъ. Ему пришлось ждать еще цѣлыхъ два томительныхъ часа, пока совѣщались присяжные. Ихъ совѣщаніе длилось 6 часовъ, они спорили горячо и шумно. Въ полночь послали за Лавалеттомъ. Въ залѣ суда былъ полумракъ, царило мертвое молчаніе. Онъ старался узнать

Digitized by Google

свою участь по выраженію лица присяжныхъ, но они сидѣли, словно истуканы, только одинъ изъ нихъ Жюрьенъ, бывшій эмигрантъ, платкомъ утиралъ слезы, а на него онъ менѣе всѣхъ разсчитывалъ. Вердиктомъ присяжныхъ большинствомъ голосовъ Лавалеттъ былъ признанъ виновнымъ и судъ приговорилъ его къ смертной казни.

«Что дѣлать, милый другъ,—сказалъ онъ своему защитнику,—это пушечный выстрѣлъ», затѣмъ, обращаясь къ публикѣ въ ту сторону, гдѣ сидѣли его сослуживцы и подчиненные, онъ сказалъ имъ: «Господа, прощаюсь съ вами».

Вернувшись въ тюрьму, онъ тотчасъ написалъ письмо своему бывшему товарищу по оружію герцогу Фельтри слѣдующаго содержанія: «Вотъ что вы можете сдѣлать для меня, постарайтесь по крайней мѣрѣ избавить меня отъ ужасной агоніи гильотины, пусть молодцы арміи разстрѣляютъ меня и такая смерть будетъ для меня благомъ». Въ отвѣтъ онъ получилъ такого рода строки: «Вамъ остается теперь лишь одно, это поручить вашу жену и вашу дочь безпредѣльной милости короля». Тогда Лавалеттъ обратился съ просьбой къ маршалу Мармону, своему давнишнему другу. «Все погибло,—писалъ онъ ему,—я спокойно выслушалъ свой смертный приговоръ, но признаюсь вамъ, что я содрогаюсь при мысли, что буду окруженъ палачами и взойду на эшафотъ. Умереть намъ, старымъ солдатамъ, ничего не значитъ, мы отважно идемъ навстрѣчу смерти, но гильотина, вотъ что ужасно! Во имя нашей многолѣтней дружбы не допустите, чтобы одинъ изъ вашихъ товарищей по оружію кончилъ жизнь на эшафотѣ. Пусть пикетъ гренадеръ положитъ ей конецъ и моей послѣдней иллюзіей будетъ, что я палъ на полѣ брани. Маршалъ Мармонъ немедленно отправился къ королю и ходатайствовалъ для Лавалетта о милости быть разстрѣляннымъ. Но Людовикъ XVIII сухо отвѣчалъ ему: «Нѣтъ, ни за что, его надо гильотинировать».

Друзья Лавалетта упросили его подать приговоръ на кассацію, основывая ее на неправильную постановку вопросовъ присяжнымъ. Надежда была слабая, но все же приведеніе въ исполненіе приговора было такимъ образомъ отсрочено на нѣсколько недѣль.

Результатъ процесса былъ принятъ палатой и цѣлымъ легіономъ ярыхъ роялистовъ съ шумнымъ восторгомъ. Остальные же приняли его съ удивленіемъ и негодованіемъ. Герцогъ де-Брольи, описывая въ своихъ мемуарахъ это событіе и негодуя на ожесточеніе партіи роялистовъ, называетъ ихъ «якобинцами монархіи». «Жестокость этой партіи,—говоритъ онъ,—какъ въ сюртукахъ, такъ и въ юбкахъ, напоминала точь въ точь самые ужасные дни національнаго конвента». Друзья Лавалетта не сложили оружіе, а принялись дѣйствовать энергично. Онъ вообще былъ очень любимъ и популяренъ, всѣ жалѣли его. Взялись хлопотать за него маршалъ Мармонъ, канцлеръ Паскье и княгиня Водемонъ. Она заставила г-жу Лавалеттъ написать письмо къ герцогу Дюрасъ, первому камергеру, съ просьбой объ аудіенціи у короля, и сама доставила это письмо въ Тюльери. Отвѣтъ былъ полученъ немедленно, король согласился принять г-жу Лавалеттъ. Въ назначенный день и часъ княгиня Водемонъ сама отвозитъ ее въ Тюльерійскій дворецъ. Герцогъ

Digitized by Google

Дюрасъ встрѣтилъ г-жу Лавалеттъ и привелъ въ кабинетъ короля. Несчастная женщина бросается ему въ ноги.

«Сударыня,—холодно сказалъ ей Людовикъ XVIII,—я принялъ васъ, чтобы дать вамъ доказательства моего къ вамъ участія»...

Бѣдная г-жа Лавалеттъ съ замираніемъ сердца ждала, что скажетъ онъ ей еще. Но Людовикъ XVIII не продолжалъ и, не вымолвивъ ни единаго слова болѣе, отвернулся отъ нея и вышелъ изъ кабинета.

Графинѣ Лавалеттъ сдѣлалось дурно и ее вынесли оттуда. На слѣдующій день она отправилась въ Консіержери, бросилась въ объятія мужа и долго не могла произнести ни единаго слова. Лавалеттъ былъ пораженъ ея блѣдностью и удрученнымъ состояніемъ ея духа. Онъ съ безпокойствомъ и тревогой смотрѣлъ на нее.

Паскье часто навѣщалъ своего несчастнаго друга, оба они теперь придумывали новый способъ, могущій спасти его отъ казни. Лавалеттъ казался всегда спокойнымъ, но какъ-то разъ онъ сказалъ ему: «Будьте увѣрены, я не упаду духомъ, когда настанетъ роковой моментъ, но я буду просить, какъ единственную милость, чтобы меня, хотя бы за два часа до моей смерти, оставили въ камерѣ несчастной королевы. Невозможно, чтобы эти стѣны, свидѣтели еще болѣе ужасной скорби, нежели моя, не внушили бы мнѣ покорность судьбѣ и ту твердость духа, которыя мнѣ будутъ необходимы» [1]). Такъ какъ попытка г-жи Лавалеттъ добиться помилованія не привела къ желаннымъ результатамъ, то Паскье и княгиня Водемонъ рѣшили прибѣгнуть къ другому способу, т. е. дѣйствовать на короля черезъ герцогиню Ангулемскую, и рѣшили обратиться съ этой просьбой къ герцогу Ришелье.

Ришелье былъ извѣстенъ своей готовностью прійти на помощь каждому. Онъ обѣщалъ устроить это дѣло. Герцогиня Ангулемская имѣла большое вліяніе при дворѣ. Ришелье даже говорилъ объ этомъ намѣреніи королю. Людовикъ XVIII не далъ ему формальнаго отказа. Казалось, что онъ даже соглашался на это, такъ какъ ходатайство герцогини Ангулемской не компрометировало его въ глазахъ роялистовъ, столь враждебно настроенныхъ противъ Лавалетта, а она единственно могла заставить ихъ молчать. Между тѣмъ Ришелье и Паскье вездѣ распространяли слухъ, что помилованіе Лавалетта послужитъ лишь въ пользу правительству. Оставалось только обратиться къ герцогинѣ Ангулемской, но какимъ способомъ обратиться къ ней? Доступъ къ дочери Людовика XVI былъ крайне труденъ. По мѣрѣ того, какъ приближался роковой день, доступъ во дворецъ для г-жи Лавалеттъ становился невозможнымъ. Были даны самыя строгія приказанія не допускать ее, всѣ входы внутреннихъ покоевъ были охраняемы, у наружныхъ входовъ были поставлены часовые и, когда довели до свѣдѣнія короля, что графиня Лавалеттъ собирается ждать его у подъѣзда, то Людовикъ XVIII отказался отъ своихъ ежедневныхъ прогулокъ. Въ виду всего этого герцогъ Ришелье рѣшился самъ обратиться къ герцогинѣ Ангулемской. Несмотря на всю суровость и черст-

[1]) Mémoires de Pasquier.

Digitized by Google

вость своего характера, озлобленнаго несчастьемъ, она довольно благосклонно выслушала его просьбу и сказала ему, что согласна переговорить съ королемъ, но только подъ тѣмъ условіемъ, что, прежде чѣмъ дать ему окончательный отвѣтъ, она проситъ его дать ей нѣсколько часовъ на размышленіе, такъ какъ желаетъ посовѣтоваться съ людьми, къ которымъ имѣетъ довѣріе. Это размышленіе не было благопріятно. Совѣты ей были даны безпощадными дамами ея двора и графомъ Агультомъ, завѣдующимъ ея дворомъ. Отговаривая ее отъ ея намѣренія, эти дамы брали на свою совѣсть тяжелый грѣхъ, но ихъ поддерживали герцогъ Ангулемскій и графъ д'Артоа (впослѣдствіи Карлъ X). У этихъ непримиримыхъ было много аргументовъ противъ помилованія Лавалетта. Простить Лавалетта—говорили они,—это обезкуражить роялистовъ и усилить партію революціонеровъ и, если былъ нанесенъ ударъ главѣ военнаго заговора, маршалу Нею, то надо примѣрно наказать и заговорщиковъ гражданскихъ, которые еще опаснѣе; пощадить гражданскаго чиновника, это оскорбить армію, такъ какъ всѣ обвиненные военные подверглись законной карѣ. Такимъ образомъ эти непримиримые заставили герцогиню Ангулемскую совершить величайшую ошибку. И много выстрадавшая дочь Людовика XVI замкнула свое сердце милосердію и очевидно доказала всю черствость своей души и ограниченность своего ума, безвозвратно пропустивъ случай, могущій дать ей ту популярность, которую она никогда не имѣла.

Маршалъ Мармонъ продолжаетъ хлопотать. Г-жа Лавалеттъ подъ величайшей тайной сообщила ему свой планъ спасенія мужа посредствомъ бѣгства, но онъ просилъ ее повременить еще и хотѣлъ сдѣлать послѣднюю попытку у короля и герцогини Ангулемской. Онъ надѣялся вызвать милосердіе въ ихъ сердцахъ. Хотя проникнуть г-жѣ Лавалеттъ во дворецъ было почти что невозможно, Мармонъ однако надѣялся, что въ качествѣ командира лейбъ-гвардіей, дающей ему свободный доступъ во дворецъ, ему возможно будетъ устроить это дѣло. Бѣдная графиня Лавалеттъ послѣ своей тяжкой болѣзни и нравственныхъ страданій едва могла ходить, ее носили въ креслѣ, все это внушало къ ней самое искреннее участіе. Не взирая на строгій приказъ не впускать г-жу Лавалеттъ, Мармону, однако, удалось провести ее во дворецъ. Онъ вошелъ съ ней черезъ главный подъѣздъ, а какъ тамъ ее уже никакъ не могли ожидать, то приказанія туда не послѣдовало. Они вмѣстѣ стали въ залѣ гвардейцевъ. Король слушалъ мессу. Если бъ онъ могъ предвидѣть, что ему придется встрѣтиться съ графиней Лавалеттъ, то, по всей вѣроятности, онъ отказался бы и отъ мессы. Одинъ изъ придворныхъ, узнавъ графиню, просилъ ее удалиться. Дежурный офицеръ, маркизъ Бартиллакъ, былъ немедленно позванъ.

— Графинѣ Лавалеттъ запрещенъ входъ во дворецъ, сказалъ онъ маршалу Мармону.

— Вамъ былъ данъ приказъ не впускать ее, отвѣчалъ Мармонъ,— но имѣете ли вы приказъ вывести ее отсюда?

— Нѣтъ.

— Въ такомъ случаѣ оставьте ее въ покоѣ. Она пришла просить

Digitized by Google

короля о помилованіи своего мужа и я увѣренъ, что король исполнитъ ея просьбу. Чѣмъ рискуете вы? Вы племянникъ герцога Иларе, вамъ нечего бояться. Самая строгая кара, которой вы подвергаетесь, заключается въ томъ, что вы нѣсколько дней будете подъ арестомъ. Подвергая себя этому, вы спасаете человѣка отъ смерти. Это прекрасный поступокъ, не пропускайте же такого случая.

— Г. маршалъ, я полагаюсь на васъ, смѣло отвѣчалъ офицеръ,— пусть графиня Лавалеттъ остается здѣсь.

Мармонъ привелъ графиню къ дверямъ королевскихъ покоевъ и вмѣстѣ съ нею ждалъ окончанія мессы. Месса кончилась и Людовикъ XVIII появился, сопровождаемый своей свитой. Увидавъ г-жу Лавалеттъ, онъ мгновенно остановился и хотѣлъ вернуться, но г-жа Лавалеттъ подошла къ нему, бросилась ему въ ноги и, подавая ему прошеніе, воскликнула: «Помилуйте его, государь, помилуйте!» Но король холодно отвѣчалъ ей: «Сударыня, я сочувствую вашей естественной скорби, но у меня есть обязанности и я не могу не исполнять ихъ». Сказавъ это, король удалился.

Королевская гвардія имѣла жестокость привѣтствовать эти слова громкимъ возгласомъ: «Да здравствуетъ король!»

Но у графини Лавалеттъ было еще другое прошеніе къ герцогинѣ Ангулемской, которая шла за королемъ. Она протянула его герцогинѣ, но тутъ графъ Агультъ, ея камергеръ, сталъ между герцогиней и просительницей. Герцогиня, увидавъ ее, гнѣвно отступила и бросила на нее такой холодный, злобный взглядъ, что г-жа Лавалеттъ опустила руку. Такъ кончилась эта душу раздирающая сцена. Герцогъ Рагюзъ поддержалъ убитую горемъ женщину и довелъ ее до выхода; ее полуживую привезли домой.

Оправившись отъ волненія, она все-таки надѣялась умилостивить короля и была готова снова возобновить свою попытку. Но Мармонъ уже не заблуждался болѣе. Случай былъ прекрасный, обстановка драматична и, если бъ желали быть милосердымъ, то воспользовались бы такими благопріятными для этого обстоятельствами. Мармонъ, какъ вѣрный и преданный другъ, подвергаясь самъ непріятностямъ, не покидалъ своихъ друзей въ несчастьѣ, онъ на другой же день рѣшился еще на одну послѣднюю попытку. Это было 19 декабря, день рожденія герцогини Ангулемской и двадцатая годовщина ея освобожденія изъ Тампля. Мармонъ считалъ ее менѣе черствой, чѣмъ это было на самомъ дѣлѣ, и приписывалъ ея дѣйствія вліянію дурныхъ совѣтчиковъ монархіи. Онъ былъ увѣренъ, что именно въ этотъ день воспоминанія пережитыхъ страданій подѣйствуютъ на душевное настроеніе герцогини и вызовутъ въ ея сердцѣ состраданіе къ страданіямъ другихъ, и рѣшилъ вмѣстѣ съ г-жей Лавалеттъ прямо явиться къ ней. Но Мармонъ жестоко ошибался. Именно въ этотъ день были приняты самыя строгія мѣры предосторожности. Стража была удвоена и всѣ двери, ведущія къ ея покоямъ, были заперты. И, когда они вмѣстѣ подъѣхали къ Тюльери, ихъ остановили и попросили удалиться. Тутъ Мармонъ уже потерялъ всякую надежду, но въ душѣ г-жи Лавалеттъ она все не угасала, эта надежда доходила даже до какой-то дѣтской наивности, и, вер-

Digitized by Google

пувшись домой послѣ этой послѣдней неудачи, она сказала Мармону: «Они, вѣроятно, хотятъ помиловать моего мужа на эшафотѣ». «Ради Бога, испуганно воскликнулъ Мармонъ,—не разсчитывайте только на это, а дѣйствуйте теперь согласно съ вашимъ планомъ. Только бѣгствомъ возможно его спасти. Теперь насталъ моментъ привести вашъ планъ въ исполненіе, не откладывайте — время не терпитъ!»

VI.

Кассація процесса Лавалетта была отвергнута и 20 декабря рапортъ министра былъ прочитанъ въ совѣтѣ. О помилованіи не могло быть и рѣчи, слѣдовательно надежда на спасеніе рушилась окончательно и казнь должна была совершиться на слѣдующій день, роковой моментъ приближался, часы Лавалетта были сочтены.

Первые годы царствованія Людовика XVIII не дѣлали чести его правительству. Это была эпоха непримиримой борьбы съ партіями республиканской и бонапартистской. И та и другая подвергалась безпрерывнымъ арестамъ и гоненіямъ. Страсти омрачали разумъ и ожесточали сердца. Эта печальная эпоха совершенно заслуженно была названа современниками «бѣлымъ терроромъ». Современныя описанія этой эпохи единогласно свидѣтельствуютъ о томъ яростномъ озлобленіи роялистскихъ салоновъ, столь живо напоминавшемъ своею нетерпимостью бурныя сборища якобинскаго клуба. Придворныя дамы въ особенности были безпощадны. Каждая стремилась прежойти другую своимъ ожесточеніемъ Онѣ вполнѣ уподоблялись тѣмъ озлобленнымъ женщинамъ торговкамъ временъ анархіи, прозваннымъ «les tricotteuses». Озлобленіе дамъ высшаго круга противъ Лавалетта доходило до нѣчто невѣроятнаго. Маршала Мармона, показавшаго столько участія г-жи Лавалеттъ, находили достойнымъ смертной казни и его имя произносилось съ тѣмъ ожесточеніемъ, съ которымъ произносилось имя маршала Нея,—Мармона называли преступникомъ за то, что онъ содѣйствовалъ г-жѣ Лавалеттъ въ ея попыткѣ просить короля о помилованіи ея мужа.

Между тѣмъ какъ роялисты бѣсновались, г-жа Лавалеттъ дѣятельно принялась устраивать бѣгство своего мужа. Она повѣрила свою тайну его другу Бодису, на преданность котораго вполнѣ разсчитывала. Она просила его найти убѣжище, гдѣ ея мужъ могъ бы находиться въ безопасности, въ случаѣ ей удастся спасти его. Бодисъ былъ очень друженъ съ бывшимъ жирондистомъ Бриссономъ, который занималъ теперь постъ директора въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Бодисъ вспомнилъ, что г-жа Бриссонъ дала обѣтъ спасти какого-нибудь политическаго изгнанника въ память спасенія ея мужа, преслѣдуемаго во время террора и нашедшаго убѣжище въ Вогезахъ. Онъ сообщилъ ей объ этомъ и она съ радостью готова была содѣйствовать г-жѣ Лавалеттъ въ ея отважномъ предпріятіи. Такимъ образомъ все было устроено, оставалось лишь получить согласіе осужденнаго на такой рискованный шагъ.

Г-жа Лавалеттъ уже нѣсколько дней заставляла приносить себя въ креслѣ въ Консіержери къ 6 часамъ вечера. Она обѣдала съ мужемъ и возвращалась въ 10 часовъ вечера. 19 декабря, день

Digitized by Google

своей послѣдней попытки въ Тюльери, она приходитъ въ свой обыкновенный часъ. Но она не печальна, ее не удручаетъ ея послѣдняя неудача, она покойна и увѣрена. Она начинаетъ излагать своему мужу, потерявшему уже всякую надежду, планъ его бѣгства. Но Лавалеттъ колеблется. Дѣло было слишкомъ рискованно, малѣйшая неосторожность, малѣйшее подозрѣніе тюремщика—и все погибло. Жена предлагала ему переодѣться въ ея платье, но онъ былъ увѣренъ, что не сумѣетъ сыграть своей роли, его узнаютъ и ему представлялась смѣшная сторона этого бѣгства, если онъ будетъ схваченъ въ женскомъ платьѣ. Но болѣе всего онъ страшится за послѣдствія своего бѣгства, ихъ трудно было предугадать. Жена его должна была остаться въ его камерѣ, а люди бѣлаго террора могутъ легко прибѣгнуть къ средствамъ краснаго террора, вымѣстить на ней свою злобу и подвергнуть карательнымъ мѣрамъ ту, которая взяла его мѣсто и съ такимъ самоотверженіемъ спасла его. Мысль, что тюремщики могутъ дурно обращаться съ ней, что судъ можетъ приговорить ее къ пожизненному тюремному заключенію, все это заставило Лавалетта отказаться отъ великодушія его жены.

«Это безуміе», сказалъ онъ ей.

«Но я умру, если ты умрешь» отвѣчала она ему, и она начинаетъ убѣждать его съ тѣмъ краснорѣчіемъ, которое исходитъ лишь отъ сердца, исполненнаго любви и самоотверженія. Прощаясь съ ней, онъ ей:

«Я все сдѣлаю, что ты хочешь и какъ ты хочешь».

На слѣдующій день 20 декабря ровно въ 6 часовъ вечера наканунѣ казни, г-жа Лавалеттъ была въ Консіержери. Ее сопровождали ея дочь Жозефина, гувернантка г-жа Дютоа и лакей Бенда, который остался съ носильщиками. Г-жа Дютоа ждала въ пріемной. Такъ какъ было холодно, то г-жа Лавалеттъ надѣла длинный плащъ, подбитый мѣхомъ, на головѣ была большая шляпа съ перьями, въ мѣшкѣ она принесла черную шелковую юбку.

— Все теперь устроено, сказала она мужу,—ты надѣнешь мое платье и шубу и тебя нельзя будетъ узнать. Ты выйдешь отсюда, опираясь на Жозефину; лицо закроешь носовымъ платкомъ, какъ бы утирая слезы; ходи тихо; двери въ корридорахъ низки, смотри, не зацѣпи шляпой. Когда пройдешь малый и большой дворъ, тамъ будутъ тебя ждать носильщики и Бенда. Исполни все, какъ я сказала тебѣ. Старайся сохранить всю свою твердость... Дай мнѣ руку, да, ты спокоенъ, это хорошо, я тоже не волнуюсь. Но несчастная женщина не замѣчала даже, какъ ее била лихорадка. «Не надо намъ прощаться, прибавила она—это можетъ погубить насъ!

Они сѣли обѣдать, всѣ трое были грустны и молчаливы.

Г-жа Лавалеттъ внутренно волнуется, но старается это скрыть. Лавалеттъ тоже непокоенъ, онъ страшится за жену, страшится быть узнаннымъ. Но время приближалось, надо дѣйствовать.

— Итакъ, съ Божіею помощью, сказала, наконецъ, г-жа Лавалеттъ,—пора собираться, ты встрѣтишь Бодиса, который укажетъ тебѣ твое убѣжище, я надѣюсь, я увѣрена, что все обойдется благополучно.

Но тутъ случилась, точно на зло, непріятность, которая могла

Digitized by Google

испортить все дѣло. Гувернантка, никогда не входившая въ камеру Лавалетта, внезапно входитъ туда. Въ пріемной было такъ жарко, что ей сдѣлалось дурно, она рѣшилась войти къ нимъ и тутъ съ ней началась рвота, притомъ она громко стонала. Все это могло привлечь вниманіе сторожей и заставить ихъ войти. Г-жа Лавалеттъ была въ отчаяніи и строгимъ тономъ сказала гувернанткѣ: «Оставьте это ребячество, малѣйшій возгласъ можетъ теперь погубить моего мужа, черезъ нѣсколько минутъ вы будете на воздухѣ и все пройдетъ».

Тутъ г-жа Лавалеттъ стала одѣвать мужа, надѣла на него черную шелковую юбку, мѣховой плащъ, шляпу съ перьями. Лавалеттъ былъ малъ ростомъ и черная юбка была ему впору. Иллюзія была полная, онъ былъ неузнаваемъ.

Пробило 8 часовъ, рѣшительный моментъ насталъ. Наружно спокойный Лавалеттъ позвонилъ, чтобы дали знать носильщикамъ.

— Каждый разъ, когда ты уходишь отъ меня, сказалъ Лавалеттъ женѣ,—сюда заглядываетъ консьержъ, стой за ширмами и передвигай тамъ столъ и стулья. Удостовѣрившись, что я за ширмами, онъ уйдетъ, затѣмъ черезъ нѣсколько времени опять вернется, но это достаточно, чтобы дать мнѣ возможность уйти.

И вотъ послѣдній взглядъ, пожатіе руки... Дверь открывается... «Пропустите ихъ», приказываетъ любезный ключарь. Лавалеттъ выходитъ, опираясь на свою дочь Жозефину, за ними идетъ гувернантка. Г-жа Лавалеттъ остается за ширмами, а мнимая г-жа Лавалеттъ, прикрывъ лицо носовымъ платкомъ, имѣетъ видъ горько плачущей женщины, дочь тоже рыдаетъ.

Они проходятъ черезъ корридоры. Лавалеттъ нагибается въ низкихъ дверяхъ, чтобы не задѣть своей шляпой, проходитъ пріемную, тамъ пять тюремщиковъ; они медленнымъ шагомъ проходятъ мимо ихъ. Въ этотъ моментъ къ нимъ идетъ навстрѣчу консьержъ Рокетъ и беретъ Лавалетта за руку. Жестъ, въ сущности, совершенно естественный, такъ какъ онъ часто доводилъ г-жу Лавалеттъ до ея кресла, онъ и тутъ, ничего не подозрѣвая, хотѣлъ послѣдній разъ выразить свое участіе несчастной женщинѣ. Но у Лавалетта потемнѣло въ глазахъ, онъ думалъ, что Рокетъ узналъ его. Рокетъ, хотя и получилъ въ этотъ день строгій приказъ отъ префекта наблюдать за посѣтителями, но онъ и въ мысляхъ не имѣлъ удостовѣриться въ личности г-жи Лавалеттъ, а, исполненный жалости къ ея скорби, съ грустью произнесъ: «Вы сегодня рано уходите, графиня». Лавалеттъ, конечно, ничего не отвѣчалъ, а продолжалъ рыдать.

Дошли они, наконецъ, и до двери тюрьмы, но сторожъ Эберъ, приставленный къ этой желѣзной двери, могъ быть подозрительнѣе Рокета, и тогда все погибло, но онъ зналъ, что носильщикамъ былъ данъ приказъ идти на свое мѣсто, что должно было удостовѣрить его, что это только можетъ быть не кто иной, какъ г-жа Лавалеттъ. Но сторожъ не открылъ тотчасъ двери, и эта минута ожиданія была ужасна. Лавалеттъ чувствуетъ, что силы его исчезаютъ, ему кажется, что привратникъ наблюдаетъ за нимъ. Минута ужасная!.. Но вотъ дверь открывается и они выходятъ изъ тюрьмы. Вошли въ

Digitized by Google

небольшой дворъ, тутъ на нихъ устремляются любопытные взоры двадцати жандармовъ, но они проходятъ мимо нихъ тѣмъ же тихимъ, медленнымъ шагомъ. Вотъ они благополучно миновали и большой дворъ, прошли черезъ открывшіяся передъ ними ворота, спустились по ступенямъ, а тамъ стояло кресло и Лавалеттъ садится. Но, о ужасъ! кресло не двигается, носильщиковъ нѣтъ, нѣтъ и Бенуа. Предъ этимъ неожиданнымъ препятствіемъ, которое рѣшительно ничѣмъ нельзя было объяснить, у Лавалетта застыла кровь, голова его кружилась. Онъ ежеминутно ждалъ жандармовъ, но онъ рѣшился бороться съ ними до послѣдней капли крови, пусть лучше они убьютъ его.

Послѣ нѣсколькихъ минутъ, которыя показались ему вѣчностью, онъ, наконецъ, услыхалъ голосъ Бенуа, объяснявшій ему, что прежніе носильщики ушли и что онъ пошелъ искать другихъ. Причиной этой неудачи было то, что Бенуа въ день бѣгства неосторожно предложилъ одному изъ нихъ 20 франковъ. Чуя опасность, носильщикъ, въ моментъ какъ надо было нести кресло, испугался и, бросивъ ремни, убѣжалъ; его примѣру послѣдовалъ его товарищъ. Бенуа немедленно побѣжалъ искать другихъ носильщиковъ и, къ счастью, пришелъ еще во-время. И вотъ Лавалетта подымаютъ и несутъ. Повернули направо и остановились противъ улицы Гарле. Тамъ ихъ ждалъ Бадисъ, который, подойдя къ нему, сказалъ: «Сударыня, вамъ необходимо идти сейчасъ къ президенту, позвольте мнѣ довести васъ». Лавалеттъ выходитъ, а его дочь садится на его мѣсто и носильщики уносятъ ее. Бодисъ сажаетъ Лавалетта въ крытый кабріолетъ, въ которомъ кто-то сидѣлъ. Но едва Лавалеттъ усѣлся, какъ кабріолетъ помчался. Проѣхали улицу Ла-Гарпъ, улицу Вожираръ, колесили и по многимъ другимъ улицамъ. Наконецъ Лавалеттъ приходитъ въ себя и видитъ, что съ нимъ сидитъ графъ Шоссену.

— Какъ это вы? восклицаетъ онъ.

— Да, отвѣчаетъ тотъ,—будьте спокойны, у меня тутъ четыре пистолета, въ случаѣ опасности мы будемъ стрѣлять.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Лавалеттъ,—я не хочу погубить васъ.

— Я первый буду стрѣлять и горе тому, кто вздумаетъ арестовать васъ теперь.

Послѣ продолжительной ѣзды, во время которой Лавалеттъ сбросилъ съ себя женское платье и надѣлъ приготовленную графомъ Шоссену одежду жокея и шляпу съ галуномъ, кабріолетъ остановился на улицѣ Плюме. Тамъ опять ждалъ ихъ Бодисъ. Ночь была темная, шелъ сильный дождь. Лавалеттъ простился съ Шоссену и послѣдовалъ за Бодисомъ. Они все время шли пѣшкомъ по безлюднымъ кварталамъ Парижа. Наконецъ пришли въ улицу Гренель къ величественному зданію министерства иностранныхъ дѣлъ.

— Я войду въ домъ, сказалъ Бодисъ,—а пока буду говорить съ консьержемъ, вы войдете во дворъ, налѣво дверь, войдите, подымитесь по лѣстницѣ до послѣдняго этажа, затѣмъ увидите темный корридоръ, тамъ остановитесь и ждите...

Лавалеттъ, увидавъ зданіе министерства иностранныхъ дѣлъ, не вѣрилъ глазамъ своимъ. «Странное мѣсто для убѣжища политиче-

Digitized by Google

ческаго преступника,—подумалъ онъ, но безпрекословно рѣшился въ точности исполнить инструкцію, данную ему его спасителемъ Бодисъ подошелъ къ подъѣзду герцога Ришелье и сталъ говорить съ консьержемъ

— Кто этотъ человѣкъ, спросилъ консьержъ, увидавъ Лавалетта.

— Это мой лакей, отвѣчалъ Бодисъ.

Лавалеттъ вошелъ во дворъ, поднялся въ третій этажъ; вошелъ въ темный корридоръ и сталъ ждать. Вдругъ онъ почувствовалъ, что какая-то женская рука взяла его за руку и, толкнувъ его въ темную комнату, заперла за нимъ дверь. Тамъ топилась печь, онъ отыскалъ спички, зажегъ свѣчку и началъ осматривать свое новое помѣщеніе. Эта была маленькая мансарда, постель, столъ и два стула. На столѣ была записка слѣдующаго содержанія: «Не дѣлайте ни малѣйшаго шума, открывайте окно только ночью, надѣньте туфли и ждите терпѣливо». Прошло нѣсколько времени, является Бодисъ.

— Не удивляйтесь, что вы попали сюда, объясняетъ онъ ему.— Бриссонъ состоитъ тутъ директоромъ и, какъ бывшій жирондистъ, нѣкогда тоже преслѣдуемый, согласился дать вамъ убѣжище. Но малѣйшая неосторожность съ вашей стороны можетъ погубить его. Благодаря своей должности онъ имѣетъ возможность содержать семью. Не взирая на то, что рискуетъ лишиться своего мѣста, онъ все-таки желаетъ, чтобы вы здѣсь остались до тѣхъ поръ, пока вамъ будетъ возможно выѣхать изъ Франціи.

Вскорѣ пришла г-жа Бриссонъ. Не довѣряя никому, она сама принесла ему ужинъ. Въ полночь пришелъ Бриссонъ.

— Вы не можете себѣ представить, разсказывалъ онъ смѣясь,— какой переполохъ произвело ваше бѣгство въ Парижѣ. Съ быстротой молніи пролетѣла эта вѣсть, поразила и взволновала всѣ умы. Въ Тюльери никто не ляжетъ сегодня спать. Всѣ увѣрены, что вспыхнетъ возстаніе, и васъ уже видятъ во главѣ многочисленной арміи и вооруженнаго Парижа, запираютъ всѣ заставы, вѣроятно и молочницъ не будутъ пропускать. Возлагаютъ надежды на иностранныя войска. А я долженъ былъ выслушивать всѣ эти глупости, я... укрывающій васъ въ своей мансардѣ.

VII.

Но что происходило въ тюрьмѣ Консіержери въ тревожныя и страшныя минуты бѣгства Лавалетта? Г-жа Лавалеттъ осталась одна въ его камерѣ. Она находилась за ширмами и, когда консіержъ Рокетъ черезъ нѣсколько минутъ спустя отворилъ дверь, она передвигала мебель. Услыхавъ движеніе за ширмами, свидѣтельствующее о присутствіи заключеннаго, онъ закрылъ дверь и удалился. Но едва прошло пять минутъ, какъ онъ опять открылъ дверь, и, видя, что заключенный все еще находится за ширмами, его взяло сомнѣніе и, чтобы убѣдиться, точно ли онъ тамъ, онъ заглянулъ туда. Увидавъ передъ собою графиню Лавалеттъ, онъ громко вскрикнулъ отъ ужаса и удивленія и бросился къ двери, чтобы поднять на ноги весь тюремный персоналъ. Но тутъ г-жа Лавалеттъ схватила его за одежду.

Digitized by Google

— Умоляю васъ, съ отчаяніемъ воскликнула она, — подождите, ради Бога, подождите, дайте ему успѣть уйти!

— Вы хотите погубить меня, сударыня! кричитъ съ отчаяніемъ Рокетъ, стараясь вырваться изъ ея рукъ.

Но г-жа Лавалеттъ крѣпко держитъ его за полу одежды, и между ними происходитъ борьба. Наконецъ, онъ дернулъ изо всѣхъ силъ, пола одежды разорвалась и осталась въ рукахъ г-жи Лавалеттъ. Эти мгновенія были дороги, они спасли ея мужа.

Въ тюрьмѣ поднялась суета и шумъ, только и были слышны возгласы: «онъ убѣжалъ, онъ убѣжалъ». Тюремщики, жандармы, ключари бѣгутъ во всѣ стороны. Сторожъ Эберъ, предвидя грозящую ему бѣду, такъ какъ могли считать его сообщникомъ заключеннаго, съ отчаяніемъ запираетъ г-жу Лавалеттъ на замокъ: «А ужъ эта не уйдетъ отсюда, иначе какъ по приказанію», кричитъ онъ съ яростной злобой.

Всѣ разбѣжались на поиски бѣглеца. Но тщетно! Удалось имъ только нагнать носильщиковъ. Но, вмѣсто Лавалетта, они въ креслѣ нашли его дочь и шедшею рядомъ съ ней гувернантку, обѣ были увезены въ тюрьму. Немедленно извѣщаютъ префекта полиціи Англеса, министра полиціи Деказа и главнаго прокурора Беллара. Белларъ первый является въ Консіержери и осыпаетъ г-жу Лавалеттъ упреками, но она отвѣчаетъ ему нервнымъ смѣхомъ. Консіержъ Рокетъ и сторожъ Эберъ арестованы. Деказъ, опасаясь за свой портфель, совершенно обезумѣлъ. Онъ принимаетъ всѣ мѣры для поимки бѣглеца. Запираются заставы, пріостановлены отъѣзды дилижансовъ, у друзей и знакомыхъ осужденнаго производятся самые тщательные обыски, отдается строгій приказъ домовладѣльцамъ и квартирантамъ подъ угрозой тюремнаго заключенія отъ двухъ мѣсяцевъ до двухъ лѣтъ доносить о находящихся у нихъ лицахъ, не имѣющихъ законныхъ свидѣтельствъ.

Въ своихъ запискахъ Деказъ говоритъ, что, когда онъ сообщилъ королю о бѣгствѣ Лавалетта, то Людовикъ XVIII сказалъ ему: «Вы увидите, что всѣ скажутъ, что это мы!»

По всей вѣроятности, король сказалъ это Деказу, такъ какъ сильно боялся недовольства роялистовъ. Нѣкоторые современники даже утверждали, что король совѣтовался съ своимъ министромъ полиціи о способѣ спасти Лавалетта, и что былъ весьма доволенъ его бѣгствомъ, такъ какъ это избавляло его отъ слишкомъ суроваго примѣненія закона. Но трудно повѣрить такому великодушію короля, такъ бездушно оттолкнувшаго отъ себя несчастную г-жу Лавалеттъ и такъ безпощадно казнившаго Нея и ла-Бедоера. Это было бы приписывать ему ту возвышенность души, которою онъ никогда не обладалъ. Одинъ документъ вполнѣ разрѣшаетъ всѣ сомнѣнія относительно милосердія этого короля по дѣлу Лавалетта. Это приказъ генеральнаго прокурора палачу Самсону о приведеніи въ исполненіе смертнаго приговора надъ Лавалеттомъ. Этотъ документъ находится въ коллекціи приказовъ Самсону, нынѣ пріобрѣтенныхъ парижской библіотекой.

Извѣстіе о бѣгствѣ Лавалетта быстро распространилось по всему Парижу и произвело самыя разнообразныя впечатлѣнія. Бонапар-

Digitized by Google

тисты ликовали явно. Люди умѣренные и просвѣщенные сторонники реставраціи искренно радовались, что невинноосужденный избѣжалъ казни, а насмѣшливый народъ выражалъ свое удовольствіе ядовитыми насмѣшками по адресу правительства. Но зато не было предѣловъ ярости роялистовъ. Озлобленіе ихъ выражалось какою-то свирѣпостью и стало принимать даже бурный характеръ. Тутъ играла роль не только жажда мести, но и паническій страхъ передъ новымъ государственнымъ переворотомъ. Роялисты искренно вѣрили въ торжество республиканской партіи, обвиняли министерство въ содѣйствіи бѣгству Лавалетта. На Деказа, совершенно въ этомъ неповиннаго, на префекта полиціи Англеса, на герцога Ришелье, хлопотавшаго о помилованіи осужденнаго, сыпались со всѣхъ сторонъ самые нещадные упреки. Въ палатѣ крики бѣшенства, по поводу бѣгства Лавалетта, доходили до крайнихъ предѣловъ, точно спасеніе конархіи зависѣло отъ головы этого человѣка. Въ салонахъ это бѣшенство дошло до апогея безобразія. Дамы высшаго круга, столь очаровательныя по внѣшности, выражали свое негодованіе съ безпримѣрною жестокостью: «Развѣ думаютъ, — восклицали эти фанатички,—что мы будемъ довольствоваться только двумя головами, чтобы искупить возвращеніе узурпатора!» [1]). Роялисты требовали преданія суду министровъ, такъ какъ уже не сомнѣвались въ ихъ содѣйствіи бѣгству Лавалетта.

Но, кромѣ того, гнѣвъ роялистовъ обрушился и на дочь Лавалетта, Жозефину. Выпущенная изъ заключенія и вновь возвратившаяся въ монастырь, гдѣ воспитывалась, она дѣлается предметомъ ненависти воспитанницъ и монахинь-воспитательницъ. Нѣкоторые родители грозятъ взять оттуда своихъ дочерей, если г-жа Лавалеттъ, послѣ своего освобожденія, ее тамъ оставитъ. Одна дама не посовѣстилась въ кругу многочисленнаго общества обозвать эту бѣдную дѣвочку, содѣйствовавшую спасенію своего отца, «маленькой негодяйкой» [2]).

Засѣданіе палаты 21 декабря 1815 г. отличалось такимъ бурнымъ характеромъ, которое своимъ неистовствомъ вполнѣ уподоблялось засѣданіямъ конвента. Главный прокуроръ Белларъ нещадно нападалъ на министровъ, содѣйствовавшихъ бѣгству «опаснаго преступника», доказывалъ, что Лавалеттъ не могъ бѣжать безъ помощи тюремщиковъ, что въ этомъ онъ самъ убѣдился на мѣстѣ, что преступникъ не могъ не быть узнаннымъ въ женскомъ платьѣ, утверждалъ съ увѣренностью о существованіи обширнаго заговора, взваливалъ всю отвѣтственность на министровъ и требовалъ строжайшаго слѣдствія по этому дѣлу. Эта рѣчь произвела цѣлую бурю.

Началось слѣдствіе. Поиски продолжались, но всѣ попытки Деказа и полиціи оказались тщетными, оставалось лишь примириться съ совершившимся фактомъ и прибѣгнуть къ рѣшительнымъ мѣрамъ, чтобы успокоить волновавшихся роялистовъ. Пускаютъ въ ходъ прессу. Оффиціальная пресса призываетъ публику къ умѣренности, она ратовала, что бѣгство заключеннаго, хотя и прискорбный

---

[1]) Comte de Viel-Castel. *Histoire de la Restauration*. Lamartine. *Histoire de la Restauration*.

[2]) Guizot. Mémoires.

Digitized by Google

фактъ, но не угрожаетъ опасностью государству. Но роялисты не успокаивались и представили въ палату проектъ адреса къ королю, въ которомъ заявляли, что канцлеръ и министръ полиціи утратили довѣріе націи.

Положеніе становилось серьезнымъ. Завистники быстрой карьеры Деказа въ особенности возставали противъ него, но его паденіе могло привести и къ отставкѣ всего министерства. Людовикъ XVIII опасался, что власть тогда перейдетъ въ руки партіи, ожесточеніе которой устрашило Францію и которая въ то же время могла вызвать недовольство Европы, къ тому же ему казалось невозможнымъ согласиться на отставку министерства, которое онъ всегда называлъ незамѣнимымъ. Въ виду такого затруднительнаго положенія Деказъ далъ королю очень удачный совѣтъ: обратиться, черезъ состоящаго при дворѣ г. Праделя, къ одному изъ самыхъ непримиримыхъ, маркизу Пюверъ, и довести до его свѣдѣнія недовольство короля за то, что онъ, какъ человѣкъ, занимающій офиціальный постъ, префекта Венсена, такъ враждебно относится къ правительству и что ежели палата объявитъ, что нація не имѣетъ болѣе довѣрія къ его министрамъ, то въ такомъ случаѣ король, желая въ этомъ убѣдиться, отнесется съ этимъ вопросомъ къ самой націи. Эта угроза привела къ желаннымъ результатамъ. Роялисты стали обдумывать и взвѣшивать свои шансы успѣха и разомъ присмирѣли. Деказъ вполнѣ достигъ своей цѣли, роялисты начали заискивать—въ немъ и министерство удержалось.

Между тѣмъ княгиня Водемонъ придумывала способъ удаленія Лавалетта изъ предѣловъ Франціи. Его пребываніе въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ становилось опаснымъ, его могли найти, наконецъ, и тамъ, и тогда уже ему не миновать эшафота. Княгиня Водемонъ была убѣждена, что только какой-нибудь иностранецъ, независимый и уже никакимъ образомъ не подозрѣваемый, могъ бы взять на себя эту трудную задачу, и она рѣшилась найти такого человѣка и обратиться къ нему съ своей просьбой. Англійскія войска еще находились во Франціи. Она была знакома съ нѣкоторыми англійскими офицерами и ей пришло на мысль просить одного изъ нихъ, г. Брюсса, содѣйствовать бѣгству Лавалетта изъ Франціи. Брюссъ былъ ревностнымъ защитникомъ маршала Нея и охотно согласился на это, ему даже было лестно спасти несчастнаго. Но онъ не могъ дѣйствовать одинъ, не подвергаясь опасности, и рѣшился обратиться къ своему соотечественнику, генералу Роберту Вильсону. Вильсонъ былъ отъявленнымъ врагомъ Франціи и Наполеона, но, глубоко возмущенный систематическимъ преслѣдованіемъ бонапартистовъ во время реставраціи, изъявилъ полную готовность спасти одного изъ нихъ. Вильсонъ въ свою очередь нашелъ необходимымъ просить содѣйствовать ему въ этомъ дѣлѣ офицера Эллистера и капитана Гутчисона. Заказываютъ по мѣркѣ Лавалетта у портного нѣмца мундиръ квартирмейстера. Рѣшили ѣхать въ простой дорожный каретѣ, Лавалеттъ будетъ сидѣть вмѣстѣ съ Вильсономъ, а Гутчисонъ и лакей Вильсона поѣдутъ верхомъ и, въ случаѣ Лавалетта узнаютъ, онъ будетъ имѣть возможность ускакать верхомъ. Все было готово къ отъѣзду. Въ воскресенье въ 9 часовъ

Digitized by Google

вечера Лавалетть простился съ своими благодѣтелями. Всѣ были взволнованы. Онъ вышелъ изъ министерства съ Бриссономъ. Бодисъ и Шассену ждали ихъ въ кабріолетѣ. Проѣзжая мимо Тюльери, окруженнаго стражей, Лавалеттъ невольно улыбнулся. Сколько тамъ людей были исключительно заняты имъ. Подъѣхали къ квартирѣ Гутчисона, гдѣ Лавалеттъ долженъ былъ переночевать. Тамъ онъ встрѣтилъ генерала Вильсона, Брюсса и Эллистера. Лавалеттъ былъ крайне взволнованъ при видѣ этихъ иностранцевъ, принимавшихъ такое горячее участіе въ его участи. Лавалеттъ простился съ Шассену и Бодисомъ. Вильсонъ тоже вскорѣ уѣхалъ, онъ торопился на великосвѣтскій вечеръ, гдѣ надо было быть, чтобы отвлечь всякое подозрѣніе. Эллистеръ тоже удалился, онъ выѣзжалъ въ тотъ же вечеръ и долженъ былъ встрѣтить ихъ въ Компьенѣ, удалился и Брюссъ, пожелавъ Лавалетту счастливаго пути. Эта ночь была тревожна, къ тому же Лавалеттъ и Гутчисонъ были страшно испуганы. Кто-то сильно сталъ стучаться въ наружную дверь. Но это былъ не кто иной, какъ пьяный жилецъ, который ошибся дверью.

Къ 7 часамъ утра все уже было готово къ отъѣзду. Генералъ Вильсонъ пріѣхалъ въ дорожной каретѣ за Лавалеттомъ.

«Все готово, сказалъ онъ ему,—ѣдемъ».

Лавалеттъ садится съ нимъ въ карету, а Гутчисонъ и лакей слѣдовали за ними верхомъ. Отъѣздъ совершился безпрепятственно. Въ этотъ ранній часъ было очень мало народу на улицѣ, къ тому же въ это время никого не могло удивить видѣть англійскихъ военныхъ. Вильсонъ былъ въ обыкновенной генеральской формѣ, въ синемъ мундирѣ и круглой шляпѣ. Лавалеттъ былъ въ мундирѣ квартирмейстера. Въ рукахъ онъ держалъ треуголку Вильсона съ плюмажемъ. Когда они подъѣхали къ заставѣ Клиши, то жандармы стали пристально осматривать ихъ, но, увидавъ англійскаго генерала, отдали ему честь.

Такимъ образомъ въ понедѣльникъ 8 января въ 9 часовъ утра Лавалеттъ выѣхалъ изъ Парижа, не внушая никому ни малѣйшаго подозрѣнія и безъ малѣйшаго препятствія. На пути ихъ нѣсколько разъ останавливали жандармы и задавали разные вопросы, но отвѣты Гутчисона всегда прекращали эту инквизицію. У самаго Компьена ихъ встрѣтилъ сержантъ, посланный адъютантомъ генерала Брайдланда, который указалъ имъ приготовленную для нихъ квартиру. Въ 5 часовъ долженъ былъ прибыть туда Эллистеръ подъ именемъ полковника Лоссакъ. Но онъ нѣсколько запоздалъ, такъ какъ его путешествіе не совершилось безъ препятствій. У заставы Сенъ-Дени жандармы потребовали его паспортъ и возвратили его ему лишь только послѣ тщательной провѣрки его наружности съ даннымъ имъ описаніемъ наружности Лавалетта, но этимъ не довольствовались, вслѣдъ за его экипажемъ поѣхалъ жандармъ до Бурже, гдѣ онъ былъ замѣненъ полицейскимъ, который, проѣхавъ нѣкоторое разстояніе, вернулся; въ Луврѣ Эллистера опять останавливаютъ жандармы и одинъ изъ нихъ восклицаетъ: «Это не англійскій офицеръ!» Но выговоръ Эллистера неопровержимо доказываетъ, что онъ англичанинъ, и его пропускаютъ. Такимъ образомъ онъ, наконецъ, попадаетъ въ Компьенъ. Затѣмъ Вильсонъ и Лавалеттъ снова

Digitized by Google

отправились въ путь, простившись съ Гутчисономъ и Эллистеромъ. Вильсонъ ѣхалъ теперь подъ именемъ генерала Валлиса, а Лавалеттъ съ паспортомъ Лоссака. Но лакей Вильсона не говорилъ по-французски и Вильсону на каждой станціи приходится самому выходить изъ кареты и на вопросъ о его личности отвѣчать: «Я англійскій генералъ». Путешествіе продолжаетъ совершаться безпрепятственно. Но, прибывъ въ Камбре, начальникъ станціи вдругъ объясняетъ имъ, что они не могутъ продолжать путь, по той причинѣ, что проѣздъ въ аванпостахъ закрытъ, вслѣдствіе чего имъ прійдется ждать часа два. Какъ это ни было ужасно, но пришлось покориться. Лавалеттъ притворился спящимъ, а Вильсонъ, чтобы отстранить всякое подозрѣніе, пошелъ въ конюшни разговаривать съ почтальонами. Въ 6 часовъ утра они, наконецъ, двинулись. Подъѣзжаютъ къ воротамъ города. Ворота заперты. Кучеръ крикнулъ, но никто не откликнулся. Пришлось опять ждать. Начинало разсвѣтать и привратникъ, наконецъ, открылъ ворота. Они въѣхали вмѣстѣ съ другими пятью каретами, остановившимися по той же причинѣ. Началась перепряжка и они выѣхали оттуда лишь въ 9 часовъ. Лавалеттъ внутренно ужасно волновался. Малѣйшее нетерпѣніе Вильсона, малѣйшее неосторожное слово и все могло рушиться, но Вильсонъ все время сохранялъ свое невозмутимое хладнокровіе. При въѣздѣ въ Валансіенъ, — тѣ же формальности. Спрашиваютъ паспорта. Вильсонъ изъ окошка кареты говоритъ: «Я англійскій генералъ». Но мальчикъ, посланный за паспортами, не довольствуется этимъ, а требуетъ ихъ. Генералъ отдаетъ и черезъ нѣсколько времени получаетъ обратно. При выѣздѣ изъ Валансіена опять потребовали паспорта и держали ихъ очень долго. Потерявъ всякое терпѣніе, Вильсонъ крикнулъ на жандармовъ. Лавалеттъ притаилъ дыханіе. Было уже 10 часовъ утра, остался лишь какой-нибудь часъ ѣзды до границы. Вильсонъ разсчитывалъ переѣхать ее до разсвѣта, а эти постоянныя задержки начинаютъ уже безпокоить его какой-то нервный страхъ охватываетъ его и ему уже кажется, что ихъ преслѣдуютъ. Ужели, — думалъ онъ, — ихъ арестуютъ на послѣдней станціи? Но вотъ и послѣдняя станція. Спрашиваютъ паспорта, но тутъ уже безъ особенныхъ формальностей, довольствуются тѣмъ, что онъ по обыкновенію заявляетъ: «Я англійскій генералъ» и ихъ пропускаютъ безпрепятственно. Наконецъ, проѣхали и роковую границу и первое слово, сказанное Вильсономъ Лавалетту, было: «Вы спасены!» Но тутъ Лавалеттъ не выдержалъ, все самообладаніе покинуло его, онъ бросился въ объятія Вильсона и нервно зарыдалъ.

Это чудесное спасеніе онъ приписывалъ своей геройской женѣ.

«Я особенно благодарю Бога, — сказалъ онъ, — что самоотверженность моей жены увѣнчалась успѣхомъ, она бы умерла отъ отчаянія, если бъ это не удалось. Скорблю лишь о томъ, что столько хорошихъ людей пострадали за меня, знаю, что тюремщики мои арестованы, но я клянусь передъ Богомъ, что они не были подкуплены и ничего не знали, всѣмъ я обязанъ моей женѣ».

Лавалеттъ разсказалъ Вильсону это необыкновенное происшествіе. Разговаривая такимъ образомъ, они доѣхали до Монса, гдѣ уже не

Digitized by Google

спрашивали паспортъ. Тамъ они спокойно пообѣдали и разстались. Вильсонъ далъ ему нѣсколько рекомендательныхъ писемъ къ прусскому королю, котораго онъ хорошо зналъ, и къ нѣкоторымъ англійскимъ дипломатическимъ агентамъ.

Лавалеттъ отправился въ Баварію, гдѣ былъ радушно принятъ принцемъ Евгеніемъ, а Вильсонъ возвратился во Францію и выѣхалъ въ Парижъ черезъ заставу Сенъ-Мартенъ.

Въ Парижѣ онъ узналъ, что послѣ ихъ отъѣзда изъ Валансіена начальствующія лица почтовой станціи нашли ихъ вдругъ подозрительными и оттуда былъ немедленно отправленъ курьеръ съ приказомъ арестовать ихъ на границѣ. Но туманъ помѣшалъ курьеру доѣхать во время и Лавалеттъ благополучно переѣхалъ границу.

Все бы обошлось также благополучно и для англичанъ, такъ великодушно содѣйствовавшихъ окончательному спасенію Лавалетта, если бъ самъ Вильсонъ былъ осторожнѣе. Но онъ имѣлъ неосторожность написать лорду Грею длинную реляцію конфиденціальную и секретную, въ которой онъ описывалъ свое дѣятельное участіе въ этомъ необыкновенномъ предпріятіи. И такъ какъ за нимъ наблюдали, то это письмо къ лорду Грею было вскрыто и Вильсонъ, Брюссъ и Гутчисонъ были арестованы. Эллистеръ былъ въ своемъ полку и его оставили въ покоѣ.

Только что распространилась вѣсть, что Лавалеттъ покинулъ Францію, какъ роялисты снова заволновались. Англичане были подвергнуты предварительному заключенію, длившемуся около двухъ мѣсяцевъ, и, наконецъ, въ мартѣ они предстали предъ судомъ присяжныхъ вмѣстѣ съ Консьержемъ Рокетомъ, сторожемъ Эберомъ и лакеемъ Лавалетта—Бенуа. Г-жа Лавалеттъ, болѣзненное состояніе которой, а равно и ея супружеская преданность, совершенно обезоружили правительство и правосудіе, была вмѣстѣ съ гувернанткой, г-жей Дютоа, немедленно освобождена, но обѣ находились подъ строжайшимъ наблюденіемъ полиціи. Полицейскій надзоръ былъ дотого тягостенъ, что г-жа Лавалеттъ писала королю и просила его, чтобы и опять заключили въ тюрьму, такъ какъ съ тѣхъ поръ, какъ ее оттуда выпустили, она постоянно подвергается всевозможнымъ преслѣдованіямъ и крайне жалѣетъ о Консіержери, гдѣ ее никто не тревожилъ и гдѣ она пользовалась спокойствіемъ, столь необходимымъ для ея разстроеннаго здоровья, затѣмъ она прибавляетъ, что политикой не занимается и лицъ политически неблагонадежныхъ къ себѣ не принимаетъ. По просьбѣ защитниковъ обвиняемыхъ, г-жа Лавалеттъ вмѣстѣ съ дочерью и г-жей Дютоа должны были явиться въ судъ въ качествѣ свидѣтельницъ. Появленіе графини Лавалеттъ въ залѣ суда возбудило всеобщее любопытство и живѣйшее къ ней участіе. Когда она вошла, Вильсонъ, Брюссъ и Гутчисонъ встали и низко поклонились ей. Нервная система бѣдной, больной женщины была такъ потрясена, что она не была въ состояніи отвѣчать на вопросы. Предсѣдатель всячески старался успокоить ее. Послѣ нея вызвали Жозефину, но 14-лѣтняя дѣвочка была дотого застѣнчива, что дрожала отъ страха. Отъ нея нельзя было добиться никакихъ отвѣтовъ и ее отпустили.

Не входя въ подробности судебныхъ преній, нельзя, однако, не

Digitized by Google

упомянуть о блестящей рѣчи защитника англичанъ, Г. Дарье, въ которой онъ сказалъ, «что генералъ Вильсонъ слѣдовалъ лишь влеченію своей благородной души, исполненной гуманныхъ идей, такими же чувствами были одушевлены и его сообщники, а человѣколюбивыя дѣйствія не должны быть преслѣдуемы правосудіемъ. Правосудіе караетъ преступленіе, но не доблесть. Бѣгство Лавалетта само по себѣ есть фактъ незначительный, такъ какъ не причинило государству никакого ущерба. Нашли невозможнымъ привлечь къ суду графиню Лавалеттъ за то, что она спасла мужа отъ смерти, несомнѣнно, что и тюремщиковъ не подвергнутъ карѣ за то, что они были введены въ заблужденіе, не сдѣлаютъ и безнравственнаго упрека слугѣ Лавалетта за то, что онъ не предалъ своего хозяина. Не дадутъ же и безъ того развращенному обществу скандальное зрѣлище, слуги, наказаннаго за свою преданность». Защитникъ просилъ полнаго оправданія трехъ англичанъ на основаніи того, что законъ не можетъ назвать ихъ дѣйствія преступными. Вильсонъ, плохо говорившій по-французски, сказалъ лишь нѣсколько словъ въ свое оправданіе, Брюссъ же защищалъ себя блестящимъ образомъ; его рѣчь произвела сильное впечатлѣніе. Всѣ были убѣждены, что подсудимые будутъ оправданы. Но присяжные признали ихъ виновными. Оправданы были консержъ Рокетъ и слуга Лавалетта—Бенуа. Привратникъ Эберъ за свою небрежность былъ приговоренъ къ двухмѣсячному тюремному заключенію. Вильсонъ, Брюссъ и Гутчисонъ къ трехмѣсячному аресту. Приговоръ трехъ англичанъ удивилъ всѣхъ, общественное мнѣніе было за нихъ. Либералы и умѣренные открыто выражали имъ свое сочувствіе. Ультра-роялисты, какъ они не шумѣли, но должны были довольствоваться этимъ ничтожнымъ удовлетвореніемъ. Этимъ завершилось драматическое событіе «бѣлаго террора».

VIII.

Лавалеттъ остался въ Баваріи, гдѣ нашелъ вѣрное убѣжище и радушное гостепріимство принца Евгенія Богарне. Жена его переѣхала къ нему съ дочерью. Чтобы не компрометировать Мюнхенскій кабинетъ, который, во избѣжаніе жалобъ и недовольства французскаго посольства, дѣлалъ видъ, что игнорируетъ присутствіе Лавалетта въ Баваріи, Лавалеттъ долженъ былъ вести очень уединенную, почти что замкнутую жизнь. Эта отчужденность отъ внѣшняго міра, въ совокупности со всѣми треволненіями, которыя ему пришлось пережить, сильно повліяла на его нравственное состояніе и, когда нѣсколько лѣтъ спустя, ему было разрѣшено Людовикомъ XVIII въ 1822 г. возвратиться во Францію, то многочисленные друзья его, чествуя его возвращеніе, нашли въ немъ совершенно надломленнаго человѣка. Онъ утратилъ и блескъ своего ума и веселость характера. Глубокая скорбь омрачала его. Причиной тому была болѣзнь жены. Пережитыя ею тревоги и волненія сильно потрясли весь ея организмъ и имѣли самое пагубное вліяніе на ея нравственное состояніе. Сперва она стала ощущать какой-то безотчетный страхъ, чуждалась людей, потомъ послѣдовали безсонницы,

Digitized by Google

галлюцинаціи, однимъ словомъ, всѣ признаки душевной болѣзни. Лавалеттъ по совѣту врачей помѣстилъ ее въ лѣчебницу. Но она дѣлала попытки къ бѣгству и все просила, чтобы ее перевели въ Консіержери. Несомнѣнно, что Консіержери положило начало ея умственному разстройству. Примѣнялись всѣ способы лѣченія, но тщетно и Лавалеттъ, видя, что жизнь въ лѣчебницѣ не привела къ желаннымъ результатамъ, взялъ ее обратно и съ удивительнымъ самоотверженіемъ самъ ходилъ за больной. Болѣзнь не проходила. Лавалеттъ переѣхалъ въ деревню, надѣясь, что деревенская тишина благотворно подѣйствуетъ на жену. Но ничто не помогало. Эта безнадежная скорбь окончательно подточила существованіе несчастнаго Лавалетта. Чувствуя близкій конецъ, онъ спѣшилъ кончить мемуары, начатые имъ въ Баваріи. Послѣднія страницы онъ преимущественно посвящаетъ женѣ. «Помѣшательство ея тихое—пишетъ онъ,—она постоянно погружена въ глубокое раздумье, но все такая же милая, добрая, кроткая. Все счастье моей жизни исчезло теперь навсегда, я живу лишь воспоминаніями прошлаго». Онъ кончаетъ словами: «я вполнѣ независимъ, я не имѣю ни награды, ни пенсіи, ни содержанія за мое многолѣтнее служеніе отчизнѣ. У меня лишь одно желаніе, одна надежда, чтобы Франція была свободной; быть можетъ, эта мечта когда-нибудь осуществится! А пока я только живу воспоминаніями великой эпохи и великаго человѣка!»

Дѣйствительно, по возвращеніи во Францію Лавалеттъ ничего не добивался, не искалъ популярности, которую ему такъ легко было пріобрѣсть, онъ послѣдніе годы своей жизни лишь всецѣло посвѣщалъ своей несчастной женѣ. Убитый горемъ, Лавалеттъ, жертва политическихъ страстей, приговоренный къ смертной казни за свою преданность имперіи, тихо скончался въ 1830 году, любимый и уважаемый всѣми, кто зналъ его. Предъ могилой его смолкли вражда и злоба.

Дочь Лавалетта вышла замужъ за барона Форже. Въ своихъ воспоминаніяхъ она говоритъ о матери слѣдующее: «Очень рѣдко моя мать приходила въ себя и то лишь на нѣсколько мгновеній. Ея удрученное состояніе духа производило тяжелое впечатлѣніе и внушало всѣмъ чувство состраданія. Несмотря на болѣзнь, моя мать сохранила свою прелестную наружность. Каждый день выходила гулять съ своей компаньонкой. Принимала знакомыхъ, всѣхъ узнавала, но почти ничего не говорила. Всегда воображала, что она находится въ Консіержери».

Графъ д'Идевиль, хорошо знавшій г-жу Лавалеттъ, разсказывалъ: «Я былъ еще юношей и часто навѣщалъ ее. Какъ-то разъ мы остались съ ней вдвоемъ. Она была очень блѣдна и лежала на кушеткѣ. «Подойди ко мнѣ, маленькій,—сказала она мнѣ,—вотъ возьми мою руку, видишь, какъ я слаба, теперь я не буду въ состояніи удержать тюремщика». Эти слова поразили меня и глубоко врѣзались въ память».

Несомнѣнно, что эти слова служатъ доказательствомъ того сильнаго душевнаго потрясенія, которому подверглась графиня Лава-

Digitized by Google

леттъ въ ужасный моментъ, когда она пыталась удержать тюремщика съ тою неимовѣрной силой, которую можетъ только дать героизмъ отчаянія. Эти страшныя мгновенія безспорно спасли Лавалетта, но его бѣдная жена поплатилась за нихъ разсудкомъ. Еще многіе годы пришлось графинѣ Лавалеттъ влачить свое жалкое существованіе. Она умерла въ 1848 г.

Печаленъ былъ конецъ героини этой полной трагизма исторіи, этой несчастной жертвы «бѣлаго террора».

А. Смирнова.

Digitized by Google

Странички прошлаго.

Нѣсколько словъ о государственныхъ крестьянахъ.

19 февраля минуло 41 годъ со времени освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Знаменательному этому акту предшествовало значительно раньшее устройство бывшихъ государственныхъ крестьянъ, а потому является умѣстнымъ привести нынѣ нѣкоторыя любопытныя данныя изъ быта послѣднихъ.

Такъ, въ древности сельскіе обыватели считались свободнымъ сословіемъ и пользовались самоуправленіемъ. Проживавшіе на княжескихъ земляхъ назывались черносошными и тягловыми, завѣдывали ими намѣстники или волостели, отъ которыхъ и особенно отъ ихъ слугъ претерпѣвали всякія притѣсненія, временно ослаблявшіяся, потомъ усиливавшіяся и вызывавшія ропотъ, сопротивленіе и негодованіе. Для успокоенія страждавшихъ Іоаннъ IV обѣщалъ самому быть ихъ „судьею и обороною, раззорять неправды и возвращать похищенное", а въ 1551 году объявилъ, что „жалѣючи крестьянство—отставилъ намѣстниковъ, волостелей и праветчиковъ отъ волостей". Петръ Великій сперва соединилъ подъ общимъ названіемъ „государственныхъ крестьянъ" черносошныхъ, однодворцевъ, служилыхъ, ясашныхъ и пашенныхъ людей, а въ 1869 г. предоставилъ сельскимъ обществамъ учреждать, изъ выборныхъ, земскія избы для всѣхъ мірскихъ дѣлъ. Екатерина II, въ 1763 году, обратила въ государственные крестьяне до 900.000 человѣкъ, принадлежавшихъ духовенству и монастырямъ, и ввѣрила ихъ по финансовой и хозяйственной частямъ—казеннымъ палатамъ, а въ полицейскомъ отношеніи—земскимъ судамъ. Павелъ I учредилъ для нихъ экспедицію государственнаго хозяйства и сельскаго домоводства. Александръ I, въ 1810 году, обѣщалъ принять мѣры къ ограниченію крестьянъ отъ притѣсненій чиновниковъ земской полиціи и къ устройству ихъ быта, но послѣдовавшая затѣмъ отечественная война и другія причины воспрепятствовали осу-

Digitized by Google

ществленію благого предположенія. Съ 1824 года составленіемъ проекта гражданскаго уложенія для государственныхъ крестьянъ занимались счетомъ 5 комитетовъ.

Въ 1826 г. Николай I учредилъ, въ видѣ опыта, въ С.-Петербургской и Псковской губерніяхъ управленія государственными крестьянами, а въ 1834 г. поручилъ министру финансовъ графу Канкрину составить проектъ законоположенія объ управленіи казенными крестьянами и имуществами. Трудъ этотъ, въ 1836 г., сосредоточенъ былъ въ учрежденномъ временно спеціально для этого дѣла V отдѣленія собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, подъ руководствомъ графа П. Д. Киселева. Отдѣленіе это собрало разныхъ проектовъ: правительственныхъ—6, а частныхъ лицъ—21. Для уясненія истиннаго положенія крестьянъ посланы были по Россіи: сенаторъ Болгарскій, статсъ-секретарь князь Голицынъ и особые чиновники, которые убѣдились, что крестьяне подвергались повсемѣстно злоупотребленіямъ и поборамъ, что нигдѣ не было ни земельныхъ плановъ, ни вѣрныхъ свѣдѣній о количествѣ находившейся во владѣніи крестьянъ земли, отчего правительство не знало о ихъ нуждахъ и не могло имъ помочь, что способы народнаго продовольствія были недостаточны, а для охраненія народнаго здравія не было никакихъ спеціальныхъ учрежденій, что повинности составляли источникъ обремененія крестьянъ, а неопредѣленность правилъ о рекрутской повинности вызывала побѣги, членовредительство, семейные раздѣлы и безчисленныя злоупотребленія, а въ западныхъ губерніяхъ крестьяне находились еще въ худшемъ положеніи: ихъ личность, трудъ и имущество принадлежали временнымъ владѣльцамъ, истощавшимъ имѣнія до послѣдней степени.

Предложенная реформа въ связи съ произведеннымъ обслѣдованіемъ положенія государственныхъ крестьянъ привела къ учрежденію: центральнаго министерства—въ 1838 г., а въ 1842 году—мѣстнаго управленія: 47 палатъ государственныхъ имуществъ, уѣзднаго—280 окружныхъ управленій, сельского—1307 волостныхъ и 5860 сельскихъ управленій, причемъ въ вѣдѣніе министерства поступило 7.649.442 душъ мужскаго пола (по 8 ревизіи). Министерство горячо принялось за устройство быта отданныхъ на его попеченіе государственныхъ крестьянъ и быстро совершенствовало ихъ бытъ, т. е. строило имъ, по однообразному плану, избы, школы, лѣчебницы, аптеки, сельскія управленія и проч., на счетъ взимавшихся съ нихъ разныхъ мелкихъ сборовъ, образовывало на разные предметы спеціальные капиталы, надѣляло ихъ землею, охраняло ихъ интересы, ограждало ихъ отъ дурнаго вліянія, создало имъ самоуправленіе, производило всему ежегодныя ревизіи, зорко слѣдило за точнымъ исполненіемъ всѣхъ предначертаній, которыя выразились въ опредѣленіи правъ и обязанностей личныхъ и сельскихъ обществъ, въ обезпеченіи достаточнымъ количествомъ земли, въ опредѣленіи натуральныхъ повинностей, въ религіозно-нравственномъ и школьномъ обра-

Digitized by Google

зованіи, въ устройствѣ общественнаго призрѣнія, въ охраненіи народнаго здравія, въ благоустройствѣ селеній, въ обезпеченіи народнаго продовольствія, въ образованіи сельскихъ банковъ и проч., и проч.

Такъ систематически велось дѣло до освобожденія, въ 1861 г., помѣщичьихъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, а черезъ 5 лѣтъ послѣ того, когда это совершилось—послѣдовалъ, 18 января 1866 года, законъ и передачѣ государственныхъ крестьянъ въ вѣдѣніе общихъ губернскихъ, уѣздныхъ, а также мѣстныхъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій. Вы помните изъ предыдущаго, въ какомъ жалкомъ положеніи поступили крестьяне въ вѣдѣніе министерства, а потому благоволите обратить вниманіе на то, съ чѣмъ они, съ 1867 года, перешли въ общія учрежденія.

Въ 1866 году ихъ уже считалось 22.281.473 души обоего пола, а собственно мужского 10.766.100 душъ, т. е. въ 28 лѣтъ населеніе возрасло на 25%, преимущественно вслѣдствіе улучшившагося ихъ матеріальнаго благосостоянія, а насколько улучшилось, вотъ наглядныя данныя.

Крестьяне переданы были министерству съ податною недоимкою въ 18.372.000 руб. сер., а ушли отъ него съ недоимкою только около 3.000.000 руб., да имѣли они уже

	Церквей:		Часовень:		Молитвенныхъ домовъ	
	каменныхъ.	деревянныхъ.	каменныхъ.	деревянныхъ.	каменныхъ.	деревянныхъ.
православныхъ . .	5469	6928	335	4899	35	126
единовѣрческихъ .	15	53	—	15	5	10
инославныхъ . . .	174	336	14	126	—	—
Итого . .	4658	7317	349	5638	40	126
Мечетей .	178	1610	—	—	—	—

Всѣхъ церквей, часовень и молитвенныхъ домовъ 19.946.

Въ 1838 году было у нихъ 60 училищъ, съ 1880 учениками, а въ 1866 году насчитывалось:

		Въ нихъ училось: мальчиковъ.	дѣвочекъ.
приходскихъ сельскихъ училищъ	2754	121003	16579
начальныхъ школъ грамотности .	3841	71776	11152
школъ: магометанскихъ	904	26314	12052
„ инородческихъ	14	812	642
„ лютеранскихъ	355	11203	8595
Итого школъ и училищъ .	7869	231308	49020
		280.328 чел.	

Digitized by Google

Богадѣленъ въ 1866 г. было 365, а въ нихъ призрѣвалось 2.734 чел.

Опекъ надъ малолѣтними сиротами было 47.094, сиротъ 91.286, а ихъ имущества на 5.894 966 рублей.

До учрежденія Министерства на все населеніе было 5 врачей и 3.785 оспопрививателей, а въ 1866 г. они имѣли уже 269 лечебницъ, 1.200 аптекъ, 190 врачей, 51 ветеринара, 1.278 фельдшеровъ, 71 повивальную бабку, 3.726 оспопрививателей и 490 ихъ помощниковъ, а вся медицинская часть обходилась въ годъ 287.963 рубля, на счетъ общественнаго сбора.

Для погорѣльцевъ существовалъ, съ 1844 г., страховой сборъ по 4 коп. съ души, причемъ выдавали отъ 29 до 42 р. каждому, а съ 1858 введено было взаимное страхованіе со взиманіемъ за постройки: деревянныя—по 1 коп., а каменныя—по $^1/_2$ коп. съ оцѣночнаго рубля и въ 1865 г. числилось застрахованныхъ строеній 3.235.659 на 144.479.889 р., а погорѣльцамъ выдано было 1.672.092 рублей.

Въ 1838 г. числилось 10.240 запасныхъ магазиновъ, а въ нихъ:

въ наличности	2.523.567	четв. хлѣба.
„ недоимкѣ	1.597.342	„ „
„ ссудѣ	2.146.621	„ „
Итого . . .	6.267.530	четв. хлѣба.

Въ 1866 г. въ магазинахъ считалось:

на лицо	10.742.672	четв.
въ недоимкѣ	597.995	„
„ ссудѣ	4.933.981	„
Итого . . .	16.256.648	четв.

Продовольственнаго капитала въ 1838 г. вовсе не было, а въ 1866 г. считалось:

въ наличности	1.525.055	руб.
„ ссудахъ	6.010.676	„
„ недоимкѣ	185.309	„
„ займахъ на разные предметы и въ ссудахъ за частными лицами	275.714	„
Итого . . .	7.996.754	руб.

Изъ казенныхъ ассигновокъ на хозяйственное устройство крестьянъ и изъ сборовъ съ нихъ Министерство бережливо расходовало деньги, почему изъ названныхъ двухъ источниковъ скопляло отдѣльные капиталы, причемъ изъ перваго возвратило въ казну въ 1859 и 1863 гг. 11.000.000 руб., а изъ второго въ 1866 г. набралось 3.838.950 руб., а мірского капитала 7.458.336 руб.

Въ 1865 г. было въ селеніяхъ кассъ: вспомогательныхъ 2862 и сберегательныхъ 1769, итого 4631.

Digitized by Google

Обороты вспомогательныхъ кассъ заключались въ 1865 г. въ ссудѣ 6 805.552 руб. и въ наличности 1.935.182 руб., итого 8.740.734 руб., сберегательныя кассы ссудили въ 1865 г., вспомогательнымъ — 3.487.247 руб., а имѣли въ наличности 32.053 руб., итого 3.519.300 руб.

Всѣ перечисленные капиталы, магазины, школы, больницы и проч. перешли съ крестьянами въ общія учрежденія.

Независимо сказаннаго Министерство надѣлило крестьянъ изъ свободныхъ казенныхъ земель около 3½ милліоновъ десятинъ, разрѣшило имъ выкупить въ собственность около 200.000 десятинъ, переселило изъ малоземельныхъ въ новоземельныя губерніи болѣе 200.000 душъ, упрочило осѣдлость 200.000 душъ, 143.000 отставнымъ солдатамъ выдало пособій и пенсій 3.000.000 руб., выкупило до 9.000 однодворцевъ и купило 178 помѣщичьихъ имѣній съ 54.000 душъ. Лучшимъ доказательствомъ безупречнаго управленія министерствомъ крестьянами служило то, что передача ихъ со всѣмъ ихъ достояніемъ совершилась въ самый краткій срокъ, причемъ не оказалось ни затрудненій, ни жалобъ, а за это была объявлена Высочайшая благодарность Губернаторамъ и управляющимъ Палатами Государственныхъ Имуществъ. Вотъ какую плодотворную службу сослужило министерство отечеству.

В. Н.

Изъ жизни византійскаго императора Михаила III.

Въ восточной Римской имперіи, на тронѣ Константина Великаго, цари рѣдко засиживались подолгу. Около царскаго престола шла постоянная борьба, и ступени его часто обагрялись потоками крови несчастныхъ соперниковъ. Впродолженіе тысячи ста двадцати трехъ лѣтъ, когда существовала Византія, царствовало сто девять лицъ и изъ нихъ естественной смертью умерло только тридцать четыре, восемь погибли на войнѣ или отъ какой-либо случайности, двѣнадцать добровольно или насильственно отказались отъ престола, двѣнадцать умерло въ монастырѣ или въ темницѣ, трое погибли голодною смертью, восемнадцать были оскоплены или лишены зрѣнія, потеряли носы и руки, двадцать были отравлены, задушены, изгнаны, убиты, низвержены съ колонны. Заговоры бывали въ каждое царствованіе и притомъ по нѣсколько. Неудивительно, что достигнутая путемъ насилія власть становилась источникомъ разныхъ злоупотребленій; счастливцы чувствовали непрочность своего положенія и потому спѣшили воспользоваться имъ такъ, чтобы впослѣдствіи не жаль было за мимолетное царствованіе заплатить жизнью.

Digitized by Google

Къ числу императоровъ, оставившихъ послѣ себя дурную славу, принадлежитъ Михаилъ III, въ двадцать семь лѣтъ своей жизни стяжавшій себѣ позорное имя *Пьяницы*. Михаилъ занялъ царскій престолъ по праву наслѣдства, такъ какъ былъ сыномъ умершаго императора Ѳеофила.

Греческіе историки изображаютъ юношу-царя безнравственнымъ, шутомъ, упивающимся виномъ до безумства и кощунствующимъ до святотатства. Не чувствуя никакой любви къ своимъ родственникамъ, даже къ матери, онъ расточалъ ее „собутыльникамъ", шайкѣ негодныхъ людей, которые его окружали. Щедрость его переходила въ ничѣмъ неоправдываемую расточительность, когда онъ дѣлалъ подарки своимъ воспріемнымъ дѣтямъ, опустошая такимъ образомъ государственную казну. Константинъ Порфирородный разсказываетъ, что сыну Хилоса, правившаго вмѣстѣ съ нимъ колесницей во время бѣга, при крещеніи Михаилъ далъ сто литровъ золота, другимъ же давалъ по пятидесяти, сорока и тридцати литровъ. Нѣкоему патрицію Хиру, который за царскимъ столомъ разсказывалъ неприличные анекдоты, далъ сто литровъ золота. Михаилъ такъ возстановилъ противъ себя общественное мнѣніе, что и хорошія черты его характера истолковывались въ дурную сторону и почитались за фиглярство. Онъ, напримѣръ, не терпѣлъ пышнаго придворнаго этикета, поставлявшаго византійскаго императора на недосягаемую высоту и заставлявшаго курить предъ нимъ ѳиміамъ. Обыкновенный образъ жизни и простота въ обхожденіи со всѣми, даже самыми низкими, были ему наиболѣе пріятны, но современники видѣли въ этомъ лишь неразуміе царя.

„Преслѣдуя слишкомъ неумѣренно умѣренность, говоритъ историкъ Георгій Кедренъ, царь поступалъ вопреки своему достоинству. Именно: однажды Михаилъ встрѣтилъ женщину, которая шла изъ бани и несла въ рукахъ тазъ. Оказалось что онъ воспринималъ у нея ребенка. Царь сошелъ съ коня и, отославши во дворецъ сенаторовъ, которые его сопровождали, захватилъ съ собою нѣсколькихъ безстыдныхъ и распутныхъ людишекъ и пошелъ вмѣстѣ съ женщиной; тазъ же взялъ себѣ въ руки.—„Пойдемъ, женщина, сказалъ царь; ты примешь меня въ своемъ домѣ: я хочу хлѣба съ отрубями и простого сыра". Когда же женщина отвѣчала, что она ничего не имѣетъ для его пріема, тогда Михаилъ по приходѣ въ домъ быстро взялъ у нея еще мокрую простыню, постлалъ ее на

Digitized by Google

землю вмѣсто столовой скатерти, взялъ потомъ у женщины ключъ и самъ сталъ завѣдующимъ обѣдомъ, поваромъ, лакеемъ и стольникомъ. Пообѣдавши съ ней, царь медленно пошелъ пѣшкомъ во дворецъ, осмѣивая чопорность и глупую заботливость о приличіи бывшихъ до него императоровъ. Это вызвало справедливый общій гнѣвъ", заключаетъ свой разсказъ историкъ.

Любимымъ развлеченіемъ византійцевъ издавна были конскіе бѣга. Подобно древнимъ римлянамъ, изъ-за гладіаторскихъ боевъ забывавшимъ все на свѣтѣ, жители Константинополя страстно были преданы цирку. Михаила всецѣло поглощали развлеченія на ипподромѣ и лошади. Лошадей онъ такъ любилъ, что устраивалъ для нихъ помѣщенія изъ мрамора и украшалъ ихъ на подобіе царскаго жилища. Самъ будучи искуснымъ наѣздникомъ и побѣдоносно соперничая съ своими противниками, онъ совершенно отдавался своему спорту и забывалъ даже свои прямыя обязанности. Тотъ же историкъ г. Кедренъ повѣствуетъ, что однажды, когда Михаилъ стоялъ въ колесницѣ, и уже все было готово къ началу бѣга, пришло извѣстіе о страшномъ опустошеніи Азіи эмиромъ Митилены Амероля. Протонарій, считая это дѣло нетерпящимъ отлагательства, почтительно подошелъ къ царю съ докладомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ подалъ ему полученныя бумаги. Михаилъ сильно разгнѣвался. Сурово взглянувъ на сановника, онъ „бѣшено крикнулъ: какъ ты смѣлъ, глупецъ, во время состязанія говорить мнѣ объ этомъ?" [1]).

Подробную картину жизни императора рисуетъ Константинъ Порфирородный. „Онъ пренебрегалъ, говоритъ этотъ историкъ, и законами природы и законами государственнаго управленія. Состоявшая при немъ клика развратниковъ и негодныхъ людей, безчестила святость его царскаго достоинства; разсказы безнравственные и постыдные о разгулѣ, пьянствѣ и любовныхъ похожденіяхъ и особенно — о кучерахъ, лошадяхъ и колесницахъ отнимали у Михаила все время. Эти люди были предметомъ особаго его попеченія, на нихъ онъ расточалъ деньги. Издѣваясь и ругаясь надъ вѣрой, царь перерядилъ мимовъ и скомороховъ, состоявшихъ при немъ, въ священниковъ, дѣлая все это предметомъ издѣвательства и смѣха. Онъ былъ возницей и кучеромъ, занимая мѣсто на козлахъ въ соотвѣтственной одеждѣ,

[1]) Ibid.

Digitized by Google

соревнуя въ искусствѣ двойного бѣга съ своими соперниками и расходовалъ на это много денегъ, вмѣсто того, чтобы тратить ихъ на нужды войска, онъ употреблялъ ихъ на зрѣлища; вмѣсто военныхъ предпріятій, онѣ шли на театральныя зрѣлища, на безстыдныя и безумныя вакханаліи и на распутство. Когда же были израсходованы почти всѣ деньги, тогда пришлось по необходимости убивать богатыхъ и конфисковать ихъ имущество, чтобы имѣть возможность дѣлать подарки кучерамъ, блудницамъ и безстыднымъ людямъ. Наконецъ, онъ приказалъ расплавить золотой развѣсистый платанъ, двухъ золотыхъ львовъ, двухъ литыхъ изъ золота грифовъ, золотой органъ, а также и другіе предметы царской роскоши, вѣсомъ не менѣе двухсотъ центнеровъ, и отдать въ царское казначейство. 970 центинаріевъ золота кромѣ серебра въ монетѣ и въ слиткахъ, которое было оставлено его отцомъ и сохранялось въ дворцовой кладовой, и еще 30, скопленныхъ его матерью Ѳеодорой, императоръ обратилъ въ ничто и растратилъ, такъ что послѣ его смерти ничего не осталось, кромѣ трехъ центинаріевъ.

Изъ состоявшихъ при немъ женоподобныхъ мужчинъ одного онъ нарекъ патріархомъ, а другихъ одиннадцать митрополитами. Именно — Грилла онъ нарекъ патріархомъ, украсилъ его златотканной архіерейской одеждой, возложилъ на него омофоръ, а самъ въ этомъ оборищѣ занялъ мѣсто подъ именемъ митрополита колонійскаго. Каждому изъ своихъ соучастниковъ онъ далъ цитру, приказавъ носить ее подъ священнической одеждой и играть незамѣтно и, такимъ образомъ, съ плясками совершалъ священныя дѣйствія и литургіи. При этомъ, когда говорили тайную молитву, приказывалъ, чтобы цитры звучали тихо; когда же наступало время для возгласа священника или отвѣта народа, тогда нужно было ударять по цитрѣ смычкомъ, чтобы онѣ звучали сильнѣе, и получалась громкая музыка.

Однажды святѣйшій патріархъ Игнатій со всей своей церковной свитой и чиномъ совершалъ выходъ предъ народомъ, шествуя къ святому храму съ обычными священными пѣснями и церемоніями. Въ это время случился здѣсь и пьяный патріархъ царя—Гриллъ. Одѣтый въ священныя одежды, восѣдая на ослѣ, со своими митрополитами и всей своей кликой, шествовавшей съ плясками, онъ шелъ прямо навстрѣчу Игнатію. Подойдя поближе, окружавшіе Грилла набросили на плечи фелони и, ударивъ въ цитры, запѣли въ тонъ священ-

Digitized by Google

наго церковнаго пѣнія блудныя слова и пѣсни и прыгали, какъ Паны и Сатиры, громко шумя и смѣясь надъ своими соперниками іереями и архіереями, и начали истинно дьявольскую пляску и шествіе. Архіерей же Божій, видя это и зная, кто тѣ, кои окружили его, и по чьему приказанію они дѣлали это, съ большою скорбію оплакивалъ начальника и виновника возмутительнаго кощунства, со слезами молился Богу о прекращеніи богохульства и наглости и проклиналъ нечестивцевъ, чтобы не издѣвались надъ святыней и таинствами и не смѣялись надъ тѣмъ, что должно уважать.

Въ другой разъ, насмѣхаясь надъ тѣмъ же патріархомъ и собственной матерью, царь разыгралъ слѣдующую сцену. Усѣвшись на царскій тронъ въ великолѣпномъ залѣ, такъ называемомъ Триклиніи, и посадивъ рядомъ съ собою Грилла въ патріаршихъ одеждахъ и воздавая ему честь, приличную архіерею Божію, онъ послалъ одного изъ своихъ слугъ сказать императрицѣ Ѳеодорѣ: святѣйшій патріархъ Игнатій сидитъ здѣсь со мною, если желаешь получить отъ него благословеніе, прійди и вмѣстѣ со мною получишь его. Между тѣмъ Гриллъ закрылъ голову камилавкой и спряталъ бороду. Императрица мать, будучи благочестивой и боголюбивой женщиной, имѣя большую любовь и горячую вѣру къ святѣйшему патріарху, быстро собралась, когда услышала это. Не смѣя изъ скромности внимательно посмотрѣть на сидѣвшаго рядомъ съ царемъ, да и совсѣмъ ничего не подозрѣвая недобраго, не думая и о возможности обмана, припала къ ногамъ Грилла, такъ какъ она была увѣрена, что это истинный архіерей, и просила благословить ее. Тотъ же немного приподнялся съ сѣдалища и повернулся къ ней спиною, сказавъ при этомъ: не говори, что хотя этого я не удостоилъ тебя! Царь хохоталъ, а этотъ нечестивецъ смѣялся еще громче, кругомъ же рукоплескали. Тогда царица, понявъ обманъ и подлогъ, сопровождаемая сожалѣніями нѣкоторыхъ присутствующихъ, осыпала сына проклятіями.

Такъ развлекался Михаилъ. Соправитель его, кесарь Василій, желая всячески помочь дѣлу и не опуская изъ вниманія ничего, что могло бы содѣйствовать исправленію царя, пытался сначала черезъ другихъ дѣйствовать на него, а потомъ осмѣлился и самъ благоразумными увѣщаніями и уговорами вразумить Михаила. Но послѣдній за это возненавидѣлъ Василія и неоднократно покушался, подъ благовидными пред-

Digitized by Google

логами, избавиться отъ него. Наконецъ, царь захотѣлъ отдать званіе кесаря нѣкоему Василикину, одному изъ лицъ, окружавшихъ его, ничтожному человѣку, женоподобному выходцу изъ Никомидіи. Василикинъ былъ гонщикомъ на царской триремѣ, и этого-то Василикина Михаилъ облекаетъ въ царскую порфиру и мантію изъ золотой ткани, даетъ ему діадему и пурпурную, украшенную драгоцѣнными камнями, обувь и прочіе знаки царскаго достоинства, выводитъ его къ сенату и, ухаживая за нимъ, какъ въ древности Неронъ за своимъ фаворитомъ, говоритъ: „смотрите всѣ и удивляйтесь! Не прилично ли ему быть царемъ? Наружность его достойна тиранна, вѣнокъ подходитъ къ его волосамъ и все соотвѣтствуетъ его достоинству. И насколько лучше сдѣлать его царемъ, чѣмъ Василія?"

Царь проводилъ безпечную и безпечальную жизнь, находя утѣшеніе въ пьянствѣ и служеніи веселому Діонису, о которомъ думалъ постоянно и которому старался подражать. Участіе въ этихъ попойкахъ нерѣдко принималъ будто бы и патріархъ Фотій, который нравился царю за то, что не стѣснялся сообщества Грилла и его шайки и могъ поддержать компанію Михаилу. Фотій, по словамъ историка Симеона Магистра, съ большимъ успѣхомъ соперничалъ съ царемъ въ томъ, кто больше выпьетъ, и однажды на десять стакановъ превзошелъ его. Когда царь, выпивши пятьдесятъ чаръ, былъ уже мертвецки пьянъ, патріархъ, осушивши шестьдесятъ, не обнаружилъ никакихъ признаковъ опьяненія. Отдавшись всецѣло пьянству и совершенно потерявъ разсудокъ, Михаилъ посягалъ и на убійство и непріятныхъ ему людей подвергалъ всякимъ наказаніямъ и пыткамъ. Своимъ приближеннымъ онъ говорилъ: „это зло, зло же нужно уничтожить: у того вырвать глаза, другому отрубить руки или ноги; этотъ пусть будетъ наказанъ смертію, тотъ сожженъ".. Подъ вечеръ, потерявшій сознаніе, царь укладывался своими прислужниками въ постель и предавался, подобно послѣднему рабу, тяжелому сну. Кое-какъ разсѣявъ сномъ винные пары и густой туманъ въ мозгу, онъ, пробудившись, ничего не помнилъ изъ того, что было вечеромъ и часто искалъ тѣхъ, кому въ опьяненіи изрекъ смертный приговоръ. А узнавши отъ своей свиты и слугъ, что вечеромъ осудилъ ихъ—каялся и плакалъ. Иногда тѣ, кого онъ искалъ, были цѣлы, но иногда—оказывалось безполезнымъ раскаяніе. Съ наступленіемъ вечера и до глубокой

Digitized by Google

ночи царь снова проводилъ время въ пьянствѣ, соединенномъ со всякими безбожными дѣяніями; словомъ, дѣлалъ тоже, что и прежде. Михаилъ закончилъ свою жизнь также худо, какъ и велъ ее. Кесарь Василій, опасаясь за собственное существованіе, рѣшился умертвить императора. 24 сентября 867 года, когда онъ упился виномъ до безчувствія, за ужиномъ въ сообществѣ съ кесаремъ, убійцы безъ труда прекратили позорную и жалкую жизнь сына Ѳеофана и Ѳеодоры.

Ѳ. Ильинскій.

Digitized by Google

Литературная лѣтопись.

Русскіе журналы.

Французскій критикъ, наряжающій символизмъ въ мундиръ реализма.— Около одного вопроса.

На Петербургъ неожиданно свалилась труппа берлинскаго „Ибсенъ-театра". Когда эти строки будутъ напечатаны, отъ этой труппы не останется въ Петербургѣ даже грустнаго воспоминанія. По отзывамъ газетныхъ рецензентовъ, эта труппа, спеціализировавшаяся на Ибсенѣ, не привлекла нашу публику; театръ пустуетъ... Неужели Ибсеномъ, *великимъ* Ибсеномъ, *неумирающимъ* Ибсеномъ перестали интересоваться?..

Существуетъ издавна у насъ и за границей мнѣніе, что русская публика строго реалистична, что она литературными явленіями нереальнаго характера интересуется кратковременно и бросаетъ ихъ, какъ женщина тряпку, вышедшую изъ моды. Мы думаемъ, что это самое и случилось у насъ съ Ибсеномъ. Пессимистическое настроеніе, увлекшее незначительный слой общества Западной Европы, преимущественно литературные кружки, безъ достаточно серьезной причины, всюду начинаетъ спадать, и прежде всего у насъ, гдѣ оно явилось безъ всякаго повода, просто такъ, изъ подражанія. У насъ существуетъ свой пессимизмъ, не имѣющій ничего общаго съ западно-европейскимъ.

Въ недавно напечатанной повѣсти г. Станюковича „Дождался" выведенъ типъ русскаго пессимиста-подражателя повторяющаго слова Ницше о разложеніи современнаго культурнаго общества. Фланируя по заграничнымъ курортамъ этотъ господинъ, съ вызывающей увѣренностью и спокойной развязностью, сыплетъ направо и налѣво фразами о „переоцѣнкѣ цѣнностей" и повергаетъ въ недоумѣніе слушателей откуда все это взялось у сѣверо-восточнаго мѣдведя въ сюртукѣ?.. И вотъ какого рода разговоръ произошелъ между нашимъ пессимистомъ и французскимъ рантье.

— Я не умѣю такъ увлекательно и убѣдительно спорить,

Digitized by Google

какъ вы, и потому не смѣю продолжать, замѣтилъ любезно рантье.—Но хоть мы не сходимся въ мнѣніяхъ, это не мѣшаетъ мнѣ уважать и любить русскихъ.

И далѣе прибавилъ съ едва слышной иронической ноткой въ голосѣ:

— Вы, конечно, проводите такіе же смѣлые взгляды и въ вашихъ, вѣроятно, интересныхъ книгахъ, которыя, къ сожалѣнію, не могу прочесть.

— Не совсѣмъ! понижая голосъ, отвѣтилъ пессимистъ.

— Но, вѣроятно, вы такъ же смѣло и остроумно указываете на... несовершенства русской жизни, какъ сейчасъ указывали на банкротство нашего строя?.. И не сомнѣваюсь, что вашимъ общественнымъ дѣятелямъ такъ же достается, какъ достается отъ нашихъ журналистовъ нашимъ министрамъ?

Тогда пессимистъ уже нервно воскликнулъ:

— Мы въ другихъ условіяхъ...

И не продолжалъ. Онъ сразу былъ сбитъ съ позиціи и доведенъ до признанія, что его пессимизмъ наносный, что онъ имъ только погромыхиваетъ, а отечественный пессимизмъ скромно таитъ въ себѣ: „Мы въ другихъ условіяхъ".

Ничто не указываетъ, чтобы и само западно-европейское общество было настроено особенно пессимистично, въ духѣ Ницше или Ибсена. Что же касается, въ частности, родины Ибсена, скандинавскаго общества, то оттуда совсѣмъ не раздается безнадежно недовольныхъ голосовъ, кромѣ голоса Ибсена. Бьернсонъ, недовольный современнымъ строемъ жизни, самъ стоитъ въ первомъ ряду этого строя и призываетъ не къ сломкѣ его, а къ упрощенію нѣкоторыхъ общественныхъ и личныхъ отношеній, на которыхъ все еще лежитъ старая плесень.

Современнымъ пессимистамъ эта-то плесень и дорога. Весь пессимизмъ ихъ сводится къ сожалѣнію, что плесень эта все мало-по-малу убываетъ. Въ то же время они не замѣчаютъ, что съ убылью ея появляется въ жизни немало новыхъ уродливыхъ побѣговъ, на борьбу съ которыми и слѣдовало бы обратить всю мощь силъ и таланта. Но они не хотятъ сползти съ стараго мѣста; они только въ отчаяніи, что это мѣсто изъ-подъ нихъ выползаетъ.

Вмѣстѣ съ панегиристомъ Ибсена, Анри Лихтенберже („Пессимизмъ Ибсена", Міръ Божій), разсмотримъ ибсеновскій пессимизмъ. Изъ всѣхъ истолкователей Ибсена Лихтенберже выдѣляется тѣмъ особымъ взглядомъ, что приписываетъ Ибсену отрицательное отношеніе къ своимъ героямъ. Другіе критики, особенно русскіе символисты, видѣли въ этихъ герояхъ положительные типы, и весь пессимизмъ Ибсена, все его негодованіе направляли на среду, заѣдающую всякаго человѣка, ставшаго выше толпы, обрушивались на эту среду злѣе самого Ибсена. Нѣкоторыя пьесы Ибсена, преимущественно перваго періода, даютъ поводъ къ такому истолкованію. Но Лихтенберже останавливается только на пьесахъ по-

Digitized by Google

слѣдняго періода, и Ибсенъ для него цѣненъ потому, что это будто-бы писатель реалистъ.

Пессимизмъ Ибсена, говоритъ онъ, не какой-нибудь мистическій, берущій начало въ чувствѣ, въ интенсивной жалости къ неизбѣжнымъ мукамъ человѣчества, когда исчезаетъ охота къ жизни, появляется стремленіе къ благодатной смерти, къ буддистской нирванѣ, къ покою могилы, это—не Шопенгауеръ, Вагнеръ, Ницше. Пессимизмъ Ибсена — реалистическій. Критикъ опредѣляетъ этого рода пессимизмъ посредствомъ противоположенія его идеалистическому оптимизму. Послѣдній видитъ міръ въ прикрашенномъ видѣ, его поражаетъ то, что въ человѣкѣ есть великаго, благороднаго, великодушнаго; онъ вѣритъ во внутреннюю правду вещей, которая обезпечиваетъ торжество добра надъ зломъ и наказаніе зла, какъ въ индивидуальной, такъ и въ общественной жизни и исторической эволюціи. Пессимизмъ считаетъ такое оптимистическое представленіе о мірѣ или невольной иллюзіей лишеннаго проницательности идеалиста или добровольнымъ ослѣпленіемъ ложью сытаго, который увѣряетъ всѣхъ, что все къ лучшему въ этомъ лучшемъ изъ міровъ, или труса, который боится взглянуть правдѣ въ глаза. Реалистъ видитъ или думаетъ, что видитъ, дѣйствительность такою, какова она есть, т. е. пошлой и печальной, и описываетъ ее такою, какою видитъ, ничего не скрашивая и не смягчая. Человѣкъ кажется ему безобразнымъ, а главное мелкимъ. Онъ пораженъ не только основною душевною пошлостью людей толпы, стада, но даже и въ самыхъ высшихъ индивидуумахъ онъ различаетъ недостатки, которые обезображиваютъ или унижаютъ ихъ. Общество глубоко испорчено, основано на несправедливости, безжалостно къ слабымъ, которыхъ давитъ съ отвратительною суровостью; оно держится на лживыхъ условностяхъ, съ помощью которыхъ счастливцы или лицемѣрно стараются обмануть другихъ, или скрыть отъ самихъ себя серьезность положенія.

Таково опредѣленіе Лихтенберже, реалистическаго пессимиста. Къ нему онъ относитъ Ибсена.

Повидимому, Лихтенберже полагаетъ, что если онъ докажетъ, что послѣднія пьесы Ибсена такъ же реальны, какъ и первыя (а въ реализмѣ этомъ онъ не сомнѣвается), то реализмъ Ибсена будетъ доказанъ уже несомнѣнно. Вотъ какъ онъ представляетъ себѣ реальное содержаніе пьесъ Ибсена.

Герой драмы „Гансъ Габріилъ Боресманъ", типъ современнаго своеобразнаго идеалиста, рисуется Ибсеномъ въ видѣ галлюцинанта, чрезмѣрно честолюбиваго и властолюбиваго. Посредствомъ богатства онъ хочетъ управлять всѣмъ міромъ и даже не прочь устроить благосостояніе для тысячъ человѣческихъ существъ. Ибсенъ ничего противъ этого не имѣетъ. Но у этого *идеалиста* пропала совѣсть. Для достиженія своей цѣли онъ не только безцеремонно шагаетъ черезъ всѣ препятствія, но и не пренебрегаетъ никакими для того сред-

Digitized by Google

ствами, даже преступленіемъ. Судьба караетъ его, но она же его и пощадитъ, когда проснется въ немъ совѣсть.

Въ „Строителѣ Сальнесѣ“ Ибсенъ видитъ плѣнника собственной индивидуальности, своего властнаго темперамента, своего эгоизма художника и творца. Чтобы обезпечить за собою художественное господство, онъ старается задушить нарождающіеся таланты, эксплоатировать ихъ въ свою пользу. Въ отчаяніи, что ему предстоитъ быть „выкинутымъ за бортъ“, онъ дѣлаетъ послѣднее усиліе: онъ хочетъ поразить міръ „необыкновеннымъ“. Но какъ человѣкъ, утерявшій смыслъ жизни, онъ создаетъ никому ненужный предметъ. Катастрофа, случившаяся съ нимъ, есть не что иное, какъ наказаніе гордыни.

Въ драмѣ „Когда мы мертвые воскресаемъ“ Ибсенъ нападаетъ на одну изъ общепризнанныхъ *цѣнностей*. Онъ объявляетъ искусство чисто созерцательное, которое боготворитъ только прекрасную форму,—вредною силою. Художникъ Рубекъ совершилъ неискупимое преступленіе, убилъ жизнь любви въ самомъ себѣ и въ любимой женщинѣ, которая безусловно ему подчинилась, чтобы онъ имѣлъ возможность создать геніальное произведеніе. Жизнь требовала другого, а онъ не хотѣлъ считаться съ жизнью. Наконецъ, произведеніе готово; теперь можно и жить начать. Но поздно; оказывается что художникъ и изъ *себя* и изъ *нея* вынулъ душу, оба оказались внутренно опустошенными. Сознательно они воскресли, но для жизни они погибли.

Вы видите,—говоритъ Лихтенберже,— какъ въ этихъ пьесахъ реализмъ Ибсена рисуется наиболѣе полно.

Почти всѣ пьесы Ибсена покрыты трудно проницаемымъ слоемъ символизма, что развязываетъ критикамъ руки истолковывать Ибсена какъ угодно. Но, по мнѣнію Лихтенберже, символизмъ Ибсена только одна эффектная форма. Стоитъ только раскрыть эту форму и передъ вами обнажится съ поразительной выпуклостью современная жизнь человѣка и ея истинный смыслъ. Но не удалось критику ничего ни раскрыть, ни уяснить. Все усердіе свое онъ потратилъ на сочиненіе надписей надъ ибсеновскими ходячими олицетвореніями. Вотъ, дескать, передъ вами Боркманъ, это есть не что иное, какъ честолюбіе и пропавшая совѣсть, Сольнесъ — надменность, Росмеръ — благородство, Брандъ — герой, Рубекъ — поэтъ, Ирена—самопожертвованіе. Всѣ они были бы необыкновенно великіе люди, если бы каждому изъ нихъ не былъ присущъ необыкновенный же недостатокъ, если бы они не забыли высшихъ законовъ, сверхъ-законовъ, которые управляютъ міромъ *свыше*... А нѣкоторыя дѣйствующія лица пьесъ такъ и остались нераскрытыми Лихтенберже. Передъ зрителемъ проходятъ лица, совсѣмъ не встрѣчающіяся въ жизни, положенія небывалыя. Появляется человѣкъ, разсказывающій, что онъ слышалъ пѣсню о „спящихъ духахъ золота“, шмыгаетъ какая-то таинственная „женщина съ крысами“, въ страшную снѣжную

Digitized by Google

бурю, въ пустынномъ мѣстѣ вырастаетъ изъ подъ земли загадочная діаконисса и надъ погибшими трупами торжественно возглашаетъ „amen!". Если все это называется реальнымъ, то что же называется фантастическимъ?.. Отнимите отъ Ибсена этотъ элементъ, называемый теперь *символизмомъ*, и въ пьесахъ его не окажется дѣйствія, останутся одни слова. Въ реальныхъ пьесахъ на слова или поступки дѣйствующихъ лицъ реагируетъ такъ или иначе реальная же жизнь. У Ибсена мститъ (какъ у пессимиста—непремѣнно мститъ) не жизнь, а какая нибудь-ледяная глыба (сколько онъ людей похоронилъ подъ этими глыбами!), или же герой расплачивается за свои грѣхи паденіемъ съ башни или подпадаетъ подъ слѣпую букву закона, обыкновеннаго уголовнаго закона,—случайно, неожиданно. Словомъ, deus ex machina всегда наготовѣ придти на помощь развязкѣ.

Дѣло, конечно, не въ томъ, какъ понимаетъ реализмъ французскій критикъ Лихтенберже, а въ томъ, что къ сомнительнымъ голосамъ съ Запада у насъ вновь перестали прилагать критическую мѣрку. Лихтенберже увѣряетъ также, что Ибсена нельзя считать и отчаявшимся пессимистомъ; въ немъ кипитъ пламень идеалистической вѣры; онъ призываетъ людей къ коренному духовному перерожденію. Для этого онъ требуетъ отъ людей очень немного: нужно только отрѣшиться отъ вредныхъ пустяковъ, которые считаются людьми за серьезное дѣло. Въ „Докторѣ Штокманѣ" такимъ пустякомъ считается выборная система управленія. Въ частности же, нѣкоторымъ отдѣльнымъ людямъ, „сверхчеловѣкамъ", недостаетъ чего-нибудь только одного: проповѣднику Бранду—милосердія, спекулятору Боркману—совѣсти, художнику Рубеку—любви, строителю Сольнесу—альтруизма. Достичь всѣхъ этихъ добродѣтелей, можетъ быть, и можно бы было, если бы Ибсенъ указалъ ближайшіе ходы къ нимъ, кромѣ тѣхъ, которыми идетъ современный человѣкъ. Отчаянный пессимизмъ Ибсена для него самого закрываетъ всякіе ходы. По его представленію: земля—это исчадіе ада, люди—движущіеся трупы, мертвецы, жизнь—разложеніе, смерть—избавительница. Одно изъ основныхъ требованій отъ реальнаго поэта заключается въ томъ, чтобы онъ ставилъ человѣка въ зависимость отъ реальныхъ же явленій жизни. Между тѣмъ, надъ дѣйствующими лицами у Ибсена постоянно виситъ еще какой-то дамокловъ мечъ, высшая судьба, ананке, которая преслѣдуетъ ихъ на каждомъ шагу, мститъ имъ за что-то, о чемъ они не имѣютъ и понятія, разбиваетъ ихъ счастье, замыслы, и не за какія-нибудь реальныя прегрѣшенія, а за то, что они не выполнили предначертаній высшаго верховнаго закона. Законъ этотъ Ибсенъ постоянно подчеркиваетъ. Онъ прозраченъ. Самъ Ибсенъ, какъ только коснется этого закона, такъ тотчасъ превращается изъ спокойнаго драматурга въ пламеннаго лирика. Напримѣръ, судьбѣ угодно было обрушить на одного героя, всегда готовую къ ея услугамъ, излюбленную Ибсеномъ,

Digitized by Google

ледяную лавину. Но этого судьбѣ показалось мало. Сверху послышались ея оглушительныя слова, страшныя еще болѣе потому, что прогремѣли на древне-классическомъ нарѣчіи и напомнили грѣшнику, что онъ такъ счастливо отдѣлался отъ земной юдоли плача только благодаря высшему милосердію.

Съ каждой драмой Ибсена наслоенія символизма все утолщаются, фантастическій элементъ становится преобладающимъ, въ качествѣ дѣйствующихъ фигуръ появляются машины, выдвигаемыя крайне прозрачной теологической мистикой.

А такъ какъ теперь иного Ибсена мы себѣ не можемъ и представить, то мнѣніе Лихтенберже, что драмы пессимиста Ибсена проникнуты реализмомъ, совершенно ошибочно. Драмы его уже давно являются пропитанными единственно протестантской клерикальной словесностью.

Наша *реальная* публика начала это понимать.

Въ концѣ прошлаго года въ „Русскомъ Богатствѣ" появились „Отрывки" г. Михайловскаго о религіяхъ до-христіанскихъ и не-христіанскихъ. Авторъ разсматриваетъ данный предметъ исключительно съ научной точки зрѣнія. Матеріалъ для этого накопился теперь уже достаточный. Существуетъ рядъ писателей, выдвигающихъ „науку о религіи" въ качествѣ особой, самостоятельной дисциплины, долженствующей занять свое спеціальное мѣсто въ системѣ нашихъ положительныхъ знаній. Какъ всякая положительная наука, она, естественно, переплетается съ психологіей, соціологіей, этикой, этнологіей и исторіей культуры и, какъ наука, она, разумѣется, не имѣетъ ничего общаго ни съ теологическими трактатами, ни съ метафизическими полетами мысли.

Въ напечатанныхъ пока „Отрывкахъ" авторъ приводитъ взгляды на данный предметъ нѣкоторыхъ ученыхъ изслѣдователей.

Съ точки зрѣнія экономическаго матеріализма, какъ извѣстно, религія является одной изъ подробностей надстройки надъ фундаментомъ формъ производства матеріальныхъ цѣнностей и обмѣна ихъ. Нечего и говорить, что авторъ несогласенъ съ этимъ взглядомъ, какъ принципіальный противникъ его. Онъ скорѣе готовъ согласиться съ „нескладной концепціей" Грассри, лишь бы она шла въ разрѣзъ съ *ненавистнымъ* ученіемъ. Грассри полагаетъ, что элементы религіи—вѣрованія—тѣ же научныя гипотезы, но зачаточныя, возможныя для ума, бѣднаго опытомъ и развитіемъ, отвѣты на вопросы, задаваемые природой человѣку. Можно бы въ нѣкоторыхъ частныхъ случаяхъ согласиться съ Грассри, если бы онъ признавалъ подъ „гипотезами вѣрованій" то же, что признаетъ, и тоже отчасти, самъ авторъ „Отрывковъ", т. е. вѣрованія позднѣйшихъ наслоеній. Но „гипотезы" Грассри одного происхожденія съ тѣми взглядами, которые считаютъ „науку существующей для науки", „искусство для искусства", и приписываютъ человѣку тотъ же метафизическій „полетъ мысли".

Digitized by Google

Ратуя за Грассри, ради пораженія экономическихъ матеріалистовъ, авторъ готовъ не согласиться даже съ Липертомъ, который говоритъ, что религія настоящаго времени уже почти сливается съ наукой и что нынѣ, желая знать, какой вы религіи, освѣдомляются о вашихъ взглядахъ на астрономію, геологію, біологію.

Нѣтъ, это не такъ, возражаетъ г. Михайловскій,—„наоборотъ, въ наше время религія и наука для большинства раздѣлены непроходимыми перегородками". Но, вѣдь, Липертъ говоритъ вовсе не о большинствѣ, а о томъ меньшинствѣ, которое *вѣруетъ* въ гипотезы астрономіи, геологіи, біологіи и т. д. Наконецъ, надо же понимать, *какъ* онъ говоритъ.

Указавши затѣмъ на уподобленіе Ренаномъ „религіознаго инстинкта" инстинкту „гнѣздованія птицъ", каковое уподобленіе самъ авторъ „Отрывковъ" называетъ „легкомысленнымъ" (какъ будто въ данномъ случаѣ Ренанъ не тотъ же Грассри), авторъ подробно останавливается на мнѣніяхъ Леббока, Спенсера и Тайлора, которые, опираясь на свидѣтельства путешественниковъ и даже миссіонеровъ, утверждаютъ, что первой ступенью религіозныхъ понятій слѣдуетъ считать атеизмъ (Леббокъ преимущественно).

Наши изслѣдованія о первоначальныхъ религіозныхъ представленіяхъ ограничиваются, по необходимости наблюденіями надъ современными дикарями, уже поднявшимися надъ первой ступенью развитія. Слѣдовательно, вопросъ, какъ и въ какомъ видѣ ступилъ человѣкъ на первую ступень религіозности—вѣрующимъ или невѣрующимъ—сводится къ тому же, во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, неизбѣжному вопросу о яйцѣ и курицѣ. Поэтому Спенсеръ, Тайлоръ и Огюстъ Контъ начинаютъ свои изслѣдованія съ появленія у людей хотя бы какихъ-нибудь первыхъ религіозныхъ проблесковъ. По Конту этою первою ступенью былъ фетишизмъ (поклоненіе земнымъ предметамъ), по Спенсеру—почитаніе предковъ, по Тайлору—анимизмъ (одухотвореніе природы). На мнѣніяхъ этихъ лицъ, заслуживающихъ безусловно большого вниманія, мы останавливаться не будемъ, потому что они имѣли въ виду одну цѣль, а авторъ другую, столь же, конечно, почтенную. По мнѣнію его дѣло заключается не столько въ первоначальныхъ формахъ религіи, сколько въ ея общемъ психологическомъ зернѣ, разрастающемся у разныхъ народовъ, въ разныя времена, при разныхъ условіяхъ въ разныя формы. Поэтому онъ полагаетъ, и совершенно вѣрно, что за разъясненіемъ происхожденія и роста этого зерна слѣдуетъ прежде всего обратиться къ Фейербаху, который въ такомъ направленіи этотъ вопросъ изслѣдовалъ первый, оказавъ тѣмъ самымъ большую услугу людямъ.

Фейербахъ мало знакомъ русскимъ читателямъ. Поэтому мы приведемъ здѣсь воззрѣнія его на психологическій источникъ религіозныхъ представленій.

По Фейербаху, въ основѣ религіи лежитъ чувство зависи-

Digitized by Google

мости, чувство или сознаніе человѣка, что существованіе его зависитъ отъ какого-то другого, отличнаго отъ него существа. Чувство это знакомо и животнымъ, но оно въ нихъ не освѣщено сознаніемъ; поднять его до сознанія, проникнуться имъ можетъ только человѣкъ. Проблески этого сознанія имѣли грубо матеріальный характеръ. Первоначально человѣкъ сознаетъ свою зависимость отъ ближайшихъ къ нему явленій природы, отъ происходящихъ въ нихъ измѣненій, которыя несутъ ему добро или зло, такъ или иначе отражаются на его судьбѣ. Его слабый умъ естественно видитъ во всѣхъ процессахъ природы намѣреніе, цѣлесообразную дѣятельность, подобную его собственной. Напуганный или обрадованный, онъ населяетъ всю окружающую его природу дѣятелями, принимающими участіе въ его жизни, и вмѣстѣ съ тѣмъ, подобно ему, алчущими, жаждущими, любящими и ненавидящими. Онъ ихъ уподобляетъ себѣ, только приписываетъ имъ большія силы, чѣмъ и объясняетъ свою отъ нихъ зависимость. Въ мысли, желаніи человѣкъ кажется себѣ свободенъ, но въ достиженіи, исполненіи онъ чувствуетъ, что ограниченъ и потому передаетъ это дѣло этимъ всемогущимъ дѣятелямъ, иначе—богамъ. Въ концѣ концовъ, все сводится къ общенію человѣка съ природой. Въ этомъ состоитъ задача культуры вообще. Послѣдняя достигаетъ своей цѣли, съ одной стороны, подрѣзывая у желаній крылья, устраняя желанія неисполнимыя, съ другой—удесятеряя силы человѣка теоретическимъ знаніемъ, техникой. Въ богахъ, значитъ, осуществляется то, что доступно желаніямъ человѣка, но недоступно его силамъ. Боги суть олицетворенные, облеченные въ образы желанія и идеалы человѣка. Но желанія и идеалы измѣняются въ исторіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ измѣняются и формы религіи, отмѣчая собою новые періоды исторіи. Человѣкъ, представляющій собою источникъ религіи, въ сущности поклоняется въ лицѣ своихъ боговъ порожденіямъ своихъ же человѣческихъ желаній.

Изъ возраженій противъ Фейербаха г. Михайловскій указываетъ на тѣ, которыя были представлены (и будто бы совсѣмъ неосновательно) теоретиками экономическаго матеріализма. Но онъ самъ долженъ былъ сознаться, что эти теоретики возражали не по существу. Конечно, не по существу, а по другимъ побочнымъ *временнымъ* соображеніямъ. Очевидно, что и по Фейербаху религіозныя представленія есть тоже не что иное, какъ надстройка надъ *экономическимъ фундаментомъ*. Недаромъ Фейербахъ и марксисты стояли въ одной группѣ—лѣвыхъ гегельянцевъ.

Нѣкоторыя поправки и дополненія въ фейербаховъ антропоморфизмъ пытался внести Гюйо. Онъ говоритъ: „Человѣкъ становится истинно религіознымъ, когда строитъ надъ человѣческимъ обществомъ другое общество, болѣе высокое и сильное, общество всемірное, *космическое*. Общественность, составляющая одну изъ чертъ человѣческаго характера, при этомъ расширяется и подымается до небесъ“, и т. д. въ томъ

Digitized by Google

же родѣ. Это онъ называетъ *соціоморфизмомъ*. Можно бы, однако, совсѣмъ обойтись безъ такого рода поправокъ и дополненій. Это не изслѣдованіе религіозныхъ представленій, а само представленіе, которое Гюйо придумалъ и полагалъ пустить въ обращеніе. Не дается современнымъ философамъ серьезная критическая мысль. Понятно, почему г. Михайловскій не нашелъ у этого философа, въ его съ трескомъ придуманномъ соціоморфизмѣ, того, что онъ вправѣ былъ ожидать, а именно изслѣдованія, какъ отражается на религіи форма общественныхъ отношеній.

Въ напечатанныхъ „Отрывкахъ" не мало удѣлено мѣста вопросамъ о древней семьѣ и общинѣ, но роль и значеніе религіи въ этихъ ячейкахъ *будущаго общества* выяснены мало. Повидимому, авторъ согласенъ съ Фюстель-де-Куланжемъ, что „на зарѣ исторіи было столько религій, сколько семей, и всѣ онѣ не только не имѣли между собою ничего общаго, но были чужды другъ другу съ оттѣнкомъ враждебнаго характера". Эта семейная или родовая религія долгое время воспрещала двумъ культамъ смѣшиваться или сливаться. Но нѣсколько семей съ теченіемъ времени могли создавать общій культъ. Только этимъ путемъ и могли образоваться тѣ сложныя системы религіозныхъ представленій, которыя сдѣлались общими для обширныхъ и даже разнородныхъ общественныхъ организацій.

Здѣсь же, конечно, кроется и источникъ многобожія, который былъ присущъ древнимъ обществамъ, составлявшимъ, такъ сказать, не организмъ, а конгломератъ.

И. М.

Изъ иностранной жизни и литературы.

Холлъ Кэнъ.—Новая трагедія Габріелла д'Аннунціо.—Новый Германскій журналъ.—Китайская періодическая печать.—Современная Турецкая литература.—Колыбель человѣчества.—Архивы Ватикана.—Находка древней рукописи о халдейской магіи.—Психологія страха.—Роль чорта въ народныхъ легендахъ.—Турокъ о французской политикѣ на Востокѣ.

Вышедшій въ началѣ сентября 1901 года романъ Холлъ Кэна „The Eternat City" (*Вѣчный Городъ*) уже разошелся въ 100.000 экземпл. и его издатели не успѣваютъ удовлетворять все растущему спросу англійскихъ и американскихъ поклонниковъ таланта Кэна. Немедленно послѣ появленія романа онъ былъ переведенъ на итальянскій, шведскій, финскій, норвежскій, французскій, нѣмецкій и др. языки. Въ Россіи Холлъ Кэнъ не пользуется особенной извѣстностью и, если мы не ошибаемся, за исключеніемъ его романа „Христіанинъ"

Digitized by Google

(The Christian), появившагося въ 1901 году въ „Библіотекѣ Жизни" (№ 6), другія его произведенія не были переведены на русскій языкъ.

Въ виду того, что романъ Кэна „*Вѣчный городъ*" печатается въ текущемъ году, на страницахъ нашего журнала мы считаемъ не лишнимъ ознакомить нашихъ читателей съ біографіей этого выдающагося англійскаго писателя, являющагося въ настоящее время однимъ изъ любимцевъ американской и англійской читающей публики.

Томасъ Генри Холлъ Кэнъ родился на островѣ Мэнъ. Въ жилахъ его течетъ смѣшанная кровь: мать его норвежскаго происхожденія, отецъ—кельтъ. Дѣдъ Кэна владѣлъ когда-то пятью десятью акрами земли на островѣ, но потомъ обѣднѣлъ, земля была продана и уже отцу писателя, пришлось заняться ремесломъ кузнеца. Отецъ Кэна 80-лѣтній старикъ, живетъ теперь на островѣ Мэнъ, на одной изъ дѣдовскихъ фермъ, выкупленныхъ Холлъ Кэномъ, всегдашней мечтой котораго было стремленіе снова сдѣлаться землевладѣльцемъ на родномъ островѣ и выкупить родовую землю. Отецъ Кэна, не смотря на свой преклонный возростъ до сихъ поръ пользуется прекраснымъ здоровьемъ и, судя по его портрету, удивитель напоминаетъ своей наружностью Л. Н. Толстого.

Первыя воспоминанія Холлъ Кэна относятся къ тому времени, когда онъ жилъ въ покрытой соломой хижинѣ, до сихъ поръ стоящей въ одной изъ красивѣйшихъ мѣстностей острова. Въ этой хижинѣ въ то время жилъ дядя Кэна, мелкій фермеръ, бывшій въ то-же время мясникомъ. Кэну пришлось переселиться къ дядѣ, когда отецъ уѣхалъ въ Ливерпуль гдѣ онъ получилъ кузнечную работу въ корабельной верфи. Дядя Кэна въ качествѣ мясника каждую недѣлю отправлялся въ маленькій городокъ Дугласъ, гдѣ онъ торговалъ мясомъ на открытомъ воздухѣ, располагая свой товаръ на одномъ изъ деревяныхъ столовъ рыночной площади. Жители городка Дугласъ устроили въ 1899 году торжественный обѣдъ въ честь своего прославившагося соотечественника, Холла Кэна, и онъ въ своей благодарственной рѣчи коснулся тѣхъ дѣтскихъ впечатлѣній, которыя были получены имъ во время еженедѣльныхъ поѣздокъ въ повозкѣ мясника изъ деревушки Балло въ Дугласъ и которыя оставили неизгладимый слѣдъ въ впечатлительной душѣ талантливаго ребенка.

„Мы ѣздили обыкновенно, - сказалъ Кэнъ въ вышеупомянутой благодарственной рѣчи, — въ открытой повозкѣ безъ рессоръ; для меня въ повозкѣ отводился тѣсный уголокъ, гдѣ я помѣщался, тѣснимый со всѣхъ сторонъ бараньими и телячьими тушами, бычачьими головами и тому подобными прелестями въ то время какъ мой дядя, облеченный въ свою неизмѣнную красную фуфайку, сидѣлъ, свѣсивъ ноги на передкѣ и весело посвистывалъ. Подъемы на крутые холмы и внезапные спуски, дикая красота окружающей природы, блескъ сосѣдняго моря, наконецъ, прибытіе въ новый міръ,

Digitized by Google

какимъ для меня тогда былъ вашъ городъ (Дугласъ)—все это производило на меня впечатлѣніе какого-то волшебнаго необычайнаго приключенія. Съ того времени мнѣ пришлось не мало путешествовать: я нѣсколько разъ пересѣкалъ Альпы, взбирался на Атласскія горы, но ничто не могло сравниться съ первоначальными впечатлѣніями дѣтства, съ тогдашнимъ чувствомъ необъятности міра и могущества природы. Мэнъ, его природа, его люди, съ ихъ обычаями и страстями глубоко запечатлѣлись въ моей душѣ и они-то въ большинствѣ случаевъ вдохновляли меня въ моихъ литературныхъ опытахъ".

Будущій авторъ былъ очень впечатлительнымъ и рано развившимся ребенкомъ. Физическія игры и упражненія, которыя играютъ обычно важную роль въ англійскомъ воспитаніи, не представляли особенной привлекательности для Холлъ Кэна. Какъ это обыкновенно бываетъ съ даровитыми дѣтьми, любимыми друзьями дѣтства Кэна были книги, причемъ выборъ ихъ былъ довольно оригиналенъ; главное мѣсто въ его дѣтской библіотекѣ заключали старинные неуклюжіе томы исторіи реформаціи, солидные теологическіе трактаты и сборникъ парламентскихъ рѣчей прошлаго столѣтія. Періодъ школьной жизни Кэна (частью на островѣ Мэнъ, частью въ Ливерпулѣ) не отличался продолжительностью: онъ бросилъ школу на 14 году жизни и поступилъ въ ученики къ ливерпульскому землемѣру и архитектору Джону Мюррею, приходившемуся дальнимъ родственникомъ семьѣ Гладстона и управлявшему Ланкаширскими помѣстьями Робертсона Гладстона. На 19 году жизни, еще во время пребыванія Кэна въ ученьи у Моррея, Кэнъ получилъ лестное предложеніе сдѣлаться управляющимъ однимъ изъ помѣстій Гладстона съ жалованьемъ въ 1200 рублей въ годъ. Несмотря на соблазнительность этого предложенія, Кэнъ имѣлъ твердость духа отказаться, изъ боязни, что у него останется мало свободнаго времени для чтенія и самообразованія. Да и вообще его въ то время занимали вопросы иного порядка: онъ съ жаромъ предался изученію исторіи и литературы и сочиненій по соціологіи. Результатомъ этихъ изученій былъ рядъ статей въ одной мѣстной газетѣ, посвященныхъ соціальнымъ злобамъ дня. Статьи эти были навѣяны главнымъ образомъ изученіемъ имѣвшихъ тогда большое распространеніе соціально-экономическихъ теорій знаменитаго американскаго реформатора Генри Джорджа. Въ то-же время Холлъ Кэнъ былъ дѣятельнымъ сотрудникомъ спеціальныхъ журналовъ: „Строитель" и „Архитектурныя Новости".

Но вскорѣ занятія архитектурой настолько надоѣли Кэну, что онъ счелъ болѣе подходящимъ для себя возвратиться на островъ Мэнъ и занять мѣсто сельскаго учителя въ одной изъ деревушекъ острова. Къ этому же періоду его жизни относится рядъ статей о Парижской коммунѣ, проникнутыхъ горячимъ сочувствіемъ къ коммунарамъ. Но, пробывъ около полугода въ роли учителя, Кэнъ не выдержалъ „прелестей

Digitized by Google

сельскаго уединенія" и возвратился опять въ Ливерпуль, гдѣ сначала добывалъ себѣ хлѣбъ въ качествѣ архитектурнаго чертежника; позднѣе онъ сдѣлался постояннымъ сотрудникомъ двухъ мѣстныхъ газетъ „Town Crier" и „Argus" и окончательно отдался литературѣ.

Въ 1877 г. Кэнъ прочелъ въ Ливерпулѣ рядъ публичныхъ лекцій на различныя соціальныя темы и по исторіи новѣйшей англійской литературы. Въ томъ-же году онъ основалъ общество „литературно-соціальныхъ дебатовъ"; общество это отличалось большимъ радикализмомъ воззрѣній и въ свое время производило не мало шуму въ Ливерпулѣ; но оно не отличалось долговѣчностью и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ было закрыто.

До 24-лѣтняго возраста Холлъ Кэнъ жилъ въ Ливерпулѣ, перебиваясь мелкой литературной работой, публичными лекціями и т. п. Одна изъ его лекцій, посвященная поэзіи Данте V, Габріель Россетти (знаменитаго лирическаго поэта и живописца, одного изъ основателей „прерафаэлитскаго движенія" въ Англіи) повела къ знакомству Кэна съ знаменитымъ поэтомъ, которое вскорѣ перешло въ тѣсную дружбу. По приглашенію Данте Россетти Кэнъ переѣзжаетъ въ Лондонъ и поселяется въ домѣ Россетти, гдѣ онъ прожилъ около 2 хъ лѣтъ. Въ 1882 году Россетти умеръ на рукахъ Кэна.

Послѣ смерти Россетти Кэнъ прожилъ нѣкоторое время въ Лондонѣ, занимаясь журналистикой: помѣщая критическія статьи въ извѣстномъ литературно-критическомъ журналѣ „Academy" и передовыя статьи по текущимъ политическимъ вопросамъ въ Ливерпульскомъ „Mercury".

Во время пребыванія въ Лондонѣ Холлъ Кэнъ женился и рѣшилъ попытать счастья въ области беллетристики. Первая мысль объ этомъ была дана его другомъ Россетти. „Россетти страдалъ хронической безсонницей, — разсказываетъ Кэнъ въ своихъ воспоминаніяхъ о покойномъ поэтѣ, — чтобы разогнать гнетущую тоску безсонныхъ ночей, я разсказывалъ ему объ островѣ Мэнъ, о его жителяхъ, ихъ предразсудкахъ, образѣ жизни и т. д. Россетти очень нравились мои разсказы и онъ часто говорилъ мнѣ: „почему бы вамъ не описать всего этого"?

Поселившись съ женой въ маленькомъ домикѣ въ Сэндоунѣ Кэнъ со свойственной ему настойчивостью принялся за свою первую беллетрическую работу. „Написаніе первой главы романа,—разсказывалъ тоже онъ,—взяло почти двѣ недѣли; я буквально изнемогъ подъ бременемъ работы. Первую половину романа я переписалъ собственноручно по меньшей мѣрѣ четыре раза. Черезъ пять мѣсяцевъ романъ былъ законченъ и Кэнъ отправился съ нимъ къ м-ру Коттону, редактору Academy (antiqua) съ цѣлью узнать его мнѣніе о своемъ произведеніи. М-ръ Коттонъ посовѣтовалъ ему сдѣлать нѣкоторыя крупныя измѣненія и Кэну пришлось передѣлать заново почти весь романъ, съ которымъ онъ отправился къ своему старому пріятелю, редактору Ливерпульскаго „Mercury". Прочтя руко-

Digitized by Google

пись романа редакторъ сказалъ: „Желаете знать мое искреннее мнѣніе? — Да, конечно. — Грубо и требуетъ усиленной обработки". — Кэнъ съ грустью взялъ свой манускриптъ и отправился съ нимъ въ Лондонъ, гдѣ злосчастный романъ снова былъ переработанъ отъ начала до конца, причемъ теперь главное описаніе Кэна было обращено на „шлифовку" стиля.

Наконецъ, романъ (носившій названіе „The Shadow of the Crime" — Тѣнь преступленія) былъ принятъ „Меркуріемъ" и появился въ фельетонахъ этой газеты. Кэнъ получилъ за него 100 ф. ст. (около 1000 руб.). Послѣ появленія въ газетѣ романъ, былъ изданъ отдѣльной книгой и имѣлъ нѣкоторый успѣхъ, хотя все таки не завоевалъ Кэну виднаго мѣста въ англійской беллетристикѣ. Въ слѣдующемъ году появился второй романъ Кэна „Сынъ Агари" (Son of Hagar). Хотя новый романъ принесъ Кэну 300 ф. ст. (около 3.000 руб.), но критика встрѣтила его довольно непріязненно. Отчаявшійся Холлъ Кэнъ рѣшилъ сдѣлать послѣднюю попытку и, въ случаѣ ея неудачи, снова возвратиться къ дѣятельности журналиста. Въ теченіе 6-ти мѣсяцевъ онъ почти не отходилъ отъ письменнаго стола пока не окончилъ своего третьяго романа. „The Deemster" (Судья). Романъ принесъ автору 550 ф. ст., былъ встрѣченъ восторженными похвалами критики и выдержалъ въ одинъ годъ нѣсколько изданій. Слава Кэна, какъ беллетриста, была упрочена. Вслѣдъ за „Судьей" появились его романы: „The Bondsman" (Рабъ), „The Scapegoat" (Козелъ отпущенія), „The Manxman" (Житель острова Мэна), „The Christian" (Христіанинъ) и, наконецъ, въ прошломъ году „The Eternal City" (Вѣчный городъ). Каждый изъ этихъ романовъ способствовалъ выростанію извѣстности Кэна, какъ одного изъ выдающихся англійскихъ беллетристовъ.

Сравнительно съ другими модными романистами Холлъ Кэнъ мало продуктивенъ и это объясняется тѣмъ, что онъ очень тщательно собираетъ и изучаетъ матеріалы для своихъ произведеній. Такъ, во время работы надъ романомъ „The Bondsman", онъ провелъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Исландіи, изучая нѣкоторые детали, необходимые для его романа. Прежде чѣмъ приступить къ обработкѣ романа „The Christian", Холлъ Кэнъ провелъ около полугода, изучая клоаки лондонской нищеты.

Въ 1892 году онъ былъ приглашенъ еврейскимъ комитетомъ посѣтить Россію, съ цѣлью изученія положенія евреевъ въ нашемъ отечествѣ. Кэнъ уѣхалъ въ Россію въ сопровожденіи переводчика, провелъ въ ней нѣсколько мѣсяцевъ и пришелъ къ заключенію, что причина всѣхъ бѣдствій евреевъ въ Россіи коренится въ ихъ экономическомъ положеніи, а не въ расовой религіозной розни, какъ думали многіе. Въ этомъ духѣ имъ было написано нѣсколько статей для Times'а. Кэнъ также прочелъ рядъ публичныхъ лекцій о еврейскомъ вопросѣ въ Россіи.

Digitized by Google

Въ первоначальномъ наброскѣ романа „The Manxman" Кэнъ предполагалъ изобразить жизнь русскихъ евреевъ, но потомъ, по мѣрѣ разработки темы, онъ убѣдился, что его знаніе еврейской и русской жизни, вынесенное изъ непродолжительнаго путешествія по Россіи, далеко недостаточно и онъ благоразумно перенесъ мѣсто дѣйствія романа на свой родной островъ Мэнъ, который онъ знаетъ вдоль и поперекъ и гдѣ, кстати сказать, онъ пользуется громадной популярностью среди мѣстнаго населенія, и какъ писатель и какъ человѣкъ. Кэнъ состоитъ мировымъ судьей своего округа и его неоднократно уговаривали поставить свою кандидатуру въ мѣстный Мэнскій парламентъ (House of Keys), но онъ отказывается отъ этой чести, въ виду того, что тогда у него совсѣмъ не останется времени для литературной работы.

Англійская критика уже отмѣтила, что основные мотивы произведеній Кэна почти всегда заимствованы изъ библіи. Такъ, „The Deemster"—исторія блуднаго сына, въ „The Bondsman"—исторія Исава и Іакова, въ „The Manxman"—исторія Давида и Урія, наконецъ, въ „The Eternal City" — исторія Самсона и Далилы. Эти основные мотивы, конечно, вставлены въ рамки современной жизни, но тѣмъ не менѣе, библія является источникомъ моральныхъ вдохновеній Кэна.

— Новая трагедія Габріелля д'Аннунціо „*Francesca da Rimini*" вызвала оживленные толки среди европейскихъ художественныхъ критиковъ, въ большинствѣ случаевъ похвальнаго свойства. На родинѣ автора новая трагедія была встрѣчена далеко не съ такимъ восторгомъ, такъ что извѣстный итальянскій критикъ Марцокко счелъ нужнымъ выступить въ послѣдней книжкѣ *Revista d'Italia* съ защитой трагедіи.

Техническая сторона трагедіи, говоритъ Марцокко,—производитъ сильное впечатлѣніе своими несомнѣнными достоинствами и силой выполненія. д'Аннунціо въ своей новой трагедіи освободился отъ тяжелыхъ путъ исторической традиціи, столь долго связывавшей итальянскую драму. Въ новой трагедіи вы не найдете декламаціонной реторики и классическихъ тогъ, въ которыя неизмѣнно привыкли облекать своихъ героевъ итальянскіе драматурги, мало обращавшіе вниманія на время и мѣсто дѣйствія и жертвовавшіе всѣмъ звонкой фразѣ. Трагедія д'Аннунціо построена на реалистическихъ основаніяхъ современной европейской драмы.

„Авторъ потратилъ не мало труда и времени на подготовительную работу. Неизвѣстные историческіе документы, забытые хроники, народныя легенды и преданія дали драгоцѣнный матеріалъ для трагедіи. Трагедія написана великолѣпнымъ языкомъ XIII столѣтія и авторъ съ поразительнымъ искусствомъ съумѣлъ передать на этомъ архаическомъ языкѣ всѣ тончайшія оттѣнки чувства".

— Въ Берлинѣ началъ выходить новый журналъ „Der Heide" (Язычникъ) съ подзаголовкомъ „Blätter für religiöse Renaissance". Журналъ отличается рѣзкимъ антихристіанскимъ на-

Digitized by Google

правленіемъ и проповѣдуетъ возрожденіе язычества, хотя проповѣдь эта ограничивается общими фразами и не даетъ понятія о характерѣ того новаго культа, которымъ журналъ хотѣлъ бы замѣнить „обветшавшую религію". Въ передовой статьѣ перваго №-ра, носящей заглавіе „Vestigia Christi" авторъ указываетъ на религіозныя войны прошлыхъ вѣковъ, на сожиганіе колдуновъ и вѣдьмъ, на монашескій аскетизмъ, на разрушеніе высококультурной мавританской цивилизаціи и т. д. Вслѣдъ затѣмъ идетъ указаніе на „борцовъ съ христіанствомъ", въ каковые журналъ зачисляетъ Геккеля, Давида Штраусса, Каруса Штерна (автора „Werden und Vergehen"), Ницше и Бюхнера. Беллетристика журнала отличается „передовымъ" характеромъ и разсказъ „Двѣ сестры" является неприкрашеннымъ восхваленіемъ „свободной любви". Въ статьѣ „Мораль и христіанство" авторъ старается доказать, что браминизмъ и буддизмъ по своимъ этическимъ основамъ стоятъ выше христіанства. Поэма „Gottes Grab" рисуетъ фантастическую картину паденія христіанства.

Журналъ обратилъ на себя вниманіе рѣзкостью тона и имѣлъ „успѣхъ скандала", но серьезная германская критика отнеслась къ нему пренебрежительно, какъ къ мальчишескому предпріятію, имѣющему лишь „паталогическій интересъ" или интересъ „литературнаго курьеза", расчитаннаго на дешевый успѣхъ.

Въ Берлинской „*Tagliche Rundschau*" помѣщенъ не лишенный интереса очеркъ китайской періодической печати. Старѣйшей газетой въ Китаѣ,—даже, пожалуй, въ цѣломъ мірѣ,—является Пекинская „Газета", публикующая правительственные указы и иногда новости, при чемъ послѣднія обыкновенно сообщаются безъ всякихъ редакторскихъ комментаріевъ. Газета насчитываетъ свыше 700 лѣтъ существованія и представляетъ богатый историческій матеріалъ. Другія китайскія газеты издаются почти исключительно въ торговыхъ городахъ, вслѣдствіе того, что въ крайнемъ случаѣ китайскіе редакторы прибѣгаютъ къ помощи и заступничеству живущихъ въ портахъ вліятельныхъ европейцевъ. Нерѣдки даже случаи „подставныхъ" редакторовъ изъ европейцевъ. Изъ этихъ провинціальныхъ изданій наиболѣе вліятельныхъ считается газета „Шен-Пао", издающаяся въ Шанхаѣ и неустанно борющаяся съ взяточничествомъ и развращенностью китайскаго оффиціальнаго міра. Вліяніе ея настолько велико, что нерѣдки случаи, когда, благодаря статьямъ газеты, отмѣнялись несправедливые приговоры и т. п. „Шен-Пао" не мало сдѣлала для смягченія жестокихъ уголовныхъ законовъ Китая и вообще стоитъ во главѣ „прогрессивныхъ" китайскихъ газетъ. Многіе изъ китайскихъ вице-королей пытались зажать ротъ этой непріятной обличительницѣ, но пока ихъ усилія не увѣнчались успѣхомъ. Губернаторъ Чех-Кі-Янга, на котораго особенно нападала газета, обвиняя его во взяточничествѣ, въ Цунгъ-ли-Ямемъ (министерство иностранныхъ дѣлъ). Но и это учрежденіе принуждено было отвѣтить, что оно ничего не можетъ подѣлать

Digitized by Google

съ дерзкой газетой, причемъ одинъ изъ министровъ, принцъ Кунгъ, саркастически прибавилъ: „это — очень интересная газета. Мы сами очень внимательно читаемъ ее въ Пекинѣ". По слухамъ, императрица является одной изъ усерднѣйшихъ читательницъ „Шен-Пао".

Дополненіемъ къ свѣдѣніямъ сообщеннымъ въ „Tägliche Rundschau" можетъ служить, появившаяся недавно въ Нью-Іоркскомъ „*Times*" статья бывшаго редактора этой газеты живущаго теперь въ Шанхаѣ.

Въ Шанхаѣ,—говоритъ м-ръ Фредерикъ Эдди,—издается шесть ежедневныхъ китайскихъ газетъ и одна еженедѣльная. Обыкновенно три-четверти газеты наполнены разнообразными объявленіями и для помѣщенія всѣхъ новостей, фельетона и передовой статьи остается $^1/_4$, вмѣщающая въ себѣ около 8.000 іероглифовъ, причемъ 4.000 іероглифовъ отводятся на городскія новости и происшествія, такъ что главная работа выпадаетъ на долю репортеровъ. Китайскому наборщику приходится обладать очень цѣпкими руками, выносливыми ногами и крѣпкой спиной. Въ виду обилія іероглифовъ они расположены въ отдѣльныхъ клѣткахъ по стѣнамъ наборной и наборщикъ вертится по всей комнатѣ какъ бѣлка въ колесѣ, нерѣдко влѣзая на лѣстницу въ погоню за какимъ-либо малоупотребительнымъ іероглифомъ. Нѣкоторымъ удобствомъ является то обстоятельство, что въ сосѣдней комнатѣ находится рѣзчикъ и отливальщикъ, которые тутъ-же на мѣстѣ заготовляютъ особенно сложные іероглифы.

Плата сотрудникамъ очень невысока и не превышаетъ 40 руб. въ мѣсяцъ, но такъ какъ китайскіе журналисты обыкновенно живутъ въ помѣщеніи редакціи, питаются горстью вареннаго риса и не особенно заботятся объ изысканности своего туалета, то, по мнѣнію м-ра Эдди,—это мизерное вознагражденіе вполнѣ покрываетъ ихъ несложные нужды.

Судя по приведенному въ „*The Religio-Philosophical Journal*" образчику, китайскіе редакторы отличаются утонченной вѣжливостью и всячески подслащаютъ непріятную процедуру возвращенія рукописей. Вотъ что пишетъ при этомъ китайскій редакторъ неудачнику-автору:

„Знаменитый братъ Солнца и Луны! Воззри на раба твоего, который влачится у ногъ твоихъ и цѣлуетъ землю предъ тобой, въ надеждѣ, что ты позволишь ему говорить и дышать.

„Мы прочли рукопись твою съ восторгомъ. Клянемся прахомъ предковъ нашихъ, намъ никогда не приходилось читать ничего равнаго по совершенству: Если бы мы напечатали ее, намъ бы пришлось не печатать больше ничего, ибо ничто не могло бы сравниться съ твоей несравненной рукописью и мы принуждены были бы закрыть газету, такъ какъ произведенія подобныя твоему, могутъ быть написаны лишь разъ въ тысячелѣтіе. Посему, простираясь во прахѣ предъ тобою, возвращаемъ тебѣ твою драгоцѣнную рукопись съ тысячью поклоновъ и извиненій"!

Digitized by Google

Безъ преувеличенія можно сказать, что о современной Турецкой литературѣ почти ничего неизвѣстно въ Европѣ. Европейцы привыкли думать, что Турки находятъ полное удовлетвореніе своимъ поэтическимъ наклонностямъ въ Коранѣ, кальянѣ и... гаремѣ. Появившаяся въ научномъ приложеніи къ Мюнхенской „*Allgemeine Zeitung*", статья о новѣйшей турецкой литературѣ показываетъ, что европейскія представленія о литературѣ Турокъ ложны и что въ оттоманской имперіи въ настоящее время началось довольно серьезное литературное движеніе, заслуживающее вниманія и изученія.

Около 25 лѣтъ тому назадъ,—говоритъ авторъ статьи,—въ Турецкой литературѣ начали проявляться новыя тенденціи шедшія вразрѣзъ съ прежнимъ направленіемъ. Новая школа писателей оказалась очень плодовитой, особенно въ области беллетристики и по конечнымъ своимъ идеаламъ очень близка къ западно-европейской литературѣ.

Въ первомъ ряду современныхъ турецкихъ писателей стоитъ Ахмедъ Мидхатъ, отличающійся необыкновенной плодовитостью въ разнообразныхъ областяхъ литературы и незаурядной талантливостью. Онъ началъ съ переводовъ и передѣлокъ французскихъ сенсаціонныхъ романовъ и первый же его опытъ въ этомъ родѣ „Матросъ Хассалъ" — передѣлка знаменитаго „Графа Монте-Кристо", Дюма доставилъ ему широкую популярность. Не меньшимъ успѣхомъ пользуются его „Нравственные Разсказы"—передѣлки Фенелона, Вольтера, Лафонтена и др. французскихъ писателей. Вслѣдъ затѣмъ онъ перешелъ къ оригинальнымъ беллетристическимъ произведеніямъ, сюжеты которыхъ взяты изъ современной турецкой жизни. Таковы два его романа изъ константинопольской жизни „Земной ангелъ" и „Приключеніе Платобея и Ракима Эффенди". Въ романѣ „Чудеса міра", Ахмедъ Мидхатъ съ большимъ говоромъ описалъ впечатлѣнія турка, попавшаго въ Англію. Но особенно высокую литературную цѣнность имѣютъ его „Занимательные Разсказы", въ которыхъ съ поразительной силой и реализмомъ изображена жизнь современныхъ турокъ. Разсказы „Бракъ", „Всегда голодный", и „Юность" авторъ статьи называетъ литературными перлами, которыхъ бы не постыдилась любая изъ европейскихъ литературъ. Большинство этихъ коротенькихъ разсказовъ проникнуты пламеннымъ радикализмомъ, а произведшій большое впечатлѣніе разсказъ „Бракъ" является страстнымъ обличеніемъ гаремной жизни. Какъ это ни странно, защитницей гаремной жизни противъ нападокъ Ахмедъ-Мидхата выступила принявшая магометанство нѣмка Елена Бехланъ, жена одного изъ крупныхъ турецкихъ чиновниковъ, написавшая романъ изъ гаремной жизни подъ вызывающимъ заглавіемъ „Полуживотное". Этой же писательницѣ принадлежатъ переводы нѣсколькихъ драмъ Шиллера на турецкій языкъ.

Вслѣдъ за Ахмедъ-Мидхатомъ, по мнѣнію автора статьи,—можно поставить Муаллима Надши, сборникъ разсказовъ ко-

Digitized by Google

тораго появился недавно въ переводѣ на нѣмецкій языкъ. Онъ пишетъ стихами и прозой, причемъ его произведенія отличаются чрезвычайной простотой и художественностью стиля. Рядомъ съ нимъ стоитъ ученый турокъ Сами-Бей, авторъ лексикографическихъ трудовъ, высоко цѣнимыхъ спеціалистами въ Европѣ. Не ограничиваясь научными работами — Сами-Бей написалъ романъ „Любовь Тилата и Фиюта". Романъ этотъ считается однимъ изъ самыхъ выдающихся произведеній современной турецкой беллетристики, хотя конструкція его довольно слаба. Это въ сущности рядъ талантливо написанныхъ картинокъ, направленныхъ противъ гаремной жизни.

Среди турецкихъ юмористовъ авторъ отмѣчаетъ Сезаи, особенно изощряющаго свое остроуміе надъ злосчастными мужьями, которыхъ гаремныя затворницы всячески изводятъ. Его книга разсказовъ („Мелочи") пользуется большимъ успѣхомъ, равно какъ и его сатирическій романъ изъ гаремной жизни „Свадьба". Одинъ изъ молодыхъ писателей Мустафа-Решидъ, бывшій атташе турецкаго посольства при одномъ изъ европейскихъ дворовъ, написалъ романъ изъ жизни великосвѣтскаго общества въ Европѣ, озаглавленный „Дѣвичій грѣхъ". Изъ драматурговъ авторъ указываетъ на Кемали (драмы „Отчизна" и „Силистрія"), Гуссамедина (комедія „Интрига") и Мехмеда Рифата (дидактическая комедія „Обычай").

Отмѣтимъ, кстати, появившуюся недавно на англійскомъ языкѣ работу, посвященную исторіи турецкой поэзіи: *A History of Ottoman Poetry, by E. Gibb*. Пока вышелъ лишь первый томъ касающійся ранняго періода (Султанъ Валедъ, Бурханъ, Ашикъ, Ахмеди, Сулейманъ, Шейки, Низиня). Однимъ изъ крупныхъ достоинствъ книги являются обильные цитаты, дающіе читателю возможность составить опредѣленное понятіе о турецкой поэзіи. Мы надѣемся поговорить подробнѣе объ этой интересной работѣ англійскаго оріенталиста по выходѣ втораго заключительнаго тома.

Проф. Самюэль Ваддингтонъ, пытается отвѣтить на интересный вопросъ: какая страна можетъ быть названа по справедливости колыбелью человѣчества, гдѣ именно протекли первые года дѣтства этого „талантливаго ребенка?" („*XIX Century*").

„Довольно распространенная теорія,—говоритъ Ваддингтонъ,—согласно которой человѣчество существуетъ не болѣе ста тысячъ лѣтъ, основана главнымъ образомъ на томъ общеизвѣстномъ фактѣ, что до сихъ поръ не было найдено никакихъ человѣческихъ костей или остатковъ, которые могли-бы быть отнесены къ третичной эпохѣ. Но сэръ Чарльзъ Ляйелль уже болѣе двадцати лѣтъ тому назадъ указалъ, что хотя въ долинѣ Соммы была найдена масса кремневыхъ орудій въ аллювіальномъ пескѣ, тѣмъ не менѣе, не смотря на самыя

Digitized by Google

тщательныя поиски, не было найдено человѣческихъ костей. „Отсутствіе всякаго признака костей,—пишетъ по этому поводу Лайелль,—принадлежащихъ населенію послѣ котораго осталась такая масса изобрѣтенныхъ и сдѣланныхъ имъ кремневыхъ орудій, является поучительнымъ урокомъ относительно цѣнности негативнаго свидѣтельства и трудности опредѣленія лишь по остаткамъ костей степени распространенности извѣстнаго животнаго или человѣка въ данную эпоху.

Лайелль указываетъ также на Гаарлемское озеро, занимавшее около 45.000 квадратн. акровъ, которое было осушено въ 1853 году... Въ водахъ этого озера произошло не одно кораблекрушеніе, на немъ происходили битвы и сотни голландскихъ и испанскихъ матросовъ нашли въ немъ безвременную могилу; тѣмъ не менѣе въ почвѣ, служившей ложемъ озера не было найдено человѣческихъ костей. „Всѣ находки археологовъ ограничились остатками испанскихъ военныхъ кораблей, заржавленнымъ оружіемъ и нѣсколькими мѣдными монетами".

„Если,—говоритъ Лайель,—такое близкое къ намъ время не оставило никакихъ слѣдовъ человѣка въ формѣ костей, какъ же можно ожидать найти ихъ въ почвахъ міоценоваго періода?"

Такимъ образомъ, отрицательное свидѣтельство, заключающееся въ ненахожденіи человѣческихъ костей въ почвахъ раннихъ геологическихъ періодовъ,—по мнѣнію Ваддингтона, еще ничего не доказываетъ, между тѣмъ, напротивъ, имѣются доказательства въ пользу того мнѣнія, что появленіе человѣка на землѣ можно отнести къ эоценовому періоду, который, согласно мнѣнію лорда Кельвина, начался 4.000,000 лѣтъ тому назадъ и во время котораго температура земной поверхности была очень высока. Ваддингтонъ продолжаетъ:

„Если мы примемъ въ соображеніе то обстоятельство, что человѣкъ вырождается въ тропическомъ климатѣ и прогрессируетъ физически и умственно въ тѣхъ странахъ, гдѣ температура въ самые жаркіе періоды года не превышаетъ 70—80° Фаренгейта, если мы въ то же самое время будемъ помнить насколько высока была температура земнаго шара, въ эоценовый періодъ, четыре милліона лѣтъ тому назадъ, намъ сразу сдѣлается яснымъ, что мы должны обратиться къ тогдашнимъ сѣвернымъ областямъ земного шара, гдѣ температура въ то время должна была напоминать теперешнюю температуру юга Европы, и въ этихъ областяхъ мы найдемъ наиболѣе подходящее мѣсто для первоначальнаго развитія и совершенствованія нашихъ отдаленныхъ предковъ.

„Если бы человѣкъ былъ тропическимъ животнымъ, мы не нашли бы его въ ледниковый періодъ, когда холодъ гналъ европейскую флору и фауну на югъ, въ такихъ мѣстностяхъ, какъ Британія или долина Соммы.

„Если мы обратимъ вниманіе на слѣды „доисторическаго человѣка", находимые въ сѣверо-западномъ углу Европы, мы

Digitized by Google

будемъ поражены ихъ количествомъ, по сравненію съ аналогичными слѣдами въ другихъ мѣстахъ Европы, Азіи и Африки... Невольно въ голову приходитъ мысль искать колыбель человѣчества на сѣверо-западѣ Европы. Но опроверженіемъ этой теоріи является то обстоятельство, что подобные же остатки кремневыхъ орудій и другихъ человѣческихъ слѣдовъ, относящихся къ тому или даже болѣе раннему періоду, находятся *въ Америкѣ*. Для того, чтобы попасть изъ Торкэ, долины Соммы, Камюра или Дюссельдорфа въ Америку (или изъ Америки въ эти мѣстности), человѣкъ долженъ былъ пользоваться или Беринговымъ проливомъ или, занятымъ теперь моремъ, путемъ чрезъ Исландію и Гренландію. Но если принять это объясненіе придется признать, что еще задолго до ледниковой эпохи (которая, по мнѣнію геологовъ, началась 240.000 лѣтъ тому назадъ и окончилась 80.000 лѣтъ тому назадъ) человѣкъ обиталъ въ Арктической области, или вблизи ея. Если признать, что человѣческая раса обитала въ полярныхъ областяхъ гораздо раньше того періода, къ которому относятся кремневыя орудія, находимыя въ Британіи и долинѣ Соммы, то мы должны будемъ отвергнуть гипотезу о нахожденіи колыбели человѣчества на сѣверо-западѣ Европы.

„Если съ другой стороны мы обратимъ вниманіе на слѣды „доисторическаго человѣка" въ Сѣверной Америкѣ, мы найдемъ, что слѣды эти едва-ли не превосходятъ своимъ обиліемъ находимые въ Европѣ. Немудрено поэтому, что были попытки указать на Америку, какъ на колыбель человѣческой расы. Но эта теорія не выдерживаетъ критики, потому что на Американскомъ континентѣ отсутствуютъ человѣкообразныя обезьяны и нѣтъ никакихъ данныхъ предполагать ихъ существованіе тамъ въ болѣе отдаленныя эпохи. Несомнѣнно лишь одно, что наши предки обитали въ Сѣверной Америкѣ уже въ позднѣйшій періодъ третичной эпохи и что они попали туда изъ арктическихъ областей черезъ Боринговъ проливъ или Гренландію".

Далѣе авторъ доказываетъ, что, когда земля начала охлаждаться, первыми областями земного шара съ достаточно низкой температурой, дозволявшей жизни развиваться, были сѣверный и южный полюсы. Въ подтвержденіе онъ ссылается на мнѣніе двухъ геологическихъ авторитетовъ: Герберта Максвелль и проф. Мьялля которые говорятъ о сѣверныхъ континентахъ, какъ о „лабораторіи, въ которой зарождались новые племена и виды; они были отправной точкой тѣхъ миграціонныхъ волнъ, которые, въ концѣ концовъ, достигли самыхъ отдаленныхъ уголковъ земного шара".

Въ заключеніе своей интересной статьи Ваддингтонъ говоритъ:

„Я думаю, что колыбелью человѣческой расы было огромное пространство, ограничиваемое на западѣ Уральскими горами, а на востокѣ — Беринговымъ проливомъ, Охотскимъ моремъ и Манджуріей. Я схожусь такимъ образомъ съ мнѣ-

Digitized by Google

віемъ Уоллеса, который указываетъ на центральную Азію, какъ на мѣсто развитія первобытнаго человѣчества; разница лишь въ томъ, что ее отодвигало это мѣсто нѣсколько болѣе на сѣверъ. Пространство между уральскими горами и Манджуріей занимаетъ 3.000 миль и человѣческой расѣ было достаточно мѣста, чтобы развиваться и размножаться здѣсь въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ, когда она, размножившись до количества нѣсколькихъ милліоновъ душъ, могла начать переселеніе въ другіе континенты. Указанная мной область очень мало изслѣдована въ геологическомъ отношеніи и ея почва можетъ хранить въ своихъ нѣдрахъ массу цѣнныхъ указаній въ формѣ человѣческихъ костей, первобытныхъ орудій, скелетовъ и т. д. Во время эоценовой эпохи климатъ и температура указанной мной области были сходны съ климатомъ теперешней южной Франціи и слѣдовательно благопріятствовали человѣческой расѣ не только существовать, но и развиваться. Сѣверныя границы указаннаго мной пространства прилегаютъ къ полярнымъ областямъ и такимъ образомъ моя теорія не противорѣчитъ воззрѣніямъ тѣхъ ученыхъ, которые думаютъ, что исходнымъ пунктомъ развитія животнаго царства были полюсы, а не экваторъ. Близость указаннаго мной пространства къ Берингову проливу (гдѣ въ то время могъ существовать залитый теперь моремъ перешеекъ, соединявшій два континента) помогала переходу человѣческой расы на континентъ Америки и лишь такимъ образомъ можно объяснить нахожденіе въ Америкѣ слѣдовъ первобытнаго человѣка, относящихся къ періоду болѣе раннему, чѣмъ остатки находимые въ Европѣ".

Валдингтонъ приводитъ еще одно вѣское доказательство въ пользу своей „сѣверной теоріи" мѣсторожденія человѣка.

„На громадномъ пространствѣ, лежащемъ между Манджуріей и Уральскими горами, имѣются высокія плоскогорія почти совершенно лишенныя лѣса: первобытный человѣкъ изгнанный изъ лѣсовъ (дикими животными) лишенъ былъ возможности лазить по деревьямъ и принужденъ былъ начать *ходить* по этимъ дикимъ плоскогорьямъ и преріямъ. Послѣ долгаго періода его „заднія руки" развились въ форму человѣческой ноги и утратили характерные признаки, свойственные „заднимъ рукамъ" человѣкообразныхъ обезьянъ. Но эта трансформація не могла имѣть мѣсто до тѣхъ поръ, пока человѣкъ жилъ въ лѣсахъ и употреблялъ свои „заднія руки" для охватыванія вѣтвей и стволовъ, чтобы достать растущія на деревьяхъ фрукты. Такимъ образомъ должно отказаться отъ мысли, что колыбелью человѣчества были *тропическіе лѣса*.

„Почти напротивъ Манджуріи лежитъ островъ, гдѣ обитаютъ *волосатые* Айны, такъ графически описанные путешественникомъ Ландоромъ. Не въ нихъ ли нужно искать наиболѣе сохранившихся потомкомъ „доисторическаго человѣка".

Теорія Валдингтона, хотя и не отличается особенной доказательностью, тѣмъ не менѣе, не лишена большого интереса,

Digitized by Google

какъ одна изъ многочисленныхъ попытокъ заглянуть въ безбрежную глубь отдаленныхъ вѣковъ.

Геттингенскій профессоръ д-ръ Керъ (Kehr) описываетъ въ цѣломъ рядѣ статей (въ *Allgemeine Zeitung*) литературныя сокровища, хранящіяся въ архивахъ и библіотекахъ Ватикана. Матеріалы, имѣющіе громадный историческій интересъ, относятся главнымъ образомъ къ средневѣковой исторіи. Д-ръ Керъ разсыпается въ похвалахъ теперешнему папѣ, широко распахнувшему предъ учеными двери архивовъ, бывшихъ до недавняго времени секретными, причемъ папскіе чиновники одинаково любезны съ протестантскими учеными, какъ и съ католическими. Въ настоящее время вокругъ этихъ архивовъ цѣлая ученая колонія и въ залахъ библіотеки Ватикана нерѣдко не хватаетъ мѣста для всѣхъ желающихъ участвовать въ разработкѣ этихъ драгоцѣнныхъ „историческихъ залежей". Главными работниками въ области изслѣдованія Ватиканскихъ архивовъ являются: Прусскій Историческій Институтъ, Историческое общество имени Горреса (герман. католич. историки), Австрійскій Институтъ Историческихъ Изысканій, французская Ecole de Rome, Венгерская Историческая Школа, Бельгійское, Датское и Польское Историческія Общества. Среди работающихъ не мало дамъ, особенно американокъ и англичанокъ. Д-ръ Керъ говоритъ, что научныя изысканія въ Ватиканскихъ архивахъ лишь начались и что исторія можетъ ожидать отъ нихъ громадныхъ результатовъ.

Большой интересъ въ ученомъ мірѣ вызвалъ докладъ д-ра Гастера въ Лондонскомъ обществѣ библейской археологіи о находкѣ одного изъ древнѣйшихъ манускриптовъ, заключающаго въ себѣ драгоцѣнныя свѣдѣнія о древне-еврейской магіи. О немъ нерѣдко упоминали древне-еврейскіе ученые, но онъ считался безвозвратно утраченнымъ. Д-ру Гастеру удалось случайно пріобрѣсть драгоцѣнный манускриптъ, имѣющій большое значеніе въ библейской и древне-еврейской археологіи, въ глухомъ городишкѣ Низибисъ въ Мессопотаміи. Онъ заключаетъ въ себѣ 62 листа, исписанныхъ двумя или тремя различными почерками, и является коллекціей магическихъ формулъ, многія изъ которыхъ относились ко временамъ глубокой древности. Въ немъ приведены формулы, приписываемыя Моисею, Иліѣ, Елишѣ, Эзрѣ, рабби Аарону и многимъ средневѣковымъ раввинамъ, принадлежавшимъ къ сѣвернымъ „ашкеназамъ" и южнымъ „сефардимамъ".

„Наиболѣе замѣчательной частью манускрипта,—сказалъ д-ръ Гастеръ,—является тотъ его отдѣлъ, въ которомъ трактуется объ астрологическомъ вліяніи и употребленіи силъ, властвующихъ надъ каждымъ днемъ недѣли. Въ манускриптѣ подробно описанъ каждый изъ духовъ недѣли, указанъ, какъ должно чертить его изображеніе и даны инструкціи для магическаго употребленія подобныхъ чертежей, равнымъ образомъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ приведены заклинательныя формулы. Открытіе этихъ тайнъ приписывается въ ману-

Digitized by Google

скриптѣ Разіелю и древнему Еноху. Въ извѣстномъ раньше сборникѣ заклинаній „Зогаръ“ часто упоминается магическая „книга Еноха“ и сообщеніе тайнъ магіи Еноху приписывается также Разіелю, который сообщилъ ихъ Адаму, Ною и Аврааму. Авторъ манускрипта нѣсколько видоизмѣняетъ это показаніе „Зогара“, говоря что Разіель открылъ тайны міра халдеямъ. Характерно, что во всемъ манускриптѣ ни разу не упоминается имя Бога, равнымъ образомъ нѣтъ ни одной цитаты изъ Библіи.

„Манускриптъ носитъ заглавіе „Мудрость халдеевъ“. Древне-еврейскіе писатели нерѣдко упоминаютъ о халдейской астрономіи; древнѣйшая изъ дошедшихъ до насъ астрономическихъ еврейскихъ книгъ („Beraita“ раввина Самюэль) ссылается на „Мудрость халдеевъ“.

До какихъ нелѣпостей могутъ доходить иныя „научныя изысканія“ могутъ служить хорошимъ образчикомъ двѣ книги вышедшія недавно въ Англіи и Германіи и посвященныя „Одиссеѣ“. Первая изъ этихъ книгъ принадлежитъ Самюэлю Бутлеру и носитъ длинное заглавіе: „*Авторша Одиссеи*: когда и гдѣ она писала, кто она была и т. д.“. Авторъ пытается доказать, что Итака, играющая такую важную роль въ „Одиссеѣ“, вовсе не историческій островъ этого имени, а. . сѣверо-западная часть Сициліи!.. Далѣе, что поэма вовсе не была написана іонійцемъ, но была составлена въ Дрепаноиѣ (теперешній Trapani въ Сициліи) и что авторомъ ея была женщина и женщина эта была не кто иная, какъ сама Навзикая! Это произведеніе „ученаго пера“ не какая-нибудь тощая брошюрка, а огромный увѣсистый томъ, испещренный массой научныхъ ссылокъ и доказывающій въ авторѣ обширнѣйшую эрудицію, въ особенности въ области древней географіи. По замѣчанію одного англійскаго ученаго, разбиравшаго эту курьезную книгу, въ ней „науки хоть отбавляй и обладай авторъ здравымъ смысломъ, наука могла бы ожидать отъ него полезныхъ трудовъ“.

Другая книга объ „Одиссеѣ“ принадлежитъ германскому „ученому“, Іосифу Шрейнеру. Она озаглавлена „Одиссея: таинственный эпосъ“ („Die Odyssee. Ein mysteröser Epos“). Авторъ доказываетъ, что въ Одиссеѣ Гомеръ пытался изобразить... исторію Израиля!

Скорѣе всего обѣ книги принадлежатъ больнымъ графоманамъ, которыхъ такъ много расплодилось въ наше „литературное“ время. W. B.

Чувство страха очень часто разбиралось какъ психологами, такъ и писателями и врачами, и каждый изъ нихъ подходилъ къ нему со своей точки зрѣнія. Но почти никто не старался

Digitized by Google

найти психологическую причину страха. Въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ „La Revue" помѣщена статья, посвященная именно этому вопросу *).

Страхъ очень сложное состояніе. Это прежде всего мучительное волненіе, страданіе, появляющееся у человѣка при самыхъ различныхъ обстоятельствахъ: страхъ передъ хирургической операціей, передъ роковой новостью или даже просто очень распространенный страхъ передъ ворами, ночными убійцами и разбойниками и страхъ одиночества въ безмолвное ночное время. Но въ чемъ состоитъ причина страха? Нужно, разумѣется, различать причину физіологическую отъ причины психологической. Физіологическую причину слѣдуетъ искать, конечно, въ организмѣ. Чувство страха является вслѣдствіе общей пертурбаціи тѣла, сердце начинаетъ биться сильнѣе, горло сжимается и сохнетъ, все тѣло дрожитъ, члены почти парализуются, внутренности сжимаются, такое сотрясеніе всего тѣла вызываетъ волненіе—страхъ. Но какая причина производитъ это физическое потрясеніе, порождающее страхъ? Очевидно, причина эта лежитъ въ насъ самихъ, а отнюдь не внѣ насъ, такъ какъ самая большая опасность, разъ только мы не знаемъ ея, не вызываетъ въ насъ никакого страха. Значитъ причиною страха является непремѣнно мысль; это уже психологическая причина; въ чемъ же она заключается? Заключается она въ представленіи себѣ опасности, точнѣе сказать, въ ожиданіи ея, такъ какъ простое представленіе опасности, безъ повода ожидать ея близкаго наступленія, не возбуждаетъ страха. Такимъ образомъ причина страха заключается въ ожиданіи: въ ожиданіи чего? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, надо разобрать отдѣльные случаи страха и узнать, какая существуетъ между ними общая связь.

Всѣ отдѣльные случаи страха можно привести къ четыремъ главнымъ типамъ: страхъ смерти, страхъ неизвѣстности, страхъ физическихъ страданій, страхъ волненія. Эти типы иногда комбинируются и образуютъ сложные случаи страха. Что же общаго между этими четырьмя родами страха? Каковъ, во всѣхъ этихъ случаяхъ, характеръ ожидаемаго происшествія?

На этотъ вопросъ можно дать слѣдующій отвѣтъ: происшествіе, причиняющее страхъ, производитъ всегда *встряску, потрясеніе нравственное или физическое*, т. е. оно является настолько неожиданно и настолько внезапно, что сразу же прерываетъ нормальное теченіе нашей жизни.

Такимъ образомъ то тѣлесное и умственное состояніе, которое называется страхомъ, состоитъ въ ожиданіи и именно въ ожиданіи чего-нибудь внезапнаго, неизвѣстнаго, въ ожиданіи потрясенія. Съ одной стороны, страхъ выражается въ глубокой тѣлесной пертурбаціи, въ суммѣ смутныхъ органическихъ ощущеній. Съ другой стороны, страхъ вызывается ожиданіемъ потрясенія: въ это время весь нашъ организмъ

*) La Revue, 1 Décembre 1901.

Digitized by Google

приготовляется къ принятію этого потрясенія, старается принять наиболѣе удобное положеніе, чтобы противостоять ему или перенести его съ наименьшимъ урономъ для себя. Въ насъ происходятъ тогда всѣ рефлексы, необходимые для того, чтобы осуществить это положеніе: артеріальная система, дыхательная система, мускульная система стараются измѣниться такимъ образомъ, чтобы искомое положеніе вышло какъ можно совершеннѣе. Отсюда сложныя органическія ощущенія, смутнымъ сознаніемъ которыхъ является страхъ.

Эта гипотеза приводитъ къ заключенію, что человѣкъ,— какъ всѣ живыя существа,—главнымъ образомъ существо привычки. Онъ созданъ, чтобы быть постояннымъ; онъ стремится вѣчно пребывать въ извѣстномъ состояніи, склоненъ измѣняться только незамѣтнымъ образомъ, прогрессировать безъ внезапныхъ переворотовъ и неожиданныхъ встрясокъ. Все что противорѣчитъ разъ принятой привычкѣ, все, что прерываетъ нормальное теченіе жизни, противно его природѣ. Все, это глубоко претитъ ему и возбуждаетъ въ немъ страхъ. Не слѣдуетъ забывать, что въ человѣкѣ живетъ также и любовь къ перемѣнамъ, вкусъ ко всему новому; но это только второстепенное стремленіе: люди желаютъ перемѣны тогда лишь, когда не находятъ способа прочно привыкнуть къ настоящему состоянію. Самою основою все-таки остается консервативный инстинктъ; инстинктъ вѣчности, если можно такъ выразиться, постоянное усиліе сдѣлать вѣчнымъ то состояніе, въ которомъ мы находимся въ настоящій моментъ.

* * *

При изученіи старинныхъ легендъ и преданій сразу бросается въ глаза, какую громадную роль играютъ въ нихъ разсказы о дьяволѣ*), о злыхъ шуткахъ, какія онъ продѣлывалъ надъ человѣкомъ и какія человѣкъ продѣлывалъ надъ нимъ въ отместку. Особенную прелесть придаетъ этимъ, то шутливымъ, то суевѣрнымъ выдумкамъ, какая-то странная смѣсь насмѣшливаго остроумія съ наивнымъ страхомъ, присущая всѣмъ разсказамъ этого рода. Косые глаза, кривыя ноги, маленькія рожки и хвостикъ, зоркая и сухая фигурка, вотъ портретъ легендарнаго чорта, знаменитаго своими неудачами почти столько же, сколько и злодѣяніями, и похожаго на величественнаго сатану лишь какъ отдаленная каррикатура. Лицо, созданное воображеніемъ несложныхъ мозговъ грубаго общества, едва вышедшаго изъ дѣтскаго состоянія, которое, подобно дѣтямъ, забавляетъ и пугаетъ себя имъ же придуманными разсказами и наивно вѣритъ въ собственные вымыслы.

Проживъ долго подъ тираніей сатаны, люди среднихъ вѣковъ возмутились, наконецъ, противъ него и стали защищаться обычнымъ оружіемъ слабыхъ—сатирой и насмѣшкой. Они стали подтрунивать надъ сатаной, чтобы не бояться его,

*) La Lecture pour Tous, Decembre 1901.

Digitized by Google

и изображать его въ смѣшномъ видѣ, чтобы сдѣлать его безопаснымъ. Изъ коварнаго и опаснаго обманщика они сдѣлали его жертвой человѣческихъ обмановъ, постоянно попадающейся въ собственныя ловушки. Перейдя на комическія амплуа, чортъ все-таки сохранилъ за собою свою постоянную роль: искушать и губить человѣчество. Онъ знаетъ, кого на чемъ поймать, лакомкѣ, онъ предлагаетъ вкусныя блюда, артисту, влюбленному въ свое искусство, онъ обѣщаетъ славу, ученому, корпящему надъ наукой, всеобъемлющее знаніе. Однажды, въ страстную пятницу, онъ встрѣчаетъ стараго пьяницу Фальстафа съ вѣчно пересохшимъ горломъ и голоднымъ желудкомъ и подноситъ ему бутылку хорошаго вина; тотъ разсыпается въ благодарностяхъ и лишь слишкомъ поздно замѣчаетъ, что отдалъ въ промѣнъ свою душу. Чортъ всегда является также геніальнымъ фокусникомъ. Зайдя съ Фаустомъ въ одинъ изъ лейпцигскихъ кабачковъ, онъ угощаетъ всѣхъ присутствующихъ виномъ, какого кто пожелаетъ. Но неловко пролитое на полъ вино обращается въ пламя и всѣ приходятъ въ ужасъ передъ этимъ волшебнымъ явленіемъ. Благодаря своей волшебной силѣ, онъ можетъ принимать всевозможныя формы: то онъ является крошечнымъ существомъ, свободно помѣщающимся въ скорлупѣ орѣха; Эразмъ увѣрялъ даже, что видѣлъ его, какъ онъ скакалъ и прыгалъ, воплотившись въ тѣло блохи; то вдругъ онъ выростаетъ въ колоссальную фигуру великана. Обратившись въ маленькую мушку, онъ часто вползаетъ въ тѣло неосторожныхъ людей, имѣющихъ обыкновеніе спать съ открытымъ ртомъ. Иногда сатанѣ приходятъ въ голову экстравагантныя идеи, какъ, напримѣръ, дать одному крестьянскому сыну такую необыкновенную силу, что жизнь вскорѣ становится невыносимой для этого несчастнаго юноши. Онъ даетъ пощечину прядильщицѣ, задремавшей надъ своей прялкой, и двадцать пять прядильщицъ, сидѣвшихъ поблизости падаютъ замертво; на деревенскомъ праздникѣ какой-то смѣльчакъ осмѣливается посмѣяться надъ нимъ и силачъ такъ ударяетъ его, что всѣ танцующіе падаютъ на землю.

Мало-по-малу человѣку удается перехитрить своего врага и поставить его въ смѣшное положеніе. Жители Эксъ-ля-Шапель пожелали выстроить церковь; наняли рабочихъ и тѣ принялись за дѣло; но по прошествіи шести мѣсяцевъ оказалось, что денегъ на постройку не хватитъ. Во что бы то ни стало надо было достать милліонъ. Чортъ узналъ объ этомъ и тотчасъ же явился къ бургомистру. „Я дамъ вамъ милліонъ, сказалъ онъ, если вы мнѣ обѣщаете душу перваго кто войдетъ въ вашу церковь“. Предложеніе было соблазнительно и бургомистръ принялъ его. Черезъ два года постройка была окончена, но никто не хотѣлъ войти въ церковь первымъ. Горожане пришли уже въ полное отчаяніе, когда вдругъ одинъ монахъ придумалъ какъ пособить горю: „Мы обѣщали ему душу, сказалъ онъ, но не уговорились какую. Бросимъ же въ жертву сатанѣ душу волка, пойманнаго сегодня утромъ

Digitized by Google

живымъ. Онъ долженъ будетъ удовольствоваться ею". Съ торжественной церемоніей народъ собрался у церкви; открыли двери и волкъ былъ впущенъ въ храмъ, гдѣ сатана съ удовольствіемъ облизывался ожидая хорошую добычу. Какова же была его ярость, когда онъ увидѣлъ себя обманутымъ. Послѣ многихъ неудачъ сатана, очевидно, нашелъ, что жизнь среди людей сдѣлалась невыносимой и пересталъ появлятся въ людныхъ мѣстахъ и среди бѣлаго дня. Онъ сталъ прятаться въ густые темные лѣса и пустые заброшенные замки и когда люди случайно попадали въ его владѣнія, онъ жестоко издѣвался надъ ними. Въ 1598 г. чортъ явился Генриху IV во время охоты, о чемъ подробно разсказывается въ дневникѣ его царствованія. Извѣстенъ разсказъ о приключеніи рыцаря Пелопена который, заблудившись въ лѣсу случайно принялъ участіе въ охотѣ дьявола. Онъ употребилъ на это всего только одну ночь, и, какъ оказалось потомъ, эта ночь длилась цѣлыхъ сто лѣтъ. Вернувшись домой, онъ нашелъ свою возлюбленную, терпѣливо ожидавшую его въ своемъ замкѣ, дряхлой и сморщенной старушкой. Это была чуть ли не самая злая шутка изо всѣхъ, какія чорту когда либо удавалось сыграть надъ человѣкомъ.

За послѣднее время этотъ интересный продуктъ человѣческой фантазіи, то страшный, то комичный чортъ, все болѣ и болѣе теряетъ свою популярность и вѣроятно не очень уже далеко то время, когда имя его совершенно исчезнетъ изъ народныхъ легендъ и преданій.

Въ декабрьскомъ номерѣ „La Grande Revue" помѣщена статья одного турецкаго автора г. Ахмеда Риза о французской политикѣ на востокѣ *). Отношенія Франціи и востока говоритъ онъ, имѣютъ очень древнее происхожденіе. Еще марсельскіе купцы въ компаніи съ ліонскими имѣли свои конторы во всѣхъ большихъ гаваняхъ Малой Азіи и Сиріи. Европейскіе пилигриммы толпами приходили въ Іерусалимъ

Эти отношенія, бывшія вначалѣ исключительно торговыми и религіозными, приняли политическій характеръ только со временъ крестовыхъ походовъ. Борьба христіанства съ исламомъ преслѣдовала не только религіозныя, но и политическія цѣли: въ основаніи соціальнаго строя того времени лежала всегда религія.

Церковь объявила войну всему, что не подчинялось ея власти и всѣ христіанскія націи Европы откликнулись на этотъ призывъ вѣрныхъ подняться противъ невѣрныхъ, хотя германскіе народы и принимали въ этомъ участіе, но все же крестовые походы являлись главнымъ образомъ французскими предпріятіями.

Французскіе короли считались любимыми дѣтьми церкви, которой они нерѣдко оказывали важныя услуги, а церковь поручила имъ роль спасителей и покровителей христіанъ на

*) La Grande Revue, Décembre 1901.

Digitized by Google

востокѣ. И, въ согласіи съ папами, они дѣлали все возможное, чтобы остановить успѣхи ислама.

Въ царствованія Карла VIII, Генриха IV, Людовика XIV, Наполеона и даже Людовика Филиппа, набрасывались планы крестовыхъ походовъ приблизительно въ той же программѣ, какъ они были задуманы Людовикомъ Святымъ.

Самъ Францискъ I, при своемъ восшествіи на престолъ, былъ заклятымъ врагомъ ислама и турокъ. Онъ даже предлагалъ императору Германскому и Фердинанду Католику проэктъ раздѣла Оттоманской имперіи. Иронія судьбы заставила его самымъ неожиданнымъ образомъ измѣнить свою политику. Въ несчастный день Павіи, Францискъ I, какъ извѣстно, потерялъ все кромѣ чести, и принужденъ былъ обратиться за помощью къ Солиману Великолѣпному, чтобы избѣгнуть раздробленія собственнаго королевства. Тронутый несчастіемъ французскаго короля, Солиманъ представилъ въ его распоряженіе свои богатство и армію, не выговоривъ себѣ взамѣну никакихъ матеріальныхъ, ни политическихъ выгодъ. Онъ просто хотѣлъ выказать великодушіе по отношенію къ побѣжденному герою. Чтобы какъ слѣдуетъ оцѣнить этотъ поступокъ, надо вспомнить, что въ это же время Карлъ V со своей стороны дѣлалъ Солиману разныя предложенія, но тотъ съ высокомѣріемъ отклонилъ ихъ, желая показать, что онъ не преслѣдуетъ никакихъ корыстныхъ цѣлей.

Это соглашеніе Франциска I съ Солиманомъ было настоящимъ счастіемъ для Франціи и оно-же положило основаніе ея будущему величію; оно гарантировало европейское равновѣсіе и свободу совѣсти противъ политики Карла V и самовластія инквизиціоннаго суда. Солиманъ не только спасъ Европу, какъ выразился Мишеле, но онъ спасъ также независимость человѣческой мысли. И долго послѣ того европейскіе государи отращали другъ друга именемъ *великаго турка*.

Новыя книги.

А. Вербицкая. **Преступленіе Марьи Ивановны** и другіе разсказы и очерки изъ жизни одинокихъ. Москва. 1902 г.

„Преступленіе Марьи Ивановны"—шуточный разсказъ, написанный въ преувеличенно-комическомъ тонѣ; поставить его во главѣ книги—на то была воля автора, а читателю представляется только досадовать, что подъ веселымъ, чуть шутовскимъ именемъ помѣщенъ и такой серьезный, глубокій по замыслу разсказъ „Наши ошибки".

Читая этотъ разсказъ точно слушаешь голосъ наболѣвшей женской души, охваченной внутреннимъ разладомъ, до глу-

Digitized by Google

бины задѣтой. Какъ груба, жестока, оскорбительна страсть мужчины для такихъ женщинъ, какъ Ольга въ разсказѣ г-жи Вербицкой. И эти женщины знаютъ страсть, періодъ влеченія къ мужу, но съ первымъ же ребенкомъ страсть исчезаетъ, точно нѣтъ больше для нея оправданій послѣ достиженія материнства; является настойчивое желаніе жить съ мужемъ, какъ съ человѣкомъ, другомъ и видѣть къ себѣ уваженіе. Но это только *желаніе*, не имѣющее опредѣленнаго, яснаго содержанія; такъ хочется, и вмѣстѣ съ тѣмъ нѣтъ силы, нравственной и умственной, чтобы увлечь мужа въ сторону своихъ желаній: просто я такъ хочу, и все остальное мнѣ противно. Противны требованія мужа, какъ къ женщинѣ, противны страстные порывы его любви: чувство отталкивающее настолько развивается одностороннѣе и настолько женщина предается ему, что она уже не видитъ ничего въ своемъ мужѣ, что, казалось бы, какъ разъ и отвѣчаетъ ея настоящимъ желаніямъ. Вмѣсто усилія подавить въ себѣ это чувство и смягчить вспышки страсти въ своемъ мужѣ, она вся отдается какой-то ненависти и, принимая чуждый и холодный видъ, разжигаетъ еще болѣе страсть.

Тогда начинается мучительная совмѣстная жизнь; оба односторонне захвачены разными, идущими въ разрѣзъ другъ другу желаньями. Женщина только и думаетъ о томъ, какъ унизительно быть вещью, средствомъ къ наслажденію въ рукахъ мужа. Мысль мучительная, если всецѣло предаться ей; мучится и Ольга Владиміровна въ разсказѣ автора; пожалуй, это единственный источникъ ея страданій. Если бы не было его, пропала бы и вся ея неудовлетворенность. Но она горда, она вѣритъ во все цѣльное абсолютное, вѣчное, она не хочетъ никакихъ примиреній; ея гордость требуетъ, чтобы мужъ самъ понялъ, какъ часто его страсть, преслѣдованіе ея, какъ самки, бываютъ для нея оскорбительны; она не хочетъ помочь ему бороться съ грубымъ проявленіемъ этой страсти—она умѣетъ своимъ поведеніемъ только еще больше раздражать и дразнить его. Въ этомъ „ошибка" ея и всѣхъ подобныхъ ей женщинъ. Но пока онѣ не сознаются въ этой ошибкѣ, жизнь для нихъ мучительна; злыми безсердечными становятся онѣ по отношенію къ своимъ мужьямъ, и все семейное счастье рушится.

Мужъ Ольги Владиміровны кончаетъ жизнь самоубійствомъ. Наканунѣ его смерти происходитъ между нимъ и женой дикая сцена, въ которой страсть его не знаетъ предѣловъ; но самъ онъ знаетъ, что эти послѣднія насилія надъ своей женой онъ искупаетъ смертью. И правда, она начинаетъ снова любить его уже мертваго—односторонность сразу спала.

Рядомъ съ Ольгой Владиміровной страдаетъ ея свекровь, Софія Григорьевна. Она страдала, какъ женщина, со своимъ мужемъ, мучилась теперь за сына и совершенно сломлена его смертью. Сцены между двумя женщинами, полныя то ненависти, то любви, написаны замѣчательно, съ глубокимъ чувствомъ. Обѣ онѣ примиряются на томъ, что нельзя въ любовьв кла-

Digitized by Google

дывать всю свою душу, всю жизнь; отъ любви нужно брать только радости, которыя она даетъ; въ другомъ должна искать исхода своимъ стремленіямъ душа.

А. Вербицкая. — **Освободилась.** Романъ въ 3-хъ частяхъ Москва 1902 г.

Рѣдкую женщину рисуетъ намъ авторъ. Лизавета Николаевна Мельгунова, жена извѣстнаго профессора—хирурга, зарабатываетъ на себя частными уроками, чтобы быть независимой отъ мужа и не чувствовать себя у него на содержаніи! Женщина энергичная и оригинальныхъ взглядовъ; она дѣятельный членъ въ одномъ изъ московскихъ попечительствъ, ведетъ воскресную школу, сама подготовляла своего сына въ гимназію; чтобы помогать ему, подъучила латынь; а дома неутомимая хозяйка, которая съ ранняго утра каждый день уходитъ на рынокъ. Мы застаемъ ее въ 35 лѣтнемъ возрастѣ. Любовь между нею и мужемъ давно кончена; мужъ нашелъ успокоеніе на сторонѣ, а она отдалась дѣятельности.

И вотъ въ моментъ, когда ея жизнь кажется такой опредѣленной, налаженной въ сторону непрерывной и настойчивой дѣятельности, она неожиданно слышитъ рѣзкое, даже грубое порицаніе этой дѣятельности: Это подлость—слышитъ она—давать уроки будучи женой богатаго и отнимать у бѣдныхъ хлѣбъ. Жестокія для нея слова срываются у студента Клименко; они глубоко ее задѣваютъ, ей до боли хочется доказать, что она права; она начинаетъ ходить къ студенту въ его бѣдную комнату. Начинается борьбой идей—кончается любовью.

Оригинальна самозащита Лизаветы Николаевны. Она боится денегъ мужа, ее возмущаетъ мысль быть у него на содержаніи; а между тѣмъ у нея бѣдная родня, которая только отъ нея и ждетъ помощи; и она высылаетъ имъ заработанныя деньги, а сама ходитъ въ рваныхъ башмакахъ и даже схватываетъ простуду, когда зимой приходится выбросить калоши, а до получки денегъ остается еще нѣсколько дней. Своего рода фанатизмъ — съ неменьшимъ упрямствомъ идетъ противъ нея студентъ. Онъ не хочетъ слышать никакихъ ея нравственныхъ доводовъ, не признаетъ за ней права отстаивать свою личность путемъ матерьяльной борьбы: нельзя отнимать хлѣбъ у бѣдныхъ, только это онъ и повторяетъ, рѣзко, не щадя Мельгуновой, не переставая нравственно ея мучить. Энергія женщины сразу падаетъ и ей не приходитъ въ голову отвѣтить, что борьба и конкуренція могутъ идти не только за ѣду и кровь, но и за нравственную жажду, какъ у ней самой, и что нравственной голодъ такъ же ведетъ къ смерти души, какъ голодъ физическій къ смерти тѣла.

Но студенту суждено восторжествовать. Рѣдкій примѣръ представляетъ собой Мельгунова—и вдругъ при первомъ же настойчивомъ возраженіи она уступаетъ и отказывается отъ своего заработка; и ея оригинальность во взглядѣ на матеріальную зависимость отъ мужа начинаетъ казаться тогда

Digitized by Google

сочиненной авторомъ только для того, чтобы между Мельгуновой и студентомъ завязалась страстная борьба, которая привела бы къ любви, къ „роману"; а для любви всегда требуется въ началѣ ожесточенная борьба.

Грустно происходитъ „освобожденіе" Лизаветы Николаевны. Любовь ея къ студенту осложняется тѣмъ, что неожиданно пробуждается къ ней, казалось, угасшая любовь мужа. Эта „законная" любовь требуетъ своихъ правъ, становится между старѣющей женщиной и юношей и заставляетъ страдать всѣхъ троихъ. Обстоятельства дополняютъ мрачную картину. Студента отъ любимой женщины отрываетъ административная высылка на долгихъ пять лѣтъ. Мысли о смерти все болѣе и болѣе овладѣваютъ Лизаветой Николаевной; незачѣмъ и прибавлять, что она „освободилась" черезъ самоубійство.

Женская душа хорошо знакома автору, какъ женщинѣ. Поздняя любовь звучитъ въ его описаніи и грустно и горячо.

„Вся разбитая отъ счастья, она (Лизавета Николаевна)... вернулась на терассу, съ которой ушла, трепещущая на встрѣчу своей судьбѣ, она упала рыдая среди тишины на эти ступеньки. И въ этихъ слезахъ ея была только мука. Она знала, что такая ночь не повторится" Грустная поздняя любовь, которая каждый лучъ радости принимаетъ, какъ послѣдній.....

Сборникъ Консульскихъ Донесеній.—Изданіе Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.—Годъ пятый.— Выпускъ I. 1902 г.

Сборникъ Консульскихъ Донесеній—одно изъ тѣхъ оффиціальныхъ изданій, которыя могутъ легко и съ интересомъ читаться всякимъ. И не удивительно, предметомъ этихъ „донесеній" можетъ служить все то, что скрывается подъ много говорящимъ словомъ „заграница". Свѣдѣнія географическія, черты незнакомаго намъ быта со всѣхъ частей свѣта, все это даетъ живую, интересную тему для статей нашихъ консуловъ. Многіе изъ нихъ такъ и дѣлаютъ благодаря любви къ наблюдательности надъ нравами страны, ея природой, и не довольствуются сообщеніемъ только торговыхъ свѣдѣній.

Къ такимъ общаго интереса статьямъ можно причислить помѣщенную въ 1-мъ выпускѣ за этотъ годъ—„Балеарскіе острова" Л. Броссе. Острова эти мало извѣсты и рѣдко посѣщаются туристами. Растительность на нихъ богатая: цѣлыя миндальныя рощи, удивительныхъ формъ и размѣровъ, оливковыя деревья, много растеній прямо тропическихъ; разводятся обширные плодовые сады, ограждаемые обыкновенно живыми изгородями изъ туи. Къ красотамъ острововъ нужно отнести замѣчательныя природныя пещеры. Онѣ встрѣчаются здѣсь на каждомъ шагу. Въ скалистомъ берегу онѣ обязаны конечно, своимъ происхожденіемъ морскому прибою; но немало встрѣчается ихъ въ глубинѣ острововъ, и онѣ извѣстны подъ названіемъ „Cuevas de Arta" и „Cuevas del Drach". „Необыкновенные размѣры ихъ, причудливыя очертанія, развѣтленія, галлереи, спускающіяся иногда ниже уровня моря, выступы

Digitized by Google

и подъемы, озера, проточныя воды, высокіе сводчатые гроты съ гигантскими сталактитами и сталагмитами въ видѣ цѣлаго лѣса столбовъ, колоннъ и пилястровъ, поддерживающихъ каменныя глыбы,—все это представляетъ изъ себя,—говоритъ авторъ,—поразительное, необыкновенное зрѣлище, не уступающее по интересу наиболѣе извѣстнымъ подобнымъ же достопримѣчательностямъ Европы".

На одномъ изъ Балеарскихъ острововъ, Мелоркѣ, авторъ нашелъ могилу русскаго, Андрея Спиридова, майора флота, сына адмирала, погребеннаго въ 1769 году. На памятникѣ вырѣзано четырехстишіе:

Ты умеръ бывъ отцомъ оплаканъ и друзьями
Но прахъ твой заключенъ въ пріятельской земле
Твой будетъ гробъ гласить дѣла Екатерины.
И новы путь казать россійскихъ аргонавтовъ.

Olivier Seylor. **Les Maritimes. Paris, 1901.**

Настоящее имя автора этой книги—Дирэзонъ. Это бывшій мичманъ на одномъ изъ военныхъ судовъ Тулонской эскадры. Въ книгѣ своей онъ съ силой и мужествомъ описываетъ въ художественной формѣ язвы того, обособленнаго отъ жизни остальныхъ людей, міра моряковъ, который до сихъ поръ еще не имѣлъ во французской литературѣ своего бытописателя. Это не могло ему пройти даромъ; тотчасъ же по выходѣ книги онъ былъ исключенъ изъ службы, кромѣ того, многія лица, узнавшія себя въ непривлекательныхъ герояхъ Сейлера, сочли необходимымъ потребовать у него удовлетворенія, и авторъ въ теченіе трехъ недѣль дрался пять разъ и пять разъ былъ раненъ. Говорятъ, что серія его дуэлей далеко еще не окончилась на этомъ.

Все это способствовало успѣху книги; она возбудила живой интересъ всей читающей публики, и вскорѣ число ея изданій достигло огромной для такого короткаго времени цифры пятидесяти тысячъ.

Книга Сейлера написана легко и живо; оригинальный и совершенно новый сюжетъ дѣлаетъ ее еще болѣе интересной. Картина однообразной, пустой и пошлой жизни военныхъ моряковъ поражаетъ своей реальностью. Ни одна сколько-нибудь характерная мелочь не ускользаетъ отъ наблюдательности автора, а во многихъ сценахъ онъ является тонкимъ психологомъ и знатокомъ человѣческаго сердца.

Въ книгѣ Сейлера нѣтъ никакой интриги, или лучше сказать, — это цѣлая сѣть мелкихъ интригъ, переплетенныхъ между собою. Страсти его героевъ также мелки и пошлы, какъ и они сами. Особенно удачно отмѣчаетъ авторъ, какъ постепенно впродолженіе трехнедѣльнаго плаванія въ Сайгонъ, люди, внѣшнимъ образомъ культурные и вѣжливые, дѣлаются сварливыми, грубыми и заносчивыми. Они начинаютъ ненавидѣть другъ друга и готовы изъ-за всякаго пустяка, какъ неудавшійся обѣдъ, ссориться, ругаться, наговаривать на

Digitized by Google

своихъ товарищей другъ другу и даже начальникамъ. Отчасти это объясняется, конечно, принужденной, совмѣстной жизнью людей, зависящихъ другъ отъ друга, или являющихся соперниками по службѣ, но, съ другой стороны, эта мелочность и пошлость героевъ Сейлера указываетъ на низкій нравственный уровень, характеризующій вообще этихъ людей. Въ предисловіи къ разбираемой нами книгѣ извѣстный писатель Поль Аданъ между прочимъ говоритъ такъ: „Вотъ передъ вами люди! не люди толпы, но сильныя души, выбравшія для себя жизнь героевъ. Апостолы западной культуры, они несутъ ее въ далекія страны, рискуя погибнуть въ волнахъ океана или отъ руки вѣроломнаго, дикаго племени"... Предисловіе это находится въ странномъ противорѣчіи съ содержаніемъ книги. Если такія сильныя, героическія души, дѣйствительно, находятся среди французскихъ моряковъ, то, вѣроятно, не въ тулонской эскадрѣ; по крайней мѣрѣ, Сейлоръ ихъ тамъ не встрѣчалъ. Герои его книги представляютъ что-то совершенно другое, не похожее на блестящее опредѣленіе моряка, которое даетъ Поль Аданъ.

На безпощадно-реальныхъ и иногда блестящихъ по выполненію страницахъ Maritimes передъ нами проходятъ представители морскаго міра, начиная съ важнаго адмирала и кончая мелкимъ мичманомъ; измѣняется только рангъ, пошлость и нравственная пустота морскаго офицера остается одна и та же.

Вся жизнь этихъ людей, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ, наполнена однимъ только постояннымъ желаніемъ удовлетворить съ одной стороны своимъ грубымъ страстямъ, съ другой — своему мелкому честолюбію. Досугъ свой, — а его много, потому что они почти ничего не дѣлаютъ—эти люди наполняютъ грязными сплетнями, пошлыми до тошноты разговорами о женщинахъ, куреніемъ опіума и развратомъ, принимающимъ въ средѣ этихъ „носителей западной культуры" самыя отвратительныя, патологическія формы.

Всякій сколько-нибудь общій разговоръ этихъ „апостоловъ цивилизаціи и знанія" заканчивается дикимъ окрикомъ „Долой жидовъ! вырѣзать ихъ"! Вотъ картинка прекрасно рисующая грубость этихъ людей. Благодаря недостатку досмотра, трюмъ судна Тольбіакъ оказывается залитымъ водой—большая часть запасовъ пропадаетъ. Послѣ трехнедѣльнаго размышленія виновнаго находятъ въ лицѣ одного помощника механика, обязаннаго слѣдить за исправнымъ состояніемъ водокачальныхъ машинъ и трубъ. Начальникъ судна не хочетъ предавать виновнаго военному суду, а предоставитъ просто рѣшеніе его участи на совѣсть и снисходительность адмирала. Офицеры узнаютъ объ этомъ и пользуются случаемъ, чтобы выразить свое негодованіе противъ начальства. „Конечно, если дѣло механика будетъ преданъ суду, говоритъ одинъ офицеръ: онъ захочетъ объясняться и, можетъ быть, броситъ иной свѣтъ на всю эту исторію. А такъ, по крайней мѣрѣ,

Digitized by Google

все обойдется тихо: всѣ въ одинъ голосъ признаютъ несомнѣнныя качества обвиняемаго, и будутъ просить адмирала замѣнить строгое наказаніе простой высидкой въ тюрьмѣ, гдѣ механику будетъ заткнута глотка!" „Мнѣ жаль васъ, Брукъ" возражаетъ другой офицеръ повторяю, нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что этотъ человѣкъ забылъ закрыть водопроводную трубу,—и потомъ... онъ называется Исаакъ!".. Всѣ почувствовали себя вдругъ облегченными. „А это—жидъ!" послышалось со всѣхъ сторонъ. „Жидъ, жидъ помощникомъ механика, какъ же еще до сихъ поръ его не сдѣлали префектомъ?.. Когда же, наконецъ, устроятъ новую Варѳоломеевскую ночь, чтобы вырѣзать все это подлое племя! восклицаетъ одинъ изъ самыхъ ярыхъ антисемитовъ.

Сейлеръ рисуетъ передъ нами нѣсколько сценъ жестокости этихъ „распространителей цивилизаціи" въ далекихъ странахъ. Въ одномъ мѣстѣ офицеръ разсказываетъ своимъ товарищамъ, какъ цѣлая мирная туземная деревня была сожжена и вырѣзана французскимъ отрядомъ. Особенно характеренъ разговоръ начальника отряда съ миссіонеромъ, за нѣсколько километровъ отъ деревни. Миссіонеръ спѣшитъ остановить отрядъ, утверждая, что туземцы сдаются добровольно. „Я очень сожалѣю, отвѣчаетъ начальникъ отряда: что мы не имѣемъ времени предупредить генерала; что касается меня, то всѣ мои приготовленія сдѣланы и приказанія розданы,—я долженъ атаковать эту деревню". „Но Вы не встрѣтите сопротивленія" съ ужасомъ восклицаетъ миссіонеръ. „Это до меня не касается, я долженъ идти впередъ—и пойду". „И на зарѣ мирная деревня была сожжена дотла, а спящіе туземцы вырѣзаны сотнями", такъ офицеръ заканчиваетъ свой потрясающій разсказъ. Другія сцены менѣе возмутительны по своей жестокости и дикости, онѣ невольно напоминаютъ опредѣленіе колоніальныхъ войнъ, сдѣланное Тардомъ, какъ „клапана, черезъ который находитъ себѣ свободный выходъ всѣ жестокія, атавистическія наклонности культурнаго европейца".

Герои Сейлера не обладаютъ даже тѣмъ простымъ мужествомъ, которое требуется отъ солдата, при первой легкой пасности они теряютъ самообладаніе. Затѣмъ и какъ спеціалисты своего морского дѣла, моряки тулонской эскадры, по разсказу Сейлера, не оказываются на высотѣ положенія; военное судно „Гольбіакъ", благодаря небрежности и неумѣлости своего персонала, отказывается служить, едва дотащившись до Сайгона.

Книга Сейлера произвела сильное впечатлѣніе, какъ иллюстрація къ требованіямъ реформъ въ морскомъ дѣлѣ и перемѣны въ морскомъ персоналѣ, которыя люди, освѣдомленные относительно того и другого, предъявляютъ уже давно во Франціи. И вотъ почему Камиллъ Пелльтанъ, извѣстный депутатъ и знатокъ морского дѣла, рекомендовалъ книгу Сейлера вниманію г-на Ланессана, морскаго министра.

Digitized by Google

С. Князьковъ. **Царь Иванъ Грозный и его время. Очеркъ. Подъ редакціей проф. А. И Кирпичникова, А. А. Кизеветтера и М. В. Довнаръ-Запольскаго. Изданіе Д. И. Тимковскаго. Ц. 15 к.**

То же. **Какъ сложилось и какъ пало крѣпостное право. Историческій очеркъ. Подъ редакціей А. А. Кизеветтера. Изданіе т. д. С. Курнинъ и К°. Ц. 15 к.**

Темы брошюръ г. Князькова однѣ изъ наиболѣе благодарныхъ темъ по Русской исторіи. О царѣ Иванѣ Грозномъ и о крѣпостномъ правѣ существуетъ обширный матеріалъ біографическаго, монографическаго и общенаучнаго историческаго характера. Надъ приведеніемъ этого матеріала въ систематичный видъ потрудились русскіе ученые, публицисты и дали рядъ фактическихъ характеристикъ какъ личности и времени Ивана Грознаго (Соловьевъ, Ключевскій, Милюковъ, Кизеветтеръ, Михайловскій и др.), такъ и исторіи крѣпостнаго права въ разные моменты его развитія (Соловьевъ, Ключевскій, Дьяконовъ, Семевскій, Шелгуновъ, Бѣляевъ, Исаевъ, Гольцевъ, Дитятинъ и др.) и личностей, способствовавшихъ уничтоженію крѣпостного права (выдающійся трудъ Джаншіева „Изъ эпохи великихъ реформъ"). Г. Князьковъ для своихъ популярныхъ брошюръ воспользовался лучшими трудами нашихъ историковъ, публицистовъ и возможно подробно научно разсказалъ объ интереснѣйшихъ вопросахъ русской исторіи.

Въ брошюрѣ „Иванъ Грозный и его время" авторъ удѣлилъ большое вполнѣ понятное вниманіе эпохѣ, создавшей Грознаго царя, когда „безграмотство на Руси было полное" (30 стр.), когда въ обычаѣ русскаго знатнаго и незнатнаго человѣка, за немногими исключеніями, была грубость, насиліе, произволъ, ханжество и прочія антидобродѣтели, ведшія государство къ весьма печальнымъ экономическимъ положеніямъ. Авторъ удачно описываетъ формы народной жизни... Даровитая, жестокая и больная личность Грознаго царя является у автора на почвѣ безнравственныхъ, суевѣрныхъ традицій вѣка. Описывается вся жизнь Грознаго, всѣ выдающіяся перипетіи этой терзательной жизни деспота, для котораго смерть едва ли не была своевременнымъ разрѣшеніемъ мучительной загадки.

Очеркъ г. Князькова „Какъ сложилось и какъ пало крѣпостное право" отличается такою же обстоятельностью, общедоступностью, какъ и только что отмѣченный нами очеркъ о царѣ Иванѣ Васильевичѣ Грозномъ. Авторъ научно освѣщаетъ сложную исторію крѣпостнаго права, сообразуясь съ достовѣрными историческими изслѣдованіями ученыхъ: Ключевскаго, Дьяконова, Милюкова, Исаева и др. Прекрасный фактическій матеріалъ предоставляетъ автору возможность набросать рядъ справедливыхъ картинъ крѣпостничества въ самую цвѣтущую его пору существованія, охарактеризовать важныя общекультурныя послѣдствія крѣпостнаго права, ко-

Digitized by Google

торое принесло Россіи страшный ужасающій вредъ, затормазило просвѣтительное и экономическое развитіе страны и породило и посейчасъ еще несгладившуюся рознь — между „мужикомъ“ и „бариномъ“. „Мы присмотрѣлись къ этой розни, особенно къ внѣшней ея сторонѣ, и она не бросается намъ въ глаза съ особой рѣзкостью, зато иностранцевъ она поражаетъ. Въ „баринѣ“ они всегда безъ труда признаютъ ровнаго себѣ и по одеждѣ, и по привычкамъ, и по интересамъ, „мужикъ“ же кажется имъ человѣкомъ другого племени, какой-то очень любопытной диковинкой. Внутреннюю же рознь мы можемъ ощущать и сами. Сплошь и рядомъ бываетъ такъ, что при случайныхъ встрѣчахъ за однимъ дѣломъ „мужикъ“ и „баринъ“ долго не понимаютъ одинъ другого, при простыхъ же, не дѣловыхъ отношеніяхъ имъ часто нечего сказать другъ другу. И это не потому, чтобы не нашлось общаго матеріала для разговора, а только потому, что они не привыкли и не умѣютъ говорить другъ съ другомъ. „Баринъ“, живя долгое время на счетъ „мужика“, быть можетъ, вовсе ужъ не такъ далеко оставилъ за собой послѣдняго, но многимъ кажется, что далеко. Отъ иного барина можно услышать мнѣніе, что съ „мужикомъ“ и говорить-то нужно по-особенному. Съ другой стороны и крестьяне, привыкнувъ за время господства крѣпостного права видѣть въ каждомъ образованномъ человѣкѣ „барина“, конечно, не могли относиться къ нему съ полнымъ довѣріемъ и дружелюбіемъ. Пріобрѣтенная вѣками привычка быстро исчезнуть не можетъ, и потому немудрено, что крестьяне сохранили привычку чуждаться „барина“ и до сихъ поръ, когда образованными стали не одни „господа“, а и люди, вышедшіе изъ того же крестьянства. Только равномѣрное распространеніе просвѣщенія можетъ сгладить указанную рознь и объединить всѣхъ русскихъ людей на общую ихъ пользу и счастье родины“ (80 стр.). Отмѣна крѣпостнаго права разсказана г. Князьковымъ по Джаншіеву, что замѣтно по справедливой оцѣнкѣ лицъ, способствовавшихъ отмѣнѣ противоестественнаго права на Руси.

Къ очерку приложены снимки съ портретовъ великихъ защитниковъ русскаго крестьянина. **А. Ф—въ.**

Тардъ **Соціальная логика**. Перевелъ съ французскаго **М. Цейтлинъ** СПБ. 1901. стр. 491. ц. 1 р. 50 к.

Настоящій трудъ талантливаго французскаго соціолога представляетъ собой дальнѣйшее развитіе и примѣненіе къ соціальнымъ фактамъ „законовъ подражанія“, изложенныхъ въ его извѣстной книгѣ, переведенной на русскій языкъ. Предъидущій „очеркъ больше занимался образованіемъ соціальнаго вещества, нежели образованіемъ соціальныхъ тѣлъ, тѣмъ, какъ выдѣлывается соціальная ткань, а не тѣмъ, какъ шьется національная одежда“. Теперь авторъ обращается къ принципамъ организаціи устойчивыхъ соціональныхъ группъ обществъ. Предметомъ изслѣдованія становятся индивидуаль-

Digitized by Google

ный и соціальный умъ, языкъ, религія, соціальное чувство, экономика, искусство.

Какъ индивидуальная, такъ и соціальная психологія, по мнѣнію Тарда, слагаетъ изъ комбинированныхъ актовъ вѣрованій и желаній. Но подъ вѣрованіями онъ разумѣетъ „не вѣру въ религіозномъ смыслѣ, а только согласіе ума съ какой нибудь мыслью", т. е. всякое сужденіе. „Утвержденіе, отрицаніе, присвоеніе и отчужденіе—таковы тѣ состоянія, между которыми постоянно колеблется умъ, и они настолько же противоположны, какъ только могутъ быть противоположны два полюса магнита или электрической батареи. Но всякая достаточно ясно выраженная противоположность предполагаетъ основное тождество силы, два противоположныхъ проявленія которой она представляетъ. Два полюса магнита предполагаютъ одинъ и тотъ же магнитизмъ. Но что именно тождественнаго можно найти въ глубинѣ утвержденія и отрицанія какъ не вѣрованіе? Точно также наслажденіе и страданіе или лучше сказать, пріятная сторона ощущеній и ихъ непріятная сторона; какъ таковыя представляютъ собой другую сторону душевную противоположность; а чтоже тождественное находится въ глубинѣ наслажденія и страданія, какъ не желеніе?" отъ начала до конца психической жизни вѣрованія и желанія проходятъ цѣлый рядъ измѣненій по величинѣ и перемѣнъ въ знакѣ направленія (положительномъ и отрицательномъ), указывающихъ на нихъ, какъ на настоящія *количества души*, которыя можно принять за отправныя явленія для соціальной психологіи.

Признавъ вѣрованія и желанія единственными силами и и количествами души, Тардъ пытается построить логическія сужденія, дедукцію и индукцію, на чисто субъективномъ основаніи: приближеніи къ *максимальной увѣренности*. По его опредѣленію, „задача логики состоитъ въ томъ, чтобы, указывать намъ направленіе (положительное или отрицательное) и,—*по каждому изъ этихъ направленій,-степень вѣрованія*", какое должно перенести отъ старыхъ понятій къ новымъ или до какой можно достичь путемъ опытной провѣрки. Не мало остроумныхъ аналогій и апріорныхъ доводовъ тратитъ онъ на рекомендацію своей „логики вѣры", но цѣль его достаточно очевидно—установить логическое единство сознанія и воли, обязность индивидуальной и соціальной жизни. Сущность и практическое значеніе его соціальной доктрины всего лучше выражены въ слѣдующемъ обобщеніи. „Какая либо нація въ данный маментъ, для поддержанія своей религіи или своей промышленности, своего языка или своего законодательства, своей науки, или своихъ политическихъ учрежденіи, располагаетъ опредѣленномъ, ограниченнымъ бюджетомъ вѣрованія и желанія, въ которомъ ни одна статья не можетъ возрасти на счетъ другихъ, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока новые *источники* вѣры и желанія, т. е. новыя капитальныя открытія не прибавятся къ старымъ. Поэтому мы и видимъ,

Digitized by Google

что отъ одного возраста націи до другого, пропорція различныхъ издержекъ этого рода чрезвычайно мѣняется; здѣсь, напримѣръ, большая часть вѣрованія приходитъ въ неподвижное состояніе въ традиціяхъ и догматахъ, тамъ она постоянно расходится на теоріи или опытныя знанія; здѣсь большая часть желанія застываетъ въ обычаяхъ и учрежденіяхъ, тамъ разливается въ законодательствѣ и промышленности. Нѣтъ ли у насъ нѣкоторыхъ основаній думать, что пропорціональное количество вѣры, вложенной въ слова и словесныя формы, много уменьшилось съ первобытныхъ временъ, когда каждое слово назвалось существомъ, всякая сущность дѣйствительностью, когда силы рѣчи, притомъ мифологической въ самой своей основѣ, было достаточно для того, чтобы создавать боговъ (numina и nomina), когда не только безошибочность слова, сдѣлавшагося идоломъ, но даже всемогущество рѣчи, названной молитвой, не встрѣчала ни въ комъ недовѣрія? Зато, съ другой стороны, развѣ нѣтъ основанія думать, что количество вѣрованія, расходуемое подъ именемъ науки въ разнаго рода изслѣдованіяхъ, по отношенію къ которымъ языкъ есть только орудіе, и подъ именемъ довѣрія — въ договорахъ, дѣлахъ, многочисленныхъ сношеніяхъ соціальной жизни, пропорціонально сильно возрасло? Замѣтимъ мимоходомъ, что съ этой точки зрѣнія можетъ быть прекрасно объясненъ ростъ скептицизма въ обществахъ, находящихся на пути къ цивилизаціи. Если намъ дано опредѣленное количество вѣрованія на то, чтобы распредѣлить его между нашими идеями, то для каждой изъ нихъ тѣмъ больше, чѣмъ онѣ малочисленнѣе. Слѣдовательно увеличеніе числа идей должно идти вообще наряду съ ослабленіемъ вѣрованій. „Все это было бы фотографически вѣрно съ дѣйствительностью, если бы соціальная жизнь представляла собой только вервированное повтореніе идей, чувствованій и дѣйствій; но и самъ Тардъ, какъ мы видѣли, признаетъ существованіе новыхъ *источниковъ* вѣрованій и желаній, открываемыхъ прогрессивнымъ движеніемъ науки, промышленности, искусства и т. д. Вслѣдствіе этого „законы изобрѣтенія" пріобрѣтаютъ особый интересъ и значеніе для его соціальной доктрины.

Построеніе соціальной діалектики Тарда основывается на допущеніи, что „общества, какъ и индивиды, стараются удовлетворить не только свое стремленіе къ равновѣсію, но и свое стремленіе къ непрестанному возрастанію вѣрованія и желанія. Эти двѣ проблемы, трудныя сами по себѣ и притомъ противоположныя другъ другу, порождаютъ третью, заключающуюся въ томъ, чтобы примирить обѣ первыя. Если бы требовалось только привести къ равновѣсію существующія въ данный моментъ количества вѣрованія или силы желаній, то обществу довольно скоро пришлось бы застыть на одномъ мѣстѣ. Но такъ какъ оно стремится въ то же время болѣе или менѣе увеличить размѣры этихъ величинъ и этихъ силъ, увеличивая ихъ число и дѣлая ихъ разнообразнѣе, но для

Digitized by Google

удовлетворенія этой второй потребности возникаютъ и логически должны возникнуть новыя открытія, всегда приносимыя извнѣ: торговлей и войной изъ чужихъ странъ или, такъ сказать, извнѣ внутренняго, какъ результатъ уединенныхъ, въ нѣкоторомъ смыслѣ, внѣ-соціальныхъ, индивидуальныхъ условій ученаго и изобрѣтателя; эти перемѣняющіяся приглашенія возмущаютъ начавшее устанавливаться равновѣсіе и снова ставятъ проблему дальнѣйшаго уравновѣшиванія, но уже болѣе сложную, болѣе трудную. Отсюда и происходитъ то, что общества живутъ до тѣхъ поръ, пока онѣ прогрессируютъ". Такимъ образомъ, можетъ быть намѣчено общее направленіе и главнѣйшое фазы *жизни* эволюціи въ области языка, религіи, эстетики. Съ этой цѣлью Тардъ даетъ такую обстактную схему, иллюстрируя ее многочисленными историческими примѣрами: когда какое либо индивидуальныя или соціальныя движеніе A и B, сходясь по направленію и сотрудничая, произвели C, то, въ тоже время, Д и E, также сходясь по направленію а сотрудничая, произвели затѣмъ G и встуютъ другъ съ другомъ въ тѣже отношенія и т. д. „до безконечности, до тѣхъ поръ, пока все не окажется синтезированнымъ въ Z—въ единомъ всеобщемъ принципѣ". По его представленію, сущность историческаго процесса сводится къ послѣдовательному разрѣшенію противорѣчій и установленію сознанія сталкивающимися вѣрованіями (идеями) и желаніями (хотеніями) и опредѣляемыми ими различными соціальными состояніями.

Однако и „соціальной логикой" Тарду не удалось примирить „законы" подражанія и изобрѣтенія, разрѣшить загадку появленія таланта и выяснить характеръ творческаго процесса, что признается и самимъ автовомъ, такъ какъ" роль случайнаго въ соціологіи—говоритъ онъ—„значительна, внѣ сравненія". Поэтому, нельзя искать въ его доктринѣ цѣлостнаго законченнаго міросозерцанія. Вообще сочиненія Тарда могутъ раздвинуть соціальный кругозоръ вдумчиваго читателя тонкимъ психологическимъ анализомъ историческихъ примѣровъ, остроумными аналогіями между психикой личностей и общества и частными соціологическими обобщеніями. И. И.

А. Лященко. **Пасторъ Муральтъ и первые годы реформатскаго училища. Спб. 1901.**

Реформатское училище въ нынѣшнему году перешло въ новое прекрасное зданіе, какого нѣтъ ни у одной изъ казенныхъ гимназій. По этому поводу въ училищѣ происходилъ торжественный актъ, и одинъ изъ преподавателей г. А. Лященко произнесъ рѣчь, посвященную памяти основателя училища и его почтеннымъ традиціямъ. Пасторъ Муральтъ былъ ученикомъ и сотрудникомъ знаменитаго Песталоцци; методы этого педагога онъ привилъ и къ основанному имъ при реформатской церкви училищу, которое быстро пріобрѣло прекрасную репутацію и въ эпоху Александра I стало положи-

Digitized by Google

тельно моднымъ. Довѣріе къ училищу достигло такихъ размѣровъ впослѣдствіи, что отсюда были приглашены учителя для цесаревича Александра Николаевича: К. И. Арсеньевъ, Ф. А. Жиллъ, С. И. Варрандъ и Ѳ. И. Липпенъ. Нельзя не отмѣтить, что въ это время реформатское училище было совершенно частнымъ и не имѣло никакихъ правъ (уравнено съ правительственными средними учебными заведеніями въ 1863 году). Система преподаванія была *предметная*, т. е. наглядная. Физическое и нравственное воспитаніе шло рука объ руку съ уроками. Естественныя науки изучались рядомъ съ словесными. „Намъ", говоритъ одинъ изъ бывшихъ воспитанниковъ училища, „показывали мануфактуры, фабрики, мы имѣли довольно ясныя представленія о важнѣйшихъ искусствахъ и ремеслахъ; насъ водили въ звѣринецъ смотрѣть главнѣйшіе экземпляры тѣхъ животныхъ о которыхъ мы слышали на урокахъ зоологіи". Въ наше реформенное время не мѣшало бы вспомнить объ учебныхъ планахъ пастора Муральта.

Иванъ Бунинъ. **Листопадъ. Стихотворенія.** Москва. Книгоиздательство „Скорпіонъ". 1901.

Въ то время какъ большинство собратьевъ г. Бунина по музѣ, руководствуясь модой, ударились въ извращеніе русскаго языка и здраваго смысла, онъ остался стойкимъ хранителемъ прежнихъ традицій, почему нѣсколько неожиданнымъ кажется его появленіе подъ флагомъ декадентской фирмы „Скорпіонъ". Конечно, это несущественно и ничуть не связываетъ поэта съ „модернистами".

Культъ г. Бунина—природа: ей посвящены почти всѣ его вдохновенія И природа любитъ поэта. Она открываетъ ему свои интимныя стороны, тонкіе оттѣнки и переливы своихъ измѣнчивыхъ настроеній, ту скрытую въ ней, едва уловимую красоту, которая разлита во всѣхъ явленіяхъ природы и дѣлаетъ ее въ ощущеніяхъ человѣческой души такимъ же одухотвореннымъ, почти живымъ организмомъ. Г. Бунинъ—не изнервленный поэтъ столицы; правда, и его нельзя назвать жизнерадостнымъ, но все же, сливаясь непосредственно съ природою, онъ чувствуетъ ее какъ здоровый человѣкъ, а не какъ отравленный пессимизмомъ нытикъ. Приведемъ на удачу одно изъ его стихотвореній:

Еще отъ дома на дворѣ
Синѣютъ утреннія тѣни,
И подъ навѣсами строеній
Трава въ холодномъ серебрѣ;
Но ужъ сіяетъ яркій зной;
Давно топоръ стучитъ въ сараѣ,
И голубей веселыхъ стаи
Сверкаютъ снѣжной бѣлизной.
Съ зари кукушка за рѣкою
Кукуетъ звучно вдалекѣ,

Digitized by Google

И въ молодомъ березникѣ
Грибами пахнетъ и листвою.
На солнцѣ свѣтлая рѣка
Трепещетъ радостно, смѣется,
И гулко въ рощѣ отдается
Надъ нею ладный стукъ валька.
А за деревнею, гдѣ межи
Въ поля привольныя бѣгутъ,
Гдѣ хуторки бѣлѣютъ рѣже,—
Ржи серебристыя цвѣтутъ,
Въ лазури жаворонки рѣютъ,
Поютъ про степь наперебой,
И, какъ миражъ, курганы мрѣютъ
Въ дали воздушно-голубой.

Настроенія поэта самыя чистыя: въ большинствѣ его стихотворенія не только найдутъ отзвукъ въ сердцахъ взрослыхъ читателей, но способны проникнуть и въ душу ребенка, что открываетъ произведеніямъ г. Бунина право на включеніе ихъ въ дѣтскія христоматіи. Такая доступность свидѣтельствуетъ о значительномъ талантѣ. —ѳъ.

Редакторъ-издатель С. Сухонинъ.

Digitized by Google